

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, том 91

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ, ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И АНТРОПОЛОГИИ

Вып. III

к Э1457362

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1965

О Т Р Е Д А К Ц И И

Третий выпуск «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии»¹ включает 11 статей, посвященных развитию различных отраслей этих наук с 40-х годов XIX до начала XX в.

В статьях сборника показана деятельность ученых обществ, охарактеризованы некоторые научные течения, освещена работа отдельных крупных исследователей, в частности ссыльных-революционеров. В книге широко использованы неопубликованные архивные материалы, что придает ей ценность первоисточника.

Во впервые печатаемой работе М. К. Азадовского, открывающей сборник и представляющей собой его доклад, прочитанный к 100-летию Русского географического общества на II Всесоюзном географическом съезде 25—31 января 1947 г., четко очерчены основные контуры огромной фольклористической деятельности Общества за 100 лет. Статья помещена как научное наследие выдающегося советского ученого.

Некоторые другие статьи также продолжают начатый в первых выпусках обзор деятельности научных обществ — Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (наиболее демократического из ученых обществ дореволюционной России), Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа; авторы использовали архивы Украинской ССР и Института этнографии АН СССР.

Отдельные статьи сборника ярко рисуют образы деятелей науки, в том числе выдающегося деятеля международного рабочего движения и Советского государства — Ф. Я. Кона, этнографическим трудам которого посвящена статья С. И. Вайнштейна.

С. И. Вайнштейн, включив в научный оборот неисследованные ранее экспедиционные дневники Ф. Я. Кона и другие документы, а также изучив собранные им этнографические коллекции (хранятся в ГМЭ), впервые установил, насколько серьезную научную работу по этнографии народов Сибири и Тувы — их истории, материальной и духовной культуре, быту — провел Ф. Я. Кон.

Е. И. Коротин обстоятельно проследил историю первой экспедиции братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых в Белозерский край и историю составления и публикации сборника «Песни и сказки Белозерского края» в 1915 г. Как известно, сборник по выходе был запрещен цензурой, но впоследствии оказал заметное влияние на формирование принципов собирания и публикации фольклорных материалов.

Несколько статей освещают более ранний период. Статья А. Д. Соимова посвящена крупнейшему фольклористическому начинанию второй четверти XIX в., связываемому обычно только с именем П. В. Киреевского. Автор показал преимущественно на базе впервые привлеченных эпистолярных материалов из ленинградских архивов значительную и даже

¹ Первые два выпуска были изданы в 1956 и 1963 гг.

определяющую роль братьев А. М., Н. М. и П. М. Языковых в создании знаменитого собрания русских песен.

Э. В. Померанцева в статье о мемуарах Ф. И. Буслаева знакомит с обнаруженной ею рукописью, «Дополнениями» ученого к автобиографическому труду «Мои воспоминания».

Огромные архивные материалы, поднятые М. Я. Мельц в статье о П. К. Симони, выявляют гораздо большее значение в фольклористике этого неустомимого ученого, его широкие замыслы в области паремиологии, весь объем подготовленных им трудов, из которых изданные составляют лишь небольшую часть.

В статьях И. М. Колесницкой и В. Е. Гусева рассматриваются актуальные и поныне вопросы историзма фольклора и возможности использования его как исторического источника в трактовке ученых с середины прошлого и до начала нынешнего столетия. И. М. Колесницкая показывает, как в атмосфере напряженной революционной ситуации 50—60-х годов XIX в. демократически настроенные публицисты и историки в острой полемике с представителями реакционных направлений отстаивали значение фольклора для правильного понимания исторических процессов. В. Е. Гусев проводит мысль, что признание исторической ценности фольклора — не специфика только «исторической школы», и намечает сильные и слабые стороны этой школы и ее отдельных представителей.

Принципы комплексных методов изучения человека, характерные для русской антропологической школы, раскрыты в статье В. П. Алексеева об истории краниологических исследований на территории Европейской части СССР и Кавказа в связи в первую очередь с проблемами этногенеза.

Таким образом, многие статьи третьего выпуска «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» позволяют заполнить отдельные «белые пятна» в истории русской науки или вносят коррективы в установившиеся представления о деятельности тех или иных научных объединений или ученых.

Сборник написан силами коллектива сотрудников Института этнографии АН СССР и сектора народного творчества Института русской литературы АН СССР в порядке координации научных работ; привлечены также сотрудники Ленинградского государственного университета, Киевского Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

Большинство статей публикуется впервые; частично были лишь использованы в органе Института этнографии АН СССР — журнале «Советская этнография» — статьи С. И. Вайнштейна, В. Ф. Горленко, Р. С. Липец и Т. С. Макашиной.

вим к этому семитомное издание Трудов экспедиции под руководством Чубинского¹²; «Белорусские песни» Шейна¹³, «Смоленский этнографический сборник» Добровольского¹⁴ и ряд первоклассных публикаций, появившихся на страницах «Живой старины» или уже в советское время — на страницах «Сибирской живой старины». Связан с Отделением этнографии, как мы увидим ниже, и сборник былин Гильфердинга¹⁵.

В области изучения фольклора неславянских народов с именем Географического общества связаны такие издания, как «Верхоянский сборник»¹⁶, «Балаганский сборник»¹⁷, «Аносский сборник»¹⁸, «Очерки Северо-Западной Монголии»¹⁹ Потанина и его же «Тангутско-Тибетская окраина»²⁰, том сочинений Валиханова²¹, первый перевод «Шидди-Кура»²², труды по монгольскому фольклору Позднеева²³ и др.

Если к этому присоединить такие факты, как предпринятое Обществом описание Ученого архива Общества, блестяще выполненное — но, к сожалению, не законченное — Д. К. Зелениным²⁴, организация специального органа по этнографии и фольклору («Живая старина»), деятельность Песенной и Сказочной комиссий, — то уже из этих беглых и кратких упоминаний станет совершенно ясным тот огромный вклад, который внесен Географическим обществом в дело изучения фольклора всех народов, населяющих нашу великую и необъятную страну. Таким образом, дать полный исторический обзор фольклористической деятельности Общества — значило бы, в сущности, дать почти полный очерк истории русской науки и фольклора.

Ограничусь рассмотрением только некоторых вопросов, связанных с данной темой, и остановлюсь главным образом на общетеоретическом значении фольклористической деятельности Географического общества. Географическое общество не связано с какой-нибудь особой школой или особым течением в нашей науке. Оно объединяло в своем составе представителей различных научных точек зрения и различных общественных по-

¹² Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским, т. 1—7. СПб., 1872—1878.

¹³ П. В. Шейн. Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. СПб., 1874.

¹⁴ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. 1—4. СПб.—М., 1891—1903.

¹⁵ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». СПб., 1873.

¹⁶ И. А. Худяков. Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе. Иркутск, 1890.

¹⁷ М. Н. Хангалов. Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Под ред. Г. Н. Потанина. Томск, 1903.

¹⁸ Н. Я. Никифоров. Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев, с примеч. Г. Н. Потанина. Омск, 1915.

¹⁹ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению РГО, вып. 1—4. СПб., 1881—1883.

²⁰ Г. Н. Потанин. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина. 1884—1886, т. 1—2. СПб., 1893.

²¹ «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова». Под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1904.

²² А. Шифнер. Шидди-Кур. Собрание монгольских сказок. Перевод с монгольского на русский язык ламы Галсана Гомбоева. «Этнографический сборник», вып. VI. СПб., 1864.

²³ А. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен. Народные песни монголов, вып. 1. СПб., 1880; его же. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг., т. 1—2. СПб., 1896—1898.

²⁴ Д. К. Зеленин. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества, вып. 1—3. Пг., 1914—1916.

зиций. Это отнюдь не было беспринципностью или равнодушием к общественной стороне изучаемых проблем или к их методологическому значению. Это означало только существование некоей равнодействующей линии деятельности Общества, наличие единой направленности его работы, позволявшей осуществлять такое соединение и сочетание всех сил, которое было бы невысказимо в других условиях и другой обстановке. Общество ставило и выдвигало задачи, которые неизбежно объединяли различные силы и разрешение которых было важно для всех представленных в Обществе научных и общественных точек зрения и направлений.

Для уяснения этого необходимо в кратких чертах охарактеризовать основные черты научной мысли в эпоху, когда возникло и сформировалось Общество. Во вторую половину 40-х годов вокруг проблемы народного творчества развернулась острая идейная борьба. Самое возникновение Отделения этнографии в системе Русского географического общества было обязано той постановке вопроса, которая возникла в это время в русской исторической и филологической науках. Речь в основном шла о месте народной поэзии в общем русле исторического исследования. Славянофилы в лице К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина и А. С. Хомякова утверждали, что народная поэзия — важнейший документ для познания народа, сохранивший лучше каких-либо других конкретных памятников наиболее важные и существенные черты исторической действительности. Но народная поэзия славянофилами трактовалась абстрактно, с отвлеченных философских позиций, вне связи с конкретным движением русской истории.

Против такой интерпретации фольклора выступили сомкнутым строем западники. Тенденция к пересмотру и определению подлинного места народного предания в исторической науке является одной из основных центральных тем Т. Н. Грановского во всей его научной деятельности. Грановский — как и все историки-западники — боролся с теориями славянофилов и пытался опереться на положительные и конкретные факты, отыскивая их в естественноисторической обстановке, в географических и этнографических факторах. Славянофилы считали народный характер изначальным моментом истории и в нем искали разгадку исторических судеб страны; западники же в народном характере стремились видеть не основу, но результат исторической жизни. Поэтому для западников характерно обращение к этнографии и географии. И именно в их трудах были заложены и первые теоретические принципы русской этнографии. Это обращение к этнографии было закономерным результатом протеста против теорий национальной исключительности и самобытности, за которые стояли славянофилы и борьба с которыми составляла основное содержание прогрессивных течений эпохи.

Этнография расширяла горизонты научного исследования: она неизбежно заставляла разрываться с теориями о своеобразных и исключительных путях развития какого-нибудь народа и вместе с тем в противовес научным течениям, культивирующим идею стабильности и замкнутости исторического процесса, вносила идею органического и прогрессивного развития человечества.

Обращение к этнографии как к основе исторических изучений впервые было выдвинуто именно Грановским. Исторический процесс развития каждого народа он стремился осмыслить путем анализа естественноисторических факторов во всей их совокупности. Он изучает географическую среду, антропологические данные и пр. В естественноисторической обстановке ранних стадий жизни каждого народа ищет Грановский источник формирования народного характера. Он требует обращения к изучению истоков народной жизни и народной истории — и один из первых в русской науке указывает на значение образования племенных признаков народа.

Новый путь исторического исследования, который намечал Грановский, естественно, должен был повести и к новому пониманию народного творчества. Если до недавнего времени основной проблемой в исследованиях народной поэзии являлось установление ее исторического значения, ее связи с народным характером и определение ее места в исторической жизни народа, то новые изучения выдвигали на первый план проблему исторического обоснования народной поэзии, ее исторического генезиса и развития. Необходимо было решить, по какому пути должны пойти дальнейшие исследования в области народного творчества и что нужно предпринять для правильного и успешного разрешения возникших проблем. Ответом на это и была практика Отделения этнографии в целом.

Теоретическим обоснованием позиций Отделения послужили два замечательных в истории нашей науки — и вообще в истории русской науки в целом — документа: две речи ученых, которым пришлось последовательно руководить работой Отделения этнографии. Одна принадлежит первому председателю Отделения — известному натуралисту К. М. Бэру²⁵, другая — особенно важная для истории фольклористики — Н. И. Надеждину²⁶.

Этнография в понимании Надеждина становилась синтетической наукой о народности. Русская этнография, провозглашал он, — наука о русской народности. Эта наука должна «подмечать и описывать все собственно русское, все, чем мы, народ русский, отличаемся от прочих народов в своем складе и быте, в своих способностях, расположениях, потребностях и привычках, в своих нравах и понятиях: нравах, как являются они на том раздольном просторе домашней, своеобразной жизни, где всякий человек сам себе господин, где у русского человека в особенности, по собственному выражению, «душа на ладони, сердце за поясом»; понятиях — также в том самодельном, доморощенном наборе и убранстве, в каком они, с завета праотеческой старины, из рода в род, передаются в так называемых народных приметах и поверьях, сказках и песнях, пословицах и прибаутках»²⁷.

Надеждин разделяет понятия «народ» и «народность». Предмет этнографии — народы, но содержание — описание народностей. Этнография должна приурочить «людское» к «народному» и через то понять «общечеловеческое». Конечная же цель этнографии — создать «стройную картину живого развития одного начала жизни, которое есть „человечество“»²⁸. Таково фактическое и идейное содержание этнографии, по концепции Надеждина. В состав ее изучений входят язык, материальная культура, культура духовная, т. е. религия и поэзия. Эту совокупность тем Надеждин, так же как и другой виднейший член Отделения этнографии — К. Д. Кавелин, объединял понятием «народный быт», которое с того времени и приобретает права гражданства в науке. Примерами более или менее удачных опытов разработки вопросов народного быта Надеждин считал труды Снегирева, Сахарова, Дали.

Речь Надеждина отчетливо определила собой тот перелом, который наступил в фольклористических изучениях и в научном понимании фольклора. В XVIII в., в 20 и 30-е годы XIX в. народная поэзия входила в состав историко-археологических и историко-литературных изучений; в 40-е годы уже возникает вопрос о самостоятельном изучении народной словесности, но еще не в виде особой науки о фольклоре, а путем вклю-

²⁵ К. М. Бэр. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности. «Записки РГО», кн. 1. 1847, стр. 64—81.

²⁶ Н. И. Надеждин. Об этнографическом изучении народности русской. Там же, кн. 2, 1847, стр. 61—115.

²⁷ Там же, стр. 62, 63.

²⁸ Там же, стр. 67.

чения в науку, ведающую изучением народных особенностей, т. е. этнографию.

Включение фольклористики в этнографию имело безусловно положительные стороны. Прежде всего фольклорные изучения получили более определенную организационную форму и новую базу, что очень выгодно отразилось количественно и качественно на собирательской работе; включение фольклора в этнографические изучения поднимало его на большую научную высоту, вырывая из сферы чисто умозрительных, эстетических концепций. Вместе с тем фольклорные памятники перестали быть только материалом для исторических исследований... Кроме того, памятники русской народной поэзии стали изучаться наряду с фольклором других народов России, что вело к уничтожению разрыва между русским фольклором и фольклором народов, более отсталых в культурном отношении, к более правильному пониманию культуры последних и к более четкому представлению о процессах и сущности народного творчества в целом.

Но рядом с этим трактовка фольклора только как явления быта невольно суживала горизонт исследователя. Былины, исторические песни, сказки, народная лирика оказывались в одном ряду с такими явлениями, как одежда, утварь, средства передвижения и пр. Связь живого народного творчества с его творцом и носителем — народом, — то, что так волновало Белинского или Герцена, — отходила на задний план или совсем выпадала из поля зрения исследователей. Вместе с тем в фольклоре подчеркивались моменты архаики, что в некоторых случаях могло вести (и действительно вело) к смыканию с такими течениями в науке и общественной мысли, которые стремились растворить народную поэзию в старине.

2

Споры о проблеме народности, о характере и сущности народной поэзии, о ее роли в истории народа и ее общем историческом значении могли быть разрешены лишь на базе богатого фактического материала. Эта задача поставлена была уже в конце XVIII в.; попытки создать такую базу делали и Новиков, и Востоков, и Пушкин, и Полевой, и Киреевский, но только Географическое общество сумело реализовать эти давние чаяния русской научной мысли. В связи с этим Общество выполнило важную, существенно необходимую для развития науки о фольклоре, задачу — создало специальную инструкцию для собирателей.

Местные собиратели до этого были предоставлены сами себе. Этому движению не хватало ни центра, ни руководства. Географическое общество дало и то и другое. Первый опыт «программы» принадлежит Надеждину: это была программа «к собиранию сведений собственно о простом русском человеке, о народном быте коренного русского населения во всех его оттенках». Эта программа 1847 г. охватывала все стороны быта и духовной деятельности населения, причем она не являлась только перечнем вопросов, на которые следует обратить внимание, а исходила из определенного понимания проблемы народности и задач изучения последней. В этом отношении очень характерен 5-й раздел программы, в котором рекомендовалось обратить внимание «на умственные и нравственные отличия, поскольку видно в них природное направление и развитие народного духа, а не внешние заимствования путем подражания и переимчивости». Народные же предания и памятники трактовались в этой программе как «живая и беспристрастная история» народа, в которой он «высказывает себя, как он есть, без всякого притворства и самообольщения». Наконец, в ней в одном ряду с памятниками этнографии и фольклора привлекались и явления языка. Программа рекомендовала обратить особое внимание «на язык, как

главный орган народности во всем разнообразии его местных наречий и говоров»²⁹.

Этот момент особо важен: здесь впервые в русской науке объединялись на принципиально-теоретической основе изучения диалектологические и фольклорно-этнографические. Отсюда же идет и то совместное изучение диалектов и народного творчества, которое так характерно для научной практики XIX в. Начало этому кладет именно Отделение этнографии, хотя отдельные проявления такого сочетания наблюдались и раньше (например, у М. Н. Макарова³⁰). Углублению этой линии в занятиях Общества в значительной степени содействовал И. И. Срезневский, с именем которого связано целое десятилетие в истории Отделения этнографии; для него деятельность в Географическом обществе была практическим применением тех положений о связи языка и народной поэзии, которые были им развиты в «Мыслях об истории русского языка»³¹. Позже эта линия была углублена А. И. Соболевским и особенно А. А. Шахматовым, принимавшим деятельное участие в трудах Отделения и бывшим одним из его руководителей.

Важным дополнением к программе 1847 г. явилась разработка программы для изучения нерусских народностей страны. Эта программа осталась неизданной, но в 1852 г. в связи с проектом Камчатской экспедиции Надеждина была составлена замечательная этнографическая инструкция³². Она выдвигала ряд новых положений. Правда, в ней (что было характерно и для Надеждина, и для Кавелина) проблемы собственно народной словесности утрачивали самостоятельное значение и являлись лишь материалом, с одной стороны, для языковых изучений, с другой — для «народной характеристики», но вместе с тем в этой инструкции был впервые поставлен вопрос о народной эстетике, до сих пор малоизученный. Программа содержала пункты: «степень восприимлемости изящного; народный тип красоты, в особенности женской; любимые формы, пропорции и цвета», «игры, пляски, музыка, напевы песен, вкус к зрелищам» и т. д.³³ Принципиальное значение изучения «народной эстетики» усугубляется тем, что это применялось не к русскому народу, но к так называемым «иногородцам», отношение к которым так образно выражали слова поэта: «У чукчей нет Анакреона; к зырянам Тютчев не придет»³⁴.

Отделение этнографии и позже шло по пути составления частных программ и инструкций, способствуя этим усилению изучения отдельных проблем этнографии и фольклористики. Особо должны быть отмечены знаменитая инструкция Муллова³⁵ о собирании народно-юридических обычаев, программа П. С. Ефименко³⁶ о народных суевериях и ряд других, из которых многие выдвигали для изучения какую-либо проблему впервые, как, например, программа П. К. Симони о народном остроумии³⁷.

Последним звеном в этой цепи программ и инструкций Общества была

²⁹ «Двадцатипятилетие Русского географического общества. 13 января 1871 года». СПб., 1872, стр. 49.

³⁰ Михаил Николаевич Макаров (1789—1847) — писатель-фольклорист.

³¹ И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850.

³² Н. Надедин. Инструкция этнографическая. «Свод инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Русским географическим обществом». СПб., 1852.

³³ Там же, стр. 26, 27.

³⁴ А. А. Фет. Полное собрание стихотворений. Л., 1959, стр. 364.

³⁵ П. А. Мулов. О народных юридических обычаях. «Век», 1862, № 15—16.

³⁶ П. Ефименко. Программа для собирания сведений о народных суевериях и повериях в южной России. «Изв. РГО», т. II, 1866, приложение к № 4.

³⁷ П. К. Симони. Программа для собирания русских пословиц, поговорок, острот, прозвищ, загадок и т. д. ЖС, 1898, вып. I, отд. IV.

созданная Восточно-Сибирским отделом (во вторую половину 20-х годов XX в.) серия «Библиотека собирателя», в которую вошли, между прочим, «Беседы собирателя»³⁸ автора настоящего сообщения и превосходная программа Г. С. Виноградова³⁹ о собирании материалов по детскому фольклору и детскому быту.

Эта сторона деятельности Общества заслуживает особого исследования. Она имела важное научно-практическое, теоретическое и общественное значение. Конец 40-х годов и начало 50-х — вплоть до конца николаевского царствования — были ознаменованы резкими репрессиями по отношению к народному творчеству, особенно усилившимися после организации Бутурлинского комитета. Достаточно вспомнить те трудности, которые пришлось преодолеть П. В. Киреевскому при публикации своего сборника духовных стихов. Наконец, в 1853 г. были специально запрещены публикации по народной словесности и быту. И вот, в этих условиях, при прямом запрещении печатать материалы по народной жизни, — а стало быть при фактическом осуждении со стороны правительства их собирания, — Географическое общество, обладавшее огромным авторитетом, имевшее в своем титуле именование «императорское» и официально руководимое президентом из членов царствующего дома, не только усиленно развивало само такого рода деятельность, но и создавало фактическую возможность ведения ее на местах.

Географическое общество тем самым необычайно содействовало росту местного собирательства, которому так много обязана русская фольклористика. В эти годы нет почти ни одного района в стране, где бы не появлялись местные собиратели, направлявшие свое внимание или на историю, или экономику, или этнографию, или язык и фольклор. Они посылают ответы на программы Географического общества или какие-либо другие запросы центральных учреждений, публикуют свои материалы в местных изданиях («Губернские ведомости», «Памятные книжки», Труды статистических комитетов и пр.), посылают свои наблюдения в центральную печать, организуют специальные краеведческие издания и т. д. Социальный состав этих местных деятелей очень разнообразен: от дворян и купцов до крестьян включительно, но преобладающим элементом являются разночинцы: сельские и городские учителя, волостные писари, служащие статистических комитетов, провинциальные врачи, представители духовенства, преимущественно сельского.

Разнообразны были и политические убеждения этих местных деятелей. Но вся огромная работа на местах по изучению народной словесности, народного языка и быта была обусловлена общим прогрессивным движением. Деятельность Географического общества в целом, несмотря на разнообразный и пестрый состав его членов, в основном шла также в орбите идей 60-х годов.

Отделение этнографии вовремя выступило с призывом к интенсивному собиранию материалов по народному языку, быту и творчеству. Рассылка программы Надеждина очень быстро принесла весьма ощутительные результаты в виде большого количества описаний быта населения, отдельных обрядов, записей песен, сказок, словарных материалов и пр. В 1851 г. в Обществе было уже 700 рукописей, в 1852 г. — свыше тысячи.

В 50-е годы Общество приступило к разработке материалов Ученого архива и их публикации. Тогда же возникла мысль об организации и

³⁸ М. Азадовский. Беседы собирателя. О собирании и записывании памятников устного творчества применительно к Сибири. Иркутск, 1924.

³⁹ Г. Виноградов. Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925.

издании специально этнографических сборников⁴⁰. Первый том вышел в 1853 г. под редакцией Надеждина и Кавелина. Эти издания вливались в общий поток местных фольклорно-этнографических изданий. Значение их прекрасно охарактеризовано А. Н. Пыпиным: «Благодаря определенным и по возможности всесторонним вопросам этнографических программ, в нашей литературе является с пятидесятих годов, в изданиях общества и вне его, громадная масса местных описаний, где народный быт рисуется в целой картине его внешней обстановки, с его историческим прошлым, нравами и обычаями, преданиями и народной поэзией. Это было нечто прежде небывалое в литературе, и новый материал доставлял основу для новых исследований, о которых едва помышляла прежняя этнография»⁴¹. Напомню, что Пыпин не различал этнографии и фольклористики, а потому все сказанное им в полной мере относится и к последней в собственном смысле слова.

Наконец, по инициативе Кавелина Отделение приступает к составлению сводных изданий фольклорных материалов. Это первая идея фольклорных сводов в нашей науке. Начало их было положено «Народными русскими сказками» А. Афанасьева⁴², основу которого составили материалы Ученого архива Общества, затем последовали сборник загадок И. Худякова⁴³ и сборник заговоров Л. Майкова⁴⁴ и др. Этими изданиями начинается новый период в истории русской фольклористики.

Заслуживает внимания и состав лиц, привлекаемых Отделением для этой работы: Афанасьев, Худяков, позже Чубинский, Ефименко и многие другие. Это представители прогрессивных и даже революционных течений. Не следует, быть может, преувеличивать значение этого явления, учитывая наличие среди активных деятелей Общества и Отделения и лиц иной политической ориентации, — но нельзя его и игнорировать. Факты эти получают особо значительный смысл при сопоставлении с другими явлениями, наблюдавшимися в то время (например, отстранение Обществом любителей российской словесности от издания материалов Киреевского демократа-шестидесятника П. И. Якушкина и замена его реакционером П. А. Бессоновым). Эта линия характерна и для всей последующей деятельности Отделения, неизменно опиравшегося на передовые слои общества.

Особенно ярко это сказалось в привлечении к работе бывших политических ссыльных и в неизменной поддержке, которую оказывало Общество работам ссыльных на местах. Достаточно назвать имена блестящей плеяды сибирских этнографов и фольклористов (Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Ф. Я. Кон, Д. А. Клеменц, А. А. Макаренко и др.). Успешная и плодотворная деятельность отделов Общества (особенно в Иркутске, Омске, Чите и Семипалатинске) обязана более всего участию политических ссыльных, начало которому положили еще декабристы; некоторые из них выступали и как этнографы, и как фольклористы.

Деятельность Общества в сфере собирания и публикации народного творчества имела не только организационно-принципиальное, но и огромное теоретико-методологическое значение. Русское «собрательство», как всем хорошо известно, обладает своими специфическими особенностями, что послужило поводом для выделения русских изучений в особое течение

⁴⁰ «Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом», вып. 1—6. СПб., 1853—1864.

⁴¹ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. II. СПб., 1891, стр. 53.

⁴² А. Афанасьев. Народные русские сказки, вып. 1—8. М., 1855—1863.

⁴³ И. Худяков. Великорусские загадки. «Этнографический сборник», вып. VI. СПб., 1864.

⁴⁴ Л. Майков. Великорусские заклинания. СПб., 1869.

в мировой фольклористике, известное под именем «русской фольклористической школы». В выработке и формировании этой методологии и методики видная роль принадлежит и Отделению этнографии.

Первым проявлением этих новых методов, вырабатывавшихся также в идейной атмосфере 60-х годов, были знаменитые сборники П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Первый стоит вне сферы влияния Географического общества, второй же связан с ним самым тесным образом.

В нашей популярной и учебной литературе все еще повторяется утверждение, что Гильфердинг предпринял свою поездку на Север с целью проверки Рыбникова, ввиду имевшихся сомнений в подлинности его публикаций. Это совершенно неверно: во вторую половину 60-х годов, когда у Гильфердинга зародилась мысль о поездке «по следам Рыбникова», вопроса о подделке или вообще о каком-либо скептическом отношении к сборнику Рыбникова уже не существовало. Гильфердинга интересовала возможность установления связи между нашими былинами и их носителями и эпическим творчеством и эпическими певцами у других славянских народов — изучением последнего он был занят уже в своих ранних путешествиях. Это единство славянского эпического творчества он позже подчеркнул, озаглавив свою знаменитую статью «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды»⁴⁵. Вводимый им термин для характеристики северных сказителей отчетливо подчеркнул единство, которое ему представлялось несомненным и которое, очевидно, должно было бы явиться темой его специального исследования, оборванного неожиданной кончиной.

Необходимо отметить, что интерес к самому широкому изучению славянского мира и его этнографических особенностей занимал в проблематике Отделения видное место. Он был усилен личным влиянием таких ученых — видных и авторитетных членов Отделения, — как П. И. Кеппен, П. И. Срезневский, В. И. Ламанский (бывший в 1865—1868 гг. председателем в Отделении), А. Ф. Гильфердинг и др. С особенной силой проявились эти славяноведческие интересы в первых книгах «Живой старины»⁴⁶.

Особое значение придавало Отделение изучению русского народа вне официальных пределов России. Начало этому было положено той же знаменитой речью Надеждина, в которой он подробно останавливался на русской народности «вне России», главным образом в Закарпатье. Русские там — «извечные старожилы, — говорил Надеждин. — ...Но Русь эта бог весть еще когда вышла из того круга, в котором народности русской предназначено существование самобытное и развитие независимое, свободное. Эти русские состояли и состоят под влиянием обстоятельств, совершенно отличных от тех, при которых народ русский выработался в основное ядро нынешней России», и несмотря ни на что берегут имя «русских как драгоценную святыню», и ни за что не променяют «ни на какое другое»⁴⁷.

⁴⁵ «Вестник Европы», 1872, № 3.

⁴⁶ И. И. Срезневский. Путевые письма и заметки о серболужицанах. ЖС, 1890, вып. I; Сербо-лужицкий народный календарь (из бумаг И. И. Срезневского). ЖС, 1890, вып. II; Сербо-лужицкие народные поверья (из бумаг И. И. Срезневского). ЖС, 1890, вып. II; П. А. Ровинский. Умиренье крови в Грбле, в южноадриатическом Приморье, 27 августа 1890 г. (Наблюдения и рассуждения очевидца). ЖС, 1890, вып. II; «Письма П. И. Прейса к М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836—1846)». С предисл. В. И. Ламанского. ЖС, 1890—1891, вып. II—IV; Болгарские народные песни (записанные в Прилепе). ЖС, 1890—1891, вып. III—IV; Болгарские народные сказки (из Прилепа). ЖС, 1890, вып. II; Свадебный обряд в Угорской Руси. ЖС, 1891, вып. III—IV; Угорско-русские заговоры и заклинания начала XVIII в. Сообщ. А. Л. Петрова с замеч. О. А. Петрушевича. ЖС, 1891, вып. IV.

⁴⁷ Н. И. Надеждин. Об этнографическом изучении народности русской. «Записки РГО», кн. 2, 1847, стр. 102, 104.

Фольклору и языку Угорской Руси было посвящено несколько докладов и публикаций И. И. Срезневского, Дешка, де-Воллана и др. Свое внимание к зарубежным русским Общество подчеркнуло присуждением золотой медали Я. Ф. Головацкому.

В сфере этих общеславянских интересов возник и сборник Гильфердинга. Тексты Рыбникова и выдвинутые им проблемы заинтересовали Гильфердинга тем, что в какой-то мере смыкались с тематикой, над которой он работал во время своего путешествия по славянским землям: творчество эпического певца-рапсода, живая струя эпической поэзии. В северных былинах, как уже упоминалось, он обнаруживал черты единой традиции, и олонецкие сказители представлялись ему ближайшими наследниками великих славянских певцов древности и ближайшими родичами южнославянских рапсодов. Все это примыкало к тем задачам, которые выдвигал Надеждин в своих статьях и докладах и которые намечал Срезневский и другие исследователи.

Но сборник значительно перерос первоначальные цели Гильфердинга и поставил перед наукой ряд новых проблем, которые решительно изменили облик науки о фольклоре. Отделение, лишившись своего председателя, усиленно работает над наследием Гильфердинга, — в частности это захватывает Л. Н. Майкова. В ряде статей и рецензий он разрабатывает тему творческой личности сказителя, устойчивости и подвижности текстов народного предания, интересуется отдельными выдающимися сказителями и мастерами (И. Федосовой, Л. Тупицыным). В 1884 г. под его редакцией выходит (в качестве XII тома «Записок РГО по Отделению этнографии») «Сборник сказок и преданий Самарского края», составленный Д. Н. Садовниковым, но не законченный им, и принадлежащий к лучшим сборникам сказок во всем мире.

Географическим обществом были изданы «Северные сказки» Ончукова (1909), которыми открывается новая страница в истории русского сказковедения; затем сборники Зеленина⁴⁸, сборник сказок «Живой старины»⁴⁹, сборник сказок из Архива Русского географического общества⁵⁰. В этой цепи изданий позволю себе назвать и свой сборник «Сказки Верхнеленского края»⁵¹.

Организационным оформлением этой линии работ Общества явилась Сказочная комиссия, бессменным председателем-руководителем которой был академик С. Ф. Ольденбург. Сказочная комиссия стала вместе с тем и крупнейшим теоретическим центром русского сказковедения.

Следует коснуться еще одного момента в деятельности Общества: С. Ф. Ольденбург в течение ряда лет был и руководителем Отделения этнографии. На значение основной специальности каждого из председательствующих Отделения в истории Общества обращал внимание уже П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Перечислив ряд председательствующих в Отделении в первое 25-летие и указав их специальности (Бэр — натуралист и антрополог, Надеждин — руссист-филолог, Срезневский — руссист-филолог с уклоном в славистику, Калачев — историк-юрист, Григорьев и Савельев — ориенталисты, Ламанский и Гильфердинг — слависты), он замечает: «Каждый из них вносил свой оттенок в направление занятий Отделения»⁵². Это безусловно правильно: появление на посту руководителя От-

⁴⁸ Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914; его же. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915.

⁴⁹ ЖС, 1912, вып. II—IV.

⁵⁰ «Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества», вып. I—II. Пг., 1917.

⁵¹ М. Азадовский. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925.

⁵² П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского географического общества. 1845—1895, ч. I. СПб., 1896, стр. 374.

деления Калачева значительно повысило интерес Отделения к проблемам исторической географии и исторической этнографии, а также к изучению народно-юридических обычаев; пребывание на посту председательствующего Савельева усилило, с одной стороны, историко-археологические интересы, а с другой, — ориенталистские; с именем Ламанского связано усиление славистической струи в научных интересах Отделения (в особенности резко это проявилось в «Живой старине») и т. д. Это, конечно, не означает, что Отделение не имело определенного курса и что этот курс каждый раз намечался соответственно интересам и воле председательствующего; все факты такого рода свидетельствуют лишь об акцентировании той или иной проблемы, но это было возможно лишь потому, что все эти проблемы были органически связаны со структурой Отделения и общим характером его работ.

Это вело не к одностороннему преобладанию какой-либо одной проблемы или одного уклона, а к синтетическому их слиянию. Одной из существеннейших сторон в деятельности Отделения, имевшей огромное практическое и теоретическое значение, было тесное содружество славистов-руссистов и ориенталистов.

Проблемы изучения Востока — его истории, языка, быта, народного творчества — неизменно входили в круг вопросов, которыми занималось Отделение на всем протяжении своей деятельности. В числе действительных членов Общества находим имена почти всех крупнейших русских ориенталистов: Розена, Радлова, Минаева, Позднеева, Бартольда, Ольденбурга, Потанина, Владимирцова, Марра вплоть до нашего современника — гордости советского востоковедения — И. Ю. Крачковского. Третьим по порядку председательствующим в Отделении был Савельев; последними — Ольденбург и Марр. Это характерное для Отделения чередование руководителей (славистов и ориенталистов) позже приняло характер некоего подчеркнутого синтеза, когда председательствующим был Ольденбург, а его заместителем А. А. Шахматов. В центре задач Отделения неизменно стояло изучение русского народа. Замена Надеждиным Бэра на посту председательствующего означала, по свидетельству Семенова-Тян-Шанского, «решительный уклон в сторону преимущественного изучения русской народности». «Молодым силам России, — пишет он, — пришлось выбирать между направлением Бэра, стремившегося к изучению вымирающих... инородческих племен, так же как и к основанному преимущественно на антропологии и естественной истории сравнительному изучению многочисленных народностей, обитающих в пределах империи, и направлением Н. И. Надеждина, стремившегося к изучению русского простолюдина, удержавшего во всех местных особенностях своего крестьянского быта, как бы под пеплом постигавших его исторических погромов, и свои предания глубокой старины, и свой народный характер, но при всем том, по юношеской еще свежести своих сил, несомненно способного на будущее культурно-исторического развития»⁵³. Выбор был сделан, свидетельствует Семенов-Тян-Шанский, «не задумавшись», в пользу последнего направления.

Но, поставив в центре изучений русскую народность, — причем, в самом широком смысле этого слова, — с обязательным включением «русских вне России», Отделение не отказывалось, конечно, от изучения других народностей страны. Более того, одним из основных принципов предпринятых исследований было сравнительное изучение этнографии народов России, что нашло яркое отражение в двух программах Надеждина. С первых же дней Отделение приступило к широкому изучению быта и творчества всех народов России (экспедиции и исследования Шегрена, Миддендорфа, Кеппена,

⁵³ П. П. Семенов. Указ. соч., стр. 51.

деятельность Кавказского и Сибирского отделов, план Камчатской экспедиции), затем, постепенно расширяя рамки работы, перешло к изучению смежных народов (монгольские экспедиции Потанина, труды Шифнера) и вышло в область мировой ориенталистской проблематики (Минаев, Ольденбург, Цибилов и др.).

Все это имело большое значение для развития русской фольклористики. Именно здесь, в трудах и публикациях Отделения, сложился тот фонд материалов, который лег в основу ряда выдающихся фольклористических исследований.

Тесно связанные с Отделением публикации Радлова, переводы Гомбоева, статьи Шифнера и других были фактической базой, обусловившей «восточное направление» в русской фольклористике, к которому относятся труды В. В. Стасова (активного члена Отделения, бывшего одно время его секретарем), Потанина, ранние исследования Вс. Миллера и многие др. Сейчас мы относимся к этим трудам критически, но некогда они были в центре русской науки о фольклоре и сыграли определенную роль в ней, заостряя внимание на проблеме заимствования и методах ее разработки, вызвав к жизни огромную теоретическую литературу и значительно расширив общую проблематику изучений.

Совместная деятельность востоковедов в Географическом обществе вместе с руссистами, славистами, северниками и другими значительно отразилась и на характере востоковедных изучений, — имея в виду и в данном случае, конечно, только фольклористическую сторону.

Ориенталистическая фольклористика на Западе главным образом разрабатывала компаративистскую тематику; русские востоковеды, подобно славистам, выдвинули в области изучения фольклора ряд новых проблем: роль и значение личности сказителей, их типы, эстетика, формы народного рассказывания, социальная среда, в которой бытуют произведения фольклора. Примером могут служить знаменитые, имеющие всемирную известность наблюдения Радлова⁵⁴, или более поздние, замечательные очерки Минаева и труды по монголо-ойротскому эпосу и монгольской сказке Владимирцова⁵⁵. Конечно, круг этих новых тем и интересов не может быть объяснен только влиянием Географического общества, в данном случае следует говорить об отражении в русской ориенталистике тех же общественных тенденций, которые формировали и русскую фольклористику в целом. Особенно характерны работы Владимирцова: они всецело в русле тем, выдвинутых и разработанных фольклористами-руссистами. Даже общая проблематика компаративизма приобретает в трудах русских ориенталистов иной характер, отличаясь более строгими методологическими требованиями. Так, недостаточно критические исследования Г. Н. Потанина, вызвавшие восторженную оценку и признание на Западе⁵⁶, в кругу русских ориенталистов встретили весьма серьезные возражения главным образом методологического характера (например, отзывы Бартольда⁵⁷ и Марра⁵⁸). Новое понимание проблемы компаративизма мы встречаем и

⁵⁴ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. I. СПб., 1866.

⁵⁵ Монголо-ойротский героический эпос. Перев., вступительная статья и примеч. Б. Я. Владимирцова. Пг.— М., 1923; Б. Я. Владимирцов. Образцы монгольской народной словесности. (Северо-Западная Монголия). Л., 1926.

⁵⁶ Берг Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перев. В. А. Казакевича, под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л., 1927.

⁵⁷ В. Бартольд (рецензия). Г. Н. Потанин. Сага о Соломоне. Восточные материалы по вопросу о происхождении саги (Томск, 1912). «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XXI, вып. IV, 1913, стр. 150, 151.

⁵⁸ Н. Я. Марр. Возникновение и расцвет древнегрузинской светской литературы. ЖМНП, 1899, декабрь, отд. 2, стр. 246.

у Ольденбурга, и у Владимирцова. И, конечно, только в общении с русской фольклористической наукой, в соприкосновении с тем кругом вопросов, которые внимательно разрабатывались в Отделении этнографии, возник для Ольденбурга вопрос и о методе компаративистских изучений, и о надежном материале для них. Он произвел с позиций русской фольклористики обзор и пересмотр сборников сказок всего мира и поставил перед мировым сказковедением ряд новых задач⁵⁹. Организация Сказочной комиссии явилась прямым результатом этого пересмотра; чрезвычайно характерно и важно, что к участию в ней Ольденбург привлек и востоковедов.

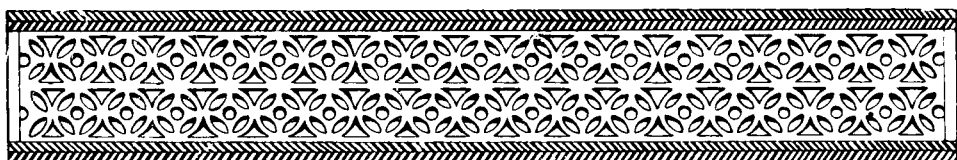
Другим примером может служить деятельность Г. Н. Потанина в Восточно-Сибирском отделе Географического общества. Изучение русской народности в Сибири очень отставало от аналогичных изучений по эту сторону Урала. Потанин был инициатором и организатором широких изучений в фольклорно-этнографическом отношении Восточной Сибири. Ему принадлежит честь осуществления таких изданий, как «Балаганский сборник»⁶⁰, «Верхоянский сборник»⁶¹ и т. п.; он явился также организатором первого сборника сказок русского населения в Сибири, изданного одним из отделов Географического общества.

Этот широкий охват фольклористических интересов Общества и его отделов представляет собой особую ценность для истории русской фольклористики.

⁵⁹ С. Ф. Ольденбург. Собрание русских народных сказок в последнее время. ЖМНП, 1916, август, стр. 296—322.

⁶⁰ М. Н. Хангалов. Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Под ред. Г. Н. Потанина. Томск, 1903.

⁶¹ И. А. Худяков. Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе. Иркутск, 1890.

В. Ф. ГОРЛЕНКО

КОМИССИЯ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ГУБЕРНИЙ КИЕВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

1

История этнографической деятельности Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа, основанной при Киевском университете в 1851 г., не нашла до сих пор никакого отражения в работах, касавшихся истории украинской этнографии, в том числе и в столь солидном по объему труде, как «История русской этнографии» А. Н. Пыпина.

В настоящей статье мы пытаемся на основании изучения архивных материалов и печатных источников осветить историю возникновения Комиссии, ее этнографическую деятельность, определив значение Комиссии в развитии этнографии в России.

Наблюдая за успешной деятельностью РГО в пределах всей России или принимая в ней непосредственное участие, прогрессивные ученые, группировавшиеся вокруг Киевского университета, проникались стремлением изучить в том же плане более близкую им территорию украинских губерний и их население, имеющее ряд самобытных особенностей в укладе своей жизни. Пример такого изучения подавала созданная незадолго перед этим в Киеве Археографическая комиссия, которая, однако, занималась преимущественно историей и археологией.

Профессор Киевского университета Н. Х. Бунге, занимавший временно должность ученого секретаря Комиссии, касаясь подробностей ее возникновения, изображал дело таким образом, будто инициатором этого был киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибилов, а идея ее организации принадлежала помощнику попечителя Киевского учебного округа М. В. Юзефовичу¹. Бунге, видимо, умышленно преувеличил заслуги Бибилова и Юзефовича, чтобы заручиться поддержкой Комиссии со стороны местной администрации.

Между тем известно, что уже в 1847 г. Д. П. Журавский — статистик-экономист и этнограф, возглавлявший в то время работу по составлению статистического описания Киевской губернии, разработал так называемый «Проект учреждения главного статистического комитета в г. Киеве»². Сличение этого «Проекта» (разработанного Журавским в значительной мере под влиянием развернувшейся в России деятельности Русского географического общества)

¹ См.: «Отчет об учреждении и действиях Комиссии... для описания губерний Киевского учебного округа...», составленный ученым секретарем Н. Бунге» (далее — Н. Бунге. Указ. соч.). «Труды Комиссии...», т. II. Киев, 1853, стр. 1.

² См.: М. В. Птуха. Д. П. Журавский. Жизнь, труды, статистическая деятельность. М., 1951, стр. 113.

ческого общества) с уставом занимающей нас Комиссии³ обнаруживает совпадение основных идей обоих этих документов.

«Проект» Журавского, несомненно, был известен и Юзефовичу, и Бибикову. Более того, обнаруженное в личном архиве М. В. Юзефовича письмо⁴ к нему Журавского вместе с запиской, содержащей «предложение об учреждении при Киевском университете „Статистической“ комиссии, позволяет утверждать, что и записка о Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа в основе своей была составлена Журавским. «Я составил для Вашего соображения записку на счет Комиссии,— пишет Д. П. Журавский в этом письме,— и прилагаю ее при сем: прошу употребить по своему усмотрению. Полагаю, что в ней должно заключаться короткое обозрение предмета и подробные положения, какие и надобно будет представить к утверждению. Не признаете ли нужным, когда записка будет совсем готова, пригласить на совещание Ю. О. Самарина и еще кого-нибудь от университета. Могут встретиться полезные замечания»⁵.

Получив записку, Бибиков обратился к министру народного просвещения с проектом создания при Киевском университете Комиссии, по словам Бунге, на тех же основаниях, «как учреждена Комиссия для отыскания древностей и издания исторических актов». Одновременно Бибиков представил министру проект устава предполагаемой Комиссии, который 22 декабря 1850 г. и был утвержден.

Основной целью создаваемой Комиссии, согласно уставу⁶, должно было стать «исследование губерний Киевского учебного округа в естественном, сельскохозяйственном и промышленном отношениях и... статистическое описание оных», т. е. в основном это была та же цель, которую преследовало Русское географическое общество. В дальнейшем деятельность Комиссии была полностью согласована с задачами РГО. Наряду с другими предметами на первый план выдвинулось этнографическое изучение населения округа.

Основное ядро Комиссии, по замыслу ее организаторов, должно было состоять из профессоров и преподавателей университета: «Каждый член ученого университетского сословия,— гласил § 4 устава,— есть вместе с тем и действительный член Комиссии», как только он заявит письменно председателю Комиссии о своем желании принять участие в ее деятельности. В состав Комиссии предполагалось включить также и лиц «из местных владельцев и вообще из людей, могущих содействовать ученым целям Комиссии» (§ 6 устава), известных как специалисты «по предметам, входящим в круг занятий Комиссии». Лица, стоящие вне «университетского ученого сословия», допускались к участию в деятельности Комиссии только с разрешения генерал-губернатора после избрания их общим собранием членов Комиссии по рекомендации двух ее действительных членов. Члены Комиссии подразделялись так же, как и в РГО, на: 1) действительных членов; 2) членов-сотрудников; 3) почетных членов; 4) членов-соревнователей; соответственно этим званиям выдавались особые дипломы.

Деятельность Комиссии больше обычных научных обществ ставилась под надзор царской администрации. Так, согласно уставу, все исследования Комиссия могла проводить не иначе, как по плану, предварительно утвержденному генерал-губернатором. Поездки ее членов по губерниям Киевского учебного округа для необходимых «обозрений и изысканий», запросы в различных ведомственных учреждениях необходимых сведений

³ ЦГИА УССР, ф. 884, оп. 1, № 22, л. 2—5.

⁴ Личный фонд М. В. Юзефовича. Там же, ф. 873, оп. 1, № 25, л. 1. Письмо от 1 апреля 1850 г.

⁵ Там же, л. 1—4.

⁶ Там же, ф. 884, оп. 1, № 2, л. 2—5.

также могли производиться Комиссией только с его разрешения. Он назначал должностных лиц Комиссии, утверждал все ее распоряжения. Второй параграф устава прямо указывал, что Комиссия «состоит под главным руководством киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора». Устав, «дарованный» комиссии за подписью министра народного просвещения Ширинского-Шихматова, отличался значительной, по сравнению с уставом РГО, реакционностью. К этому присоединялись еще и материальные затруднения: Комиссия должна была существовать только на членские взносы и пожертвования заинтересованных в ее деятельности лиц.

Первым председателем Комиссии был назначен М. В. Юзефович, вице-председателем — ректор университета Р. Э. Траутфеттер и ученым секретарем — Д. П. Журавский.

Большинство профессоров университета, присутствовавших на первом заседании Комиссии 21 февраля 1851 г., были специалистами в области естественных наук, но на нем присутствовали историки Н. И. Иванишев и П. В. Павлов, экономист Н. Ф. Якубовский. Известные своими интересами в области украинской истории и этнографии М. А. Максимович и Н. А. Маркевич (оба — члены РГО), директор 2-й Киевской гимназии, издатель этнографических работ В. Пассека Н. Ригельман, профессора и преподаватели учебных заведений Киевского учебного округа: Росковшенко, Китенко, Зенович и другие были рекомендованы на этом заседании в число членов Комиссии. Вскоре поступило заявление о желании «принять участие в деятельности Комиссии по предмету этнографии» от одного из наиболее ревностных украинских этнографов, в то время профессора Киевского университета, А. Л. Метглинского.

Вскоре после образования Комиссии активные ее члены пришли к заключению о необходимости в интересах дела открыть доступ в Комиссию и для лиц из более «низких» сословий: мелких служащих, учителей уездных училищ, приходских священников и т. д. На заседании Комиссии 13 мая 1852 г. Н. Х. Бунге вынужден был обратить внимание членов Комиссии на то, что, согласно «§ 6 устава... в число действительных членов могут быть приняты не только лица из местных владельцев, но и вообще из людей, могущих содействовать ученым целям Комиссии, и что доселе она не имеет подобных сотрудников, избрание которых могло бы облегчить ученые отношения ее членов».

В 1852 г. членами Комиссии стали известный своими антикрепостническими взглядами писатель и этнограф А. С. Афанасьев-Чужбинский, прогрессивный украинский историк А. М. Маркович и другие лица различного происхождения. Около этого же времени в деятельности Комиссии начинает принимать участие Г. П. Галаган — будущий председатель Юго-Западного отдела РГО, принадлежавший ранее, по-видимому, к Кирилло-Медфодиевскому обществу и отнесенный властями к числу неблагонадежных⁷. Активным членом Комиссии стал и один из наиболее прогрессивных профессоров университета — П. В. Павлов⁸.

Таким образом, состав Комиссии со стороны мировоззрения отдельных ее членов был пестрым: от реакционеров-крепостников типа Юзефовича до людей демократических и даже революционных (как П. В. Павлов) убеждений.

С самого начала деятельности Комиссии вокруг ее ученого секретаря Д. П. Журавского стала складываться прогрессивная группа, возглавляемая

⁷ См.: М. В. Птуха. Указ. соч., стр. 35.

⁸ См. о нем: А. З. Барабой. Харьковско-Киевское революционное тайное общество 1856—1860 гг. «Исторические записки», 1955, № 52, стр. 265; В. А. Дьяков. Новые работы о революционных демократах на Украине. «История СССР», 1961, № 6, стр. 178.

П. В. Павловым; об этом, в частности, можно судить по его письму к Юзефовичу от 7 сентября 1854 г.: «...в последний раз, когда я у Вас был, Вы изъявили желание прочесть у меня... сочинение студента Янина „Об оружиях обращения в Древней Руси“. Так как тему об оружиях обращения в Древней Руси задал не я, а Николай Христианович, то думаю приличнее прочесть рассуждение, написанное на означенную тему у Николая Христиановича... У меня, во всяком случае, читать диссертации Янина не следует и по другой причине. Ваше П-во, вероятно, очень хорошо изволит помнить, что в последнее время, когда я был у Вас, очень ясно и положительно выразили мысль, что Вам встречаться с моими знакомыми неприлично. Я решительно не понимаю, почему для Вашего Пр. унижительно быть вместе с Ходепким, Ланге, В. В. Тарновским, Г. П. Галаганом, граф. Де Бальмон (неразборчиво.— В. Г.) и прочими. Не знаю, как состоится чтение диссертации Янина и у Николая Христиановича, ибо у нас с ним большею частию общие знакомые»⁹.

Как можно думать, уже к 1854 г. между руководством Комиссии в лице М. В. Юзефовича и ее прогрессивными членами во главе с П. В. Павловым наметились значительные расхождения в идейно-политических и научных взглядах. Научная работа, выполняемая представителями этой группы ученых, приняла иное направление, чем то, которое хотел навязать ей проводник официального курса самодержавного правительства М. В. Юзефович.

2

На первом заседании Комиссии решено было образовать четыре отделения: географическое, естественноисторическое, промышленное и статистическое. Все, изъявившие желание заниматься этнографией, входили первоначально в отделение статистики.

Касаясь этнографической деятельности Комиссии, следует остановиться прежде всего на «Плане» Журавского, обсуждавшемся и рекомендованном к публикации на заседании Комиссии 6 июня 1851 г., который выходил далеко за пределы собственно предмета статистики. Бунге, касаясь характера и назначения этого «Плана», отмечал, что «Журавский поставил себе задачею не только определение круга статистических исследований, но также и составление частных подробных программ по некоторым предметам»¹⁰. Широту плана отмечали в то время и другие рецензенты¹¹. Раздел X плана Журавского «Исторические сведения о постепенном заселении края и этнографические исследования о племенах» предусматривал, что видно уже из самого названия, этнографическое описание губерний Киевского учебного округа. Один из девяти томов предполагаемого всестороннего описания округа — т. II («Народонаселение»), по замыслу Журавского, должен был быть посвящен в основном этнографии украинцев.

«План» Журавского был составлен на высоком для своего времени научном уровне и вводил, по существу, статистический принцип в этнографию, намного опередив тем самым развитие современной ему этнографической мысли¹².

⁹ ЦГИА УССР, ф. 873, оп. 1, № 60, л. 4, 5.

¹⁰ См.: Н. Бунге. Указ. соч., стр. 1.

¹¹ См., например: И. Вернадский (рецензия). «План статистического описания губерний Киевского учебного округа» Дм. Журавского. «Отечественные записки», 1853, № 5, отд. IV, стр. 1.

¹² Русское географическое общество сразу же обратило внимание на «План» и рекомендовало его в качестве образца для описания страны. В протоколе заседания Отделения статистики РГО от 22 ноября 1851 г. было записано: «Совет Общества передал в отделение статистики План статистического описания губерний Киевского учебного округа, прося отделение сообщить своевременно замечания свои об изме-

Д. П. Журавский известен в науке как выдающийся для своего времени статистик-экономист. Уже в 1846 г. Журавский издал свою работу «Об источниках и употреблении статистических сведений», которая явилась важным этапом в отечественной статистике и принесла ему известность как ученому. С первыми этнографическими работами он выступил даже несколько ранее — в 1842—1843 гг. В эти годы в связи с конкурсом, объявленным Ученым комитетом государственных имуществ, он написал и послал в Комитет две работы. Первая — «Исследование о нынешнем состоянии и средствах улучшения быта крестьян»; вторая — «Исследование о нынешнем состоянии и средствах к улучшению быта крепостных людей». Обе работы остались неизданными. Сам Журавский писал по этому поводу своему товарищу Веригину: «Вы предлагаете напечатать мою записку о крестьянах (вторую работу. — В. Г.). Это невозможно, ибо цензура никогда не пропустит мнений, там выраженных, или исказит их немилосердно: и полагаю по этой самой причине Ученый комитет гос. имущ. не печатает по сию пору моих записок, как предлагал и объявлял сначала»¹³. Из писем Журавского узнаем, что в названных работах он уделял большое внимание вопросам воспитания детей.

В первых же своих этнографических работах он выступает не как пассивный наблюдатель, а как общественный деятель, всеми силами стремящийся к облегчению участи крепостного крестьянства.

В течение 1845—1852 гг. он работал над составлением трехтомного «Статистического описания Киевской губернии» — фундаментального исследования, явившегося, по оценке Н. Г. Чернышевского, «одним из самых драгоценных приобретений, сделанных русскою наукою в течение всего настоящего столетия»¹⁴.

Эта работа носила в известной мере и этнографический характер. Помимо многочисленных этнографических сведений, разбросанных по всем трем книгам, в первой книге автор поместил специально этнографический раздел «О домашнем быте сельских классов», содержащий описание важнейших разделов материальной культуры украинцев Киевщины — их жилищ и хозяйственных построек, одежды, пищи. Д. П. Журавский выделяет, например, восемь «видов» жилища, связывая их бытование не только с географическим, но и социальным моментом. Он не теряет из виду особенностей в жилище, одежде, пище различных классов и сословий Киевской губернии. «Одежда однодворцев и мещан во многом отличается от крестьянской, — пишет он. — Мужчины вместо свит носят полукафтаны в виде однобортных казакинов, застегивающихся на крючки и изготовленных из полутонкого сукна. Женщины не носят плахт и запасок, но спидницы. Сорочки их не вышиты и имеют отложной воротник» и пр.

Для Журавского и крестьянство — не однородная масса. Так, характеризуя пищу, он выделяет различия в пище зажиточных и бедных крестьян: «Бедные крестьяне обыкновенно употребляют грубый хлеб из ржаной, ячменной, а иногда и из овсяной муки, или вместо хлеба гречанники из гречневой муки. Вседневная пища их состоит за обедом из двух блюд: борща без сала с хлебом и каши, а иногда кулеша или гороха, картофеля, галушек из ячной, ржаной, гречневой, и очень редко пшеничной муки; только в праздничные дни, и то не всегда, бывает у них борщ с салом или

нениях и дополнениях, которые нужно сделать в означенном плане, дабы он мог служить программой для статистического описания губерний вообще» («Вестник РГО», 1852, кн. 4, отд. VI, стр. 39).

¹³ М. В. Птуха. Указ. соч., стр. 26.

¹⁴ Н. Г. Чернышевский (рецензия). «Статистическое описание Киевской губернии, т. 1—3. СПб., изд. И. Фундуклея. 1825»; «Современник», 1856, № 8; перепечатано в полном собрании сочинений, т. III. М., 1947.

говядиной, рыбой или сметаной, вареники с сыром, лемешка из гречневой или ячной муки с молоком или с салом»¹⁵. Н. Г. Чернышевский видел главное достоинство «Статистического описания...» именно в том, что в нем отразилось «имущественное положение классов и сословий Киевской губернии», их «экономический быт». В нем впервые с такой полнотой и обстоятельностью была дана характеристика материальной культуры украинцев. Раздел «О домашнем быте сельских классов» «Описания» являлся мастерским для своего времени этнографическим исследованием.

Д. П. Журавский страстно ненавидел крепостничество. Все его помыслы, его практическая деятельность были направлены на освобождение крестьянства. Постоянно нуждающийся материально, он, однако, скопил деньги и выкупил из крепостного состояния больше десяти крестьянских семейств. Оставшееся же после смерти состояние Журавский завещал целиком употребить на выкуп крепостных.

Методологические принципы Д. П. Журавского-ученого во многом совпадали с методологией революционных демократов или были близки к ней. «Грустно подумать, — писал Чернышевский в своей рецензии, — что смерть похитила у нас Журавского... этого благородного, неутомимого и высоко даровитого ученого именно в то время, когда начиналась настоящая и полезнейшая пора для его деятельности».

Основу подхода к составлению статистического и этнографического описания округа в «Плане» составляет социальная оценка экономических и культурно-бытовых явлений. «О каждом классе, — говорилось в разделе XIV «Плана», — предполагается изложить: а) численный состав; б) средства существования; в) домашний быт, объясняемый описанием жилищ, убранства, одежды, пищи; г) приблизительное исчисление потребностей и годовых расходов в семействах богатых, средних и бедных»¹⁶. Большое место отведено Журавским изучению экономического положения, культуры и быта самых низших общественных слоев Украины — «дворовых людей», «помещичьих крестьян».

По существу, мы сталкиваемся здесь с требованием показать «экономический быт», «экономическую действительность» народной жизни, что совпадало с требованиями революционно-демократической этнографии. Д. П. Журавский делает ударение и на исследовании экономических основ семейных отношений. Его интересует прежде всего бюджет семьи и его источники, «распоряжение имуществом в семье», «порядок наследования в семействах», «наделение имуществом при выходе из семьи на собственное хозяйство», «приданое невест», «отдача хозяину денег, зарабатываемых прочими членами семейства», «заведывание семейным расходом и всем имуществом, и отношения по этому предмету между хозяином и членами его семейства», «разделы семейств и другие семейные отношения»¹⁷.

Д. П. Журавский оговаривает: «Особенности, относящиеся к нравам, обычаям и т. п. Вообще цель этих статей должна заключаться в возможно вернейшем изображении нравственного и экономического состояния каждого класса народонаселения здешнего края в настоящее время. Дополнениями и пояснениями будут служить подробности об их общественном устройстве, повинностях, средствах к образованию промышленности, хозяйстве и т. п.»¹⁸ Автор «Плана» требует подробных сведений, точности

¹⁵ «Статистическое описание Киевской губернии», I. СПб., 1852, стр. 287.

Лемешка — блюдо из заваренного сладкого теста.

¹⁶ Д. П. Журавский. План статистического описания губерний Киевского учебного округа: Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской. «Труды Комиссии...», т. I. Киев, 1852, стр. 10.

¹⁷ Д. П. Журавский. Указ. соч., раздел XXVII, пункт 22.

¹⁸ Там же, стр. 35.

их передачи. Особенно важным в методологическом и научном отношениях моментом «Плана» была постановка (впервые в истории украинской, да, пожалуй, и отечественной науки) вопроса об изучении быта рабочих.

В разделе XXXVII — «Частные исследования и описания фабрик и заводов», наряду с описанием других сторон фабрично-заводского производства, требовалось собрать сведения о «заведениях, устроенных при фабрике для ее людей, помещениях, банях, школах, больницах; об устройстве, состоянии, управлении и быте фабричных людей», о «влиянии фабрики и ее людей на местную промышленность и быт окрестных жителей, особенно крестьян». Журавский уже здесь ставит вопрос о влиянии рабочего быта на крестьянский.

Обращает на себя внимание грандиозность замыслов автора «Плана» в описании Киевского учебного округа вообще и этнографическом в частности.

В соответствии с планом Журавского с первых же шагов научной деятельности Комиссии, еще до организации в ее составе отделения этнографии, начато было и этнографическое исследование населения губерний Киевского учебного округа, т. е. изучение культуры и быта в основном украинского народа на территории коренных украинских губерний. Бунге в названном уже отчете об ученой деятельности членов Комиссии за 1851 — начало 1853 г. отмечал: «...в числе других действительных членов Комиссии Афанасьев занимался исследованием границ местных наречий с целью определить племенные отделы населения, обитающего в губерниях Киевского учебного округа; действительный член Метлинский занимался собиранием и приведением в порядок материалов по этнографии, имея преимущественно в виду исследование местных наречий...; почетный член Комиссии Г. П. Галаган трудился над описанием имения Сокиринец в статистическом, сельскохозяйственном и этнографическом отношениях; действительный член В. В. Федоров предполагал заняться этнографическим описанием еврейского населения в 5-ти губерниях округа»¹⁹.

Архив Комиссии позволяет нам представить более конкретно этнографические занятия членов Комиссии. Из сохранившихся в ее архиве документов видно, что уже в 1852 г. Афанасьев-Чужбинский предпринял по губерниям округа экспедиционную поездку с целью сбора этнографических материалов. В письме в Комиссию от 31 января 1853 г. он сообщает о высылке уже использованной им подорожной и просит выслать ему новую подорожную по Киевскому округу и соседним губерниям, так как весной собирается «отправиться по разным местам для проведения по карте границы малорусского наречия»²⁰. В письме от 2 июня 1853 г. он пишет, что продолжает «этнографические занятия... сколько позволяют средства» и собирает «всевозможные поверья, предания и песни о Купале»²¹.

Приблизительно в то же время А. Метлинский предпринял этнографическую экспедицию по Черниговщине и Полтавщине «с целью исследования и объяснения особенностей простонародного наречия этих губерний, и для дополнения собираемых... памятников народной русской (в смысле украинской. — В. Г.) словесности»²².

Летом 1853 г. по тем же местам совершал поездку с целью сбора ста-

¹⁹ Н. Бунге. Указ. соч., стр. 46—49.

²⁰ ЦГИА УССР, ф. 884, оп. 2, № 14, л. 5.

²¹ Там же, л. 26.

²² ЦГИА УССР, ф. 708 («Совет императорского университета св. Владимира», 1852), оп. 291, № 27. «О командировании с ученой целью ординарных профессоров Вальтера и Гюббенета, Метлинского», л. 73, 78, 82.

гистических и этнографических материалов Н. А. Маркевич, получив через Комиссию необходимые для этого разрешение и подорожную²³.

Поездки членов Комиссии с целью сбора научных материалов продолжались и в последующие годы. В 1857 г., например, М. В. Юзефович в отношении, поданном на имя Киевского гражданского губернатора, просит выдать «казенную подорожную... на 3-х лошадей ученому секретарю Дабиге, отправляющемуся в разные места Киевской губернии для ученых исследований»²⁴.

Уже к 1852—1853 гг. в Комиссии был накоплен значительный этнографический материал. Так, в указанном выше отчете ученого секретаря Комиссии говорится, что статистическим отделением (куда входили и этнографы) «приготовлено огромное количество материалов, необходимых для издания исследований о населении Киевской губернии. Труд этот составит по крайней мере один том».

В связи с поездками членов Комиссии выявилась потребность в методических пособиях, инструкциях. До разработки широкой этнографической программы в Комиссии была составлена небольшая инструкция в качестве руководства при сборе этнографических, главным образом фольклорных материалов. Эта инструкция (две рукописных странички)²⁵, написанная, судя по почерку, Метлинским, содержала 14 пунктов, касавшихся преимущественно «языкознания и народной словесности как особенного отдела этнографии». Но ряд пунктов ее вместе с тем коротко охватывал и остальные стороны народной культуры и быта. Так, пункт 7-й требовал обращать внимание: «какие игры употребляются между простым народом известного места»; пункт 8-й — «какие дни в году замечательны по простонародным поверьям, праздникам, обрядам и т. п.»; пункт 9-й — «какие музыкальные инструменты употребляются в народе» и «образцы народной музыки». Наконец, последний пункт, 14,— требовал давать «описание простонародной одежды, жилищ, орудий, пищи, с названием предметов, принадлежащих к дому и вообще к народному быту». Метлинскому же принадлежит и другая инструкция: «О собирании, приведении в порядок, приготовлении к изданию и печатании народных песен и других произведений народной словесности», помещенная в 1853 г. в «Черниговских губернских ведомостях» (в № 23), важным положением которой было придерживаться при записи произведений устного народного творчества всех особенностей языка информатора: «При записывании лучше быть излишне точным, нежели неточным».

3

Вскоре Комиссия приступила к разработке и изданию широкой этнографической программы. На одном из очередных заседаний Комиссии 13 мая 1852 г. решено было использовать в работе анкетный метод собирания необходимых материалов, для чего разработать и распространить анкеты или программы по отдельным предметам, включенным в круг занятий Комиссии²⁶.

Из Русского географического общества по запросу Комиссии было прислано по 20 экземпляров различных программ, в том числе и этнографической, которые Комиссия намеревалась использовать при составлении своих программ, опираясь на богатый опыт, уже накопленный в то время.

²³ См. письма Н. А. Маркевича к М. В. Юзефовичу от 19 июня 1853 г. и от 23 июля 1853 г. ЦГИА УССР, ф. 873, оп. 1, № 41, л. 19 и 20.

²⁴ Там же, ф. 884, оп. 2, № 34, л. 7.

²⁵ Инструкция (рукопись). Там же, № 5, л. 16.

²⁶ См.: «Журнал заседаний Комиссии за 1852 г.». Там же, № 3, л. 5.

В. Д. Дабижа должен был разработать непосредственно этнографическую часть программы; А. Л. Метлинский — часть, касавшуюся украинского языка. В июне 1853 г. Дабижа подал свою часть программы вместе с объяснительной к тексту записки. Для рассмотрения ее был создан специальный комитет в составе Н. Х. Бунге, П. В. Павлова, В. Я. Шульгина, А. Л. Метлинского и Н. А. Ригельмана. К тому времени Метлинский, очевидно, уже также подал свой раздел программы. 4 мая 1854 г. ученый секретарь докладывал на заседании Комиссии, что «этнографическая программа, доставленная действительными членами Комиссии Метлинским и... Дабижею, окончательно рассмотрена особым назначенным для этого комитетом»²⁷. Решено было «приступить к печатанию означенной программы». К сентябрю 1854 г. печатание программы было закончено, и на заседании Комиссии 14 сентября обсуждался уже вопрос о ее распространении.

О личности Дабижи можно судить лишь по отдельным отрывочным упоминаниям в литературе и архиве Комиссии. Он происходил, по-видимому, из обедневшего молдаванского княжеского рода; предки его в 1812 г. покинули Молдавию и поселились в Херсонской губ.²⁸ Во время работы в Комиссии Дабижа занимал должность инспектора пансиона в Киеве. А. Л. Метлинский, в то время профессор русской словесности в Киевском университете, известен в научной литературе как поэт романтического направления и ревностный собиратель произведений устного народного творчества. Взгляды его отражали мировоззрение той части украинского дворянства (Метлинский был выходцем из мелких помещиков), которая ходом исторического развития сбрасывалась в «низы» общества, становясь разночинною. Для Метлинского характерны поэтому, с одной стороны, стремление искать свои идеалы в феодальном прошлом; с другой, — известный демократизм, сказавшийся в особенном интересе к устному поэтическому творчеству. Творцами памятников устного народного творчества, по мнению Метлинского, были всегда люди «обделенные благами жизни», т. е. бедняки — выходцы из «низов» народа²⁹.

Программа с июня 1853 г. по май 1854 г. неоднократно обсуждалась специально созданным для этого комитетом, как это видно из приведенного выше сообщения ученого секретаря — «окончательно рассмотрена». Насколько же глубокому изменению подверглась программа в ходе этого обсуждения? Из объяснительной записки Дабижи к представленной им части программы становится известной первоначальная систематизация вопросов: в первом отделе программы рассматривались физический тип народа и его материальная культура — «признаки физические или внешние»; во втором — духовная культура; в третьем — язык. В изданной же Комиссией программе — всего два основных раздела: «Физическая природа человека» и «Общественная жизнь человека». Второй раздел распадался на ряд подразделов, охватывавших изучение материальной культуры, семейного, общественного и производственного быта, духовной культуры и языка³⁰. Следовательно, в ходе обсуждения программы в Комитете систематизация Дабижи, основанная на внешних, формальных признаках, была заменена новой, научно вполне обоснованной. Это обстоятельство, а также сам факт столь длительного пребывания программы в комитете,

²⁷ «Журнал заседаний Комиссии за 1854 г.». Там же, № 18, л. 8.

²⁸ «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауза и В. А. Ефрона, т. 18, СПб., 1893, стр. 974. Согласно другим сведениям, Дабижи были потомками боснийского рода Котроманичей, перешедших в русское подданство в начале XIX в.

²⁹ «Программа для этнографического описания губерний Киевского учебного округа, составленная кн. В. Д. Дабижею и (по языку) А. Метлинским» (далее — «Программа...»). Киев, 1854.

³⁰ «Программа...», стр. VII.

дает основание предположить, что в комитете существенной доработке и изменению подверглось и все содержание программы.

При оценке Программы³¹ бросается в глаза прежде всего необычная для того времени полнота охвата всех сторон жизни народа, которые составляют предмет этнографической науки: жилище и поселение, народное убранство и пища, а также и такие, почти не изучавшиеся до того времени в русской этнографии разделы, как средства передвижения, орудия труда, домашняя утварь.

Большое внимание уделено изучению хозяйства и занятий народа, его производственного быта, семейной и общественной жизни, пережитков родового строя. Очень полны и разделы духовной культуры: общий уровень развития украинского народа в отдельных районах, грамотность, верования и связанная с ними обрядность, музыка и устное народное творчество.

Программа Комиссии, развивая в ряде пунктов положения, содержащиеся в этнографической программе РГО, по глубине разработки отдельных этнографических тем шла дальше и была больше связана с общественно-экономической действительностью, четче очерчивала пределы этнографической науки. Ориентировала она исследователей и на изучение местных групп украинского народа, их культурно-бытовых особенностей.

Как и в программе РГО, на первое место в рассматриваемой программе поставлено изучение материальной культуры, хозяйства и занятий народа, причем все этнографические явления берутся в их современном виде.

Составители стремились обрисовать экономику крестьянского двора и даже основные моменты экономики села в целом. Интерес составителей программы к организации труда в семье, общине, помещиком хозяйстве, к материальному положению крестьянства — все это свидетельствует о том, что они подходили к изучению культуры и быта украинского народа, стараясь получить ответы на волновавшие тогда передовых людей насущные вопросы общественно-экономического развития России.

В программе выдвигался ряд новых для этнографической науки середины прошлого века методических установок: точность записи при опросе информаторов, аннотация собранных материалов, картографирование отдельных культурно-бытовых явлений при систематизации собранных материалов, иллюстративная фиксация материалов; обращалось внимание на необходимость сопровождать записи биографическими данными об информаторах, в частности указывать их социальную принадлежность.

Оценивая программу, И. И. Срезневский в «Известиях Академии наук» писал: «Программа Дабижи и Метлинского представляет прекрасное приобретение в нашей филолого-этнографической литературе»³².

Основным недостатком программы является слабость ее теоретической основы. Так, в формировании местных особенностей в культуре украинцев и их физического типа составители придают решающее значение естествогеографической среде и не учитывают влияния историко-экономических и социальных условий, в которых веками жило население различных районов Украины. Недооценивается и культурное взаимовлияние с соседними народами, не подчеркивается родство всех восточнославянских народов, не учитывается влияние города на быт деревни; в последнем вопросе «План» Журавского, как мы говорили, стоял выше. Так, в разделе, посвященном устному поэтическому творчеству, на первое место поставлено изучение «духовно-моральных» песен. Только мельком касается про-

³¹ См. более подробно о содержании программы в статье: В. Ф. Горленко. Перша етнографічна програма на Україні. «Народна творчість та етнографія», 1957, № 4.

³² ОРЯС, т. III, 1854, стр. 85.

грамма вопросов общественно-экономических отношений на селе и совсем обходит темные стороны быта закрепощенного украинского крестьянства. Правда, при этом следует учитывать и условие — не включать в программу «все то, что связано с предметом администрации», — при соблюдении которого программа могла быть издана³³.

Программа была напечатана в количестве 670 экземпляров (300 — в т. III «Трудов» Комиссии и 370 — отдельной брошюрой), «Труды» Комиссии рассылались по многим учебным заведениям, научным обществам, редакциям различных журналов, и программа довольно широко распространилась и стала известной в кругах ученых и любителей в России.

4

4 мая 1854 г. на заседании Комиссии «рассуждаемо было о том, не будет ли полезным сверх имеющихся ныне четырех отделений Комиссии открыть еще пятое, этнографическое, так как в числе членов Комиссии есть специалисты, занимающиеся этнографиею»³⁴. Предложение это было одобрено всеми членами. Вскоре было получено необходимое разрешение генерал-губернатора, и 26 октября состоялось официальное открытие этнографического отделения. Его «редактором» (председателем) был назначен Дабижа. С открытием этнографического отделения работа по изучению культуры и быта украинского народа в Комиссии оживилась. Важной была попытка опереться на широкий круг местных собирателей. Из Журнала заседаний Комиссии мы узнаем, что на заседании 1 ноября 1854 г. при обсуждении вопроса «о мерах к собиранию этнографических и сельскохозяйственных сведений» признано было «удобнейшим рассылать программы этнографическую и сельскохозяйственную ко всем законоучителям сельских училищ губерний Киевского учебного округа, а также к лицам учебного ведомства и частным лицам, которые по своим сведениям и готовности содействовать Комиссии в этом деле могли бы быть ей полезны»³⁵. Было постановлено «послать по одному экземпляру программ к директорам гимназий Киевского у. окр. и просить их доставлять Комиссии: а) список лиц учебного ведомства, а также и частных лиц, которые, по мнению их, могут и желали бы заняться собиранием сведений, указанных в этих двух программах, и б) список всех законоучителей училищ, находящихся в ведении Государственных имуществ»³⁶. 14 ноября 1854 г. к директорам гимназий были разосланы вместе с программами такие отношения. В 1855 г. в Комиссию стали уже поступать ответы от директоров гимназий вместе со списками лиц, пожелавших принять участие в собирательской работе³⁷.

Стремясь придать массовость собирательской работе, ученый секретарь Комиссии Д. П. Журавский на заседании Комиссии 7 декабря 1854 г. предложил, кроме того, поместить этнографическую и сельскохозяйственную программы в «Губернских ведомостях» всех пяти губерний округа, «так как этим средством они могут сделаться известными довольно значительному числу лиц, которые, на основании этих программ, могли бы заняться собиранием этнографических и сельскохозяйственных сведений»³⁸. Пред-

³³ «Журнал заседаний Комиссии за 1852 г.» ЦГИА УССР, ф. 884, оп. 2, № 3, л. 5.

³⁴ «Журнал заседаний Комиссии за 1854 г.» Там же, № 18, л. 8.

³⁵ Там же, № 36, л. 5.

³⁶ Там же.

³⁷ См. дело «О сборе Комиссией сведений о народонаселении губерний Киевского учебного округа». Там же, № 27, л. 21 — письмо директора училищ Волынской губернии; л. 22 — письмо директора Немировской гимназии; л. 24 — письмо директора Новгородсеверской гимназии.

³⁸ «Журнал заседаний Комиссии за 1854 г.» Там же, № 18, л. 19.

принятые нами тщательные поиски программы в «Губернских ведомостях» указанных губерний не увенчались, однако, успехом. Видимо, в публикации программы на страницах «Губернских ведомостей» из-за ее либерального уклона Комиссии было отказано либо киевским гражданским губернатором, к которому Комиссия обращалась за разрешением³⁹, либо киевской цензурой. Напомним, что в 1851 г. киевский цензор Мацкевич получил за публикацию этнографических материалов в местных «Губернских ведомостях» строгое «внушение» от министра народного просвещения через Д. Г. Бибикова; не все, говорилось в нем, «назначенное для употребления людей образованных», можно публиковать для «общенародного чтения»⁴⁰.

Уже с первых лет своей научной деятельности, в особенности после открытия Отделения этнографии, Комиссия стала центром этнографической науки на Украине. К середине 50-х годов XIX в. из различных районов Украины в Комиссию начинают поступать от любителей-этнографов сочинения, представляющие собой этнографические описания отдельных сел, местечек, районов округа. Так, в 1854 г. в Комиссию поступило от Шишацкого-Иллча обстоятельнейшее этнографическое описание «Местечко Олишевка», а несколько позже «Сборник малороссийских пословиц и поговорок».

В 1856—1857 гг. в Комиссию начинают присылать работы, представляющие уже, по-видимому, ответы на разосланную программу: «Описание г. Мглина и его уезда, составленное учителем исторических наук Мглинского уездного училища Карпачевым»; «Описание о Переяславле, сочиненное законоучителем Переяславского уездного училища Бутовским»; «Город Острог и слобода Старгородка» учителя Х. Г. Корнаковского; «Медикотопографическое описание государственных имуществ Киевского учебного округа» — Д. П. Деляфлиза и др. Особенно ценными из этих рукописей, которые решено было поместить в т. IV Трудов Комиссии, признаны были сочинения Корнаковского и Деляфлиза; обоим авторам Комиссия вынесла в письме благодарность и приняла их в число своих членов-сотрудников.

В конце 50-х годов центром революционного движения на Украине стал Киевский университет. Идейным вдохновителем этого движения был член Комиссии профессор П. В. Павлов, пользовавшийся огромной популярностью среди студентов всех факультетов. Революционное студенчество в своих этнографических исследованиях пользовалось программой Комиссии и пропагандировало ее в качестве методического пособия. Так, примыкавший в 50-х — начале 60-х годов к революционному тайному обществу Гр. Залюбовский (оставивший значительное этнографическое наследство, которое ждет еще исследователя), разрабатывая широкие планы этнографических исследований на Украине, рекомендовал для этого и программу Комиссии.

Имея крайне ограниченные возможности организации специальных научных экспедиций, Комиссия прибегала к самым различным способам сбора этнографических сведений, например к использованию служебных командировок своих членов, которые снабжались инструкциями и программами. В черновике письма от 1855 г. к А. Д. Тулубу, «временно пребывающему в местечке Решетилловке», Комиссия предлагала ему заняться

³⁹ «О сборе Комиссией сведений о народонаселении губерний Киевского учебного округа», л. 20.

⁴⁰ Мацкевич разрешил публикацию в неофициальной части «Киевских губернских ведомостей» статьи, взятой из «Оренбургских губернских ведомостей», «Примеры предрассудков, вкоренившихся между русскими со времен язычества», которая там в свою очередь была взята из сочинений Терещенко «Быт русского народа» (ЦГИА УССР, ф. 293, № 152 — «О замечании цензору Мацкевичу»).

«собранием местных сведений о жителях и местах помянутого пункта и его окрестностей в этнографическом и с. хозяйственном отношениях с целью составить если и не полное описание..., то по крайней мере очерки по некоторым избранным... предметам, заключающимся в изданных Комиссией программах. Труд этот Комиссия примет с особенною признательностью»⁴¹.

Между Комиссией и Русским географическим обществом, как уже упоминалось, с самого начала существовала организационная связь. К тому же, большинство активных членов Комиссии были и членами РГО; Комиссия избрала своими членами, помимо того, председателя Отделения этнографии РГО Н. И. Надеждина, члена этого же Отделения академика П. И. Кеппена, ученого секретаря Общества В. А. Милютина и др.

Оба учреждения обменивались научной литературой и собранными материалами. Так, в 1852 г. Общество прислало Комиссии не только изданные в том году свои научные работы, но и по экземпляру всех работ, изданных Обществом за все время своего существования, и извещало, что будет присылать свои публикации и впредь⁴². Комиссия также посылала в РГО регулярно все свои издания⁴³ вплоть до своей ликвидации в 1864 г. (по царскому указу).

Комиссией были получены от РГО и специально этнографические издания (сборники, карта, составленная академиком Кеппеном, все этнографические программы в значительном количестве экземпляров, инструкции и пр.).

Научная деятельность Комиссии все больше привлекала к себе внимание Русского географического общества. В 1853 г. вице-президент его М. Н. Муравьев, находясь в Киеве, лично ознакомился с деятельностью Комиссии и предложил ее руководству объединиться с РГО с тем, чтобы на основе Комиссии открыть в Киеве отдел РГО⁴⁴; это было встречено сочувственно членами Комиссии. Возвратясь в Петербург, Муравьев прислал в Комиссию официальное письмо с конкретными предложениями относительно объединения. В связи с этим в Комиссии был в 1853 г. создан специальный комитет для разработки «основ» объединения Комиссии с Обществом: предусматривалось значительное расширение этнографической деятельности на Украине после преобразования Комиссии в отдел РГО, открытие отделения этнографии и даже создание в Киеве этнографического музея⁴⁵. Однако министр народного просвещения отказал в разрешении на объединение⁴⁶.

Как видим, идея создания на Украине отдела Русского географического общества возникла на 20 лет раньше, чем она была претворена в действительность.

Работа Общества и Комиссии по собиранию этнографических материалов на Украине настолько переплеталась, что не всегда даже можно определить заслугу того или иного общества в каждом конкретном случае. Так, беллетрист и этнограф А. С. Афанасьев-Чужбинский был в одинаковой мере деятельным членом и Общества, и Комиссии. Организуя неоднократно экспедиционные поездки по Украине с целью сбора этнографических материалов по подорожной, полученной им из Комиссии, свои этнографические

⁴¹ ЦГИА УССР, ф. 884, оп. 2, № 26, л. 9.

⁴² Там же, оп. 1, № 9 — «Переписка с РГО об обмене научными работами», л. 2.

⁴³ Там же, л. 3.

⁴⁴ ВГО, ф. 1, 1852, оп. 1, № 38 — «По сношению с Комиссией... для описания губерний Киевского учебного округа», л. 4.

⁴⁵ ЦГИА УССР, ф. 884, оп. 2, № 12 — «Об объединении Комиссии с Русским географическим обществом», л. 34.

⁴⁶ Там же, ф. 707, оп. 310, № 641 — «О соединении Комиссии с Русским географическим обществом», л. 11.

работы Афанасьев-Чужбинский публиковал на страницах изданий Общества и в ряде журналов. Афанасьев-Чужбинский переписывался как с Обществом, так и с Комиссией, получал от обоих обществ программы и методические указания.

Известный любитель украинской этнографии Д. П. Деляфлиз также получал от обоих учреждений методические пособия. Собирая этнографические материалы по программе РГО, он написал ряд оригинальных работ по этнографии Киевской губернии и отослал их в Комиссию. Любопытно, что и появление фундаментальной для того времени этнографической работы М. А. Максимовича «Дни и месяцы украинского селянина»⁴⁷ также в известной мере связано с деятельностью ученого как члена и РГО, и Комиссии. В отчете Русского географического общества за 1854 г. отмечалось, что «действительный член М. А. Максимович приготовил записки о простонародных поверьях, приметах, обычаях и пословицах на различные дни года»⁴⁸.

В 1853—1854 гг. Срезневский опубликовал в «Известиях АН» ряд произведений устного народного творчества, доставленных ему киевскими этнографами Афанасьевым и Метлинским. Научные сведения, в том числе этнографические, высылались из Комиссии также академику П. И. Кеппену. Значительное число рукописей, поступивших в РГО в ответ на разосланную в 1852 г. программу, принадлежало членам Комиссии.

За 10 лет работы, начиная со времени открытия Комиссии, было собрано огромное количество материала по этнографии украинцев. Именно в это время был опубликован ряд солидных тематических и монографических исследований по многим разделам их культуры и быта.

5

Одной из первых работ, опубликованных самой Комиссией, была статья В. В. Тарновского «О делимости семейств в Малороссии»⁴⁹. В этом небольшом по объему статистико-этнографическом исследовании серьезно ставился вопрос о причинах дробления и распада большой семьи, причем рассматривалось влияние этого процесса на экономику крестьянского хозяйства.

В отличие от позднейших авторов, видевших в этом явлении следствие индивидуализма украинцев, Тарновский утверждал, что для украинских крестьян в одинаковой мере характерно и стремление к обособлению — индивидуализм, и стремление к объединению — коллективизм, проявление которого он видел в толоке, супраге, чумачестве. Большое внимание уделил автор статьи экономике закрепощенной украинской деревни, состоянию крестьянского хозяйства. Отмечая, что наличие волов в хозяйстве — основа благосостояния его, а отношение числа тяглых хозяйств к числу всех хозяйств в украинской деревне является показателем благосостояния ее в целом, Тарновский приводил конкретные данные относительно числа тяглых хозяйств в селе Поток Каневского уезда. Только около одной пятой всех семейств этого села, отмечал автор, имеют своих волов. Остальные вынуждены при обработке полей уплачивать по два рубля серебром за обработку чужими волами десятины земли. Но и на этих условиях тяглые не желали обрабатывать землю «пеших», требуя «уступки части поля». В связи с этим «многие пешие принуждены отдавать две трети своего уча-

⁴⁷ См. об этой работе: П. М. Попов. «Дні і місяці українського селянина» М. О. Максимовича. «Наукові записки ІМФЕ АН УРСР», т. I—II. Киев, 1947.

⁴⁸ См.: «Вестник РГО», 1855, кн. 2, стр. 96.

⁴⁹ «Труды Комиссии...», т. II.

стка за обработку; у некоторых поля остаются необработанными; доставка хлеба пеших идет медленно: часть хлеба остается в поле до осени, портится от дождей, разрывается и съедается скотом». В заключение автор выдвигает предложение об организации в украинском селе «общественного призрения», дабы спасти от смерти «сирот, в особенности грудных детей..., стариков и старух одиноких». «Общественному призрению,— писал он,— нужно обеспечить пропитание тех лиц..., которые при всем трудолюбии не в состоянии пропитать своих многочисленных семейств; нужно пособлять в отоплении и одежде, возобновлять разрушающиеся жилища, принимать на себя уплату податей и, наконец, погребением отдавать последний долг бедному».

Внимание к закрепощенному украинскому крестьянству, сочувственное отношение к бедственному положению основной его массы, признание преимуществ вольнонаемного труда перед крепостным — все это характеризовало статью Тарновского с положительной стороны. В то же время он считал, что причина разорения крестьянства — не в господстве крепостнических отношений в деревне, не в эксплуатации крестьян помещиками (отношения между теми и другими автор почти не затрагивает), а в этнографических особенностях украинского народа, в его «семейном устройстве». Трудно сказать, насколько отражала эта статья взгляды самого Тарновского, так как предварительно она обсуждалась на заседании Комиссии, проходившем под председательством М. В. Юзефовича, и все ее положения, идущие вразрез с политикой самодержавия, могли быть выброшены в ходе этого обсуждения, не говоря уже о цензуре⁵⁰.

В 40-х годах взгляды В. В. Тарновского были значительно левее; известно, что он был связан с членами Кирилло-Мефодиевского общества. В Комиссии Тарновский принадлежал к сторонникам П. В. Павлова⁵¹. Его занимали и другие области украинской этнографии, в частности устное народное творчество, общественный быт. В его архиве сохранились записи произведений фольклора, наброски работ по теории народной поэзии, рукопись «Материалы по истории общественного быта в Малороссии»⁵².

О тяжелом бытовом положении украинского крестьянства трактовалось и в статье «О народонаселении Полтавской губернии», принадлежащей другому члену Комиссии, известному в первой половине XIX в. историку и этнографу Н. А. Маркевичу⁵³; в ней описаны плохие жилищные условия, скудная пища, непосильный труд, отсутствие медицинской помощи в деревне, следствием чего была необычайно высокая там смертность. Маркевич не любит беленькими украинскими хатами, но указывает, что жизнь в них далеко не благоприятствует сохранению здоровья: «Плетенные по большей части, крытые повсеместно соломой, с хворостяными трубами... избы, обмазанные снаружи и внутри, по стенам и потолкам глиною, с глиняным полом, содержат постоянную сырость. Сени в них пролетные; ... прибавьте к этому телят, поросят и птиц, этих постоянных сожителей, этих четвероногих и крылатых домочадцев, которые увеличивают сырость избы и приправляют ее смрадом; прибавьте к этому топку камышем, нехворощем, бурьянами, кизяками, а потом мойку и просушку белья тут же в избе... От того-то в простом народе так скоро чахнут и стареются, особенно женщины... Да и самая смертность между детьми... не оттуда ли происхо-

⁵⁰ Рукопись статьи хранится в Черниговском областном историческом музее [Ал — 17 — 18.504].

⁵¹ См. названное выше письмо П. В. Павлова к Юзефовичу от 7 сентября 1854 г.

⁵² Черниговский областной исторический музей (Ал — 17 — 19.504).

⁵³ «Труды Комиссии...», т. III. Киев, 1855, стр. 1.

дит?»⁵⁴. Маркевич касается также народной одежды, пищи, ряда обычаев украинского народа.

Указывая на убожество жилища, одежды крестьян, автор оговаривался, что причины этого никак не связаны с особенностями национального характера украинского крестьянства. Маркевич подчеркивает, наоборот, их трудолюбие и опрятность; если же они жертвуют здоровьем «в пользу скота», то «их нельзя винить, скот составляет их достояние». Но те, для которых книги пишутся, не могут ли хоть несколько беде пособить?»

Все вредно сказывающиеся на людях обычаи порождены, по мнению автора, теми материальными лишениями, в которых веками жили и продолжали жить в его время украинские крестьяне.

Статья Маркевича обратила на себя внимание Чернышевского. В рецензии на т. III «Трудов Комиссии...» он выделял ее и делал заключение, что жизнь крестьян в России везде одинаково убога⁵⁵. Однако в то же время Маркевич решительно выступает против революции, причем пытается даже «обосновать» вред для простого народа каких бы то ни было «междоусобиц» или «государственных переворотов». Н. А. Маркевич выполнял для Комиссии ряд специально этнографических работ. Так, в 1859 г. он сообщал в Комиссию, что им написаны, но еще не отработаны статьи «Простонародная малороссийская медицина», «Простонародное малороссийское поваренное искусство», «Описание вертепа рождественского». Эти статьи, изданные особым сборником уже после смерти автора, представляли собой часть материалов, подготовленных Маркевичем для задуманного им обширного труда по этнографии украинцев — «Внутренняя жизнь Малороссии от 1600 года до нашего времени». Статьи содержали некоторый новый фактический материал по различным отраслям культуры и быта.

Заметное место в работе Комиссии по изучению культуры и быта украинского народа принадлежало А. С. Афанасьеву-Чужбинскому. В 1853 г. он высылает во II Отделение Академии наук вместе с фольклорными материалами украинско-русский словарь, часть которого (до буквы «З») вскоре была издана Академией наук⁵⁶. И. И. Срезневский, оценивая этот словарь, справедливо ставит его в один ряд с сербским словарем Вука Караджича⁵⁷. «Словарь малорусского наречия», представляя первую серьезную попытку изучения языка украинского народа, содержал этнографические сведения из области материальной и духовной культуры украинцев. Каждому этнографическому термину здесь было дано обстоятельное объяснение. Целый столбец в словаре отведен «досвиткам» и «вечерницам», более столбца занято изложением народных поверий о ведьмах. Значительное место занимали сведения по свадебному обряду. Словарь был пересыпан пословицами и поговорками, выдержками из песен. Высокую оценку дал «Словарю» И. Франко: «Проглянувши „Словарь“ Афанасьева, ...я можу сказати, що його вартість зовсім не мала і з річевого, методичного боку»⁵⁸.

В 1855 г. Афанасьев-Чужбинский публикует небольшую работу «Очерки охоты в Малороссии»⁵⁹; описание приемов охоты и рыболовства у украинцев в ней облечено в полубеллетристическую форму и было первым в украинской этнографической литературе исследованием на эту тему. Здесь приведены сведения о ряде малоизвестных в этнографии того времени при-

⁵⁴ Там же, стр. 46.

⁵⁵ Н. Г. Чернышевский (рецензия). «Современник», 1857, № 6, стр. 40.

⁵⁶ «Словарь малорусского наречия». СПб., 1855, тетрадь 1-я.

⁵⁷ И. Срезневский. Записка о словаре малорусского наречия, составленном А. Афанасьевым. «Изв. ОРЯС», т. III, 1854, стр. 204.

⁵⁸ И. Франко. Твори, т. XVII. Київ, 1955, стр. 470, 471.

⁵⁹ А. С. Афанасьев-Чужбинский. Собрание сочинений, т. VI. СПб., 1891, стр. 316—359.

емов охоты на волков (облава с собаками, загон в тенета и др.), а также на лисиц, зайцев, птиц. Автор перечислял ряд применяемых при рыбном ловле снастей («ятирь» — вентерь, «волок» — бредень, «саки и подсаки» и пр.).

Другая работа Афанасьева-Чужбинского — «Быт малорусского крестьянина (преимущественно в Полтавской губернии)», — опубликованная в том же 1855 г.⁶⁰ и перепечатанная позже в «Этнографическом сборнике»⁶¹ и в «Полтавских губернских ведомостях», была одной из немногих еще в то время попыток всестороннего этнографического описания украинского народа. Афанасьев-Чужбинский коснулся в ней в большей или меньшей степени обстоятельно почти всех сторон материальной и духовной культуры (поселение и жилище, одежда, пища, особенности хозяйства, семейный и общественный быт, нравы украинцев, их обычаи и обряды, фольклор). Все описание, сдержанное и реалистичное, проникнуто глубокими симпатиями к украинскому крестьянству и сочувствием к его тяжелому положению. Автор приводит здесь также ряд новых сведений из области украинской этнографии: о быте крестьян на сенокосе, о трудовом воспитании детей и о многом другом.

Афанасьев-Чужбинский поднимает в этой работе ряд принципиальных вопросов украинской этнографии. Так, он справедливо возражает против приписывания украинцам исключительных форм семейного быта. По его мнению, для украинцев, так же как и для других народов, характерна была в прошлом большая семья. На Полтавщине, указывает автор, и в его время встречаются семьи, «где все члены живут вместе под начальством деда и работают сообща»⁶². Однако сравнительно ранний распад большой семьи у украинцев Афанасьев-Чужбинский объяснял влиянием «беспрестанных войн», пережитых украинцами, когда «семейства разделялись и дробились при частых переселениях»⁶³.

Решительно выступал он и против обвинения украинского крестьянства в лени. «Не спорю, — пишет он, — что, может быть, класс более образованный в Малороссии и подвержен пресловутой лени; но зачем же, не зная дела, порицать доброго простолюдина»⁶⁴.

В 1856 г. Афанасьев-Чужбинский выступил с новой, более обширной работой «Общий взгляд на быт приднепровского крестьянина»⁶⁵, первой из серии статей, выполненных им как членом известной Литературной экспедиции. Автор вновь попытался в ней «представить в общих чертах быт» украинцев, т. е. дать их всестороннюю этнографическую характеристику.

В статье описаны физические особенности украинцев, их нравы, язык, хозяйство и занятия, сельскохозяйственные орудия, поселения, одежда, пища, производственный, общественный и семейный быт, обычаи, поверья и обряды, устное творчество. Статья ценна новыми фактическими данными, в частности об особенностях покрова украинской народной одежды, о народных способах обработки волокна и пр.

Методологическим достоинством этой работы была попытка социального анализа культурно-бытовых явлений. Так, например, автор не забывает отметить различия в одежде бедных и богатых крестьян.

⁶⁰ «Вестник РГО», 1855, ч. XIII, кн. 1, разд. II, стр. 129.

⁶¹ «Этнографический сборник», вып. 3—4. СПб., 1858.

⁶² А. С. Афанасьев-Чужбинский. Быт малорусского крестьянина..., стр. 133.

⁶³ Там же.

⁶⁴ А. С. Афанасьев-Чужбинский. Собрание сочинений, т. VII. 1891.

⁶⁵ Первоначально опубликована в журнале «Морской сборник» (СПб., 1856, № 10, разд. 3, стр. 1—40); в 1859 г. перепечатана в «Полтавских губернских ведомостях», № 43—45, 47—50.

В понимании Афанасьева-Чужбинского национальная культура — это культура трудящихся масс, крестьянства. Объект исследования в его статье — украинское село. Он выступает решительным сторонником признания самобытности украинского народа, его языка, культуры и быта. Стремясь представить украинцев как отдельный народ, а не «ветвь» единого «народа русского», Афанасьев-Чужбинский, однако, встал на путь подчеркивания тех особенностей в культуре и быту украинцев, которые отличают их от русских: «одежда малороссов, — пишет он, — нисколько не похожа на великорусскую» и пр. Односторонность в подаче материала придала этой, в целом написанной на высоком для своего времени научном уровне, работе в отдельных местах националистическое звучание.

Он написал также серию путевых очерков, опубликованных в «Морском сборнике» под названием «Поездка на Днепровские пороги и на Запорожье»⁶⁶ и «Поездка по низовьям Днепра»⁶⁷. В 1861—1863 гг. оба очерка были обработаны, дополнены и опубликованы отдельным изданием под названием «Поездка в Южную Россию»⁶⁸. Эта работа носит преимущественно этнографический характер и посвящена описанию культуры и быта украинцев, а также других народов (молдаван, болгар, немцев-колонистов и др.), живущих в Приднепровье и Поднестровье, и их культурных взаимодействий. Наиболее примечательны и оригинальны в очерках страницы, относящиеся к быту лодманских артелей, жителей запорожских хуторов — зимовников, приднепровских и приднестровских рыбаков. В целом эта работа носила откровенно антикрепостническую направленность.

Заметный след в истории украинской этнографии оставил своими работами действительный член Комиссии Д. П. Деляфлиз⁶⁹, этнограф-собираатель, накопивший огромные материалы из области материальной и духовной культуры украинского народа. Эти материалы он систематизировал в так называемых альбомах. Кроме одного, заполненного только рисунками, это большого формата рукописные книги с обилием выполненных с натуры зарисовок.

Первый из альбомов, датированный 1848 г. и содержащий 1195 страниц, озаглавлен «Медико-топографическое описание или медицинская география государственных имуществ Киевского округа с приложением географической карты Киевской губернии, где показаны имения, подведомственные министерству государственных имуществ, с изображением некоторых туземных произведений из царства растительного и животного, т. е. важнейших ядовитых растений, ядовитых и съедобных грибов, раковин, полезных и вредных насекомых и т. п. С присовокуплением возможно подробной статистики всякого селения, с его видами, снятыми с натуры, с изображением крестьянских костюмов всякого общества, а также с рисунками древностей, старинных монет и копиями или facsimile исторических документов, собранных издателем в этом округе, изданное доктором Де ла Флиз. Мала Чернявка Сквирского уезда, 1848»⁷⁰.

Здесь помещены небольшие этнографические разделы: «О жилищах», «Одеяние и обувь», «О пище и питье», «О занятиях крестьян», «Способы народного лечения». В книге приведены статистические сведения о каждой

⁶⁶ «Морской сборник» за 1857 и 1858 гг.

⁶⁷ Там же, за 1859—1861 гг.

⁶⁸ «Поездка в Южную Россию», ч. I — «Очерки Днепра». СПб., 1861; ч. II — «Очерки Днестра». СПб., 1863 (первая часть вышла в 1863 г. вторым изданием).

⁶⁹ Деляфлиз был военным врачом наполеоновской армии, попавшим в плен в 1812 г. Женившись на племяннице графа Гудовича и приобретя имение в Киевской губ., он навсегда остался в России. С 1843 г. по 1858 г. служил старшим врачом при Палате государственных имуществ Киевской губернии.

⁷⁰ Однако альбом издан не был. Рукопись хранится в Черниговском областном историческом музее (Ал — 15).

деревне Киевского округа (имеются в виду округа как единицы, управлявшиеся министерством государственных имуществ). При этом указывалось не только число крестьян в селе и число дворов, но в нескольких словах отмечались этнографические особенности жилища, одежды.

Особенную ценность представляют цветные зарисовки с натуры жителей каждого села Киевского округа в характерных для данного села костюмах: мужских, женских и детских, летних и зимних, праздничных и рабочих. Деляфлиз дает зарисовки фигур спереди, сзади, в профиль. Не остается без внимания автора и прическа крестьян. На рисунках изображены представители различных слоев села: бедные и зажиточные крестьяне, староста. Все это, несмотря даже на отсутствие объяснительного текста, придает рисункам Деляфлиза значение ценнейшего этнографического источника первой половины XIX в. Рисунки Деляфлиза дают представление и о типах украинского народного жилища в каждом селе, а также позволяют судить о планировке поселений.

Второй альбом Деляфлиза⁷¹, аналогичный первому, написан в 1849 г. и посвящен Сквирскому округу. В 1854 г. Деляфлиз выполнил новое описание⁷² Киевского округа, в основу которого было положено описание 1848 г. Этнографическая часть в этом альбоме значительно расширена, в частности добавлены зарисовки ряда населенных пунктов Киевщины. Всего альбом содержит около 196 этнографических рисунков; текст написан на русском и на французском (параллельно) языках.

В 1854 г. Деляфлиз написал также две обширные специально этнографические монографии⁷³, посвященные описанию Киевской губернии. Они выполнены по программе РГО и мало различаются по содержанию. В них рассмотрены физические особенности украинцев Киевской губернии, их язык, «главнейшие склонности нрава», жилище, «одевание и обувь», «пища и питье», «разные обычаи», «особенности общественного быта крестьян», их «главнейшие занятия», в частности промыслы. Значительное место уделено описанию различного рода обрядов, в частности свадебных, народных знаний, устного народного творчества. Описание содержало и «примерный расчет жизненных средств, приходящихся на крестьянское семейство».

В отличие от предыдущих альбомов в рассматриваемых рукописях основное место занимает текст.

Надо сказать, что многие сведения по духовной культуре, обычаям и обрядам, приводимые Деляфлизом, в других этнографических работах не встречаются. Наибольшую ценность, однако, представляют страницы, посвященные описанию материальной культуры. Деляфлиз не просто фор-

⁷¹ «Медико-топографическое описание или Физическо-медицинская география государственных имуществ Сквирского округа Киевской губернии... Изданное доктором Деляфлизом. Мала Чернявка Сквирского уезда 1849.» Хранится в Черниговском областном историческом музее.

⁷² «Медико-топографическое описание государственных имуществ Киевского округа, с изображением некоторых произведений из царства растительного и животного, с приложением статистики всякого селения с видами, снятыми с натуры, изображением крестьянских костюмов и географической карты Киевского округа...», составленное доктором медицины Де ла Флизом. Киев, 1854 (стр. 1—1245). Хранится в отделе рукописей ГПБ АН УССР, VIII, № 187 (Лаз. 15).

⁷³ «Этнографические описания крестьян Киевской губернии, а в особенности состоящих в государственных имуществх и разные местные исторические памятники древности и рисунки. Составленные доктором медицины Де ла Флизом... действительным членом Комиссии при Императорском Университете св. Владимира», 1854 (ГПБ АН УССР, отд. рукоп. I, 49667, дар Д. Ф. Красицкого). За этой рукописью последовала другая: «Краткая этнография Киевской губернии, а в особенности Киевского округа государственных имуществ». Сквир, 1854. См.: М. П. Алексеев. К вопросу об этнографических работах Деляфлиза. «Этнографично-лінгвістична секція Одеської комісії краєзнавства при ВУАН». Одеса, 1926, стр. 8.

мально описывает особенности жилища, пищи, одежды местного населения, но, будучи главным врачом Палаты государственных имуществ, старается выявить, насколько удовлетворяют они потребностям здорового быта. Это вынудило автора остановиться на тяжелом жилищном и бытовом положении украинского крестьянства.

Однако в своих рекомендациях относительно оздоровления быта крестьян Деляфлиз как типичный дворянский либерал не идет дальше пожеланий, например, «внушить крестьянам», «чтобы они носили сапоги», а не лапти и т. п.

Обобщая свои наблюдения, автор выделяет на территории Киевщины два локальных культурно-бытовых района: Киевский и Васильковский округа — один район; Радомышльский округ — другой. Деляфлиз первый в истории украинской этнографии сделал чертежи планов крестьянских хат, а также зарисовки их интерьера, выполненные с учетом всех требований тогдашней методики собирательской работы. Значительную ценность имеют зарисовки с натуры сцен народного быта (например, известный рисунок, изображающий похороны летом на саях в Радомышльском уезде).

Ценен также для изучения украинской народной архитектуры и типов поселений и альбом акварельных зарисовок поселений Киевской губернии (к сожалению, без пояснительного текста; указаны лишь названия деревень). До настоящего времени он оставался неизвестным исследователям⁷⁴, как и другой альбом, озаглавленный: «Костюмы крестьян государственных имуществ Киевской губернии, рисованные с натуры на месте, объезжая все селения округов Киевского, Сквирского и Черкасского для составления медико-топографического описания, доктором Де-ла-Флизе, членом разных академических медицинских обществ, состоящим при киевских государственных имуществях врачом»⁷⁵. Он содержит четыре сводные цветные таблицы размером приблизительно 60 × 40 см, две из которых посвящены костюмам отдельных селений Киевского, а две — Черкасского округов, со всеми местными особенностями в одежде, обуви, головных уборах. Деляфлиз хотел в этой работе обобщить свои наблюдения над народной одеждой Киевской губернии и дать сводное представление о ней. В альбоме (своего рода атласе) показаны различные по цвету, материалу, покрою вариации мужской и женской «свиты», головных уборов в различных районах и селениях. Безусловно, эти сводные таблицы с изображением народного костюма украинцев в истории украинской этнографии середины XIX в. — явление уникальное. К сожалению, бедность подтекстовок этих таблиц, сводящихся также лишь к указанию, какому селу и обществу свойствен данный костюм, затрудняет определение сословной принадлежности изображенных на рисунках людей.

Наиболее поздней из известных работ Деляфлиза было «Медико-топографическое описание государственных имуществ Киевского округа...»⁷⁶ (1857 г.). Эта работа была, однако, лишена самого ценного в рукописях Деляфлиза — рисунков. Текст ее представлял собой в значительной мере повторение содержания ранее изданных работ. Таким образом, подводя итог деятельности Деляфлиза, можно сказать, что он впервые поставил в столь широких масштабах изучение особенностей важнейших разделов одежды и жилища украинцев.

⁷⁴ ГПБ АН УССР, отд. рукоп., I, 54672 (Лаз. 35), л. 1—88 (Изображения народного жилища начинаются со стр. 26); титульный лист отсутствует.

⁷⁵ ГПБ АН УССР, отд. рукоп., Архив Попельницкого.

⁷⁶ «Медико-топографическое описание государственных имуществ Киевского округа. Составленное доктором медицины Де ла-Флизе... действительным членом Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа». Киев, 1857. ГПБ АН УССР, отд. рукоп., № 281, стр. 1—65.

Из изданий Комиссии по фольклору выделяются сборник украинских народных песен, составленный А. Л. Метлинским, и аналогичный сборник Г. П. Галагана⁷⁷. Оба эти сборника содержат новые записи произведений устного поэтического творчества. Сборник Галагана был к тому же одним из первых, где к текстам песен были приложены ноты. Оба сборника были сочувственно приняты прогрессивной общественностью⁷⁸, в частности журналом «Современник»⁷⁹.

Комиссия для описаний губерний Киевского учебного округа функционировала недолго, причем активно она работала в основном лишь в первую половину периода своего существования. Однако и в этот относительно небольшой промежуток времени членами Комиссии был собран и в большинстве своем опубликован немалый для того времени фактический материал по важнейшим разделам культуры и быта украинцев, причем в центре внимания было изучение преимущественно современности.

Своей практической работой Комиссия подвинула вперед совершенствование методики этнографических исследований, а также разработку принципиальных основ прогрессивной этнографической науки. Экспедиционная форма сбора материала впервые в истории украинской этнографии нашла столь широкое применение и признание. Комиссия выдвинула прием картографирования различных культурно-бытовых явлений, издала широкую этнографическую программу, разработала методику статистических описаний.

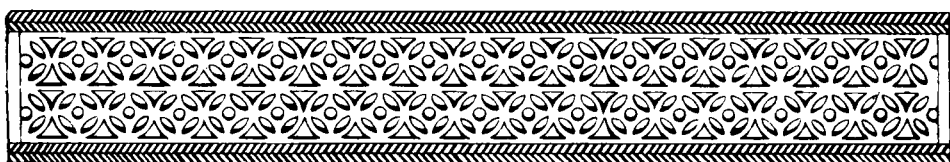
Комиссия объединила в своем составе представителей различных народов России — русского, украинского, белорусского, молдавского — и работала в тесном контакте с Русским географическим обществом. С открытием в Комиссии этнографического отделения она стала первым официальным этнографическим учреждением на Украине, до создания несколько позже столь известного в истории науки Юго-Западного отдела РГО, предшественницей которого по существу являлась.

Деятельность на Украине Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа, как и Русского географического общества, свидетельствует о том, что середина прошлого века — время бурного развития общественно-политической жизни в России — была и временем значительного подъема в развитии украинской этнографии.

⁷⁷ «Народные южнорусские песни». Изд. Амвросия Метлинского. Киев, 1854; Г. П. Г а л а г а н. Южнорусские песни, I. Киев, 1857.

⁷⁸ См. рецензию Н. А. Добролюбова на «Народные русские сказки» А. Афанасьева и «Южнорусские песни» (Полн. собр. соч. в 6-ти томах. М., 1934—1941, т. I, стр. 432).

⁷⁹ См. рецензию на сборник Метлинского в журнале «Современник», 1855, № 3.

Р. С. Л И П Е Ц, Т. С. М А К А Ш И Н А

**РОЛЬ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ,
АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
В ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ**

1

Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) было основано при Московском университете, когда новым уставом университета (1863 г.) было разрешено устройство при нем научных обществ.

Датой основания Общества любителей естествознания (таково было его первоначальное название) обычно считается 14 мая 1864 г. — первое заседание членов-основателей¹. Начальной же датой этнографической деятельности Общества можно считать 29 декабря того же года, когда состоялось первое заседание Комитета по устройству этнографической выставки. В 1867 г. после закрытия этой выставки был выделен этнографический отдел Общества, и оно получило свое полное название.

Благодаря созданию Общества Москва постепенно стала крупным средоточием научной работы в области этнографии в России, тогда как до этого первенствующую роль играл Петербург, где с 1845 г. функционировало Русское географическое общество.

Инициатором создания Общества была университетская молодежь во главе с экстраординарным профессором А. П. Богдановым. Вспоминая о первом этапе создания Общества, один из его членов писал: «Все основатели были очень молодые, почти юноши, и между ними несколько студентов; ни одного из них не считали специалистом и называли не любителями, а губителями естествознания»². Даже А. П. Богданову еще не исполнилось и 30 лет. Между тем этот «немногочисленный кружок...» — как говорил впоследствии Богданов, — задумал громадное, по своим средствам и силам, дело... Не верили специалисты в серьезность задуманного нами дела, подсмеивались над нами не специалисты»³.

Цели и задачи Общества были определены общим направлением развития передовой общественной мысли 60-х годов в России. Это ярко охарак-

¹ В некоторых работах за дату основания принимают 15 октября 1863 г. — день встречи будущих членов Общества — участников студенческого кружка — у А. П. Богданова.

² «Пятидесятилетие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Составил секретарь Общества В. В. Богданов. М., 1914, стр. 25 (далее — «Пятидесятилетие...»).

³ «Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете, в 1867 году». М., 1867, стр. 58 (далее — «Всероссийская этнографическая выставка...»).

тернзовал в наши дни один из наиболее активных сотрудников Общества (в последние десятилетия его существования), известный советский антрополог В. В. Бунак: «Вспомним, что в эти годы созрели и достигли полной силы научные идеи Менделеева, Сеченова, Александра и Владимира Ковалевских; сложилась социологическая концепция Чернышевского, в трудах Костомарова оформлялось новое направление исторических исследований; появились, пожалуй, наиболее значительные произведения русской художественной литературы; получила начало замечательная школа русских художников — Общество передвижников — и русских музыкантов... Существовавшие в стране высшие учебные заведения и небольшое число других научных учреждений не могли удовлетворять пробудившиеся запросы ни по своей структуре, ни по материальным средствам... Нужны были молодые силы, фонды научных материалов — музеи, оборудованные кабинеты, станции в природе, экспедиции, современные библиотеки. Необходимо было установить связи замкнутых кабинетов университетских кафедр с более широкими кругами заинтересованных исследователей. Именно такую многогранную задачу и поставило перед собой молодое научное Общество при Московском университете»⁴.

Характерным в установках Общества было и другое: интерес к изучению своей страны. Тот же поворот к изучению современного быта народов России, необходимый в условиях ломки общественных отношений при отмене крепостного права, наметился в эти годы и в Русском географическом обществе.

Президент Общества любителей естествознания, заслуженный профессор Г. Е. Щуровский, согласившийся возглавить начинание университетской молодежи, отчетливо сознавал новизну этой установки и связь ее с общественным оживлением 60-х годов: «Интерес к изучению России, это новое явление, обнаружившись в нашей публике, не налагает ли на ученых общества и учреждения обязанности помогать этому интересу и стараться, чтоб он из простой любознательности перешел в серьезное изучение и стал необходимостью каждого образованного русского»⁵. Основатели Общества с горечью отмечали, «что публика более знакома хотя с главнейшими особенностями племен Африки и Австралии, чем с племенами, населяющими Россию»⁶.

В Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) входили ученые разных специальностей и широкие круги любителей, в основном демократически настроенная низовая интеллигенция. Этнографов-специалистов в 60-х годах не было, но вопросами этнографии (и фольклора, который от нее не отделялся) интересовались ученые разных профилей (естествознание, юриспруденция, филология); при этом для Общества была характерна комплексность изучений, тесная связь между разными областями знаний, отсутствие узко профессиональной замкнутости.

Этнографическая работа в ОЛЕАЭ началась с первых дней его существования, когда пропагандистом сборов и демонстрации этнографических материалов выступил основатель Общества естествоиспытатель А. П. Богданов. «Доисторический человек, — говорил он впоследствии, — ...был тем звеном, которое связало антропологию с... археологией и историей... Антро-

⁴ Доклад, читанный в Московском обществе испытателей природы 16 мая 1964 г., — «К столетию со времени основания Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете». Благодарим проф. В. В. Бунака, любезно предоставившего нам текст доклада.

⁵ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 30.

⁶ Там же, стр. 2.

пологические вопросы о ныне живущих племенах связали те же естествен-ноисторические науки с этнографией и лингвистикой»⁷.

Разносторонность исследовательской работы Общества и взаимосвязь изучений во всех его отделах обусловили отчасти то, что оно стало, по словам Д. Н. Анучина, «до некоторой степени — академией»⁸.

Слово «любители» в названии ОЛЕАЭ (употребительное и в названиях многих русских Обществ первой половины XIX в.) также получило здесь особый оттенок. В. В. Богданов, секретарь этого научного Общества, писал в 1915 г., что «выражение „любителей“ не совсем нравилось некоторым членам Общества, но... союз специалистов с любителями может быть только полезен — и для науки и ее учреждений (музеев, обсерваторий и пр.), и для любителей, которые могут находить в таком союзе поддержку в своих научных и просветительных стремлениях»⁹.

Сама организационная установка Общества и задачи, которые оно ставило перед собой, были очень знаменательны. Новое Общество резко отличалось от ранее основанных в Москве узко академических обществ, например, Московского общества испытателей природы, в которое допускались только ученые-специалисты и узкий круг избранных лиц. Новое Общество с самого начала стремилось решать и общие задачи просветительского характера; в своей исследовательской работе оно опиралось на широкие слои интеллигенции, в том числе и сельской.

В приветствии от Московского общества испытателей природы по случаю 50-летия ОЛЕАЭ, подытоживающем значение всей деятельности Общества, отмечалось: «Привлечение к участию в Обществе кроме специалистов еще и любителей естествознания открыло возможность широко развернуть свою деятельность не только по изучению России в естественноисторическом, антропологическом и этнографическом отношении, но и в направлении распространения сведений из этих областей знания — и с ними соприкасающихся — в массе народной».

Невозможно изобразить в немногих строках... громадную пользу, принесенную вами не только населению Москвы, но и провинции; невозможно оценить жизненные импульсы и духовные интересы, созданные осуществлением выставок, съездов, собранием богатых коллекций, учреждением Политехнического музея и связанных с ним бесед по вопросам знания и техники»¹⁰.

Этнографический отдел печатал и рассылал программы для собирания этнографических и фольклорных материалов, публиковал полученные в ответ с глубокой периферии рукописи — записи фольклорных произведений, описания жилища, одежды, обрядов, реже исследования. Для лучшей и планомерной связи с провинцией Общество имело своих «уполномоченных» в ряде крупных, в особенности университетских, городов из числа местных ученых или любителей¹¹. Многие из этих уполномоченных не только организовывали работу на местах, но и выполняли научные поручения Общества (см. ниже). Демократизация ОЛЕАЭ была связана в значительной степени с составом корреспондентов Общества. Для многих из них интерес к этнографической работе обуславливался именно их демократиз-

⁷ А. Богданов. Антропология и университет. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 12 января 1876 г. М., 1876, стр. 19.

⁸ Д. Н. Анучин. Полвека жизни Общества. «Пятидесятилетие...», стр. 21.

⁹ «Пятидесятилетие...», стр. 12.

¹⁰ Там же, стр. 53.

¹¹ В Киеве — В. Б. Антонович, в Новгороде — Н. Г. Богословский, в Нижнем Новгороде — А. С. Гацисский, в Варшаве — Д. Я. Самоквасов, в Дерпте — Л. Х. Штида, на Кавказе — В. И. Чернявский, в Олонецкой губернии — Е. В. Барсов, в Казани — Э. Д. Пельцам, в Екатеринодаре — Е. Д. Фелицын, в Коканде — С. И. Моравицкий

мом. Так, постоянный корреспондент Общества И. В. Костоловский, сын солдата, окончивший только городское уездное училище и церковно-певческую школу (а затем лишь получивший диплом народного учителя), сам нахавший выделенный ему клочок земли, писал: «живя в деревне и вращаясь среди крестьянского населения, и видя его забитость, неразвитие, эксплуатацию, бедность, голод, пьянство, суеверие, мстительность, религиозный фанатизм, все это вместе и заставило меня взяться за перо и описывать его современный быт и вместе с ним и страдать, и болеть одним с ним болезнями»¹².

Представители рядовой провинциальной интеллигенции, городской и сельской, были тесно связаны с местными статистическими комитетами, архивными комиссиями, научными обществами при университетах, причем они, конечно, не принадлежали «безраздельно» одному какому-нибудь обществу, а сотрудничали в нескольких сразу. Так, известный сибирский этнограф С. И. Гуляев, избранный членом ОЛЕАЭ относительно поздно¹³, до этого был уже членом еще нескольких обществ. П. В. Шейн, Е. Р. Романов, Н. Я. Никифоровский, связанные с другими столичными научными учреждениями, также оказались в числе корреспондентов ОЛЕАЭ. В многочисленных обществах сотрудничал тот же Костоловский.

Однако эта сеть создавалась лишь позднее, и первое этнографическое предприятие Общества — этнографическая выставка 1867 г. — еще не могло опираться на любителей-одиночек, а в основном было связано, как мы увидим, с местными культурными учреждениями и организациями.

2

Всероссийская этнографическая выставка 1867 г., открытая с 23 апреля по 19 июня в Москве (в Манеже), была наиболее крупным и значительным по результатам предприятием Общества в области этнографии, в значительной степени определившим всю дальнейшую работу Общества. Подготовка к ней началась с 1864 г. и в течение трех лет были собраны экспонаты почти по всем народам России.

Идея организации выставки, как и самого Общества, была встречена недоверчиво; ее устроители вспоминали об общем равнодушии вначале, о высмеивании предполагаемой выставки «с ее антропологическими тенденциями, с ее куклами и игрушечною обстановкою»¹⁴. Однако выставка была осуществлена блестяще и была выполнена «мысль грандиозная», по выражению Г. Е. Щуровского, для того времени: «собрать все племена, населяющие Россию, под одну кровлю, с их домашним бытом и климатом»¹⁵.

На ней было представлено большинство (60) народов России¹⁶, а в про-

¹² Архив Института этнографии АН СССР, ф. Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, № 352 (далее — АИЭ и помер). Письмо к Владимиру Владимировичу [Богданову] от 8 мая 1909 г.

¹³ Обширная переписка его с ОЛЕАЭ хранится в Государственном архиве Алтайского края (ф. 163, оп. 1, св. 15, д. 235), но, несмотря на наши многочисленные попытки ознакомиться с ними, материалы эти так и не были нам предоставлены руководством Архива.

¹⁴ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 34.

¹⁵ Там же, стр. 56.

¹⁶ Это были, судя по «Указателю» к выставке (по терминологии того времени): алеуты, колоши, чукчи, якуты, тунгусы, остяки, зыряне, буряты, самоеды, лопари, финны, карелы, эстонцы, латыши, чудинцы, жмудь, литовцы, евреи, татары минусинские, казанские, ногайские, крымские, дагестанские, черемисы, мордва, вотяки, чувашы, башкиры, киргизы сибирские, оренбургские, астраханские, калмыки астраханские, донские, ставропольские, туркмены, «сарты» из Ташкента, армяне, грузины, имеретинцы, мингрельцы, гурийцы, куртинцы, ахчипсуховцы, кистины, кур-

цессе подготовки был расширен и круг материала: было решено показать на выставке также быт зарубежных славянских народов.

Для подготовки выставки первоначально предполагалась посылка экспедиций в разные районы страны, но Распорядительным комитетом сразу же была сделана оговорка: «3. Для сокращения количества местностей, назначенных для посещения экспедициями, Комитет сначала изыскивает средства приобретать все нужные предметы прямыми сношениями с лицами, могущими быть в этом отношении ему полезными. 4. Экспедиции назначаются Комитетом, когда он придет к убеждению, что другими способами нет надежды приобретать предметы»¹⁷. В конце концов от посылки специальных экспедиций Общество отказалось.

Программные установки для сбора материалов были изложены в ряде «Инструкций» Общества, публиковавшихся в периодических изданиях, а также отдельными брошюрами, рассылававшимися на места. Особенно подробны были «Правила для экспонентов русской выставки»; приводим выдержку из них: «Кроме полных местных и типических костюмов со всеми принадлежностями местного быта и в сопровождении фотографических портретов с типичных лиц местного населения, необходимых для составления этнографических групп выставки, могут быть приняты и помещены в особый отделе отдельные предметы или коллекции их, относящиеся к следующим разрядам: а) предметы, входящие в состав костюма, как-то: головные уборы, нижнее и верхнее платье, шитье, обувь, украшения и проч.; б) предметы убранства горниц; в) посуда домашняя и столовая; г) инструменты домашние; д) инструменты музыкальные; е) мебель; ж) игрушки и детские вещи; з) предметы домашних и общественных обрядов (в особенности идолы, как предметы во многих идолопоклоннических местностях быстро истребляемые); и) земледельческие и промысловые орудия; i) модели судов и их принадлежностей; к) модели жилищ; л) снаряды для меры, веса и счета; м) шкуры домашних животных, характерных для данной местности»¹⁸.

Были опубликованы также «Инструкции для художников» и «Обязательство от фотографической комиссии». От художников и скульпторов требовалось, чтобы никто при выработке манекенов и масок «не украшал бы естественные черты данного лица и не уклонялся бы от типичности»¹⁹, выдерживал бы точность при передаче цвета волос и глаз, размеров лица, роста и т. д., — т. е. вообще определенного физического типа у различных народов России. Манекены были затем выполнены по маскам, фото и проч. квалифицированными скульпторами (академик С. И. Иванов, проф. Н. А. Рамазанов, анималист С. П. Закревский, И. Л. Севрюгин, позднее оформлявший и Антропологическую выставку 1879 г., и др.).

Все это дало возможность получить собранные по определенному плану, хорошо сравнимые, легко классифицирующиеся по отдельным областям материальной и духовной культуры экспонаты в сочетании с антропологическими материалами. «Указатель» к выставке содержал подробное опи-

цы, персияне, аджары, хевсуры, лезгинны, черкесы, гвевры, цыгане, молдаване, турки, немцы-колонисты. Восточные славяне были представлены великорусами, белорусами и «малороссиянами», причем были выделены этнографические группы — уральские, донские казаки и др., а также русские, живущие в Галиции, Буковине и Венгрии. Отметим, что зарубежные славяне были представлены довольно полно: поляки, сербы, хорваты, боккезцы, черногорцы, чехи, ганакки, словаки, словенцы, болгары (см. «Указатель русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете». М., 1867. Указатель был составлен Н. К. Зенгером. Далее — «Указатель...»). Указатель явился первой в XIX в. попыткой этнической классификации народов России.

¹⁷ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 5.

¹⁸ Там же, стр. 15.

¹⁹ Там же, стр. 11.

сание экспонатов, расположенных на выставке по этническо-территориальному признаку. Описанию каждой этнической группы была предпослана небольшая этнографическая справка, содержащая сведения о расселении народов этой группы, их численности, физическом типе, происхождении, занятиях, культуре и пр. Составленные на высоте уровня науки того времени, эти справки придавали Указателю научное значение и сохранили известную ценность до настоящего времени.

Экспозиция выставки, распадавшейся на три отдела, заключала много свежего и оригинального. В «Отделе групп» были комплексно показаны натуральные жилища того или иного народа с группами манекенов в национальных костюмах, изображавших людей в живых позах, занятых тем или другим видом деятельности. В жилище и вокруг него были скомпонованы различные орудия труда, утварь и пр. Тут же находились и чучела домашних животных, используемых для транспорта (например, коня сибирских киргизов, верблюда оренбургских киргизов, верховой лошади словенца чумацких волов), в верховой упряжи или запряженных в арбу, телегу и т. п. Этот новаторский в то время принцип позднее утвердился в экспозиции русских музеев, получив название «обстановочных сцен».

Как образец можно привести «группу» по «сибирским киргизам Средней орды» (т. е. казахам), составленную из экспонатов, присланных полковником Чингисом Валихановым, «бывшим старшим султаном Кокчетавского округа Области сибирских киргизов». Отец знаменитого этнограф-путешественника Чокана Валиханова, он был известен своей постоянной связью с русскими учеными и активной собирательской деятельностью в области этнографии и фольклористики²⁰. Содержание группы — момент свадебного обряда, в котором было намечено и социальное расслоение казахов того времени: три манекена в пышных костюмах (два женских и один мужской) представляли семью богатого киргиза, четвертый, в обычном костюме, — прислуживающего киргиза, держащего на поводу лошадь, предназначенную для невесты, с женским седлом, мешками, под особым, употреблявшимся на свадьбах, покрывалом. Кибитка с полным внутренним убранством, включавшим принадлежности для приготовления кумыса, позволяла видеть, как варится пища на казане. Другие костюмы и бытовые предметы — орудия, кожаные седла и разные принадлежности верховой езды, утварь, музыкальные инструменты, детские игрушки, присланные Валихановым, были экспонированы в общем отделе; кроме того, он дал и коллекцию фотографий.

Наиболее сложная «группа» по зарубежным славянам (словенцам) также была посвящена свадьбе. Ее передал Матий Маяр из Южной Штирии. Кроме материала непосредственно по свадьбе, в ней были показаны народные игры (даже со всадником, добывающим приз) — все на фоне бытовой обстановки²¹. А. Вукашинович передал модели семи построек, орудий сельскохозяйственных, прядения и ткачества, мебели, утвари²².

Во втором отделе выставки — «Общем этнографическом», экспонаты были расположены в основном по категориям, намеченным в «Инструкции». Третий отдел — «Антропологический и археологический» также был связан с этнографической тематикой; в нем был представлен быт и облик «доисторического человека» и материалы по тому разделу антропологии, который теперь называется «этнической антропологией».

²⁰ См. о нем: Чокан Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1952, стр. 16—21; Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 14—17.

²¹ «Указатель...», стр. 73, 76.

²² Там же, стр. 128, 129, 135.

Экспонировались и альбомы художников (например, «Киргизский этнографический альбом» В. Н. Плотникова, «Альбом Большой Орды и диких каменных киргизов» учителя П. М. Кошарова из Томска). Фотография была тогда еще новинкой, но фотоснимки ряда лиц не только использовались как справочные при выделке манекенов и устройстве обстановочных сцен, но и были выставлены как самостоятельные экспонаты.

Из коллекций, присланных отдельными лицами, выделялись по разнообразию, вдумчивости их подбора и богатству материалы по Царству Польскому (этнография поляков, русских, литовцев), переданные в дар известным деятелем того времени по крестьянскому вопросу и экономистом — кн. В. А. Черкасским, и по всему населению Западного края — П. П. Муромцевым. Кроме костюмов белорусских крестьян, евреев-ремесленников и других и большого количества этнографических предметов, последний представил десять моделей жилых и хозяйственных построек Могилевской губернии и многочисленные фотоснимки.

Характерно, что к изготовлению предметов и их моделей в отдельных случаях привлекались крестьяне. Так, Е. Д. Григорьев, приславший модели десяти построек разного назначения, указал: «Модели сделаны жмудином, крестьянином деревни Краполей, Ботокской волости, Россиенского уезда — В. Штрефелем»²³. Самостоятельно прислали экспонаты крестьяне из северных губерний: Кандаков из Архангельской губернии и уезда (сельскохозяйственные орудия), П. Хохлин из Вачевской области той же губернии (рыболовные орудия)²⁴.

Из ученых-этнографов и путешественников, участвовавших в устройстве выставки, можно упомянуть Л. А. Загоскина (экспонаты по алеутам и племенам «прибрежья Берингова моря и Америки»), С. И. Гуляева (по Сибири) и др. Из общего числа членов Общества (Этнографического отдела еще не было) участвовало в выставке всего 23.

Наибольшее количество экспонатов было получено, однако, не от отдельных «жертвователей», а от ученых обществ, центральных и провинциальных, а в особенности — через губернские статистические комитеты и особые вспомогательные комитеты по устройству выставки, учрежденные на местах.

Статистические комитеты, созданные незадолго до этого, играли на местах большую культурную роль, занимаясь не только подготовкой статистических сведений, но и издавая литературу широкого краеведческого профиля (сборники, памятные книжки), организуя поездки для изучения местного края и пр. На открытии выставки депутат от Нижегородского комитета, известный по своим этнографическим занятиям А. С. Гацисский, подчеркнул, что пришло время, когда «различные ученые и административные учреждения обращаются к статистическим комитетам не только за содействием, но и за разъяснением чисто практических вопросов, входящих в круг занятий статистических комитетов»; в их числе было и «Общество любителей естествознания, когда задумало выставку» и комитеты приняли «немалую долю участия в доставлении на выставку этнографических коллекций»²⁵. В устройстве выставки приняли участие 22 комитета, прислав, согласно программе Общества, костюмы, модели построек, орудия труда, средства передвижения. Материальные возможности многих комитетов были, однако, скудны, и им пришлось ограничиться присылкой отдельных предметов, костюмов или фото. Наоборот, по материалам Уфимского вспомогательного комитета была сделана обстановочная сцена по башкирам;

²³ Там же, стр. 128.

²⁴ Там же, стр. 131.

²⁵ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 60.

Оренбургский комитет, организованный в помощь выставке, дал все для сцены уральского рыболовства — «багренья»²⁶.

Из научных обществ наибольшую помощь в устройстве выставки оказало Русское географическое общество, и позднее поддерживавшее с молодым московским Обществом довольно тесную связь. Им были переданы для выставки 20 костюмированных манекенов, отдельные предметы, фото по разным народам России²⁷.

Член совета Русского географического общества В. В. Григорьев в отзыве на общем собрании своего Общества 3 мая 1867 г. говорил: «Нашему Географическому обществу, существующему почти в десять раз долее, чем Московское общество любителей естествознания, и заключающему в составе своем многочисленный этнографический отдел, следовало бы придти к мысли о пользе и своевременности этнографической выставки в России, быть может, прежде, чем московским ученым; но да будет далеко от нас всякая зависть: в общерусском деле между Москвою и Петербургом нет и не должно быть никакой розни... Русское географическое общество сочувствует мысли об устройстве этнографической выставки в Москве и успешному ее там осуществлению столь же горячо и искренно, как если бы начин и исполнение в этом деле принадлежали ему самому». Единство целей и задач обоих обществ и необходимость совместной работы подчеркивал и В. И. Ламанский — председатель Отделения этнографии РГО²⁸.

Среди других обществ и учреждений, участвовавших в выставке, следует назвать С.-Петербургский сельскохозяйственный музей, Кавказское общество сельского хозяйства, экспонаты которых как бы предварили тематику «промышленной этнографии» на Политехнической выставке 1872 г. (например, давяльня для винограда, салазки для молотбы хлеба).

Интерес к ломке патриархальных отношений, к дифференциации деревенского населения, к разрушению замкнутого крестьянского быта, характерный для пореформенной эпохи, сказался во внимании устроителей выставки к быту и занятиям отходников-мастеровых, кустарей, промысловой прослойки населения, мелких бродячих торговцев и пр. В потоке поступавших экспонатов таких материалов было относительно мало, но все же удалось сделать манекены волжского бурлака, калужского крестьянина в извозе, нижегородского продавца деревянной посуды и валяной обуви и ярославского офени, блинницы, лотошницы, кормилицы, штукатура и плотника и др. Комитет выставки, видимо решив пополнить эти материалы, самостоятельно приобрел следующие костюмы русских с принадлежностями быта и заказал для них манекены наиболее квалифицированным исполнителям: «московского фабричного с гармонью», «дворника» («фигура крестьянина-дворника с железным четвериком в руке, с ключом на пояске, как бы только что продавшего овса из подле стоявшего куля»), извозчика, ямщика, «торжковских товаров продавца», «продавца книг и лубочных картин», «владимирца коробейника», «рязанца целовальника на телеге», «коновала», «вожака с медведем», «мальчика с козой и барабаном». Кроме этих фигур, были заказаны Комитетом только еще два манекена мальчиков: «играющего в бубен» и «ломающего пряники» (игра)²⁹.

²⁶ Всего статистические комитеты дали материалы по 15 народам России (по терминологии того времени); кроме восточных славян, по чукчам, тунгусам, самоедам, карелам, мордве, чудинам, калмыкам, башкирам, литовцам, евреям, греческим поселенцам, молдаванам.

²⁷ Материалы, полученные из РГО (по терминологии того времени), относились к алеутам, колошам, лоярям, обдорским осяткам, бурятам, тунгусам, минусинским татарам, киргизам, калмыкам, черкесам и др.

²⁸ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 70, 73, 74.

²⁹ См.: «Указатель...», стр. 45, 47, 48.

Внимание устроителей выставки к промышленности, хотя бы кустарной, сказалось также в экспозиции типов дешевых серег и их производства, зеркал, шнуров и тесьмы, игрушек, очков, лубочных картин и пр. Была показана и великорусская изба, «богатая по той обстановке, которая уясняет жизнь крестьянина-промышленника»³⁰.

Научные общества и учреждения, в которых действовали зачастую демократические элементы, как и сам Комитет, старались показать бытовую этнографию в неприкрашенном виде. Однако были на выставке материалы и другого рода. Представители правительственных кругов, заигрывавших тогда с общественностью, решили воспользоваться инициативой Общества и продемонстрировать на выставке мощь и этническое разнообразие Русского государства, конечно в тенденциозном плане. Через свой разветвленный аппарат и личными «дарами» они заполнили выставку экспонатами, долженствующими выдать быт социальной верхушки «инородцев» России, наиболее зажиточной части крестьянства и богатых горожан за основу народного быта. Выставка должна была служить демонстрацией патриархальности, твердых устоев быта, незыблемой религиозности народов России — приверженцев христианства, ислама, буддизма или иудаизма.

В некоторых официальных речах на открытии выставки подчеркивалось, что идея устройства выставки и музея нашла «чрезвычайное сочувствие от Охотска до Вислы и от Арарата и Риона до Лапландии: оно отзывалось не только в чисто русских сердцах, но и в азиатских инородцах», «во всей России, начиная от ступеней трона до последнего крестьянина»³¹.

Этот элемент официозности был подчеркнут роскошью части костюмов, великолепием оружия и утвари, драгоценными предметами культа. По указанию свыше, генерал-губернаторы, казачьи наказные атаманы, султаны и ламы вдруг сделались ревностными собирателями этнографических экспонатов и даже щедрыми жертвователями, приняв участие в модной «народолюбческой» забаве. Однако основной материал собирался на местах местными культурными силами — учреждениями и отдельными любителями, а зачастую официальные лица вообще служили только ширмой.

Конечно, союз между правительственными кругами и демократически настроенными руководителями Общества не мог быть длительным. Предчувствуя это, А. П. Богданов в благодарственной речи меценату В. А. Дашкову — председателю Комитета выставки сказал: «Жизнь изменяет все, может изменить она и наши отношения. Может статься, что мы станем когда-нибудь под разные знамена с вами, что будем преследовать различные цели, что мы отдалимся от лица официального»³².

Организационная работа за рубежом проводилась Комитетом как непосредственно, так и через консульства, посольства и пр. Особо велика была роль М. Ф. Раевского в сборе экспонатов в австрийских владениях. Раевский, бывший священником при русском посольстве в Вене, сумел привлечь к этому делу славянские научные общества (Галицко-русская матица и Русский народный дом во Львове, Общество для изучения южнославянской истории и языка в Загребе, Сербское ученое общество) и ряд частных лиц.

К открытию выставки был приурочен Славянский съезд в Москве, на который съехалось свыше 80 делегатов, среди них — видные ученые и деятели национального освобождения. Созыв международных съездов при открытии последующих выставок ОЛЕАЭ стал своего рода традицией (Антропологический съезд в 1879 г., Географический — в 1892 г.).

³⁰ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 4.

³¹ Там же, стр. 34, 65.

³² Там же, стр. 59.

Всего в устройстве выставки участвовало, помимо коллективных экспонентов, свыше полутораста лиц; учитывая же сотрудничавших в различных обществах, русских и зарубежных, комитетах и пр., число участников выставки надо было бы по крайней мере удвоить.

Выставка пользовалась огромным успехом. За два месяца ее посетило более 80 тыс. человек. Окупились все ссуды и расходы по ее устройству.

К закрытию выставки стало ясно, что накоплен опыт этнографической работы, подобраны кадры сотрудников-этнографов в центре и в провинции, что наступило время публиковать собранные материалы, развернуть музейное дело, расширять экспедиционную деятельность; опять встал вопрос о курсе этнографии в университете. «Музеем, исследованиям и преподаванию — принадлежит вырастить плод от тех стволов, корнями которых является выставка»³³, — говорил председатель Комитета по устройству выставки В. А. Дашков.

3

Устройство этнографической выставки стало возможным вследствие интереса московских культурных учреждений к созданию этнографического музея. В. А. Дашков, бывший помощником попечителя Московского учебного округа, видел существенный пробел в экспозиции Московского Публичного музея: «В музеем этом недостает чрезвычайно интересного и полезного отдела этнографического», устройство которого «требует, кроме усилия лиц, специально знакомых с этим делом, еще и значительных издержек», на что «ни публичный музей, ни здешний университет не имеют достаточных средств»³⁴. Узнав о предполагаемом устройстве этнографической выставки Обществом любителей естествознания, он справедливо счел, что силами Общества можно будет организовать сбор материалов, которые затем лягут в основу нового отдела музея, и 10 мая 1865 г. предложил Обществу необходимую для выставки ссуду в 18 тыс. руб. на условии, что вся этнографическая коллекция будет затем передана в Московский Публичный музей. После закрытия выставки она и образовала так называемый Дашковский этнографический музей, причем особо было оговорено, что коллекции выставки должны быть доступными членам Общества для их работ.

В отчете Распорядительного комитета выставки говорится, что в музей была передана «обширная этнографическая коллекция» стоимостью в 50 тыс. руб. и, таким образом, устройство музея не потребовало дополнительных материальных затрат. Эта основная коллекция содержала, по отчету комитета, «288 манекенов, до 450 костюмов, до 1200 номеров предметов домашнего быта, орудий и моделей и до 2000 рисунков и фотографий»³⁵.

Постепенно музей превратился в один из крупнейших этнографических центров России и сконцентрировал огромные материалы почти по всем народам страны.

Фонды музея пополнялись экспедиционными сборами членов Общества и усилиями местных собирателей. В провинции эти материалы «собирала демократическая молодежь: учителя, агрономы, земские врачи, сотрудники статистических комитетов, архивных губернских комиссий», причем «коллекции были собраны с удивительной добросовестностью и любовью, что обеспечило им большую научную достоверность и точность»

³³ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 46.

³⁴ Там же, стр. 6.

³⁵ Там же, стр. 94.

Более того, «коллекционирование сопровождалось многочисленными рукописными замечаниями»³⁶.

Уже в 1867 г. началась систематическая лекционная работа Общества. Перед открытием выставки, в течение всего марта и первых чисел апреля московской профессурой был прочитан цикл лекций (среди которых были и лекции с этнографической или близкой к ней тематикой) с целью материально поддержать устройство выставки и привлечь внимание к областям знания, связанным с изучением человека³⁷.

Часть ссуды, полученной обратно от ОЛЕАЭ, В. А. Дашков употребил впоследствии на издания, связанные с музеем. В этом особенно велика заслуга В. Ф. Миллера, бывшего с 1884 по 1897 г. ученым хранителем музея, систематизировавшего коллекции музея и издавшего описание их³⁸.

В современной литературе отмечалось, что Миллеровское описание коллекций в свое время представляло «руководящую нить для серьезного изучения» быта многочисленных нерусских народов и имело значение не только «справочного, но и руководящего труда при занятиях этнографией»³⁹. Кроме того, были опубликованы три этнографических сборника⁴⁰.

За Этнографической выставкой последовала в 1872 г. Политехническая выставка, на которой также было много ценных материалов по «промышленной этнографии» (например, в отделе рыболовства и охоты). За 97 дней ее посетило уже 750 тыс. человек, из них — 100 тыс. бесплатно. При Политехническом музее, созданном на основе выставки, читались из года в год лекции — так называемые воскресные объяснения коллекций, или воскресные чтения, содержавшие нередко и этнографическую тематику.

Общественное значение этих лекций было очень велико. Недаром известный ученый И. А. Каблуков называл в начале нашего века Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии «первым народным университетом»⁴¹.

К. А. Тимирязев, сам участвовавший в «воскресных чтениях», с присущей ему социальной остротой мышления, проникновенно обрисовал обстановку на них в аудитории Политехнического музея в 80-х годах: «Не знаю, многим ли из вас, мм. гг., случалось бывать в этой зале в воскресенье утром, но я позволю себе утверждать, что ни в лондонском Кенсингтоне, ни в парижском Conservatoire'e не встречал я картины более утешительной. Вы встретите здесь толпу, самую пеструю, какую по старой привычке могли бы себе представить где угодно, но уж никак не в аудитории. А между тем это факт; эта толпа в аудитории, она составляет аудиторию, внимательно, жадно ловящую слова не сказки, не потешного рассказа, а ставшего доступным

³⁶ Б. А. Калоев. В. Ф. Миллер — кавказовед. Исследования и материалы. Орджоникидзе, 1963, стр. 17. (В кавычки взяты выдержки из рукописи В. В. Богданова «Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848—1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки». АИЭ, ф. 66, № 40.

³⁷ Приводим перечень некоторых лекций: «Этнографическая школа в праве» (лектор М. Н. Капустин), «Этнографические вымыслы наших предков» (Ф. И. Буслаев), «Об историческом движении русского народонаселения» (С. М. Соловьев), «О славянских племенах» (М. П. Погодин), «Влияние племенного характера на народное хозяйство» (И. К. Бабст), «О значении краниологии» (А. П. Богданов).

³⁸ «Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея», вып. 1. М., 1887; вып. 2, 1889; вып. 3, 1893; вып. 4, 1895.

³⁹ «Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера». М., 1900, стр. IX.

⁴⁰ «Сборник по этнографии, издаваемый при Дашковском музее», вып. 1. М., 1885; вып. 2, 1887; вып. 3, 1888.

⁴¹ «Пятидесятилетие...», стр. 27. Эти лекции публиковались в особых выпусках «Изв. ОЛЕАЭ» — «Воскресные объяснения коллекций Политехнического музея» (т. XXII, вып. 4, 1878; т. XXXVI, вып. I и II, 1879; т. XXXIX, вып. I, 1880; т. XLII, вып. I и II, 1881, 1882, т. XLIV, вып. I и II, 1883, 1884; т. XLVII, вып. I и II, 1885, 1886; т. LIII, 1886—1887; т. LXII, вып. I и II, 1889, 1890; т. LXXIV, 1891; т. LXXIX, 1893).

ее пониманию научного вопроса... Быть может, я увлекаюсь, преувеличиваю значение этого явления, но, при каждой новой встрече с ним, мне представляется, что здесь, в зачаточной форме, в микроскопических размерах, но все же проявляется начало осуществления колоссальной задачи будущих веков, что это только начало расплаты того веками накопившегося долга, который наука, цивилизация, рано или поздно, должна же вернуть тем..., на плечах которых они совершали и совершают свое торжественное шествие»⁴². Эта цитата характеризует не только «воскресные чтения» Общества, но и самого К. А. Тимирязева, который смог приступить вплотную к осуществлению «колоссальной задачи» только после Октябрьской революции, но прозорливо предвидел ее еще в обстановке царской России.

Когда при Московском университете был открыт после Антропологической выставки 1879 г. антропологический музей, в специальном отделе были экспонированы относительно небольшие первоначально этнографические коллекции. Впоследствии фонды этого отдела пополнялись поступлениями от научных экспедиций и от отдельных путешественников. Так, в 80—90-х годах коллекции по народам Сибири и Дальнего Востока были доставлены Н. Л. Зеландом (гиляки), Ф. Я. Коном (сойоты — тувинцы), В. К. Арсеньевым (народы Приамурья), Н. Л. Гондатти (чукчи и вогулы), Е. И. Луценко — по теленгетам и др. К. Д. Бальмонт передал музею коллекции по Яве, Цейлону, Новой Гвинее, В. В. Троицкий — по Центральной Африке. К XX в. этнографический отдел музея содержал систематизированные коллекции по народам Африки, Америки, Азии, Полинезии и Меланезии, по народам Сибири, Средней Азии и другим народам России⁴³.

После Географической выставки 1892 г. был открыт при университете Географический музей, также близкий к этнографической тематике.

4

Экспедиции проводились Обществом с года его основания и постепенно их размах все увеличивался. Президент Общества Г. Е. Щуровский еще в 1867 г. четко определил значение экспедиций в своей речи на годичном собрании: «Экспедиции составляют коренную потребность нашего Общества. В них архимедов рычаг для движения русской науки»⁴⁴. Если при устройстве Этнографической выставки еще сочли возможным обойтись без экспедиционных выездов, то последующий период жизни Общества был связан с развитой экспедиционной работой. Большая часть экспедиций преследовала цель естественнонаучного изучения страны, но и в них — в особенности в антропологических — в большинстве случаев собирали также этнографический материал; в этом сказался принцип комплексности в изучении человека. Кроме того, было проведено много чисто этнографических экспедиций. Из них отметим многолетние поездки на Кавказ В. Ф. Миллера, — некоторые совместно с М. М. Ковалевским, Н. Н. и А. Н. Харузиными, и почти всегда в сопровождении местных кавказоведов: учителей Цоцко Амбалова, С. В. Кокиева и других, студентов Петровской сельскохозяйственной академии С. А. Туккаева и Сафира Урусбиева и других. Многие из них, записывая фольклорные тексты и делая этнографические наблюдения, помогая Миллеру в составлении словарей и пр., прошли хорошую научную школу и впоследствии успешно работали в этой области самостоятельно.

К экспедициям в отделах Общества готовились долго и планомерно; разрабатывались и обсуждались на заседаниях общие подробные програм-

⁴² См. «Пятидесятилетие...», стр. 28.

⁴³ См.: Т. Д. Гладкова. Антропологическая выставка 1879 г. и основание Музея антропологии. СА, 1959, № 2, стр. 135.

⁴⁴ «Изв. ОЛЕАЭ», т. III, вып. 2, 1886, стр. 110.

мы сбора этнографических материалов. Кроме того, при подготовке к той или иной экспедиции докладывались и утверждались на заседаниях и специальные для каждой экспедиции программы. Из этих экспедиций, кроме описаний явлений материальной и духовной культуры изучаемого народа, привозили много экспонатов, также систематически подобранных.

Инструкции по сбору вещей, фотографированию их и бытовых сцен, по наблюдениям над жизнью населения составляли не только основу программ Этнографического отдела, но и особые пункты в программах экспедиций Антропологического отдела. Эти сборы особенно усилились перед Антропологической выставкой 1879 г. В 1877 г. были совершены поездки на Север Н. Я. Зюгафа, Н. К. Зенгера, А. И. Кельсиева; они привезли ценные материалы по саамам, ненцам, русским. Программа Зюгафа по самоедам (ненцам), например, содержала 70 вопросов, из которых, кроме антропологических, были относящиеся к составу самоедских (ненецких) родов, брачно-семейным отношениям, верованиям, материальной культуре; в программе Кельсиева по лопарям (саамам) были вопросы о названиях созвездий, культе медведя, полярной истерии и пр. В том же году были совершены экспедиции к башкирам, в Приуралье (Ф. Ф. Нефедовым), на Кавказ (Н. Г. Керцелли) и др. В провинции на средства, выделяемые Обществом, также совершались поездки и разъезды, обычно под руководством уполномоченных Общества. Так, в круг работ Общества вошли знаменитые раскопки Д. Я. Самоквасова в Черниговской губернии, проводилась собирательская работа Е. В. Барсовым в Олонецкой губернии.

Экспедиционные занятия Общества сочетались со стационарной работой, иногда многолетней, в пределах двух-трех волостей или уездов одной губернии, — например, собирателей С. Я. Дерунова, П. К. Дилакторского, И. В. Костоловского, А. Д. Неуступова. Их фольклорно-этнографические собрания были фундаментальными и включали нередко почти все жанры фольклора и материалы по различным областям народного быта. При этом, пользуясь программами Общества, собиратели вырабатывали и свой подход к записи фольклора, стремились выяснить подлинную картину его бытования.

Один из постоянных корреспондентов Общества — П. В. Иванов (в архиве ИЭ есть 396 записанных им сказок) писал в Этнографический отдел в 1890 г. из Купянского уезда Харьковской губернии о том, что записи фольклора на местах должны давать полную и объективную картину его бытования: «По поводу посылаемого мною „Сборника“ я считаю нужно сказать несколько слов. В известные сборники Чубинского, Драгоманова, Шейна внесены этнографические материалы с очень большого района, а потому они не дают вполне ясного представления о том, какое количество приведенных в этих сборниках словесных произведений находится в обращении у жителей одной определенной местности, одного уезда, одной даже слободы. Кроме того, в сказанные сборники вошли лучшие, так сказать, очищенные материалы, между тем только в редких случаях мы находим теперь в народном употреблении старинные поэтические произведения в неприкосновенной чистоте и цельности; обыкновенно же встречаем их обрывки, обломки или спайки нередко даже отдельных кусков из разных произведений. Таким образом, имея в виду только избранный материал, мы получаем не действительную, а идеальную картину народной жизни, а так как сверх того некоторые из темных сторон этой жизни обойдены в упомянутых сборниках, то картина приобретает еще более одностороннее освещение. Если бы естественный исследователь, описывая в зоологическом или в ботаническом отношении какую-нибудь местность, исключил бы из местной фауны, не внес бы в свое описание, положим, виды вредных животных, или из флоры — виды сорных или ядовитых растений, то, конечно, никто

не сказал бы, что описание вполне характеризует данную местность в зоологическом или ботаническом отношении»⁴⁵.

С. И. Остроумов доказывал необходимость изучения фабричных и солдатских песен: «мне кажется, что в научном отношении эти песни так же важны, как и те, которые льстят [неразб.— каждому?] вкусу», так как «наш народ в своих эстетических суждениях разбился на два лагеря»⁴⁶.

Установки Общества в собирательской работе на широкие круги корреспондентов наиболее систематично проводил в жизнь В. Ф. Миллер, возглавивший с 80-х годов Этнографический отдел и воспитавший при отделе школу молодых этнографов. Связанный с Кавказом своими многолетними исследованиями в области лингвистики, фольклора, археологии, он создал там чрезвычайно деятельную и обширную сеть сотрудников и корреспондентов. Среди них были и учителя, и землемеры, и техник нефтяных промыслов и даже машинист паровоза. Б. А. Калоев в своей книге о Миллере приводит два характерных высказывания ученого: «Такая область, как Кавказ, необходимо требует и большего числа исследователей даже в количественном отношении, а между тем число исследователей, сравнительно с количеством научных задач, на Кавказе представляется совершенно ничтожным. Без энергичного содействия местного общества никакие ученые временные экспедиции не в состоянии достигнуть больших результатов... То, что заезжим ученым дается с крайним трудом, может быть сравнительно легко достигнуто деятельностью местных жителей. Конечно, в этих местных помощниках, главным образом в сельских и городских учителях..., нельзя искать ученых специалистов... Но наука по отношению к Кавказу нуждается прежде всего еще в собирании точных сведений, в сообщении материалов, а этой цели могут по многим вопросам содействовать не только учителя, но даже ученики старших классов учебных заведений и сельские писаря»⁴⁷.

«Какой-нибудь скромный учитель, преподающий в аульной или станичной начальной школе,— писал он в другой работе,— занимаясь с программой, разосланной Округом, приходит к убеждению, что и он, в своем захолустье, может сделать нечто полезное для науки, что население, которое он ежедневно видит вокруг себя, его обычаи, песни, поверья, наконец, весь несложный строй его жизни могут быть предметом наблюдения и научного описания. Заинтересованный новым делом, он принимается за работу, наблюдает внимательно то, мимо чего прежде проходил равнодушно, выспрашивает, записывает, узнает ближе своих учеников и их родителей, словом, в его однообразное существование, в его рутинные занятия проникает луч света, вносится живое дело, столь же интересное для него, как для его учеников и односельчан». Дальше он пишет о том подъеме духа, который испытывает такой собиратель, «когда увидит свою работу в печати, когда убедится, что работал не бесплодно, а внес свою лепту в дело научного изучения родного края!»⁴⁸.

Своеобразный характер носила собирательская работа политических ссыльных, которые, как известно, составляли сильное и передовое научное

⁴⁵ См. письмо П. В. Иванова к Николаю Андреевичу [Янчуку] от 21 января 1890 г., АИЭ, № 416. Любопытно сравнить эту мысль П. В. Иванова с высказыванием Б. М. и Ю. М. Соколовых в предисловии к их сборнику «Сказки и песни Белозерского края», приведенном в статье Е. И. Короткина в настоящем издании (см. стр. 191, 192).

⁴⁶ Письмо от 1 апреля 1884 г. АИЭ, № 422.

⁴⁷ В. Миллер. О сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, издаваемом Управлением Кавказского учебного округа (вып. I—XIV), Тифлис, 1893, стр. 1, 2.

⁴⁸ В. Миллер. О сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, издаваемом Управлением Кавказского учебного округа (вып. XV—XVII). Тифлис, 1894, стр. 2.

течение в русской этнографии в конце XIX — начале XX в. В продолжении многих лет они были не по своей воле привязаны к какому-либо краю, одному из наиболее глухих и малоизвестных в России, и изучали его со всей социально-политической остротой и очень квалифицированно.

ОЛЕАЭ поддерживало обширные связи, более или менее тесные, с большой группой политических ссыльных — Д. А. Клеменцем, В. Г. Таном-Богоразом, Л. Я. Штернбергом, Н. А. Виташевским, И. И. Майновым, В. И. Иохельсоном, Э. К. Пекарским, Ф. Я. Коном и др. Оно поручало им сбор этнографических материалов, помогало консультациями, программами, присылкой литературы; печатало их труды в своих изданиях, несмотря на жесткий контроль цензуры. Иногда приходилось прибегать к псевдонимам; так, под псевдонимом Вс. Михайловича печатался Всеволод Михайлович Ионов⁴⁹. В. И. Иохельсон, передавая приветствие от группы политических ссыльных президенту ОЛЕАЭ Д. Н. Анучину, по случаю его 70-летия, отмечал: «Члены этой группы сделались научными работниками, с одной стороны, благодаря печальным обстоятельствам русской действительности, с другой стороны, вопреки, можно сказать наперекор этим обстоятельствам. Неволья и обстановка, с одной стороны, направляли их ум в ту или другую сторону научной деятельности, с другой — ставили им почти непреодолимые препятствия, с которыми приходилось вести жестокую борьбу... Я 20 лет невольно и вольно провел в работе среди некультурных племен северо-восточной Сибири. В первый период пришлось работать при отсутствии самых необходимых книг и пособий и при наличии всякого рода стеснений и невзгод. Но так или иначе, попадавшие к нам труды Ваши и издания, и работы, сделанные другими под Вашим руководством и наблюдением, давали нам указания, что и как мы можем делать»⁵⁰.

Члены-сотрудники Общества и постоянные его корреспонденты привлекали к собирательской работе других местных людей. Так, Ф. Я. Коп, находившийся на поселении в Сибири, прислав в общество статью «Свадебные обычаи у минусинских старожилов», приводит в предисловии обширный список лиц, материалы которых были ему представлены⁵¹.

В. Д. Бонч-Бруевич, сопровождавший в Канаду переселявшихся туда от преследований царского правительства духоборов, передал в ОЛЕАЭ русскую сказку со следующим подробным примечанием: «Эту сказку записала А. А. Сац в Канаде зимой 1899 г. в деревне Михайловке (северный участок Норктонских поселений) за духоборческим четырнадцатилетним мальчиком Петром Моркиным. На Кавказе он жил в Ахалкалакском уезде, Тифл. губ. селении Родионовка»⁵². П. В. Иванов в предисловии к сборнику «От колыбели до могилы» также указывает имена и фамилии собирателей, принимавших участие в составлении этого сборника⁵³. В. К. Магницкий, член-сотрудник ОЛЕАЭ, пишет: «В приложении к календарю Вятской губернии на 1884-й год, изданному Вятским губернским статистическим комитетом, напечатаны: «Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде», записанные мной при сотрудничестве некоторых сельских учителей. Один из моих сотрудников — учитель Лазаревского земского училища О. М. Жирнов прислал мне 22-го декабря вновь три заговора... и одно

⁴⁹ АИЭ, № 62.

⁵⁰ «Пятидесятилетие...», стр. 244.

⁵¹ АИЭ, № 69. На титульном листе приписка Н. Янчука: «Статья получена чезрез А. А. Ивановского. Автору послано мною письмо с просьбою прислать полные тексты песен, употребляемых им в статье лишь по начальному стиху, и с обещанием напечатать статью в течение 1901 г. под рубрикой «Свадьба у великорусов».

⁵² АИЭ, № 341.

⁵³ Там же, № 331.

поверье..., которые я имею честь представить в Общество археологии, истории и этнографии»⁵⁴.

Группировались вокруг Общества и столичные ученые и собиратели. В начале нашего века при Этнографическом отделе стали работать две комиссии: музыкально-этнографическая (с 1902 г.) и по народной словесности (с 1911 г.). В состав первой вошел С. И. Танеев, до этого еще участвовавший в кавказских экспедициях отдела, и другие московские композиторы. Комиссию интересовала не только запись музыкального фольклора, но и народные музыкальные инструменты. Д. К. Зеленин прислал в ОЛЕАЭ описание волынки⁵⁵; Д. К. Аракчиев (Аракашвили) — подробное исследование грузинских музыкальных инструментов. Результаты работы Комиссии были опубликованы в двух выпусках «Известий ОЛЕАЭ». Комиссия содействовала М. Е. Пятницкому в организации его хора и выступлений по разным городам; в архиве ОЛЕАЭ сохранились и записи песен, сделанные Пятницким в Бобровском уезде Воронежской губернии⁵⁶.

Комиссия по народной словесности⁵⁷ издала в 1912 г. и разослала специальную программу⁵⁸. В нее стали поступать фольклорные материалы, присылаемые в Общество. Так как к 1911 г. был накоплен огромный фонд фольклорно-этнографических записей в Этнографическом отделе, члены комиссии разобрали и описали его. Были изданы два выпуска библиографического указателя по фольклору⁵⁹. Члены комиссии, среди них были и фольклористы, деятельность которых развернулась полностью уже в советское время (братья Б. М. и Ю. М. Соколовы⁶⁰, П. Г. Богатырев и др.), совершали поездки, а в своих докладах и статьях доказывали, как и местные собиратели, необходимость изучать фольклор во всем его объеме, а не архаизируя его и не исключая новые его формы, в том числе и урбанистические.

При Этнографическом отделе работала также сильная группа юристов во главе с М. М. Ковалевским, занятая обстоятельной разработкой проблем обычного права, понимаемого как рудимент древнего закона. Ковалевского привлек к работе в отделе В. Ф. Миллер еще в 80-х годах, и по его совету Ковалевский начал изучать материалы словесных волостных судов на Кавказе и пр.; на основе кавказских материалов он создал свои известные работы с широкими обобщающими выводами. Кроме крупных московских юристов, в работу включились и этнографы-юристы (в их числе — Н. Н. Харузин, Е. И. Якушкин). Вопросы по обычному праву, содержащиеся в программах, рассылаемых Обществом, были иногда настолько социально остры, что привлекали внимание полиции, преследовавшей затем местных собирателей⁶¹.

⁵⁴ АИЭ, № 168.

⁵⁵ Там же, № 197.

⁵⁶ Там же, № 275.

⁵⁷ См. статью: Э. В. Померанцева. «Комиссия по народной словесности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1911—1926)». «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», II. Труды ИЭ, т. 85. М., 1963.

⁵⁸ «Программа для собирания произведений народной словесности». М., 1912.

⁵⁹ «Библиографический указатель литературы по народной словесности на русском языке», вып. 1. М., 1913, вып. 2, 1914.

⁶⁰ См. статью Е. И. Коротина в настоящей книге, стр. 184, 188 и др.

⁶¹ См. письмо И. В. Костоловского от 8 мая 1909 г. к Владимиру Владимировичу [Богданову] «...Ведь собирать этнографию в наст[оящее] время довольно стеснительно. Я отвечал вам на вашу программу и там в программе есть вопрос: Кому принадлежит земля, — по поверью? и за это собрание о земле я попал в 1905 г. в ноябре месяце под прокурорский надзор да и чуть и не в тюрьму и за что? — а все за собрание этнографии. Но, конечно, Общ[ество] ваше всего этого не знает и я об этом не сообщал, — (вещь довольно интересная для вашего Этнографического отдела)». АИЭ, № 352.

В области теоретических исследований работы Общества также высоко расценивались современниками-юристами. В приветствии от юридического факультета Московского университета говорилось, что «деятельность Общества, охватывающая столь обширные отрасли знания», воплощает «единство знания, часто забываемого при современном стремлении к специализации», а между тем география и этнография — отрасли «знания, с которыми имеют такую тесную связь история права и хозяйства, — эти необходимые отделы в системе законченного юридического и экономического образования. Много экспедиций для исследований жизни и быта народностей России и смежных с нею стран было организовано Обществом и много драгоценного материала было в них собрано. В особенности велики заслуги Общества в деле собирания материалов по обычному праву и их разработки»⁶².

«Русские юристы, — говорилось в юбилейном приветствии Юридического общества при Петербургском университете, — не раз черпали в изданиях Общества ценный материал для изучения юридического быта различных народностей империи, многие из них в работах по сравнительному праву и истории учреждений обращались к трудам Московского Общества, как незаменимому источнику точных научно обследованных данных». «Без знакомства с трудами Общества, — говорилось дальше, — едва ли обойдется всякий, ищущий по юридическим древностям и древнейшей истории права и учреждений»⁶³.

Вообще широкий охват деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии сказался в постоянных связях его со многими университетами, научными обществами и учреждениями в России и за рубежом. На 50-летнем юбилее Общества были представители не только старейших научных учреждений вроде Академии наук, Московского и Петербургского университетов, Русского географического общества, но и молодых провинциальных обществ по изучению местного края, губернских ученых архивных комиссий, музеев и пр. Многие этнографические сведения и фольклорные записи поступали в Общество благодаря содействию Управления учебных округов, распространявшего, например, программы по собиранию одежды.

Связи между научными учреждениями и обществами поддерживались близкими взаимоотношениями между собой крупных ученых и работой их в разных научных учреждениях. Так, В. Ф. Миллер, бывший бессменным председателем Этнографического отдела ОЛЕАЭ, возглавил в связи с переездом в Петербург, когда его избрали академиком, Отделение этнографии Русского географического общества. Велика была организационная роль А. Н. Пыпина с его обширными связями едва ли не со всеми этнографами и фольклористами России.

Профессор Д. Н. Анучин, в течение долгих десятилетий (с 1890 г. до своей смерти в 1923 г.) остававшийся президентом Общества, был душой антропологической науки в России в конце XIX — начале XX в. В своей научной и педагогической деятельности и в руководстве Обществом он следовал принципу комплексного изучения антропологии, этнографии и археологии, получившему в науке название «анучинской триады». Это содействовало объединению вокруг Общества научных интересов ученых разных специальностей и многочисленных «любителей».

Для студенческой молодежи и начинающих ученых большое воспитательное и познавательное значение имели заседания Общества с их содержательными, свежими докладами. Они также публиковались в протоколах

⁶² «Пятидесятилетие...», стр. 43.

⁶³ Там же, стр. 111.

заседаний отделов и в отчетах, хотя и в сокращенном, конспективном виде, и становились достоянием всей читающей публики.

Общество, основанное при Московском университете, естественно, с самого начала опиралось на студенчество, из его среды выращивая своих сотрудников, посылая студентов в экспедиции, направляя их первые шаги на научном поприще. Вспоминая в 1914 г. свои далекие студенческие годы, И. А. Каблуков говорил о первом этапе жизни Общества: «Быть может, для учащейся молодежи XX-го века Общество любителей естествознания не имеет того значения, какое оно имело для нас, хотя нельзя сказать, что оно работает меньше, напротив — деятельность Общества расширилась; но то, что мы получали от него, теперешняя молодежь может получить в других аудиториях в Москве, в которой возник ряд просветительных учреждений, каков, напр., Городской университет имени Шанявского; и наряду с народной аудиторией Политехнического музея мы видим на окраинах Москвы аудитории Народных университетов. Нельзя не отметить того, что среди наиболее выдающихся деятелей в этих просветительных учреждениях находятся те, кто вышел из школы Общества любителей естествознания, школы А. П. Богданова, и служат они идее демократизации науки»⁶⁴.

Однако участники студенческих научных кружков Московского университета, являвшиеся частично и членами ОЛЕАЭ (такова была практика Общества), как и их предшественники, по-прежнему высоко оценивали значение для них Общества, когда прошло уже полвека с его основания: «Мы, будущие антропологи, географы и этнографы, особенно признательны Обществу за доставление возможности услышать на заседаниях Общества и его отделений сообщения и ученых о новейших теоретических исследованиях, и прикладных деятелей о новейших фактических завоеваниях в области наших наук. Тем самым заседания Общества являются для нас необходимым дополнением к нашим теоретическим университетским курсам... Равным образом в наших попытках исследования нашей Родины мы встречали неизменную моральную и материальную поддержку со стороны Общества»⁶⁵.

5

Многие из местных собирателей, узнав о существовании нового этнографического центра, предлагали начать собирать фольклорный и этнографический материал специально для ОЛЕАЭ. Так, К. Г. Борусевич пишет: «...я узнал, что в Москве с недавнего времени образовалось Общество любителей естествознания, которое нуждается в добросовестных членах-любителях», и просит помочь ему советами, так как «командирован на Кавказ в качестве межевого техника, что даст мне возможность исследовать Кавказ как в этнографическом, так и антропологическом отношениях»⁶⁶. В. А. Губин из г. Тюкалинска ходатайствует о присылке «открытого листа», так как иначе не может начать работу: «Сидя здесь в глуши я бы желал немного хотя заняться этнографией, т. е. собиранием здесь материалов. Местные архивы волостных правлений представляют для этого целые сокровища». Кроме того, он посылает образцы песен и осведомляется, какие песни записывать⁶⁷.

Другие же собиратели начинали переписку с Обществом по поводу передачи или издания ранее собранных, а иногда даже подготовленных к печати, но почему-либо не опубликованных в другом месте материалов.

⁶⁴ «Пятидесятилетие...», стр. 33.

⁶⁵ Там же, стр. 80.

⁶⁶ АИЭ, № 409.

⁶⁷ Там же, № 298.

С. Я. Дерунов, постепенно пересылавший из Ярославской губернии в Общество многообразнейшие записи по различным жанрам фольклора и этнографическим рубрикам, сообщал в своих письмах, что «они начали собираться раньше 1850 года, а также записывались со слов покойной бабушки, а некоторые остались в памяти от детства, с того времени, когда я не умел ни читать, ни писать»⁶⁸. Лишь впоследствии он начал их систематически пополнять новыми материалами. «Черкните, — писал он, — что вы намерены сделать с этнографическими материалами, которые труды многих лет, а потому-то они для меня и кажутся драгоценными»⁶⁹.

П. С. Ефименко предполагал печатать свои этнографические записи в изданиях Губернского статистического комитета в Архангельске, но это «по недостатку материальных средств и другим причинам не состоялось»⁷⁰, и он опубликовал их в Трудах ОЛЕАЭ. П. В. Иванов передал обширные собранные им материалы по Купянскому уезду Харьковской губернии в Историко-филологическое общество при Харьковском университете, а когда там не смогли найти на их издание средств, послал сборник в ОЛЕАЭ⁷¹.

Учитель Павел Синодский из Меленковского уезда Владимирской губернии в течение двух лет учительства собирал травники и прислал «Полный сборник трав» из 100 названий, с объяснениями⁷²; инспектор народных училищ Т. Рождественский из г. Нижнедевицка Воронежской губернии предлагал Обществу издать его сборник сектантских песен в составе 529 текстов⁷³. Обществом велась обширная переписка с корреспондентами-собираателями по этому поводу, и число примеров можно увеличить по желанию.

Все это побуждало руководителей Общества развивать напряженную издательскую деятельность, что было нелегко при ничтожной субсидии, получаемой ОЛЕАЭ. С первого же года основания Общества началось издание его «Известий» (включавших и серии Трудов отделов Общества) на русском языке, что соответствовало установкам Общества на широкую популяризацию науки: в практике Московского общества испытателей природы, например, долгое время еще держалось издание Трудов на иностранных языках. Всего с 1864 по 1916 г. вышло 130 томов «Известий» ОЛЕАЭ, многие из которых состояли из нескольких выпусков.

Отдельные тома «Известий» (кроме монографических выпусков) содержали исследования, публикации материалов, протоколы заседаний отделов, экспедиционные и другие отчеты, информационные сообщения. Из наиболее значительных в этнографическом отношении работ можно назвать и тематические сборники⁷⁴, и монографии по отдельным народам России (объединяющие обычно данные этнографии и антропологии)⁷⁵,

⁶⁸ Там же, № 353.

⁶⁹ Там же, № 43. Перечень пересланных С. Я. Деруновым материалов содержится в письме его от 1 марта 1893 г.

⁷⁰ См. письмо его от 18 декабря 1874 г. АИЭ, № 415.

⁷¹ Письмо от 21 января 1890 г. Там же, № 416.

⁷² Письмо его от 14 апреля 1892 г. Там же, № 65.

⁷³ Письмо его от 26 июня 1905 г. Там же, № 252.

⁷⁴ «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих», кн. I и II («Изв.», т. VII, 1868; т. XII, 1873); «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. I—III («Изв.», т. LXI, 1889; т. LXIX, вып. I, 1890; т. LXIX, вып. II, 1891); «Материалы и исследования по изучению народной песни и музыки», т. I и II («Изв.», т. CXIII, CXIV, 1906).

⁷⁵ К. А. Попов. Зыряне и Зырянский край («Изв.», т. XIII, вып. 2, 1874); П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, вып. 1 и 2 («Изв.», т. XXX, вып. 1, 1877; вып. 2, 1878); А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды, вып. 1—2 («Изв.», т. LXIII, 1889; т. LXXII, 1891); Н. Н. Харузин. Русские лопари («Изв.», т. LXVI, 1890); И. А. Житецкий. Очерки быта астраханских калмыков («Изв.», т. LXXVII, 1893).

и, реже, монографии по отдельным отраслям и явлениям народной культуры⁷⁶.

С 1889 г. стал выходить периодический орган Этнографического отдела — журнал «Этнографическое обозрение», что значительно расширило возможности публикации поступавших в Общество материалов. Редактором журнала был Н. А. Янчук, с 1901 г. совместно с В. Ф. Миллером, а с 1905 г. к ним присоединился В. В. Богданов.

В журнале сотрудничали ведущие этнографы того времени⁷⁷. Многие крупные их исследования, вошедшие в основной фонд русской науки — работы Л. Я. Штернберга по гилиякам, В. Ф. Миллера — по русскому эпосу и др., — опубликованные впоследствии отдельными книгами, впервые печатались на страницах «Этнографического обозрения». Вторую часть контингента авторов журнала составили местные собиратели.

Большинство местных авторов были учителями преимущественно сельских и начальных городских школ, низовыми медицинскими работниками (врачи, фельдшеры, ветеринары); были среди них лесничие, техники, землемеры — вообще представители разночинной интеллигенции как по положению, так и по происхождению. Один из наиболее активных корреспондентов ОЛЕАЭ — П. А. Дилакторский работал в уездном городе Вологодской губернии в земстве и в библиотеке⁷⁸.

Этнографы-любители присылали записи фольклорных текстов, сообщения по быту и верованиям народов России; в их статьях порой делались попытки обобщения. Обращает на себя внимание скромность корреспондентов и в то же время желание увериться в значении для науки своих записей. Так, Д. К. Долгов, посылая статью с лингвистическим анализом некоторых терминов у вотяков, пишет: «Я сделал слабую попытку. Но пусть она послужит толчком для более сильных, чем я... А что, мои материалы имеют какое-нибудь значение?»⁷⁹ И действительно, все эти материалы помогли зафиксировать определенный этап жизни страны, создавали надежную базу для общих теоретических выводов в русской этнографической науке.

Общество было постоянно стеснено в материальных средствах и журнал издавали от номера к номеру, прибегая к общественной подписке, вкладывая личные средства членов Отдела (например, семьи Харузиных), и т. п. У редакции никогда не было уверенности, что журнал сможет выходить длительный срок бесперебойно. Обо всех денежных затруднениях красноречиво говорят письма Н. А. Янчука к А. Н. Пыпину⁸⁰.

Тем не менее редакция старалась выплачивать, особенно нуждающимся авторам, хотя бы небольшой гонорар, что при грошовом заработке сельских учителей, например, имело для них и практический интерес. Об этом свидетельствуют письма многих из них, хранящиеся в АИЭ⁸¹. Но характерно, что значительная часть провинциальных авторов просила не денежного гонорара, а присылки взамен него бесплатной этнографической литерату-

⁷⁶ В. М. Михайловский. Шаманство, вып. 1 («Изв.», т. LXXV, 1892). Кроме того, вне серий вышли книги: Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896; Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

⁷⁷ Д. Н. Анучин, М. М. Ковалевский, А. Н. Максимов, А. В. Марков, В. Ф. Миллер, Г. Н. Потанин, А. Н. Пыпин, Н. Ф. Сумцов, Н. С. Тихонравов, Н. Н. Харузин. Н. М. Ядринцев, Е. И. Якушкин и др.

⁷⁸ См. его автобиографию. АИЭ, № 367.

⁷⁹ Письмо от 30 сентября 1899 г. АИЭ, № 57.

⁸⁰ См.: М. Я. Мельц. А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX — начала XX в. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», II. М., 1963, стр. 111, 112.

⁸¹ Письмо от декабря 1904 г. АИЭ, № 340; письмо от 17 апреля 1892 г. АИЭ, № 408 и др.

ры, — изданий Общества и другой, — чтобы иметь возможность более квалифицированно вести собирательскую и вообще научную работу.

Семинарист Федор Сперанский писал из г. Владимира о посылаемой им статье: «Недостатков в этой статье, думаю, много: я не смог исчерпать весь предмет ее по неимению под руками ученых статей по части русской мифологии; во Владимире нет Публичной библиотеки, а в частной не имеется историко-литературного отдела. Приобрести книг, нужных для статьи, по бедности, не мог; у отца моего 10 человек детей и все, как говорится, на его еще шее. В пасхальную неделю я буду в Москве с целью устроить себя в материальном отношении, во время (будущего) моего обучения в каком-либо из высших учебных заведений, куда намерен поступить по выходе из IV класса семинарии. В бытность свою в Москве, я побываю у Вас, — узнать о достоинстве и будущности моей статьи. ...Всякое ваше замечание, как ученого, для меня, только что начинающего самостоятельно мыслить, будет дорого»⁸². И. П. Пузырев из Томской области с тревогой спрашивает, почему ему прекратили высылку «Этнографического обозрения», хотя в журнале печатали его статьи: чего хочет отдел, может быть статей в определенное число строк на интересующую редакцию тему? или, «может быть, вы не желаете иметь меня долее корреспондентом?»⁸³. Письма многих из них полны жалоб на невозможность достать такую литературу в провинции.

Основным стимулом для всех этих людей было желание приобщиться к культурной жизни страны, внести в нее свой вклад. Для бесплатной рассылки было выделено более ста экземпляров каждого номера журнала; кроме того, рассылалась и другая литература. О большом практическом и моральном значении всей этой помощи писали в Общество многочисленные его корреспонденты.

Благодаря тому, что в редакционном портфеле преобладал полевой материал, современный крестьянский, а отчасти и рабочий, быт находил в журнале отражение, хотя при этом он нередко привлекался как свидетельство разрушения традиций крестьянской жизни или «порчи» фольклора.

Демократические тенденции в деятельности Общества отражались на направлении журнала. Нередко он прямо примыкал к общественной оппозиции, поддерживая своим научным авторитетом борьбу с вопиющими проявлениями произвола царской администрации. Так, в журнале печатались статьи, в которых разоблачался расистский и провокационный характер судебных процессов того времени, сфабрикованных правительством, — так называемых «дела Бейлиса» и «Мултанского дела». Опровергая судебские измышления, авторы многочисленных статей аргументировали данными этнографии. Откликнулась редакция журнала и на борьбу с социальным бедствием тех лет — «голодными годами».

«Этнографическое обозрение» было, пожалуй, наиболее либеральным и прогрессивным из дореволюционных этнографических изданий, к тому же рассчитанным на широкий круг читателей и авторов. Однако в целом журнал все же стоял в стороне от общественной жизни. Основное внимание в нем уделялось проблемам генезиса верований и фольклора, отчасти — пережиткам первобытнообщинного строя.

Теоретические исследования, которыми (наряду с публикацией материалов) заполнялся первый отдел каждой книги, отличались эклектизмом. Не только в журнале вообще, но и нередко в работах одного исследователя сочетались господствующие научные течения (миграционная теория, эволюционизм, в начале XX в. — психологическая школа, или этнопсихология).

⁸² Письмо Ф. Сперанского председателю Этнографического отдела ОЛЕАЗ Н. А. Попову от 29 марта 1874 г. АИЭ, № 427.

⁸³ Письмо от 20 декабря 1893 г. АИЭ, № 191.

Во втором разделе журнала — критики и библиографии — редакция стремилась дать исчерпывающий охват текущей литературы по этнографии — русской и зарубежной (обзоры, рецензии, аннотации). Кроме того, печатались указатели по литературе отдельных групп народов за XVII—XX вв. (кавказской, сибирской, прибалтийской, украинской и др.). В хорошей постановке библиографического отдела в журнале особенно велика была заслуга Н. Н. Харузина и его сестры — В. Н. Харузиной. Публиковались и хроникальные материалы по этнографической жизни России и отчасти зарубежных стран.

* * *

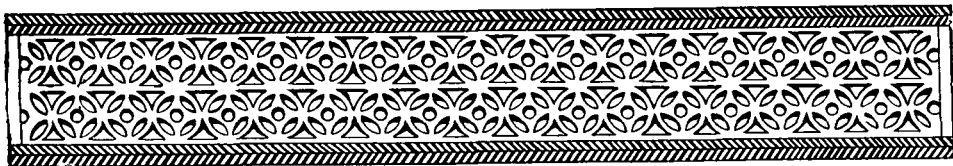
После Октябрьской революции на основе Общества были созданы научные институты, расширены и реорганизованы музеи, открытые при его содействии, и пр. В 20-х годах Общество продолжало сохранять до известной степени свое значение, но впоследствии уступило постепенно место этим многочисленным исследовательским и просветительным учреждениям.

Коллекции Дашковского этнографического музея, в том числе и некоторые из обстановочных сцен выставки 1867 г., экспонировались в 30-х годах, — конечно, с известной переработкой, — в Центральном музее народоведения (позднее Музей народов СССР), а ныне влились в экспозицию и фонды Государственного музея этнографии народов СССР (ГМЭ) в Ленинграде; функционирует до настоящего времени Антропологический музей при Московском государственном университете.

Экспедиционная работа в Обществе наиболее энергично шла после Октябрьской революции в Антропологическом отделе (например, экспедиции 20-х годов в Туву под руководством В. В. Бунака, к народам Сибири — под руководством Б. А. Куфтина). В этих экспедициях по-прежнему интересовались связями этнографии с «этнической антропологией», совмещали антропологическую работу со сбором этнографических предметов. Позднее эта работа сосредоточилась в научно-исследовательском Антропологическом институте и музее при нем в МГУ и в Центральном музее народоведения, который стал в то время крупным научным центром.

Комиссия по народной словесности функционировала до 1926 г., так как в тот период фольклористическая деятельность сконцентрировалась во вновь созданной Государственной академии художественных наук (позднее Государственной академии искусствознания), где была выделена особая секция фольклора; архив Комиссии впоследствии вошел в фонды Государственного Литературного музея. Во всех этих новых учреждениях работали, наравне с другими, члены ОЛЕАЭ и их ученики. В 1930 г. ОЛЕАЭ было слито с Московским Обществом испытателей природы. Богатый архив Этнографического отдела ОЛЕАЭ в настоящее время хранится в Институте этнографии Академии наук СССР (в Москве).

Этнографические сокровища Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (музейные коллекции, рукописные архивы, публикации, ставшие библиографической редкостью), как и сама методика работы и выращенные Обществом кадры — все это должно стать предметом пристального изучения. При историческом подходе, советские ученые найдут здесь для себя много полезного и ценного.

И. М. КОЛЕСНИЦКАЯ

НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИССЛЕДОВАНИЯХ

50—60-х годов XIX в.

1

Еще в XVIII в. в работах по русской истории В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов использовали фольклорные материалы, касающиеся народных обычаев, обрядов, поверий. Обращение к фольклору участилось в России в первой половине XIX столетия. Романтики считали национальную старину ценнейшим источником познания духа народа; в 40-е годы фольклорные источники заняли прочное место в исторических построениях славянофилов; взгляды демократического направления в это время были сформулированы В. Г. Белинским. В конце 40-х годов в полемику со славянофилами с позиций западников вступил А. П. Милюков. По-разному оценивая содержание и эстетическую ценность фольклора, авторы статей 40-х годов не ставили, однако, под сомнение самую возможность обращения к народной поэзии как к историческому источнику. Такое сомнение высказано было несколько позже Т. Н. Грановским.

В трудах последователей новой, историко-юридической школы, группировавшихся в 50-е годы вокруг «Архива» Н. В. Калачева, народная поэзия привлекалась как источник познания только древнейшего, дохристианского периода (родового уклада), от которого не сохранилось свидетельств письменных. С ними полемизировали славянофилы. Но, несмотря на видимые различия в использовании народной поэзии в качестве исторического источника славянофилами — для воссоздания картины допетровской Руси с ее общинным укладом, патриархальной семьей и христианскими верованиями, а представителями историко-юридической школы — для изучения особенностей родового быта и мифологических представлений доисторического периода, — все же в отношении их к фольклорным памятникам были и общие черты: позднейшие эпохи в их работах представлены не были. Кроме того, обращаясь к народной поэзии наряду с другими этнографическими и историческими источниками, представители обоих направлений искали в них отражения тех или иных мифологических представлений, обрядов, явлений быта, не рассматривая художественный замысел в целом. Художественная специфика фольклорного памятника как своеобразного исторического источника, отражающего в самом своем сюжете определенные взгляды народа, для них пропадала. Из памятника извлекались лишь отдельные сведения (о формах семьи, брака, взаимоотношениях князя с дружиной, о христианстве, язычестве и т. д.). Кроме того, как те, так и другие допускали в ряде случаев чисто умозрительные построения, произвольные сопоставления, необходимые для подкрепления своих теорий, приводившие

нередко авторов к весьма шатким выводам (например, ряд известных толкований фольклора мифологами).

Очень ясно все отмеченные особенности сказались в «Истории России» С. М. Соловьева¹, который, привлекая фольклорный материал (преимущественно героический эпос), воспользовался выводами сторонников противоположных направлений. Фольклор был нужен ему для характеристики Киевской Руси в томе I, отчасти в томе III (период 1054—1228 гг.), где упомянуты новгородские былины, и в томе XIII.

События же XVII—XVIII столетий излагаются только по письменным источникам (т. XI), взгляд народа на социальные движения оставлен историком без внимания. Что же касается древнейших периодов, то и здесь его интересовали не взгляды народа, а отражение обычаев и уклада Киевской Руси. В былинах из сборника Кирши Данилова, на который автор преимущественно опирается, он ищет конкретных свидетельств о том, как князь собирал дружину, о присутствии женщин на пирях князя²; в песне о Соловье Будимировиче его привлекают детали материального быта древней Руси (описание корабля и пр.). Останавливаясь на отдельных конкретных свидетельствах о древнем укладе в былинах, Соловьев не ставил под сомнение их полной исторической достоверности, не учитывал своеобразие памятника устного творчества, позднейших напластований в нем. В общей оценке древних песен Соловьев не пошел далее славянофилов. Вслед за С. П. Шевыревым (на «Историю русской словесности» которого даются ссылки) он видел в былинах, например, столкновение христианского начала с языческим³ (былины об Алеше Поповиче, об исцелении Ильи) и т. п.

Но двумя названными направлениями не исчерпывалось движение науки о народном творчестве в 50-е годы XIX в. За последние десятилетия неоднократно подчеркивалось непримиримое отношение к шатким концепциям славянофилов и мифологов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, продолживших во второй половине 50-х годов начатую еще Белинским полемику со славянофилами и в то же время резко осудивших за односторонность, увлечение архаикой и шаткость метода исследователей, группировавшихся вокруг «Архива» Калачева: Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и др. Взгляды Чернышевского и Добролюбова разделяли и другие члены редакции «Современника», на страницах которого в конце 50-х и начале 60-х годов несколько резко отрицательных рецензий на работы мифологов поместил А. Н. Пыпин. Но статьи авторов революционно-демократического направления силы были не только пафосом отрицания всего, что в эпоху 60-х годов представлялось не отвечающим требованиям времени. Они носили в ряде случаев программный характер, определяя пути новой науки о народе и намечая различные важные аспекты исследования народной жизни и мирозерцания, среди них и аспект исторический. Справедливо замечание В. Я. Проппа, писавшего, что «утверждение связи фольклора с историей народа и его мирозерцанием — одна из основ революционно-демократической фольклористики»⁴. Однако взгляды революционных демократов 60-х годов на соотношение истории народа и его поэзии не были просто повторением и развитием идей Белинского, высказанных полтора десятилетиями ранее, — они сложились под влиянием требований новой эпохи и отразили ту борьбу, которая развернулась в науке в первой половине 50-х годов. На формирование этих взглядов, несомненно, воздейство-

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. I. СПб., 1893.

² Там же, стр. 219, 241, 242, 264.

³ Там же, стр. 261, 262 и др.

⁴ В. Я. Пропп. Основные этапы развития русского героического эпоса. М., 1958, стр. 5.

вало все то, что революционные демократы слышали, читали, критически воспринимали на студенческой скамье, в первые годы общественной деятельности и позднее. С другой стороны, эпоха 60-х годов, научная полемика и декларируемые Чернышевским, Добролюбовым и другими передовыми деятелями идеи оказывали воздействие на их современников, непосредственно не принадлежавших к лагерю революционной демократии, заставляя их обращаться к тем вопросам и темам, которые были в то время наиболее актуальными, и решать их в демократическом духе. А это позволяло прогрессивным деятелям эпохи 50—60-х годов в свою очередь пользоваться ценными материалами, приводимыми в статьях и монографиях этих исследователей, для дальнейшего развития передовых идей.

2

В отличие от предыдущих десятилетий 50-е годы XIX в. характеризовались не просто столкновением противоположных взглядов на историю, устную поэзию народа и их соотношение. В это время закладывались принципы научного изучения материала исторического и этнографического, языка и поэзии, вырабатывались научные методы исследования. В связи с этим особенно остро вставал вопрос о возможных источниках исторического и этнографического исследования, о степени их достоверности и методах изучения.

Критическое отношение к уходящему, связанному с романтизмом первой половины века, подходу к фольклору выразил А. А. Котляревский. Возражая против романтической идеализации всего архаического, которая уступает место «спокойному вниманию к историческим судьбам своего отечества», Котляревский упрекал А. П. Милюкова в том, что книга его для второго издания не переработана в соответствии с достижениями нового времени, когда на смену старой эстетики «пришло строгое изучение факта, под влиянием животворного метода, которым давно уже пользовалось естествоведение»⁵. Но сам автор рецензии ограничивал задачу исторического изучения народной поэзии «мифологическим аспектом», который представлялся ему единственно верным и научным.

В ином плане вопрос о возможных источниках исторических исследований ставился на страницах журналов в связи с появлением томов «Истории» С. М. Соловьева, трудов Н. Г. Устрялова и независимо от них, а также в трудах вновь организованного II Отделения Академии наук, душой которого в то время был И. И. Срезневский. Народное творчество и язык как важные источники для изучения истории народа привлекали Срезневского еще на Украине, в пору его романтических увлечений украинским бытом, стариной, в период путешествия молодого ученого по славянским землям, когда он с энтузиазмом работал как лингвист, фольклорист и этнограф. Противопоставляя в предисловии к первому тому «Запорожской старины» письменным источникам устные, Срезневский отмечал, что летописи украинские «повествуют только о подвигах сего народа», но очень редко касаются «до внутренней жизни его». Скудость письменных источников заставляет обратиться к народным преданиям — неисчерпаемому источнику сведений о жизни запорожцев⁶. Это увлечение историческими жанрами фольклора сблизило в ту пору Срезневского с Гоголем⁷.

⁵ А. А. Котляревский. [Рецензия]. Очерк истории русской поэзии г. Милюкова. Изд. 2. СПб., 1858. «Отечественные записки», 1858, № 4, Критика, стр. 57, 59.

⁶ И. И. Срезневский. Запорожская старина, т. I. Харьков, 1833, стр. 6, 7.

⁷ Николай Васильевич Гоголь в переписке с Измаилом Ивановичем Срезневским в 1834—1835 г. Опубликовал Вс. Срезневский. «Русская старина», 1852, № 3, стр. 756.

И в 50-е годы, когда отдельные ученые пересматривали вопрос об использовании фольклорных материалов как исторического источника и некоторые из них отвергали народное предание, Срезневский, уже далекий в то время от романтических увлечений, продолжал отстаивать значение фольклора, старался способствовать накоплению материала для будущих исследований. В «Программе для собирания образцов народного языка и словесности», напечатанной в начале 50-х годов⁸, он подчеркивал роль фольклорных памятников как исторического источника, отмечая значение не только древнейших из них, но и тех, которые связаны были с важными для судеб народа эпохами. Предлагая учитывать точку зрения самого народа, составитель советовал обращать внимание на те памятники, которые особо ценимы народом⁹. Те же положения были высказаны Срезневским в «Исторических чтениях о языке и словесности»¹⁰. Он подчеркивал, что не только для доисторического периода, но и для того, от которого сохранились письменные источники, подлинные документы о событиях, предания незаменимы¹¹.

Границы использования фольклора в качестве исторического источника в трудах Срезневского, таким образом, значительно расширились (по сравнению с другими исследователями этого периода). Кроме того, в изучении истории народа, по мнению ученого, важную роль мог играть язык народной поэзии, наряду с изучением языка народа вообще.

Все эти положения пропагандировались Срезневским также с кафедр Петербургского университета и Главного педагогического института и усваивались его многочисленными учениками, из которых создавался мощный отряд молодых историков и филологов 50—60-х годов, неизменно обращавшихся к народной поэзии и защищавших в спорах ее значение для историка. В курсах лекций «Славянские древности», «Славянские наречия и литературы» среди источников по истории славян постоянно упоминались язык и фольклор. «В слове, — говорил лектор, — открываем мы следы исторических судеб народа, его быта, верований, образованности»¹². Наряду с письменными и археологическими памятниками упоминались обычаи, обряды, поверья, сказки, песни, пословицы¹³. «В песнях, — подчеркивал Срезневский, — важно не только содержание, но и самое изложение, обороты речи и состав стихотворный»¹⁴.

Ближайшим учеником Срезневского в Педагогическом институте был в эти годы Н. А. Добролюбов, для которого исторический аспект изучения народной поэзии был одним из главных. В Петербургском университете Срезневский пробудил интерес к этнографии, археологии и историческим изучением у Н. Г. Чернышевского, Д. Л. Мордовцева, В. И. Ламанского и др.

Несмотря на различие общественно-политических взглядов его учеников, сказавшееся на характере их дальнейших работ в интересующей нас

⁸ «Памятники и образцы народного языка и словесности». Прибавления к «Изв. ОРЯС», т. I. СПб., 1852, стлб. 2—3.

⁹ Там же, стлб. 4.

¹⁰ И. И. Срезневский. Исторические чтения о языке и словесности. Вступительная заметка. «Изв. ОРЯС», т. I, стр. 308.

¹¹ И. И. Срезневский. Труд и мнения Н. В. Берга касательно народных песен. «Изв. ОРЯС», т. IV. 1855. Библиографические записки, стр. 381—397.

Подробнее об этом см.: И. М. Колесницкая. И. И. Срезневский как фольклорист. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. VIII. М.—Л., 1963, стр. 311—314.

¹² И. И. Срезневский. Лекции славянской филологии. (Записанные И. А. Добролюбовым). ГПБ, отд. рукоп., ф. 255, № 118.

¹³ И. И. Срезневский. Быт и образование славян древних. ГПБ, отд. рукоп., ф. 255, № 119, л. 3.

¹⁴ Славянские древности. Конспект лекций проф. И. И. Срезневского (рукопись) Библиотека им. А. М. Горького при ЛГУ, ф. III, 1803, стр. 8.

области, — все они на протяжении дальнейшей деятельности сохранили живой интерес к проблеме связи народной поэзии с историей народа, с его бытом и представлениями, и в этом была несомненная заслуга их учителя. Пройденная ими в университете или педагогическом институте школа историко-филологического исследования, глубокое изучение источников русских, славянских, западноевропейских (в том числе и критическое изучение работ современных ученых из славянофильского лагеря, исследований мифологов и сторонников нового историко-этнографического направления) позволили им ставить и решать вопросы широко и самостоятельно на большом сравнительном материале с привлечением собственных фольклорных записей и наблюдений (что мифологами делалось редко), а многим из них — избежать односторонности, узости, ограниченности выводов, свойственной сторонникам славянофильских теорий.

Еще будучи студентами или завершая магистерские диссертации, ученики Срезневского часто участвовали в руководимых им изданиях (II Отделения Академии наук и Русского географического общества). Нередко выполненные ими в этот период работы (статьи, рецензии) реализовали принципы и методы комплексного изучения истории, этнографии, фольклора и языка, которые пропагандировал их учитель. Так, в «Вестнике Географического общества» за 1854 г. была напечатана без подписи статья, посвященная вышедшему в том году сборнику «Народные южнорусские песни»¹⁵.

Широкий круг выдвинутых проблем, охват большого сравнительного материала (славянского и западноевропейского фольклора), направление изучения — все это свидетельствует о том, что автором рецензии был человек, близко стоявший к кругу Срезневского. И действительно это был ближайший его ученик В. И. Ламанский. Черновик статьи хранится среди бумаг Ламанского в Архиве Академии наук в Ленинграде¹⁶.

В статье этой содержится ряд важных положений о связи народной поэзии с историей и конкретных наблюдений в этой области, идущих в русле идей Срезневского. В начале рецензии подчеркивается принцип комплексного изучения песен, их историческое, этнографическое, «языкознание» и эстетическое значение¹⁷. Среди опубликованного материала внимание автора привлекли в первую очередь не архаические материалы, а казачьи песни XVI—XVII столетий, в которых, как и в чумацких, «сохранились яркие следы прошлого воинского быта». В то же время автор стремился, как и Срезневский, провести грань между эпическими песнями древними и позднейшими, более верно отразившими исторические события (украинские думы о Свирговском, о Богдане Ружном, о Серяге, Наливайке, Палее, Хмельницком и др.). Критерием служил характер изображения исторической действительности, условия сложения и бытования тех или других произведений, особенности их образов и стиля. Древним эпическим песням противопоставляются позднейшие, исторические, «исполненные лирического одушевления». Первые распевались великорусскими певцами, «сидючи на беседе смиренные», вторые складывались в лагере «посреди чубатых голов». Автору рецензии, как и Срезневскому, важно было выяснить отношение самого народа к своему прошлому. Героями эпоса, писал он, часто бывают не прославленные исторические личности, но любимцы народа, о которых история мало что может сказать. В статье названы Робин Гуд у британцев, Марко Кралевиц у славян, Илья Муромец у русских. Таким образом, в эпических песнях проявляются симпатии

¹⁵ «Народные южнорусские песни, изд. Амвр. Метлинского. Киев, 1854». «Вестник РГО», 1854, № 5, Библиография, стр. 13—40.

¹⁶ Архив В. И. Ламанского, ф. 35, оп. 2, № 61.

¹⁷ «Народные южнорусские песни...», стр. 14.

народные. Автор возражает тем исследователям (Максимович, Лукашевич), которые склонны были искать в фольклоре точные исторические факты, события, лица. В эпических думах, замечает он, «всего менее исторической точности»¹⁸, однако они очень ценны как отражение духа и быта народного.

Рассматриваемая статья интересна тем, что в ней подчеркивается историческая обусловленность их художественных особенностей. Она представляет попытку анализировать эпические и исторические песни в развитии, не только со стороны их содержания, но и со стороны формы, как материал, отражающий дух и быт народа в разные периоды его жизни и борьбы, различные стадии развития, его сознания.

Особый характер приобрели постановка и решение проблемы о связи народного творчества с историей в трудах двух других учеников Срезневского — Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Первые высказывания о связи этнографии и народного творчества с историей в их статьях относятся к 1854—1858 гг., т. е. к тому времени, когда эта проблема оживленно обсуждалась в печати представителями разных направлений. В рецензии на «Магазин земледения и путешествий», издаваемый Н. Фроловым, Чернышевский отстаивал принцип исторического исследования, основанного на фактических данных, и подчеркнул значение этнографии для изучения древнейших эпох. Изучение фактов быта народа он противопоставлял шаткому методу «исторической филологии», под которой подразумевал широко используемый мифологами метод лингвистических (часто очень произвольных) сопоставлений. «Историческая филология», по мнению автора статьи, основана «на скудных и часто бледных фактах, потому дает картины неполные, не довольно подробные и живые, иногда не совсем точные». Этнография же рассматривает и «передает факты народной жизни во всей их жизненной полноте и точности; этнограф видит своими глазами то, что при помощи исследований языка можно только предчувствовать. И верность, и полнота на стороне этнографии»¹⁹. При изучении же новейших периодов историк становится на прочную основу фактов и достоверных исторических документов. «История отказывается от помощи филологии,— пишет Чернышевский в том же 1854 г.,— как скоро достигает собственно так называемых исторических времен»²⁰. Так, об эпохе Грозного сохранилось много песен, но «кому придет в голову описывать взятие Казани по народным песням, когда есть более достоверные или (чтоб не наводить сомнения на достоверность песен) ...более точные и подробные описания этого события? Переставая быть нужною для истории, филология теряет всю свою важность»²¹.

Он ограничивает заслугу Гриммов исследованием доисторического периода, черты быта и верований которого были общими у разных племен и народов (германцев, славян, литовцев). Распространенному в науке начала 50-х годов увлечению исчезающими из жизни современного народа обычаями, верованиями, обрядами Чернышевский противопоставлял изучение тех сторон народного быта, истории, которые не утратили значения и для современности. Он противопоставляет мифологам Нибура, интересовавшегося социальными сторонами жизни народа. Говоря о шаткости метода Буслаева и Афанасьева, Чернышевский выделял статью Попова «Пыры и братчины»²², посвященную московскому периоду, более важному для понима-

¹⁸ «Народные южнорусские песни...», стр. 17.

¹⁹ Н. Г. Чернышевский. [Рецензия]. Магазин земледения и путешествий. Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, стр. 619.

²⁰ Н. Г. Чернышевский. [Рецензия]. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, кн. 2. М., Изд. Н. Калачева, 1854. Там же, стр. 374.

²¹ Там же, стр. 375.

²² Там же, стр. 380.

ния новейшей истории, периоду своеобразному, обнаруживающему много своеобразных национальных черт.

Подчеркивая первостепенную важность изучения позднейших исторических периодов, Чернышевский представлял себе его как изучение истории внутренней жизни народа²³. Этого требовала приближавшаяся эпоха 60-х годов XIX в., все более выдвигавшая на первый план народ как движущую силу истории. В связи с этим Чернышевского интересовали и материалы народной поэзии. Отрицая возможность использования их для восстановления фактической стороны описываемых историком явлений, он видел их значение в том, чтобы раскрыть особенности мировоззрения народа, его сознания на том или ином этапе развития.

Прекрасно понимая своеобразие фольклорных источников как произведений художественных, Чернышевский выступал (как и Белинский в статье 40-х годов) против славянофильской идеализации фольклорных памятников. Этот взгляд выразился в рецензии на сборник Н. Берга²⁴. Однако в этой же рецензии Чернышевский подчеркнул значение эпических песен как отражения народного самосознания, духа народа в эпохи наивысшего напряжения его духовных сил, в эпохи проявления энергии народной жизни, когда «совершались силою народа великие события». Примеры таких песен Чернышевский находил и у испанцев в период борьбы с маврами, и у южных славян во время их национально-освободительной борьбы против турецкого владычества, и в русском эпосе эпохи борьбы с монголо-татарами.

Как и Белинский, Чернышевский видел в народной поэзии отражение и других сторон народной жизни. Его внимание привлекала форма песен, их образы и язык. Они были для Чернышевского, как и для его учителя Срезневского, и для Ламанского, зеркалом сознания человека различных эпох. Низким уровнем его развития в древнейший период объяснял автор обобщенность, ограниченность индивидуализации образов народных песен, монотонность их стиха, неизменность повторяющихся «эпических выражений», главным образом эпитетов, эпические повторы целых кусков текста и т. п.

В статьях Добролюбова вопрос о соотношении народной поэзии с историей и этнографией ставился еще более определенно. Еще в студенческие годы (1856 г.) он обрушился на произвольные «гадания» мифологов, заявив: «...пока не обозрены тщательно все закоулки нашей России, — в этнографическом и филологическом отношении, пока не собраны и не разобраны произведения русской народной словесности, пока не сведены в одно все факты, представляемые историею и филологиею, до тех пор мы не можем вступать в бесплодные споры о мифологическом периоде языка и истории»²⁵. Ограничивая возможность мифологического истолкования пословиц, Добролюбов давал бытовые объяснения некоторых пословиц и речений, отразивших взгляды народа на торговые отношения, суд и пр.

Позднее в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858 г.) он высказал мысль о необходимости изображения истории народа с точки зрения самого народа: «...много ли, — писал он, — являлось в Европе историков народа, которые бы смотрели на события с точки зрения народных выгод, рассматривали, что выиграл или проиграл

²³ Н. Г. Чернышевский. [Рецензия]. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. Соч. П. Медовикова. Там же, стр. 410.

²⁴ Н. Г. Чернышевский. [Рецензия]. Песни разных народов. Перев. Н. Берга. М., 1854. Там же, стр. 294—317.

²⁵ Н. А. Добролюбов. Заметки и дополнения к сборнику русских народных пословиц г. Буслаева. Полн. собр. соч., М., 1934—1941, т. I, стр. 511.

народ в известную эпоху, где было добро и худо для массы, для людей вообще, а не для нескольких титулованных личностей, завоевателей, полководцев и т. п.»²⁶.

В статье, написанной по поводу исторического сочинения Н. Г. Устрялова, Добролюбов говорил о необходимости представить в историческом сочинении подлинный взгляд народа на события своей истории, особенно в эпохи народных движений. И для этого ему представлялись важным источником песни, сложенные в народе²⁷. Возражая против славянофильского принципа социальной гармонии сословий древней Руси, высказанного в исторических сочинениях Погодина и Шевырева, Добролюбов противопоставлял им работы Н. И. Костомарова, сосредоточившего свое внимание на изучении борьбы двух начал — веча и единодержавно-го²⁸. В народной поэзии видел Добролюбов выражение общенародных интересов, сочувствия «к обыденным страданиям и радостям» и полного равнодушия к делам «славным и бесполезным»²⁹.

Эпос был для Добролюбова выражением активности народа, его героической борьбы с врагами. Он высоко оценил «Кобзаря» Шевченко³⁰ за близость к украинским историческим песням и думам; в рецензии на «Пермский этнографический сборник»³¹ он приветствовал публикацию материалов, отразивших историю пугачевского движения. Еще к студенческим годам Добролюбова относятся грандиозные замыслы его исследований по стилистике народной поэзии³². В набросках к ним он пытался рассмотреть различные поэтические приемы фольклорных произведений как отражение мировоззрения народа на различных стадиях его развития³³.

С резким осуждением предмета и методов исследования «мифологической школы» выступил на страницах «Современника» в начале 60-х годов и А. Н. Пыпин, развивавший в эти годы идеи, близкие революционерам-демократам. Еще при Чернышевском он напечатал в «Современнике» статью «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине»³⁴, в которой отмечал антиисторичность построений Буслаева, идеализировавшего эпический период и не учитывавшего, что ход истории меняет представления народа, а равно и взгляды его на искусство. То, что было некогда «свободным поэтическим представлением», становилось позднее «гнетущим суеверием», тормозившим умственный прогресс народа, обряды превращались в пустую церемонию, утрачивавшую всякий смысл. Через два года в статье «Старые недоразумения (История русской словесности древней и новой, соч. А. Галахова)» Пыпин подчеркнул единство мифологов и славянофилов, которых сближает увлечение стариной, ее идеализация. Он раскрывал и политический смысл такой идеализации, указывая, что

²⁶ Н. А. Добролюбов. Заметки и дополнения... стр. 211.

²⁷ Н. А. Добролюбов. [Рецензия]. Сведения о жизни и смерти царевича Алексея Петровича. Поли. собр. соч., т. IV, стр. 203.

²⁸ Н. А. Добролюбов. Норманский период русской истории. Там же, т. V, стр. 362, 363.

²⁹ Н. А. Добролюбов. О степени участия народности в развитии русской литературы. Там же, стр. 216.

³⁰ Н. А. Добролюбов. [Рецензия]. «Кобзарь» Тарас Шевченко. Там же, т. II, стр. 566.

³¹ Н. А. Добролюбов. [Рецензия]. «Пермский сборник». Там же, стр. 520, 521.

³² Н. А. Добролюбов. О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах. Замечания о слоге и мерности народного языка. Там же, т. I, стр. 522—528.

³³ См.: В. Г. Базанов. Проблема эстетического отношения фольклора к действительности у Н. Г. Чернышевского. «Русская литература», 1958, № 1, стр. 117—131; В. Г. Базанов. Добролюбов и народознание. «Русская литература», 1962, № 2, стр. 52—75 и др.

³⁴ «Современник», 1861, № 1. Современное обозрение, стр. 31.

она «подавала — иногда, не желая того, руку и средневековому феодализму, а затем и современным феодалам»³⁵.

Таким образом, в начале 60-х годов появился ряд статей и рецензий, для которых характерно было требование широкого изучения истории народа на всем протяжении ее развития от времен доисторических до современности, изучения, основанного на тщательном и всестороннем обследовании археологических и собственно исторических (письменных, документальных) источников, этнографических фактов, а также произведений народной поэзии и данных лингвистики. При этом исследователей интересовали не только архаические жанры фольклора, сохранившие следы мифологических представлений народа периода родового уклада или раннего феодализма, но и памятники, отразившие позднейшие этапы истории народов русского, украинского и других славянских, а также народов Западной Европы (германский, испанский эпос и др.). Внимание идеологов революционной демократии 60-х годов особенно привлекали тогда произведения эпические, песни, связанные с моментами активного проявления «энергии народной жизни», отразившие пробуждение самосознания народных масс, их борьбу за независимость: песни эпох национально-освободительной борьбы, казачьи исторические песни, сказки.

Утверждая значение фольклора как исторического источника, они подчеркивали, что использовать его надо главным образом для восстановления не фактов, а взглядов народа на то или иное событие или на исторического деятеля.

Для этих статей характерно было пристальное внимание к стилю, языку, поэтическим образам произведений фольклора, которые рассматривались как отражение особенностей мышления народа на разных этапах его развития.

Требуя изучения истории народа на основе разнообразных источников, в том числе и фольклорных, Чернышевский и Добролюбов имели в виду не вообще народ, но трудящиеся его слои, крестьянство, и в этом отличие их работ от Срезневского и Ламанского. Добролюбов призывал собирателей фольклора публиковать такой материал, который раскрывал бы особенности внешнего и внутреннего быта народа. Но за этим, общим для работ многих исследователей, требованием скрывалось новое содержание, раскрытое самим критиком в его рецензии на сборник сказок Афанасьева: под внешним бытом народа разумеалась жизнь беднейшего крестьянства — «пустые щи», «гнилой хлеб», «курные избы» и т. п.; под внутренним бытом народа — уровень нравственного развития современного крестьянства, степень распространения в его среде суеверных представлений.

3

Общие положения о возможности использования фольклора в качестве исторического источника, о принципах его отбора и методах изучения в начале 60-х годов начали реализоваться в специальных монографических исследованиях. Это были, во-первых, труды историков, обратившихся к народной поэзии и этнографии для освещения особенностей народной жизни на тех или иных важных этапах исторического развития народа и, во-вторых, специальные фольклористические исследования, где эпические жанры народного творчества рассматривались этими учеными исторически. Появление таких работ на протяжении 60-х — начала 70-х годов вызывало разноречивые оценки журналов того времени, а иногда и ожесточенную

³⁵ «Современник», 1863, № 7. Современное обозрение, стр. 27—36.

полемику между ними, свидетельствующую об общественной значимости этих работ для своего времени, их общественном резонансе.

К первой группе исследований относятся труды Н. И. Костомарова и Д. Л. Мордовцева. А. Н. Пыпин намечает несколько периодов в развитии этнографических интересов Костомарова. За периодом работы на Украине последовала ссылка в Саратов, а затем петербургский период, когда особенно развернулась его деятельность как историка. Большинство исследователей, не исключая Пыпина, особенно подробно характеризуют ранний период. В петербургский период, как пишет Пыпин, интересы Костомарова к этнографии и фольклору выразились «в трудах по изданию произведений народной поэзии и их ближайшему историческому толкованию, и особенно — в применении этнографических соображений к этнографии»³⁶.

Теоретические декларации принципа комплексного изучения истории в связи с бытом, языком и поэзией народа не представлялись новыми еще Белинскому в начале 40-х годов³⁷. Однако повторение этого тезиса в 60-е годы (когда он по-прежнему находил не только защитников, но и противников) с университетской кафедры, как это сделал Костомаров во вступительной лекции в Петербургском университете в 1859 г.³⁸, и в специальных статьях 60—70-х годов было не бесполезным. Оно привлекало широкие круги общества к истории народа, к тем проблемам, которые, как мы видели выше, волновали и критиков некрасовского «Современника». Но несравненно большее значение имело практическое претворение этого тезиса в исторических монографиях Костомарова, которые не случайно заинтересовали редакцию «Современника». Еще работая в Саратове, Чернышевский, по совету И. И. Срезневского, познакомился там со ссыльным Костомаровым и старался нравственно поддержать его, помогая добывать материалы для его исторических исследований. Позднее, после возвращения Костомарова в Петербург и выхода в свет его монографии «Бунт Стеньки Разина», популярность его возрастает, а с 1859 г. по 1862 г. его работы публикуются в «Современнике», получая в высшей степени сочувственные отзывы редакции³⁹.

Еще в Саратове Костомаров поместил ряд фольклорных материалов в «Саратовских губернских ведомостях». Опубликованные им в 1851—1854 гг. песни свидетельствуют об интересе автора к истории и быту русских в Поволжье. Его привлекали в первую очередь песни исторические, а среди бытовых те, которые явились выражением «энергии народной жизни», были связаны с движениями социального протеста. Видимо, уже тогда возник замысел исторической монографии о Разине, опубликованной через четыре года. В сборник 1861 г., составленный Костомаровым вместе с А. Н. Мордовцевой (Пасхаловой), также вошли преимущественно песни исторические и разбойничьи. Не всегда точные и совершенные в текстологическом отношении⁴⁰, они все же расширяли представления читающей публики об этом предмете.

Во вступительной лекции в университете Костомаров развертывал

³⁶ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. III. СПб., 1891, стр. 179.

³⁷ См. его рецензию на диссертацию Н. И. Костомарова «Об историческом значении русской народной поэзии». В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1955, стр. 152—153.

³⁸ Н. И. Костомаров. Вступительная лекция в курс русской истории, читанная в СПб. университете 21 ноября 1859 г. «Русское слово», 1859, № 12, стр. I—XIV.

³⁹ См.: «Современник», 1859, № 9—10, стр. 1—7.

⁴⁰ См.: О. Б. Алексеева. Исторические песни в публикациях Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой. «Русский фольклор», VI. М.—Л., 1961, стр. 329—344; Б. Н. Путилов. К вопросу о составе Разинского песенного цикла. Там же, стр. 305—329.

свое понимание истории не только как совокупности внешних событий и быта, но главным образом как проявления народного сознания. За этим термином в 60-е годы лежали уже другие представления, нежели в пору расцвета романтизма в этнографии и фольклористике. Народный обычай, обряд, увеселения, увлекавшие многих в ту пору, — с точки зрения лектора — лишь внешность. Историка же должна прежде всего интересовать внутренняя жизнь народа, притом взятая не статично, а в развитии, не только события, но их преломление в сознании народа, влияние их на народную жизнь. «Нельзя судить о важности бедствий народных, не зная, в какой степени они в свое время производили влияние на чувства народа. Нельзя произносить приговоров над доблестями или пороками человеческими, не зная, в какой степени оправдывало или обвиняло их народное убеждение»⁴¹, — писал он. Изучая историю, лектор предполагал останавливаться на тех эпохах, когда проявилась самодеятельность народа. И в этом отношении, по его мнению, гораздо важнее песня, даже полная анахронизмов в изложении внешнего события, нежели литературный памятник, который не отражает мысли народной.

Все эти положения были позднее повторены Костомаровым в лекции «Об отношении русской истории к географии и этнографии», разобранной в труде Пыпина⁴². Они легли в основу его исторических монографий. Привлечение фольклора в монографиях шло по различным направлениям. Прежде всего, как и другие историки, Костомаров черпал из фольклорных источников некоторые данные о древнерусском материальном быте, социальном устройстве и верованиях: таковы сведения о пирах Владимира⁴³, о побратимстве и щегольстве в Киевской Руси⁴⁴. Он ссылаясь на устное предание для подтверждения письменных памятников (сопоставление легенды о кровосмесителе по письменному источнику с устным преданием и песней) и т. д. Подробная характеристика социального уклада и быта Руси XVI—XVII вв. дана была в специальном исследовании, помещенном в «Современнике», «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях». И здесь в ряде разделов привлекался фольклор: пословицы и песни, свидетельствующие об отношении к женщине, о семейном укладе, приговоры дружек, похоронные причитания⁴⁵.

Народное творчество использовалось историками в качестве иллюстрации к событиям, зафиксированным в письменных источниках, что позволяло дать более наглядное, живописное изображение события. В статье 1855 г. о гетмане Свирговском обращение к нему молдаван за помощью против турок дано в форме песни⁴⁶. В этом же плане используются песни в монографии «Бунт Стеньки Разина» (песни: Разин в плену у Султана в Азове, Стенька созывает голытьбу в Черкасске, песня о сынке Разина и др.)⁴⁷.

Костомаров приводит песни, выражающие отношение народа к Разину: о его неуязвимости и умении с помощью волшебства избежать неволи; горестную песню «Ах, туманы», выражающую настроение разинцев после поражения восстания; песню, якобы сложенную самим Разиным, — завещание похоронить промеж трех дорог; песню о Фроле, попавшем в

⁴¹ Н. И. Костомаров. Вступительная лекция. «Русское слово», 1859, № 12, стр. VI.

⁴² А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. III, стр. 179—182.

⁴³ Н. И. Костомаров. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. СПб., 1903—1905, т. I, стр. 80, 81.

⁴⁴ Там же, стр. 87.

⁴⁵ Там же, т. XIX, стр. 86, 87, 135, 137, 143.

⁴⁶ Там же, т. II, стр. 292.

⁴⁷ Там же, стр. 425—427, 428, 455—457.

заточение, и др. Монография о Разине завершается главой, где на основании народных преданий, названий урочищ и мест на Волге показано сохранение народом памяти о Разине, уверенность в том, что Разин явится через 100 лет и что он приходил в образе Пугачева⁴⁸. В статье «Две русские народности», написанной в 1861 г., рассказ о богатыре, победившем печенега, сохранившийся в народной памяти, является, по мысли Костомарова, доказательством общенародного значения войн с печенегами. Автора интересует мировоззрение народа в древней Руси, и он обращается к сказке, где выражена «идея торжества ума над материальной силою»⁴⁹. В «Севернорусских народоправствах» (опубликовано в 1863 г.) речь идет о «новгородском удалце по народному воззрению» (Василий Буслаевич), разбирается былина о Садко с целью выяснить взгляд новгородцев на купечество.

Обращаясь к фольклору, Костомаров избегал произвольных сближений на основании созвучия имен исторических деятелей и легендарных героев, соотнесения песни с определенными событиями, что было характерно для многих исследований тех лет. К народной песне, сказке, преданию он относился как к художественному вымыслу, видоизменяющемуся в процессе устной передачи. В статье «Предания первоначальной русской летописи...» он писал о широте образов фольклора: «...чем глубже поэтические образы в этих произведениях выражают духовную жизнь народа, тем менее они прирастают к данным эпохам, событиям, лицам»⁵⁰. Позднее он снова обратился к этой проблеме, напечатав в «Беседе» в 1872 г. начало своего исследования «Историческое значение южнорусского народного песенного творчества». Здесь он выделил те положения, которые возникли у него в результате сопоставлений фольклорных источников с письменными источниками и историческими событиями. Песни, недостаточные, по мнению автора, для изучения исторических событий (политических перемен, войн) и материального быта, незаменимы для изучения «понятий и чувствования народа». В позднейших исследованиях Костомаров обратился к образам и языку народной поэзии, отразившим взгляд на природу. Та же мысль была повторена им в статье «Великорусская народная песенная поэзия»⁵¹, причем он, вопреки всеобщему в то время, идущему от славянофилов увлечению былиной, подчеркивал значение песни, теснее связанной с современной жизнью народа.

Разумеется, ограниченность взглядов на исторический процесс, представляющийся историку в форме борьбы федеративного и единодержавного начала, и на народ как некое этнографическое, раз навсегда сложившееся целое, связанная с буржуазно-националистическими идеями историка, оказала отрицательное влияние и на взгляды Костомарова на фольклор. Такое понимание народности, когда судьба народа выводилась не из его исторического развития, а из его духовных свойств, давало основание исследователям сближать Костомарова со славянофилами и даже видеть в его концепциях влияние философии Шеллинга⁵². Однако многое существенно отличало Костомарова от славянофилов, сближая с демократическим направлением.

Говоря о «народном духе» и отражении его в поэзии, он разумел под этим совсем не то, что романтики и славянофилы. Во многих своих работах он уточнял это расплывчатое понятие или заменял его вполне определенным: «народный дух» — взгляды, мысли, чувства народа, оценка наро-

⁴⁸ Н. И. Костомаров. Собр. соч., т. II, стр. 502—505.

⁴⁹ Там же, т. I, стр. 85, 104—106.

⁵⁰ Там же, т. XII, 1905, стр. 334, 335.

⁵¹ Там же, стр. 519—562.

⁵² Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 428—430.

дом исторических явлений. При этом в ряде случаев он конкретизировал и понятие «народ». В монографии «Бунт Стеньки Разина» (как и в позднейшей своей работе «Южнорусское казачество», печатавшейся в «Отечественных записках») он говорил о формировании казачества из беглых крестьян, о расслоении в его среде, о расхождении интересов беднейшей части казачества и его верхушки. В некоторых исследованиях историк прямо подчеркивал, что песня, сказка выражают взгляды трудовой части народа: «Не надобно забывать, что песня принадлежит простолюдину и может выражать только его жизнь и его взгляды»⁵³. В монографии о Разине песни и предания рассматриваются как выражение горя казаков о своем атамане, как свидетельство любви и уважения к нему народа.

В «Истории русской этнографии» Пыпин утверждал, что Костомаров «остался чужд дальнейшему развитию наших этнографических изучений», и предполагал, что ему даже остались неизвестными труды Буслаева, Афанасьева, Потебни, Веселовского и других ученых новых направлений⁵⁴. Однако вернее, что направления этих исследований оставались просто чужды Костомарову, интересовавшемуся не столько происхождением народной поэзии, сколько отражением в ней позднейших явлений народной жизни. Именно этот интерес к народным движениям протеста, к демократическому элементу в истории и фольклоре и открыли работам Костомарова в 60-е годы доступ на страницы «Современника». Когда «Отечественные записки», возглавляемые Некрасовым и Щедриным, стали одним из самых передовых журналов, во многом продолжавшим традиции «Современника», редакция привлекла к участию в журнале и Костомарова.

Известную роль в этом отношении сыграли исторические работы Д. Л. Мордовцева, начавшего еще во второй половине 50-х годов в Саратове работу над монографиями о самозванцах, часть архивных материалов для которых была передана ему Костомаровым⁵⁵. В своих исследованиях о «понизовой вольнице» Мордовцев еще больше приближался к современности, обращаясь к событиям конца XVIII в., а иногда и начала XIX в., которые рассматривались им как предтечи многочисленных современных крестьянских бунтов. «Меня теперь интересует русская история прошлого века,— писал он В. И. Ламанскому,— рад бы я заняться и 19 столетием, да как? Мне хочется изучать историю народа, эту мелочную, по-видимому, жизнь его, но без которой все наши истории будут официальными реляциями вроде устряловского учебника. Меня занимают разбои, грабежи и всякие беззакония, чинимые русским кулаком втихомолку, как выражается народ. Оттого, мне кажется, так замечательны эти народные манифестации в настоящее время, хотя бы по поводу сивухи»⁵⁶.

Современным народным бунтам в Поволжье уделил Мордовцев много внимания и в другом письме Ламанскому от 23 июня 1859 г.: «У нас что-то делается в народе. Жаль только, что часто он оказывается таким ребенком, что даже за него совестно, совестно за сочувствие к нему. Теперь в нем заявляется какая-то настойчивость, есть своя задняя мысль, за которую он держится. Начинаются и демонстрации своего рода, крепче сжимается рукавица, и кулак иногда показывается, есть вспышки, которые с трудом усмиряются солдатами»⁵⁷. Он рассказывает о том, как начавшиеся в уездах Пензенской губернии крестьянские волнения «словно по телеграфу» перенесли в соседние уезды Саратовской губернии. Он

⁵³ Н. И. Костомаров. Собр. соч., т. XXI, 1906, стр. 433.

⁵⁴ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. III, стр. 179, 186.

⁵⁵ Н. И. Костомаров. Собр. соч., т. I. 1903, стр. VIII.

⁵⁶ Письмо Д. Л. Мордовцева к В. И. Ламанскому от 14 мая 1859 г. Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 973, л. 6 об.

⁵⁷ Там же, л. 7—9.

сообщает, что из Петровска ему пишут: «блужники шевелятся, а по деревням крестьяне», и задает вопрос: «... не заговорит ли опять раньше всех Поволжье?» Письма эти ясно характеризуют настроения самого Мордовцева, высказанные близкому другу, и показывают, насколько органически соединялась для него в то время работа историка с политическими интересами и симпатиями.

Для изучения народных движений XVIII — начала XIX столетия потребовались архивные материалы. В распоряжении Мордовцева было более 20 дел из Царицынского архива, 40 дел — из Петровского, несколько — из Саратовского и т. д. За архивными материалами собирался он ехать в Астрахань, Новочеркасск, ждал сведений из Казани, Перми, Тамбова⁵⁸. Из архивных документов извлекал он и фольклорный материал, относившийся к изучаемым событиям и деятелям.

Понимая, что подобные рассказы не могут быть точными с фактической стороны, он считал их достоверными и ценнейшими документами народного мирозерцания разных эпох, выраженными в своеобразной форме, которую он старался сохранить. В них подчеркнута эпичность повествования, отмечаются фантастические черты, характерные для рассказов о «разбойниках».

В начале 60-х годов первые монографии Мордовцева появились в разных журналах, в том числе и в славянофильских, однако в конце 60-х — начале 70-х годов многие из его работ о народных движениях были напечатаны в некрасовских «Отечественных записках»⁵⁹. Фольклорный материал Мордовцев использовал в монографиях не в одинаковой мере. Менее насыщены им первые работы, в то время как статьи, вошедшие в издание «Политические движения русского народа»⁶⁰, в значительной мере построены на устных преданиях, рассказах, песнях, причем в этих работах автор нарочито, полемически провозглашает принцип использования народной поэзии в историческом исследовании.

Характер использования фольклора мало отличался от методов Костомарова, особенно в работах из цикла «Самозванцы и понизовая вольница»⁶¹. Иногда народная песня служила для иллюстрации описываемых событий. Подчеркивая связь событий прошлого века с современными и рассказывая о склонности русского народа к бродячей жизни, объясняемой историческими условиями его существования, автор приводил сведения о побегах крестьян от крепостнических порядков и песни о «понизовых бурлаках», слывших самыми отчаянными разбойниками, которых боялись коменданты крепостей и волжские судопромышленники, причем цитатой из разбойничьей песни иллюстрируется путешествие атамана Кулаги (беглого крестьянина, «спознавшего» с понизовыми бурлаками).

Фольклор как выражение взглядов народа на историческое событие и своих любимых героев интересовал Мордовцева. Для иллюстрации этого он обращался не только к песням, но и к устным рассказам очевидцев, сказкам, легендам, преданиям, слухам. В монографии о Пугачеве, говоря о массовом движении и объясняя его общественным укладом екатерининской эпохи, автор приводил народные предания, рассказы, песни, свидетельствовавшие о состоянии умов «девяноста девяти сотых жителей Рос-

⁵⁸ Письмо Д. Л. Мордовцева к В. И. Ламанскому от 14 мая 1859 г., л. 5 об. — 6.

⁵⁹ См. об этом подробнее в статье: И. М. Колесницкая. Вопросы изучения народной жизни и народного творчества в «Отечественных записках» Н. А. Некрасова (1869—1876). «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», II. Труды ИЭ, т. 85. М., 1963, стр. 77—82.

⁶⁰ Д. Л. Мордовцев. Политические движения русского народа, т. I—II. СПб., 1871.

⁶¹ Д. Л. Мордовцев. Самозванцы и понизовая вольница, т. I—II. СПб., 1867.

сии», среднего и низшего сословий. Он рассказывал о широком распространении в народе вести об атамане Заметаеве, быстро облетевшей Астрахань, Енотаевск, Черный Яр, Царицын, Саратов, Симбирск, достигшей Москвы и Петербурга; передает он и толки об атамане на базарах. Он огмечает, что предания об атамане сохранились в Поволжье до настоящего времени⁶², как и рассказы и песни о другом «народном агитаторе прошлого века» — Максиме Дегтяренко и многих бунтарях, тогда как «громкие исторические имена» забыты⁶³.

Особенно насыщена фольклором в монографии «Политические движения русского народа» статья об атамане Беркуте, почти полностью основанная на колоритном рассказе старика-попутчика в путешествии от Казани до Нижнего, который Мордовцев записал, хотя и не дословно: «Все, что он рассказывал,— пишет автор,— это были такие исторические материалы о конце прошлого века, каких я не мог нигде вычитать»⁶⁴. Старик передал рассказ астраханского звонаря, который сам в молодости «гулял в понизовой вольнице», сбежав в шайку от внеочередной сдачи в рекруты. Многие эпизоды в нем отличались социальной остротой: расправа есаула с барыней, обижавшей крестьян, со станичным атаманом и т. п. В этом рассказе для историка был «дорог и факт и колорит, в каком является этот факт в памяти народа»⁶⁵. В работе «Екатерининские деятели и пугачевцы», где пугачевское движение рассматривается как справедливое возмездие за все социальные несправедливости, приведен разговор Пугачева с Паниным, которому Пугачев предсказывает грозную кару народа, и сообщается множество слухов, связанных с приближением Пугачева⁶⁶.

В монографиях Мордовцева приводились некоторые материалы, выражавшие настроения казачьей верхушки, песни, где повстанцы именуются «изменниками», и одновременно распространенные на Дону песни пугачевцев на крестинах у слободского атамана, во время которого кум с кумой должны были «цураться» «пана и всех дил его» и, целуя саблю и пистол, давать клятву «бить панов и паний с паниятами и панянками»⁶⁷.

Мордовцев стремился понять, какими нитями пугачевское движение связано с современностью. Этим объясняется его интерес к народным движениям первой половины XIX в., отразившимся в фольклоре: «Много полусказочного, полуправдивого расскажет он (народ.— *И. К.*) и теперь про разбойника Быкова, действовавшего около Казани в сороковых годах нынешнего столетия, про разбойника Гусева»; далее он приводит песню Гусева⁶⁸.

Интерес к теме народных движений сказался также в собирании и публикации этнографических материалов. В 1870 г. в «Отечественных записках» Некрасова одновременно с историческими сочинениями Мордовцева были опубликованы записанные Якушкиным в 1868 г. в Астраханской губернии народные легенды о Ермаке, Пугачеве, Разине.

В книге В. Г. Базанова о П. И. Якушкине⁶⁹ ясно показано, как начавший свою деятельность фольклориста и этнографа в тесном общении со славянофилами Якушкин в 60-е годы примкнул к демократическому лагерю и начал печататься в «Современнике», проявляя особенный интерес

⁶² Там же, стр. 49.

⁶³ Там же, стр. 163—169, 190.

⁶⁴ Д. Л. Мордовцев. Политические движения русского народа, т. II, стр. 5.

⁶⁵ Там же, стр. 32.

⁶⁶ Там же, т. I, стр. 25, 26, 104.

⁶⁷ Там же, стр. 332, 333.

⁶⁸ Д. Л. Мордовцев. Самозванцы и понизовая вольница, т. II, стр. 190, 191.

⁶⁹ В. Г. Базанов. Павел Иванович Якушкин. Орел, 1950.

к фольклору, отражающему мировоззрение современного крестьянства и настроения социального протеста (исторические жанры, рассказы о разбойниках, защищавших слабых от сильных, господских крестьян от помещиков). К апрелю 1867 г. относит Базанов текст «Жалостливой комедии», предназначавшейся Якушкиным для того же журнала. Действие здесь происходит в кабаке, где бурлаки поют разбойничью песню, вслед за которой идет диалог их с целовальником и угрозы ему. В. Г. Базанов связывает эту сцену с популярностью в литературе 60-х годов темы кабака как места для выражения подлинных мыслей народа⁷⁰ и с замыслом И. Г. Прыжова создания истории «питейных откупов».

От славянофильских увлечений самобытностью народной жизни пришел к темам, интересовавшим тогда демократические круги, С. В. Максимов, опубликовавший в некрасовских «Отечественных записках» за 1869 г. ряд глав своей книги «Сибирь и каторга»⁷¹.

Исторические песни эпохи народных движений заинтересовали тогда и В. А. Слепцова. Во время его путешествия по Владимирской губернии первоначальные задачи, подсказанные славянофилами, были заслонены этнографическим изучением рабочего быта. В одном из очерков путешественник, попав на постоялый двор в Петушки, записывает от хозяина песни. «Исcoverканная песня новейшего издания» его не привлекает, и в этом как будто сказываются вкусы приверженца старины. Однако он приводит полностью песню о Гаврюше, которая относится к произведениям о разбойниках — социальных мстителях. Герой песни разъезжает «на трех тройках», «селушки-деревнюшки в разор разоряет, барские пристройки огнем выжигает». В Нижнем городе к нему обращаются «горькие-несчастные», «воры-заключенные» с просьбой выпустить на волю. За Гаврюшей следует погоня: военные солдаты, донские казаки и сам губернатор⁷².

4

Живой интерес к фольклору как источнику познания истории народа привел в 60-е и в первой половине 70-х годов к созданию монографий об отдельных видах народной поэзии, изучаемых в историческом аспекте.

Однако связь народного творчества с историей рассматривалась в этих работах на другом материале и другими методами, нежели в рассмотренных нами исторических исследованиях.

В начале 60-х годов появилась монография Л. Н. Майкова «О былинах Владимирова цикла» под редакцией И. И. Срезневского. Характеризуя деятельность Майкова, Пыпин связывал именно с пребыванием его в Петербургском университете те свойства его как ученого, которые проявились в магистерской диссертации «О былинах Владимирова цикла» и отличали потом всю научную работу Майкова: «...Внимательное изучение исторического факта, его ближайших непосредственных особенностей, осторожное отношение к теоретическим построениям»⁷³.

⁷⁰ В. Г. Базанов. П. И. Якушкин, стр. 44—45.

⁷¹ См. статью: И. М. Колесницкая. Вопросы изучения народной жизни и народного творчества..., стр. 75, 88.

⁷² В. А. Слепцов. Владимирка и Клязьма. Сочинения в 2-х томах, т. I. М., 1957, стр. 324—327.

⁷³ А. Н. Пыпин. Леонид Николаевич Майков [некролог]. «Вестник Европы», 1900, № 5, Хроника, стр. 403. Характерно, что те же особенности отмечал сам Майков в деятельности Срезневского: точность исследования, осторожность в выводах — «избегал всего гадательного, субъективного». Чрезвычайно высоко отзывался он о лекциях Срезневского и его частых беседах с учениками, где тот высказывал «те более общие выводы, которых мало находят в его печатных сочинениях» (Л. Майков. И. И. Срезневский [некролог]. ЖМНП, 1880, № 3, отд. II, стр. 81—85).

Майков считал главной ошибкой мифологов то, «что они не хотят различать двух периодов в истории эпоса: того, когда миф существует в эпосе сознательно, и того, когда он живет в нем бессознательно, утратив свой смысл. Русский эпос, писал он, принадлежит к этой последней категории, и потому в нем особенно трудно отыскивать первоначальную основу физического мифа»⁷⁴. Былины Владимирова цикла интересовали Л. Н. Майкова главным образом в связи с исторической обстановкой, бытом и мировоззрением русского народа эпохи Киевской Руси. Эта связь былин с древнейшей исторической основой была отмечена ученым еще в 1859 г. в статье «Илья Муромец», где он подчеркивал историческую основу преданий об Илье и утверждал, что они «могут быть драгоценной характеристикой стародавнего быта русского народа»⁷⁵. В монографии принцип этой лег в основу классификации эпоса на четыре цикла, в соответствии с «периодами исторической жизни русского народа»; для каждого из периодов он считал характерной свою «совокупность поэтических представлений, которые определяют содержание цикла»⁷⁶.

Былины первого, киевского периода группируются около князя Владимира. Называя героев былин, исследователь замечает: «Эти лица, хотя и введены в обстановку исторической действительности, не суть по большей части лица, действительно существовавшие, но вымышленные народным творчеством»⁷⁷. Ко второму периоду относятся былины новгородские; третий период именуется «царским», или «московским». В песнях, к нему относящихся, изображаются исторические личности: Иван Грозный, Григорий Отрепьев, Михаил Скопин. Четвертый цикл песен хронологически совпадает с третьим периодом, но представляет жизнь и подвиги казаков (приволжских, донских и сибирских).

Характерно, однако, что, в отличие от сторонников демократического направления, Майкова привлек первый, древнейший период, а не близкие к современности периоды.

Решая вопрос о времени сложения киевских былин, автор подвергал тщательному анализу не только старые записи (сборник Кирши Данилова), но и все вновь найденные и опубликованные источники устной народной поэзии и письменной литературы. Посредством тщательного сличения их выделялась первооснова, сопоставляемая затем с историческими данными. Ученый устанавливал те черты «бытовой истории» Киевской Руси, которые, по его мнению, сохранила былина, — черты материального быта, семейного уклада, отношений между князем и дружиной, верований и т. д.

Достоинством работы Майкова было также внимание к художественной стороне фольклорного памятника, которую исследователь изучает на протяжении всей работы и специально рассматривает в ее третьей части. Это сближало Майкова с другими учениками Срезневского. Поэтическая сторона фольклорного памятника его так же привлекала, как отражение народного мирозерцания определенной эпохи, «как явление духовной и нравственной образованности народа их времени»⁷⁸.

Таким образом, в книге Майкова использовались все те новые приемы и методы исследования фольклора и связей его с историей, которые были характерны и для ряда других деятелей науки 50—60-х годов. Однако в истолковании былин в идейном отношении Майков во многом повторял или развивал положения, высказанные славянофилами. Еще в заметке

⁷⁴ Письмо Л. Н. Майкова к В. И. Ламанскому от 23 января 1869 г. Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 866.

⁷⁵ Л. М. — в. Илья Муромец. «Подснежник», 1859, № 1, стр. 88—100.

⁷⁶ Л. Н. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, стр. 1, 2.

⁷⁷ Там же, стр. 2.

⁷⁸ Там же, стр. 4.

1859 г. в «Подснежнике» он подчеркнул христианское начало в былинах. Значительное место во втором разделе монографии заняло выяснение нравственного облика Ильи Муромца как «верного представителя крестьянства»⁷⁹. Автор говорит о доверчивости богатыря-крестьянина к князю, переходящей порою в нежную заботливость, о подчинении Ильи религиозному началу⁸⁰ и т. д. Былина представлялась ему взглядом народа на свое прошлое, но прошлое далекое, идеализированное, без внутренних потрясений и конфликтов. Нравственную красоту эпоса он видел в проявлении «высшего начала примирения добра со злом»⁸¹. Ссора Ильи с Владимиром представлялась ему, как и славянофилам, наслоением, возникшим под влиянием более поздних отношений центральной власти и ее слуг к крестьянам.

Субъективно Майков, как писал о нем один из его современников и друзей, «примыкал по своим общественно-политическим воззрениям к направлению... неославянофильскому», связанному с журналами «Время» и «Эпоха» Достоевского, а затем с «Зарею», идеализировал многие стороны быта допетровской Руси, однако не разделял крайних воззрений славянофилов и не был солидарен с людьми, «предающими» анафеме «западно-европейское просвещение»⁸². Работа его по содержанию шире тенденциозных статей славянофилов 60-х годов, и это позволяло ряду фольклористов справедливо указывать на ее прогрессивное значение для своего времени⁸³.

Славянофильские взгляды на былинку отразились в значительной мере и в трудах О. Ф. Миллера, сочетавшего их с некоторыми принципами исследования и взглядами мифологов не только в монографии «Илья Муромец и богатырство Киевское», но и в предшествующих его работах. Однако в них утверждался и исторический принцип исследования эпоса⁸⁴. Уже в статье, посвященной разбору взглядов на эпос С. М. Соловьева в т. XIII его «Истории России с древнейших времен», Миллер защищал сравнительный метод изучения эпоса, позволяющий выделить в нем самобытные черты. Он устанавливал три периода в развитии образа Ильи Муромца, соответствующие различным эпохам в развитии русского народа. В первый период Илья представлен богатырем мифическим, во второй — богатырем «человеческим», в полном и лучшем значении этого слова. Исследователь подразумевает под этим гуманизм Ильи, его высокие нравственные качества. В этот период Илья находится с Владимиром в отношениях мирных и «сочувственных». Только в третий период, по мнению Миллера, Илья начал враждовать с князем; из этого-то периода и заимствовал Соловьев «стрелянье по церковным маковкам». Илью второго периода О. Ф. Миллер оценивал высоко, видя в нем отражение нравственного идеала древней Руси: доброе отношение богатыря к князю, защиту интересов земства, гуманность Ильи. В диссертации, защищенной в самый разгар споров вокруг книги Стасова «Происхождение русских былин», Миллер продолжал выступать защитником сравнительного метода изучения эпо-

⁷⁹ Л. Н. Майков. О былинах Владимиров цикла, стр. 114.

⁸⁰ Там же, стр. 119.

⁸¹ Там же, стр. 139.

⁸² Д. А. Корсаков. Из воспоминаний о Леониде Николаевиче Майкове. «Исторический вестник», 1900, № 8, стр. 472.

⁸³ В. Я. Пропп. Основные этапы развития русского героического эпоса. М., 1958, стр. 11, 12; М. М. Плисецкий. Историзм русских былин. М., 1962, стр. 65, 66; М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. II. М., 1963, стр. 146—148.

⁸⁴ О. Ф. Миллер. Русский народный эпос перед судом г. Соловьева. «История России с древнейших времен. Соч. С. Соловьева», т. XIII. М., 1863. «Библиотека для чтения», 1864, № 3, Русская литература, стр. 36.

са, но во имя выделения самобытных его черт. Острота момента привела автора к еще большему заострению проблемы самобытности. Эту самобытность, как и в предыдущих своих трудах, Миллер связывал с образом Ильи Муромца.

Предложенное Миллером направление приветствовали неославянофильские органы. В «Заре» была помещена хвалебная рецензия К. Бестужева-Рюмина⁸⁵, назвавшего труд Миллера «замечательным произведением», в котором, вопреки развившемуся презрительному отношению к народной поэзии, утверждалось и реализовалось (вслед за Гриммами, Вильмарке, Беляевым) обращение к эпосу как источнику историческому, раскрывающему характер и нравственные воззрения народа. Однако даже и благожелательный рецензент не умолчал о чрезмерной идеализации образа Ильи Муромца и древнерусского быта (все черты грубости автор относил за счет доисторической, мифической эпохи). Ограниченность исторического принципа исследования эпоса в книге Миллера была отмечена и Буслаевым в рецензии 1871 г.⁸⁶, где рецензент выходил за рамки своих чисто мифологических исследований, развивая принципы, намеченные уже в его статье о русских богатырях. Он упрекал Миллера за то, что тем на основе сравнительного метода «разработан преимущественно слой самый нижний», общий эпосу русскому, славянскому и других индоевропейских народов, за ограниченность подведения разнородных элементов под единую «мифологию природы». Буслаев выступал здесь в защиту изучения новых исторических и географических черт, образующихся в эпосе по мере утраты им первоначальной мифологической основы. Он заявлял, что эпос сохранил предания о важнейших событиях истории народа, что он является не только «поэтическим восприниманием жизни, но и выражением исторического самосознания народа», предлагая при этом отделить эпос исторический от героического, где «конкретность историческая» уступала обобщению.

Таким образом, необходимость изучения народной поэзии как материала, отразившего исторические судьбы народа не только в древнейший, «мифический» период, но на протяжении всего его исторического пути, стала к концу 60-х годов очевидной даже для сторонников мифологической школы, пытавшихся в это время сочетать старые методы изучения мифологической основы эпоса разных народов с изучением позднейших исторических образований, которые, правда, воспринимались ими весьма односторонне. Представители различных научных направлений по-разному решали задачу изучения фольклора как исторического источника. Против самой возможности такого изучения выступали в то время лишь наиболее консервативные деятели. Борьба различных и часто противоположных мнений и направлений по этому вопросу особенно ярко отразилась в журнальной полемике конца 60-х — начала 70-х годов.

Мнения О. Ф. Миллера и его приверженцев высказывались на страницах «Зари», во многом продолжавшей славянофильские традиции; В. В. Стасов публиковал свое исследование в «Вестнике Европы»; полемика вокруг трудов Майкова, Стасова, Миллера велась (кроме названных журналов) и в «Журнале министерства народного просвещения». Органы демократического направления оставались от этих споров в стороне. Но это не было следствием равнодушия их к самой проблеме связи народной поэзии с историей. Молчание было выражением скептического

⁸⁵ К. Б.-Р. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Ильи Муромец и богатырство Киевское Ореста Миллера. СПб., 1870. «Заря», № 1. Библиография, стр. 178—184.

⁸⁶ Ф. И. Буслаев. Критические и библиографические заметки. ЖМНП, 1871, № 4, стр. 203—239.

отношения членов редакции к методам и теориям спорящих, сосредоточивших свое внимание на одном и том же предмете и придавших спору схоластический характер. Этот скепсис был выражен, как известно, М. Е. Салтыковым-Щедриным в «Дневнике провинциала в Петербурге»⁸⁷. В то же время журнал «Отечественные записки» публиковал основанные на фольклорном и документальном материале исторические исследования Д. Л. Мордовцева, который возражал авторам статей в «Русском вестнике» и «Вестнике Европы»⁸⁸. Против использования Костомаровым и Мордовцевым фольклора в качестве исторического источника в свою очередь выступал в «Вестнике Европы» Драгоманов (П. Т — ев)⁸⁹.

«Отечественные записки» в рецензиях защищали метод нового направления в историографии. Следствием признания значения фольклора как важного свидетельства взглядов народа на исторические события была публикация в демократических журналах второй половины 60-х годов статей, в которых эпические и исторические песни рассматривались с демократических позиций. В «Отечественных записках» в 1868 г. была напечатана статья Водовозова «Русские богатыри»⁹⁰.

В том же году в «Деле» с большой статьей выступил Н. В. Шелгунов. В духе народнических идей того времени он противопоставлял героям, созданным писателями XIX в. (от Пушкина до Тургенева), сильные личности героев народного эпоса и песен, которые рассматривались как воплощение народных идеалов и устремлений. Исходя из того, что «каждый народ, в каждый момент своей исторической жизни выражает свои господствующие стремления в известных идеалах и типах», он делит историю народа на два этапа. Выражением «порыва» народа в первый период исторической жизни народов он считал былинных богатырей. В их образах народ запечатлел свое представление о силе⁹¹, побеждающей всех иноземных врагов. Образы богатырей созданы были той эпохой, когда бесчисленные нашествия, усобицы князей, непрерывные битвы не могли породить иных идеалов, кроме богатырства, безграничной, не знающей удержу удали, порыва, страсти, действующей с всеокрушимостью стихийной силы. Более высокой ступенью в развитии образа героя Шелгунов считал образы народных песен, связанных с эпохой крестьянских движений. Это противопоставление гражданской поэзии позднейших веков древнему эпосу сближает его с Костомаровым.

С развитием гражданственности, по мнению Шелгунова, народные стремления усложнялись и воплощались в живых исторических личностях. Особое внимание Шелгунова привлек Разин как образ, в котором «накипела вся предыдущая историческая борьба, все муки всех страдавших, всех побитых, всех загнанных в леса и болота»⁹². В песне «Уж как по морю», опубликованной Костомаровым, где Илья Муромец выступает в качестве есаула Степана Разина, Шелгунов видел выражение того, что «сказочный герой должен уступить герою действительному»⁹³. Он спорил с Костомаровым по ряду положений его монографии: возражал против утверждения анархичности «бунта» Разина, доказывая, что Разин отчетли-

⁸⁷ М. Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге, VI. «Отечественные записки», 1872, № 6, стр. 216—238.

⁸⁸ См. об этом статью: И. М. Колесницкая. Вопросы изучения народной жизни и народного творчества..., стр. 78—86.

⁸⁹ П. Т — ев. Малороссия и ее словесность. «Вестник Европы», 1870, № 6, стр. 754—802.

⁹⁰ В. В — в. Русские богатыри. «Отечественные записки», 1868, № 9, стр. 312—324.

⁹¹ Н. В. Шелгунов. Русские идеалы, герои и типы. «Дело», 1868, № 6, стр. 79.

⁹² Там же, стр. 85.

⁹³ Там же.

во зпал, чего добивается, но время не выработало еще «готовой гражданской формы»; подчеркивал общность Разина с народом, популярность его имени, рассматривал разинское движение как «муку мирскую», «выражение народного протеста против существовавших в то время общественных отношений»⁹⁴.

В атмосфере нарастающего интереса к исторической песне последних столетий появились в первой половине 70-х годов и две специальных монографии на эту тему: П. И. Вейнберга⁹⁵ и Н. Я. Аристова⁹⁶.

* * *

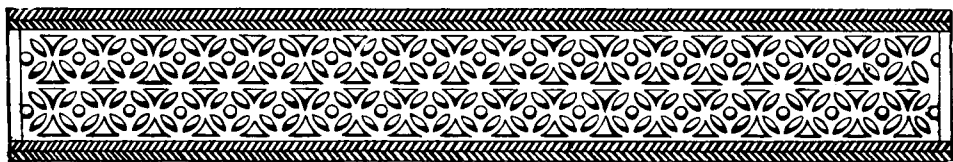
Пути науки о народном творчестве в середине XIX в. были многообразны и сложны. Проблема соотношения фольклора и истории занимала важное место в научных исследованиях и спорах этого времени. Уже в 50-е годы из числа учеников И. И. Срезневского выросла плеяда исследователей, обратившихся к фольклору как важнейшему источнику познания истории народа не только в доисторический период, но и в позднейшие периоды его развития. Наиболее важным материалом для таких исследований продолжала считаться былина, рассматриваемая, однако, не в ограниченно славянофильском духе, а как отражение истинных стремлений народа в феодальную эпоху; при этом внимание исследователей привлекало не только содержание, но и художественное своеобразие памятника. Некоторых исследователей в большей или меньшей мере захватила напряженная атмосфера периода революционной ситуации. Все большее внимание в их трудах (начиная с трудов революционных демократов) придается народной лирической и особенно исторической песне, отразившей важные события истории народных масс за последние два с половиной столетия. Среди них особенно выделялись легенды, предания и песни, связанные с освободительным движением XVII—XIX вв. Эти материалы не только тщательно собирались, но служили источником для исторических исследований, помогая воссоздавать правдивую картину истории народа.

Принцип использования фольклора как ценнейшего исторического источника не только претворялся в исследованиях, но его защищали в ряде статей демократически настроенные деятели в журналах конца 60-х годов в острой полемике с представителями реакционных направлений. В монографиях об отдельных жанрах фольклора авторы, несмотря на известную дань старым славянофильским и другим концепциям, пользовались и новыми методами исследования, опираясь на огромный, недавно собранный и вошедший в научный оборот фольклорный материал и проверяя его сопоставлением с письменными источниками и другими историческими данными. На реальную почву становилось в это время и начавшееся еще в 50-е годы историческое изучение поэтики фольклора, которая стала рассматриваться как выражение определенных этапов развития сознания народа.

⁹⁴ Там же, стр. 88.

⁹⁵ П. Вейнберг. Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном. Варшава, 1872.

⁹⁶ Н. Я. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. «Филологические записки», 1874, № III, IV, V; 1875, № I, II (отдельное издание — Варшава, 1875).

В. Е. ГУСЕВ

**«ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА»
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ
(проблематика и методология)**

Представление об «исторической школе» как направлении в русской фольклористике, возникшем в 90-е годы прошлого столетия, стало уже традиционным и как будто не вызывающим сомнения. В учебные пособия проникло утверждение, что школа эта «создана» В. Ф. Миллером¹. Круг предтеч «школы» (Л. Н. Майков, Н. П. Дашкевич, М. Е. Халанский), а также ее деятелей и популяризаторов (А. В. Марков, А. Д. Григорьев, С. К. Шамбинаго, Н. В. Васильев, Б. и Ю. Соколовы, М. Н. Сперанский, В. А. Келтуяла) тоже как будто твердо очерчен, и такая группировка считается общепринятой. Правда, в первый ряд иногда включаются еще имена Н. И. Костомарова, Н. Д. Квашнина-Самарина, К. С. Аксакова², а второй ряд пополняется именами Е. Н. Елеонской, Н. Л. Бродского, Н. Е. Ончукова, В. Ф. Ржиги³. Иногда отмечается, что некоторые ученые стремились сочетать метод «исторической школы» с методом «теории заимствования»; сюда относят то Н. П. Дашкевича⁴, то И. Н. Жданова⁵, то А. М. Лободу⁶. Ю. М. Соколов полагал, что «то и дело перекликался с тенденциями» «исторической школы» А. Н. Веселовский⁷. В. И. Чичеров пишет, что «к исторической школе в какой-то мере примыкали и ученые, непосредственно не входившие в нее (например, А. Н. Веселовский и группировавшиеся вокруг него петербургские ученые — Е. В. Аничков, П. А. Шляпкин и др.)»⁸. Еще более определенно формулирует аналогичную мысль современный итальянский исследователь Дж. Коккьяра. Связывая, как обычно, возникновение «исторической школы» с именем В. Ф. Миллера, он наравне с последним называет и А. Н. Веселовского: «Так возникла в России историческая школа, в которой особые заслуги имеет А. Н. Веселовский, ожививший ее включением того эстетического элемента, которого ей не хватало»⁹.

Такое постепенное расширение круга деятелей «исторической школы» симптоматично — оно указывает на сознаваемую, хотя и не формулируе-

¹ В. И. Чичеров. Русское народное творчество. М., 1959, стр. 94.

² М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 97; А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Саратов, 1924, стр. 3.

³ В. И. Чичеров. Указ. соч., стр. 97, 99, 101; М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. II. М., 1963, стр. 296.

⁴ М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 268, 269.

⁵ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 88.

⁶ А. П. Скафтымов. Указ. соч., стр. 34.

⁷ Ю. М. Соколов. Указ. соч., стр. 88.

⁸ В. И. Чичеров. Указ. соч., стр. 97.

⁹ Дж. Коккьяра. История фольклористики в Европе. М., 1960, стр. 326.

мую условность самого наименования. Не случайно, по-видимому, А. П. Скафтымов оговорился: «...так называемая историческая школа»¹⁰.

Достаточно внимательно вчитаться в характеристики «исторической школы», чтобы убедиться, что смысл ее «историзма» толкуется отнюдь не одинаково, хотя некоторые ее признаки и представляются бесспорными.

Долгое время «историческая школа» характеризовалась как некое монолитное, целостное направление. Обычно считается, что основные ее теоретические положения были впервые сформулированы В. Ф. Миллером¹¹. Но еще А. П. Скафтымов писал, что «историческая теория впервые была применена в широких размерах Л. Н. Майковым» и что у Н. П. Дашкевича «историческая точка зрения получила окончательную формулировку и строгую аналитическую выдержанность»¹². С другой стороны, оценивая работы учеников В. Ф. Миллера, Скафтымов утверждал, что они «ничем не отличаются» от своего учителя¹³. В то время как некоторые исследователи считают, что работы учеников Миллера «представляют собою несомненный шаг назад по сравнению с работами самого Миллера»¹⁴, другие, напротив, доказывают, что среди последователей Миллера были такие, которые очень заметно разошлись со своим учителем и стали на более прогрессивные позиции.

Дифференцированно к понятию «историческая школа» подошел В. И. Чичеров. Не подвергая сомнению правомерность этого понятия для обозначения определенного направления в русской фольклористике, он счел вместе с тем необходимым говорить о «размежевании» внутри «исторической школы»¹⁵. Среди ее деятелей он различает «сторонников консервативных взглядов» (Келтуяла, Шамбинаго) и «прогрессивных исследователей» (Елеонская, братья Соколовы)¹⁶. Обстоятельно анализируя деятельность Маркова, другой исследователь — В. П. Аникин пришел к убедительному выводу, что расхождения во взглядах Маркова и Миллера затрагивают основы их концепции¹⁷.

В характеристике основных теоретических принципов «исторической школы», ее достоинств и недостатков тоже нет полного единодушия. Часто в заслугу «исторической школе» ставят то, что она стала изучать фольклор в связи с исторической действительностью, с национальной историей. Но более трезвые ее критики, даже из числа учеников Миллера, признавали, что «самый историзм представителями «исторической школы» был понят очень внешне», что «Миллер и его последователи пошли по пути формально-исторических разысканий, сближения деталей, оставляя без внимания идейную сущность произведения»¹⁸. Можно ли такой «историзм» ставить в заслугу? Был ли он высшим достижением русской дореволюционной науки?

С другой стороны, основным недостатком и даже пороком «исторической школы» считается игнорирование художественной природы фольклора, отождествление фольклорных произведений с историческим докумен-

¹⁰ А. П. Скафтымов. Указ. соч., стр. 3.

¹¹ Ю. М. Соколов. Указ. соч., стр. 89; В. И. Чичеров. Указ. соч., стр. 94; М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 296.

¹² А. П. Скафтымов. Указ. соч., стр. 3, 4. М. Н. Сперанский также утверждал, что в работе Дашкевича «очень отчетливо, еще раньше труда В. Ф. Миллера, ясно выставлены принципы исторической школы» (Указ. соч., стр. 96).

¹³ Там же, стр. 22; ср. стр. 29.

¹⁴ М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 296.

¹⁵ В. И. Чичеров. Указ. соч., стр. 97.

¹⁶ Там же, стр. 100.

¹⁷ В. П. Аникин. Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. II. Труды ИЭ, новая серия, т. 85. М., 1963, стр. 156—174.

¹⁸ Ю. М. Соколов. Указ. соч., стр. 91; В. И. Чичеров. Указ. соч., стр. 95.

том¹⁹. Но любопытно, что самый последовательный критик «исторической школы» с позиций эстетических — А. П. Скафтымов все же вынужден был признать, что это отнюдь не всеобщее свойство всех представителей «исторической школы». Он писал: «В. Ф. Миллер имел в виду преимущественно, если не исключительно, приурочение былин к определенному историческому лицу или событию. Его последователи А. В. Марков и в особенности Б. М. Соколов — не забывают и литературной причины в образовании былин»²⁰. Таким образом, крупнейшие, после Миллера, представители «исторической школы» отнюдь не страдали отсутствием эстетического отношения к эпосу. Можно ли в таком случае объявлять специфическим пороком всей «исторической школы» невнимание к художественной природе фольклора?

Вопрос о соотношении «исторической школы» и теории «аристократического происхождения» фольклора тоже решается не единодушно. Некоторыми исследователями он вообще не ставится (М. Н. Сперанский, А. П. Скафтымов). Из тех же, кто связывает «историческую школу» с теорией «аристократического происхождения» эпоса, одни считают, что она была «выдвинута» и «формулирована» В. Ф. Миллером²¹, другие склоняются к тому, что эта теория сказалась лишь в последних работах Миллера под влиянием идей Келтуялы и что «проблема классовости фольклора» стала разрешаться всеми учениками Миллера «в основном одинаково»²². Новейшие исследования, напротив, сосредоточивают внимание на различиях в понимании социальной природы фольклора между Миллером и некоторыми его последователями, с одной стороны, и Марковым — с другой²³.

Наконец, есть противоречия и в оценке собирательской деятельности сторонников «исторической школы». Так, М. К. Азадовский и особенно В. И. Чичеров в особую заслугу Миллеру и лучшим его ученикам ставят их повышенный интерес к живой, творческой жизни фольклора в народной среде и полагают, будто их собирательская деятельность была вызвана тем, что «важнейшие положения исторической школы требовали новых материалов»²⁴. Но любопытно, что Ю. М. Соколов, сам принадлежавший, как известно, к той группе учеников Миллера, которые действительно много и плодотворно занимались собиранием и публикацией произведений фольклора, все же категорически утверждал: «Заблуждения «исторической школы» вытекали также из-за отрыва теории от практики, из-за чисто кабинетного рассмотрения явлений живой действительности, из-за невнимания к живым носителям народного творчества»²⁵. Никаких исклечений Ю. М. Соколов не делает. Трудно предположить, чтобы он «забыл» в данном случае свой собственный опыт собирательской работы и опыт своих коллег. Видимо, просто соотношение собирательской практики и теории в «исторической школе» представлялось позднее одному из ее воспитанников иначе, чем, например, В. И. Чичерову. На чьей же стороне истина? Конечно, расхождения в характеристике и оценке того или иного явления в науке — возможны и объяснимы. Они закономерны, когда

¹⁹ Ю. М. Соколов. Указ. соч., стр. 92; М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 301.

²⁰ А. П. Скафтымов. Указ. соч., стр. 7. М. Н. Сперанский еще более решительно заявляет, что «работы новых ученых имеют в виду именно литературную историю произведения» (Указ. соч., стр. 97).

²¹ М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 297, 301.

²² Ю. М. Соколов. Указ. соч., стр. 92—94.

²³ В. П. Аникин. Указ. соч., стр. 165, 166.

²⁴ М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 306; В. И. Чичеров. Указ. соч., стр. 97—99 (цитируемые слова — стр. 98).

²⁵ Ю. М. Соколов. Указ. соч., стр. 96.

одно и то же явление оценивается с противоположных идейно-методологических позиций. Но ведь в данном случае мы имеем дело с расхождениями среди советских ученых; более того, столь различные утверждения лишены полемического оттенка, не сопровождаются критикой противоположной точки зрения, никаких аргументов, опровергающих иной взгляд, не приводится. Эти расхождения как бы не сознаются самими учеными, разные суждения об «исторической школе» мирно уживаются, и следовательно, они объясняются не какими-либо принципиальными различиями в идейно-теоретических позициях, а, видимо, сложностью и недостаточной изученностью того направления, которое получило название «исторической школы».

Действительно ли стремление изучать фольклор в связи с национальной историей и с конкретными историческими фактами начинается с «исторической школы», даже если считать ее основателем не В. Ф. Миллера, а Л. Н. Майкова? Является ли принцип историзма открытием «исторической школы»?

Оставляя в стороне элементы наивного «историзма» фольклористических параллелей в «Истории российской» Татищева и в примечаниях к «Посланиям Горация» Кантемира (ссылка на песни о женьтибе Ивана Грозного на Марье Темрюковне) и даже сопоставление былин с летописью Калайдовичем во втором издании «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова, мы имеем все основания говорить о зарождении исторического взгляда на фольклор и о сознательном соотнесении фольклора с национальной историей — как с целью объяснения исторической действительности, так и с целью объяснить своеобразие самого фольклора — в цикле статей В. Г. Белинского о народной поэзии (1841). Именно Белинскому принадлежат понятие «поэзии исторической»²⁶, а также формулы: «поэзия всегда верна истории»²⁷, «поэзия иногда лучше всех летописей может быть историческим фактом»²⁸.

Считаем нелишним напомнить некоторые суждения Белинского о русском эпосе, чтобы убедиться в его приоритете в постановке ряда вопросов.

Решительно отказывая Кирше Данилову в авторстве произведений, вошедших в «Древние российские стихотворения», Белинский утверждал, что записанные им былины «начались ...вероятно, во времена татарщины, если не раньше... Потом каждый век... изменял их по-своему... Но сильнейшему изменению они подверглись, вероятно, во времена единодержавия в России»²⁹. Говоря об известных былинных персонажах, Белинский замечал: «Герои эти — богатыри, составлявшие двор Владимира. Они со всех сторон стекаются к нему на службу. Это, очевидно, отголосок старины, отражение давней были, в которой есть своя доля истины»³⁰. Особенно последовательно Белинский проводил свой исторический взгляд на эпос в анализе новгородских былин, объясняя их образы и особенности идейного содержания своеобразием политической жизни Новгорода (разумеется, как понимал ее сам критик). Былины о Василии Буслаеве он трактует как «мифическое (отнюдь не в специфическом для мифологической школы значении! — В. Г.) выражение исторического значения и

²⁶ В. Г. Белинский. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные... Статьи I, II, III, IV. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., 1954, стр. 345.

²⁷ Там же, стр. 356, 357.

²⁸ Там же, стр. 423.

²⁹ Там же, стр. 353. В другом месте Белинский более определенно высказал гипотезу сложения «во время татарщины» русских былин, которые восходили к «преданиям и именам» более ранним (там же, стр. 364).

³⁰ Там же, стр. 356.

гражданственности Новгорода»³¹. Самый характер былии и даже недостаток собственно исторического содержания их Белинский объясняет особенностями исторического развития Новгородской республики: «История Новгорода не могла дать содержания для чисто исторической поэмы»³². Но все же именно былины дают возможность воссоздать своеобразие общественной жизни Новгорода: «...Никакие летописи, никакие исторические изыскания не могут так верно выразить смутного его существования, как его поэзия»³³. Критик проникательно увидел отражение в новгородских былинах социальных противоречий феодального общества, существование в Новгороде двух сословий — «аристократии и черни» и ограниченность демократии при господстве «аристократии богатства»³⁴.

Белинский является родоначальником гипотезы о новгородском происхождении всего русского былинного эпоса, включая и так называемый киевский цикл: «...новгородский штемпель лежит на всем русском быте, а следовательно, и на всей русской народной поэзии»³⁵; былины, где действие сосредоточивается вокруг князя Владимира, сохраняют лишь «воспоминание новгородца о своей прежней родине»: «В них нет ничего, принадлежащего и свойственного южнорусской поэзии... Напротив, в них все новгородское: и изобретение, и выражение, и тон, и колорит, и замашки, и, наконец, эти герои-богатыри»³⁶.

Белинский же первый уделил внимание собственно историческим песням, едва ли не первый ввел и самый термин³⁷. Он считал, правда, что «этот отдел русской народной поэзии беден во всех отношениях» и объяснял это опять-таки «трудным и тяжким историческим развитием Руси до Петра Великого»³⁸. При этом Белинский заметил, что «историческая верность — качество, почти чуждое историческим русским песням»³⁹. Впрочем, это не помешало ему высоко оценить историческое значение песен о Ермаке и Иване IV, а также украинских дум о национально-освободительной борьбе против турецких поработителей и польской шляхты.

Именно с Белинского (а не с Костомарова, диссертацию которого «Об историческом значении русской народной поэзии» Белинский не считал оригинальной)⁴⁰ следует вести начало исторического изучения фольклора, хотя, разумеется, со многим в исторических взглядах Белинского и его конкретных суждениях об историзме эпоса согласиться трудно. Необходимо подчеркнуть, что Белинский избежал той прямолинейности в соотношении эпоса и истории, которая впоследствии станет столь характерной для ученых «исторической школы», он далек был от того, чтобы искать историзм в прямом соответствии былины и исторической песни конкретному историческому факту, а фольклорного героя отождествлять с реальным историческим лицом. Возводя былины и исторические песни к определенным эпохам в национальной истории, Белинский никогда не забывал о специфике отражения действительности в фольклоре.

От начала 40-х годов XIX в. нельзя делать скачок непосредственно к Л. Н. Майкову. Между Белинским и автором книги «О былинах Владимирова цикла» стоит ряд деятелей русской науки, определенно высказы-

³¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V. М.—Л., 1954, стр. 404.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 408.

³⁴ Там же, стр. 408, 406.

³⁵ Там же, стр. 426.

³⁶ Там же, стр. 407.

³⁷ Там же, стр. 428.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 437.

⁴⁰ Там же, т. VIII. М.—Л., 1955, стр. 152, 153.

вавшихся об историзме эпоса. Следует прежде всего назвать незаслуженно забытую, замечательную для своего времени работу П. И. Прейса «О эпической народной поэзии сербов» (1845), где один из первых славистов в России стремился провести взгляд на связь эпоса с национальной историей, в данном случае — с историей сербского народа. «Историческая полнота — отличительная черта эпических песен сербов», — писал Прейс; в них «изложены судьбы сербского народа в продолжении семи веков»⁴¹. Так как устанавливалась связь эпоса с историей народа, оказалась возможной и постановка Прейсом вопроса об историческом развитии самого эпоса: «Изучение эпических сербских песен даже в настоящем их виде представляет исследователю средства к решению некоторых сторон вопроса о развитии народной поэзии в исторической ее постепенности»⁴².

Вообще русская славистика (к сожалению, недостаточно учтенная в истории фольклористики) убедительно свидетельствует, что идея историзма эпоса и стремление сопоставить сюжеты и образы эпических песен с реальными историческими событиями и именами была уже усвоена русской наукой к тому времени, когда Майков выступил со своей книгой. Вслед за Прейсом более конкретно отражение исторической действительности в эпосе южных славян рассмотрели Бессонов в исследовании «Эпос сербский и болгарский во взаимном их отношении, историческом и топографическом» (1855) и А. Соколов в статье «Об исторических народных песнях сербов» (1854)⁴³. Не случайно сам Майков позже вспоминал о том значении, какое имело знакомство русских ученых с эпосом южных славян для возбуждения мысли о связи народной поэзии с исторической действительностью: «...всех поразило, во-первых, как быстро слагаются новые народные песни о только что случившихся событиях и, во-вторых, — с каким уважением народ относится к этим песням и как глубоко верит он во все, что в них рассказывается»⁴⁴. Майков ссылается на это обстоятельство, чтобы убедительнее выразить свою мысль о «близком отношении между исторической песней или былиной, с одной стороны, и летописным повествованием — с другой» и об отношении русского народа к былинам как достоверному историческому повествованию⁴⁵.

Но не только в связи с изучением русской наукой фольклора южных славян развивался исторический взгляд на эпос. Еще Скафтымов заметил, что даже в работах мифологов «не один раз попутно вскрывались отголоски русского прошлого в пределах исторической памяти» и в связи с этим называл Буслаева⁴⁶. Одна работа выдающегося русского ученого — «Бытовые слои русского эпоса» (1861) — особенно выделяется в том отношении, что здесь автор не просто допускает позднейшие исторические напластования на мифологическую основу, а, в сущности порывая с мифологической теорией, центр тяжести переносит на характеристику исторического содержания русского эпоса и приходит к знаменательному выводу, что известная нам русская былина как эпический жанр «стоит уже по эту сторону истории, отделяясь от доисторического мрака резко обозначенным слоем историческим и географическим»⁴⁷. Русский эпос, во всяком

⁴¹ П. И. Прейс. О эпической народной поэзии сербов. «Акт С.-Петербургского университета 1845 г.». Отд. оттиск. [СПб., 1845], стр. 22; ср. стр. 5.

⁴² Там же, стр. 7.

⁴³ См. подробно в нашей работе: Вук Караджич и русская фольклористика. «Русская литература», 1964, № 2, стр. 149—165.

⁴⁴ Л. Майков. Отрывки былины в Сибирском летописи. ЖС, 1890, вып. 3, стр. 132.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ А. П. Скафтымов. Указ. соч., стр. 3, 4.

⁴⁷ Ф. И. Буслаев. Народная поэзия. СПб., 1887, стр. 257.

случае со времен «татарского ига», «имеет характер исторический»⁴⁸. Буслаев идет и дальше; даже более ранний эпос, утверждает теперь он, «не чужд характера исторического»⁴⁹. Эпосу «татарской эпохи» «должен был служить основой эпос ранний, воспевающий князя Владимира с его богатырями. Уже в этом раннем эпосе народ привык относиться исторически к своему прошлому»⁵⁰. Именно Буслаеву едва ли не первому принадлежит формула: «...русский народный эпос служит для народа неписанной традиционной летописью»⁵¹. Только у Дашкевича мы снова встретимся с определением эпоса как «устной летописи»⁵².

Наконец, напомним, что еще до Буслаева мысль о связи русской народной поэзии и особенно эпоса с историей русского народа высказывали, вслед за Белинским, Чернышевский и Добролюбов: первый — в статье «Песни разных народов» (1854) объяснил причины расцвета эпической поэзии в эпохи национально-освободительной борьбы, второй — в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) предложил первый опыт периодизации русской народной поэзии в соответствии с основными эпохами в истории русского общества и отнес окончательное формирование былинного эпоса ко времени борьбы народа против монголо-татарского завоевания⁵³.

Итак, в 40—60-е годы XIX столетия в русской науке и литературной критике понимание исторического характера народного эпоса и стремление рассматривать его в связи с историей народа прочно утвердилось. Ставить это в заслугу «исторической школе» — значило бы игнорировать достижения ее предшественников. Такое впечатление могло создаться только благодаря тому, что сложный, богатый и действительно противоречивый процесс развития русской фольклористики был в свое время втиснут в весьма условную схему, согласно которой история науки рассматривалась как последовательная смена «школ»: «мифологической», «заимствований», «антропологической»; считалось, что именно вслед за последней из перечисленных «школ» и приходит «историческая школа» Миллера, провозгласившая связь эпоса с национальной историей. Удивительно, что М. К. Азадовский, немало сделавший для того, чтобы разрушить эту схему, в данном случае остался на традиционной точке зрения и, в явном противоречии с другими своими характеристиками, усмотрел даже в работах Майкова и Дашкевича лишь «элементы исторического взгляда на русский эпос»⁵⁴.

Между тем в книгах Майкова и Дашкевича при внимательном чтении можно обнаружить едва ли не все те основные исходные теоретические положения, которые стали впоследствии ассоциироваться лишь с именем В. Ф. Миллера. И важно здесь отметить не столько идею связи эпоса с историей, что к тому времени стало уже достоянием русской науки вообще, сколько то специфическое толкование принципа историзма, которое, собственно, и позволяет выделить в русской фольклористике определенное направление. Обычно забывают, что и современники «исторической школы» это понятие связывали не с принципом историзма вообще, а с особым методом соотнесения фольклора с исторической действительностью.

⁴⁸ Ф. И. Буслаев. Народная поэзия, стр. 257.

⁴⁹ Там же, стр. 258.

⁵⁰ Там же, стр. 257.

⁵¹ Там же.

⁵² Н. П. Дашкевич. К вопросу о происхождении русских былин. — Былины об Алеше Поповиче и о том, как перевелись богатыри на святой Руси. «Киевские университетские известия», 1883, № 3, стр. 156.

⁵³ См.: В. Е. Гусев. Русские революционные демократы о народной поэзии. М., 1955, стр. 99, 100, 132.

⁵⁴ М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 296, примечание.

В основе всех конкретных соотношений былинных мотивов, имен и реалий и тех или иных исторических событий у основоположников «исторической школы» лежало гипотетическое допущение (основанное главным образом на знакомстве с эпическим творчеством у южных славян), что всякая героическая или историческая песня возникает как более или менее непосредственный отклик на современное событие. Это положение сформулировал Майков: «Народный эпос по своему первоначальному образованию всегда современен или воспеваемому событию, или по крайней мере живому впечатлению этого события на народ»⁵⁵. Та же мысль, с небольшой оговоркой, повторена Дашкевичем: «Если не все, то большая часть былин возникает непосредственно под свежим впечатлением исторических событий»⁵⁶. Эта гипотеза восходит к тезису Франца Миклошича — «всякая героическая песнь в своих главных чертах современна воспеваемому событию», — на который в данном случае и ссылается Дашкевич⁵⁷.

Именно такое допущение и позволяло ученым «исторической школы» определять время сложения былин по тем историческим реалиям, которые в них встречаются. Хронологическое и местное приурочение производилось на основании упоминаемых в былинах и засвидетельствованных летописью имен и географических названий. При этом, хотя и допускалась переработка былин «согласно с изменением исторических условий»⁵⁸, но эта переработка признавалась не настолько существенной, чтобы она могла изменить исконную основу, современную упоминаемым в былинах историческим реалиям. Несмотря на позднейшие наслоения в былинах, писал Майков, они «представляют довольно полное изображение народного быта и народных понятий Руси в тот период, когда они сложились»⁵⁹. Дашкевич также был убежден, что хотя с течением времени эпос изменялся, вбирая бродячие сюжеты, циклизовався, в него входили новые герои и т. п., «но основа не утрачивалась»⁶⁰. В своих рассуждениях об эпосе Халанский тоже принимал «за основание время сложения былины»⁶¹.

Ученые «исторической школы» разработали специальную методику сравнительного изучения всех известных вариантов былинного сюжета с целью установления «основного» архетипа. Смысл их исследования заключался не в изучении реальной истории былин, а в реконструкции раннего исторического слоя эпоса. Позднейшие изменения, какими бы они были, интересовали этих ученых не сами по себе, а, в основном, как нечто, подлежащее «снятию», как напластования, мешавшие увидеть «основную» былину. «При изучении былин, — писал Майков, — прежде всего необходимо отделять основные сюжеты от тех редакций, в которых они пересказываются разными лицами»⁶². Это необходимо для того, чтобы «отличить разнообразные пересказы каждой отдельной былины от общего им основного содержания и именно в нем искать указаний, в какое время былины сложились в том виде, как мы их знаем»⁶³.

⁵⁵ Л. Н. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, стр. 22.

⁵⁶ Н. П. Дашкевич. Указ. соч., стр. 161.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Л. Н. Майков. О былинах Владимирова цикла, стр. 39.

⁵⁹ Там же, стр. 42.

⁶⁰ Н. П. Дашкевич. Указ. соч. «Киевские университетские известия», 1883, № 5, стр. 247.

⁶¹ М. Халанский. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 14.

⁶² Л. Н. Майков. Указ. соч., стр. 9.

⁶³ Там же, стр. 3.

Дашкевич также исходил из принципа «совместного изучения всех пересказов»⁶⁴. Рассматривая различные позднейшие напластования, писал он, «не должно упускать из виду исторической основы»⁶⁵. Именно эта «основа» «должна быть точкой отправления всех исследований о бытовом эпосе»⁶⁶. Этот принцип был полностью усвоен В. Ф. Миллером, который лишь сформулировал его несколько по-иному, заменив понятия «основы», «основного сюжета» понятием «архаического извода», «пересказ» — «вариантом»: «Для уяснения истории былины я старался из сопоставления вариантов вывести наиболее архаический ее извод и, исследуя историко-бытовые данные этого извода, определить по возможности период его сложения и район его происхождения»⁶⁷. Напомним, что и понятие «историко-бытовых данных» также не было изобретено Миллером — выяснению их посвящена вся вторая глава исследования Майкова.

Реализация этого принципа различными учеными «исторической школы» приводила их к различным хронологическим рамкам и отдельных былин, и времени сложения русского эпоса в целом. Это было неизбежно при отсутствии последовательности в выборе критериев для определения «основного сюжета»: им оказывался то наиболее полный вариант, то наиболее краткий; то версия, представленная наибольшим количеством вариантов, то варианты единичные. По-разному истолковывались одни и те же данные летописи, для одного и того же былинного героя отыскивались различные исторические прототипы. Любопытно, что позже сам Миллер стал весьма скептически относиться к сближениям эпических имен с именами летописи и даже предостерегал своих учеников от увлечений. Так, в письме к Маркову от 7 января 1912 г. он писал: «Не удивляюсь и Вашему желанию использовать летопись для изучения былин: кое-что, быть может, и даст более тщательное изучение этого материала, но, признаюсь, я лично не возлагаю на это слишком больших упований. Боюсь, чтобы увлечение в этом направлении не прибавило бы еще несколько новых гипотез, которыми и так избилуют разыскания в области эпоса не только у нас, но еще более в Германии и Франции. В эпическом Гильоме d'Orange французские ученые находят уже 16 исторических, разных эпох, Вильгельмов»⁶⁸. Естественно, что соотнесение одного и того же былинного героя с историческими персонажами разных эпох вносило разногласия в решение вопроса о времени и месте сложения былины.

Круг упоминаемых в былинах имен, географических названий и бытовых реалий захватывает весьма значительный по времени и месту материал, и поэтому для гаданий об «основных» сюжетах русского эпоса предоставлялся почти неограниченный простор. Майков полагал, что основное содержание былин было выработано в Киевской Руси X—XII вв. и «установилось не позже времени татарского владычества», т. е. в XIII—XIV вв.⁶⁹ Дашкевич пришел к сходному выводу, что «Киевской и Галицко-Волынской Руси принадлежит слава создания большей части содержания былин»⁷⁰. Халанский, в противоположность своим предшественникам, опровергая представления об общерусском эпосе в эпоху Киевской Руси, доказывал существование областных эпосов, и так называемый киевский цикл характеризовал не как переработку эпических сюже-

⁶⁴ Н. П. Дашкевич. Указ. соч., № 5, стр. 224.

⁶⁵ Там же, № 3, стр. 163.

⁶⁶ Там же, стр. 165.

⁶⁷ Всеволод Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. Былины. I—XVI. М., 1897. Предисловие, стр. V (далее — «Очерки»).

⁶⁸ ГБЛ, отд. рукоп., архив А. В. Маркова, ф. 160, п. 4, № 152.

⁶⁹ Л. Н. Майков. О былинах Владимиров цикла, стр. 25, 26.

⁷⁰ Н. П. Дашкевич. Указ. соч., № 5, стр. 256.

тов Древней Руси, а как «самостоятельный великорусский эпос, сложившийся в Московском царстве в период времени от XIV по XVI век» в результате «соединения трех, а может быть и четырех областных эпосов»⁷¹. В. Ф. Миллер в первых своих работах, написанных с позиций «исторической школы», связывал формирование русских былин главным образом со средневековым Новгородом⁷²; в работах же, созданных в начале XX в., он изменил свой взгляд, доказывая, что былины (в том числе и былины киевского цикла) сложились в Московской Руси в XVI—XVII вв.⁷³ Обоснованию исключительно важной роли XVI в. в истории русского эпоса Миллер посвятил даже специальное исследование, оставшееся в рукописи, — «XVI век в былинах»⁷⁴. Ученик Миллера — Марков, восприняв идею новгородского происхождения эпоса, последовательно развивал ее, критикуя отступничество своего учителя⁷⁵, который, впрочем, твердо стоял на своем⁷⁶.

Таким образом, в зависимости от того, как решался вопрос о сложении эпоса, и реконструируемый «основной сюжет» возводился то к X—XII вв., то к XVI—XVII вв.!

«Беда» исторической школы», в конце концов, не в том, что ее последователи не смогли выработать более или менее единого представления о месте и времени сложения «основных сюжетов», — если бы дело заключалось лишь в ошибке, допущенной в хронологическом соотнесении, то среди разных гипотез одна могла бы быть признана верной, и ошибки остальных не могли бы скомпрометировать самый принцип. Но общим заблуждением ученых «исторической школы» было само стремление реконструировать некий абстрактный «основной сюжет». Это было связано с непониманием того, что героический эпос, когда бы он ни возник, современен любой из тех эпох, в которую он живет и творчески развивается. Суть дела как раз в тех многочисленных исторических напластованиях, в тех переработках, которым эпос подвергается на всем протяжении его исторического развития. Не случайно сам Миллер, в конце концов, стал понимать всю относительность реконструкций «основного сюжета», и поэтому сопровождал свои выводы всякого рода осторожными и скептическими оговорками. Так, еще в этюде «К былине о бое Ильи Муромца с сыном» (1906) он пришел к заключению, что «все попытки приурочить первоначальный пзвод рассматриваемой былины к определенно-

⁷¹ М. Халанский. Великорусские былины..., стр. 10, 11, 221, 222.

⁷² В. Миллер. Русская былина, ее слагатели и исполнители. «Очерки», т. I, стр. 73, 74. Об этом же Миллер писал Пыпину в письме от 26 апреля 1894 г., признаваясь, что для него наибольшее значение имеет «бытовая сторона» былин, а не сюжеты (ГПБ, ф. А. Н. Пыпина, 621, п. 547, № 14).

⁷³ См., например, В. Миллер: 1) К былине о Казарине. «Очерки», т. II, М., 1910, стр. 6; 2) К былине о Добрыне и Василии Казимировиче. Там же, стр. 203, 210; ср.: А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности. «Изв. ОРЯС», 1915, кн. 1, стр. 308—310, 316, 321, 327, 329.

⁷⁴ Эту работу, как неизданную, но предназначенную к опубликованию в III томе «Очерков», упоминает А. В. Марков («Обзор трудов В. Ф. Миллера...», стр. 323, примеч. 2), но по неизвестной причине в этот том она не была включена. Работа была прочитана в качестве доклада в 1912 г. в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Ей предшествовал доклад на XV Археологическом съезде «Значение XVI в. в истории былевого эпоса» (1909).

⁷⁵ А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера..., стр. 308, примеч. 2.

⁷⁶ В письме Маркову от 7 февраля 1912 г. Миллер отвечал своему ученику-оппоненту: «Допустим, даже уверен, что я ошибаюсь в частностях, но Вы до сих пор не поколебали моего убеждения, что XVI век был тем периодом в эволюции эпоса, когда подбирались крохи, оставшиеся от киевского и суздальского периода, и былинные сюжеты реставрировались согласно общему духу и направлению этого века...» (ГБЛ, отд. рукоп., Архив А. В. Маркова, ф. 160, п. 4, № 153).

му времени или области представляются мне неубедительными»⁷⁷. В статье «Отголоски Смутного времени в былинах» (1906) ученый вынужден был обобщить свою мысль: «Вообще, в таких разысканиях, где мы имеем дело с материалом, бродящим из уст в уста, постоянно изменяемым и искажаемым, не может быть речи о полной убедительности и всесторонней доказательности»⁷⁸. Особенно же определенно об ограниченных возможностях метода «исторической школы» Миллер высказывался в своей итоговой работе «Очерк истории русского былинного эпоса». В связи с попытками воссоздать архаический извод былин киевского цикла, он писал: «Говоря об этом наследии, мы выслеживаем его главным образом в былинных именах — личных и географических; что же касается самых фабул былин, то древнейший их вид, вследствие наслоения многих веков, может быть восстановлен только предположительно»⁷⁹. Иными словами, реконструируемый «основной сюжет» не может быть объективно достоверным.

Исследователь, имеющий дело с живым эпосом, с былиной как художественным целым, должен учитывать все последствия творческой эволюции отдельного произведения и эпического наследия в целом; в этом смысле установление исторического прототипа былинного героя или топонимических параллелей само по себе не может указать на подлинные отношения былин к действительности, не может пролить свет на историю эпоса, не может объяснить исторический смысл былины, не дает ключа к пониманию образа самого героя. Парадокс состоит как раз в том, что, субъективно стремясь к обнаружению исторической основы эпоса, ученые «исторической школы» объективно обедняли представление об истории былин, сводя его к проблеме хронологии и топографии, отдавая предпочтение одному историческому слою.

Проблема «архаического извода» связана еще с одним органическим для «исторической школы» теоретическим положением. Необходимость реконструкции «основного сюжета» и сама возможность такой реконструкции вытекала из убеждения, что именно он и представляет основную историческую и художественную ценность. Это мотивировалось тем, что все последующие изменения в былинах якобы носят не столько творческий характер, сколько являются искажением, порчей «основы», вследствие, во-первых, большого срока, отделяющего позднейшие «пересказы» былины от ее «архаического извода», а во-вторых, того, что эпос со временем перешел из среды, творившей его, в среду, лишь его хранившую, «не творческую».

Уже Майков, хотя и не отказывался от понятия «народное творчество», «народный эпос»⁸⁰, но в своих конкретных выводах все же склонялся к тому, что былины создавались древнерусскими скоморохами и гудцами преимущественно для «класса высшего»⁸¹. Он различал два типа древнерусского эпоса — эпос, воспевавший самих князей, и собственно «богатырский эпос», который «первоначально существовал в кругу княжеской дружины»⁸². Для доказательства этого он проанализировал бытовые, этнографические элементы эпоса. Основным содержанием былин, по Майкову, была «деятельность дружины, выраженная в подвигах ее представителей — богатырей»⁸³. Снижение образа Владимира в эпосе Май-

⁷⁷ В. Миллер. К былине о бое Ильи Муромца с сыном. «Очерки», т. II, стр. 185.

⁷⁸ В. Миллер. «Очерки», т. II, стр. 353.

⁷⁹ Там же, т. III. М.—Л., 1924, стр. 55, 56.

⁸⁰ Л. Н. Майков. О былинах Владимирового цикла, стр. 1, 2, 42, 95, 100.

⁸¹ Там же, стр. 36.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, стр. 94.

ков объяснял не отношением народных масс к феодальной власти, как проищательно это делал уже Добролюбов, а противоречиями между князем и дружиной⁸⁴. Майков, правда, заметил, что основные былинные образы по происхождению — представители различных «классов народа»⁸⁵, поставив тем самым вопрос о социальной принадлежности эпических персонажей, но в целом это не колебало его идею дружинного происхождения эпоса.

Дашкевич не останавливался специально на характеристике среды, создавшей былины, но выразил сомнение в принадлежности их народной массе: «Неизвестно... насколько общенародной была эта эпика»⁸⁶. В другом месте, говоря о судьбах эпоса на Украине, Дашкевич косвенно, но уже более определенно, высказался о его социальной природе: «Мало-помалу юг забыл старый дружинный и княжеский эпос»⁸⁷. Халанский занял еще более крайнюю позицию. Содержанием древнерусского эпоса он первоначально признавал «сказания о подвигах местных хоробров» — дружинников⁸⁸, а позже еще резче выразил мысль, что содержание героического эпоса составляли «сюжеты о выдающихся событиях из жизни преимущественно князей, частью княжеских дружинников, „мужей“»⁸⁹. Эпос возник в «рыцарско-дружинной среде»⁹⁰, его создатели — «местные дружинные певцы»⁹¹. В эпоху Киевской Руси эпос, по его мысли, еще «не успел спуститься до народной среды»⁹², он «перешел в народ» лишь в XV—XVI вв.⁹³ В общей форме Халанский так представил исторические судьбы эпической поэзии: «...в истории нашего эпоса повторилось общеизвестное явление перехода поэтических произведений из среды творческой, активно-интеллигентной, в среду пассивную, склонную к подражанию в силу более низкого своего уровня умственного развития»⁹⁴. В народе же «прекратилось его (эпоса. — В. Г.) развитие»⁹⁵.

Таким образом, к тому времени, как на позиции «исторической школы» перешел В. Ф. Миллер, идея происхождения эпоса в дружинной среде как «высшем классе» древнерусского общества обозначилась вполне отчетливо. Другое дело, насколько было правильным такое восприятие дружины. Советская историческая наука убедительно показала социальную неоднородность княжеской дружины и близость к народу ее демократической части⁹⁶. С точки зрения современных знаний нет ничего невероятного и «порочного» в допущении того, что значительная часть былины действительно могла складываться в дружине, и это отнюдь не исключает народности происхождения таких былин. Но концепция «исторической школы» основывалась на противопоставлении дружины народу, на том, что эпос возникал в дружине как «высшем классе», как в единственно возможной творческой среде, и что с проникновением былин в народ — среду якобы не творческую, пассивную — развитие их прекращалось. Само по себе признание возможности возникновения былин в дружинной среде не есть повторение концепции «исторической школы»,

⁸⁴ Там же, стр. 95.

⁸⁵ Там же, стр. 69—71.

⁸⁶ И. П. Д а ш к е в и ч. Указ. соч., № 3, стр. 163.

⁸⁷ Там же, № 5, стр. 256.

⁸⁸ М. Х а л а н с к и й. Великорусские былины..., стр. 212.

⁸⁹ М. Х а л а н с к и й. Южнославянские сказания о Кралевице Марко в связи с произведениями русского былевого эпоса, т. II. Варшава, 1894, стр. 414.

⁹⁰ Там же, т. I. Варшава, 1893, стр. 123.

⁹¹ М. Х а л а н с к и й. Великорусские былины..., стр. 212.

⁹² М. Х а л а н с к и й. Южнославянские сказания..., т. II, стр. 415.

⁹³ Там же, стр. 417.

⁹⁴ Там же, т. I, стр. 123; ср. стр. 168.

⁹⁵ Там же, стр. 139.

⁹⁶ См.: Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь. М., 1949, стр. 333—340.

если такое признание сочетается с дифференцированным научно-социологическим подходом к дружине и изучением взаимоотношений дружины и народных масс. Но и обратно — только на том основании, что современная наука «реабилитировала» дружину, не следует «реабилитировать» и «историческую школу» и ставить ей в заслугу идею происхождения эпоса в дружинной среде.

Но обратимся к Миллеру. Мы уже говорили о том, что некоторые исследователи пытались «защитить» его от обвинений в изобретении теории «аристократического происхождения» эпоса, представляя дело таким образом, будто он стал ее разделять лишь в последние годы своей деятельности под влиянием Келтуялы. Но в действительности дело обстоит иначе: Миллер не был родоначальником этой теории, так как она была, в сущности, подготовлена его предшественниками; что касается его самого, то он всегда разделял эту идею. Еще в «Экскурсах в боласть русского народного эпоса» (1892), находясь на позициях «теории заимствования», он высказал мысль, которую развивал в дальнейшем: «Наш былевой эпос представляется мне грандиозной развалиной, обширным многовековым сооружением, полным таинственных ходов и переходов с пристройками и надстройками от разных времен. В этом здании жили некогда князья, пристраивая к нему терема и вышки... В свое время проживали в нем московские бояре, ночевали казаки и, наконец, в кое-каких еще обитаемых закутах устроился непрехотливый олонецкий крестьянин»⁹⁷.

Исследуя впоследствии эпос с позиций «исторической школы», Миллер был убежден, что «современные былины представляют, говоря вообще, плод последовательного *искажения* древних былин»⁹⁸. Уже тогда он отчетливо сформулировал мысль о происхождении эпоса в среде профессиональных сказителей, обслуживающих преимущественно верхушку феодального общества, а былины, записанные в крестьянской среде, определял как «разошедшийся в народе былевой репертуар старинных профессиональных певцов»⁹⁹.

Определяя значение крестьянства в судьбах эпоса, Миллер отводил ему роль лишь хранителя созданного в прошлом в иной, творческой среде великого эпоса: «Крестьяне были только последними хранителями (нередко и искажателями) былинного репертуара»¹⁰⁰. Миллер был вообще невысокого мнения о художественности русского эпоса в записях XIX в., полагая, что эстетическая ценность былин резко упала с тех пор, как они стали достоянием народной массы. Не в этом ли кроется причина того невнимания к художественной природе эпоса, какое ставят Миллеру в упрек современные исследователи? Проблема художественности русского эпоса вообще стояла перед ученым, но так как он признавал ее свойственной реконструируемым былинам, а не живому эпосу, то, естественно, она не подлежала конкретному анализу. Миллер писал: «Следует думать, что в их (профессиональных певцов.— В. Г.) искусном исполнении былины были произведениями более художественными, чем в устах нынешних олонецких сказителей, перенявших их репертуар... Вообще современное состояние былевой поэзии представляется периодом ее падения, захудания, ведущим свое начало от той поры, когда былины от профессиональных певцов-гуслиров, распевавших их некогда и в бояр-

⁹⁷ В. Ф. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. VI.

⁹⁸ В. Миллер. Былинное предание в Олонецкой губернии. «Очерки», т. I, стр. 18.

⁹⁹ В. Миллер. Русская былина, ее слагатели и исполнители. Там же, стр. 32.

¹⁰⁰ Там же, стр. 52.

ских хоромах и в купеческих домах, перешли к олонечским крестьянам»¹⁰¹. В другой своей ранней работе «Наблюдения над географическим распространением былин» Миллер стремился точно датировать конец продуктивного, художественного развития эпоса на Руси и пришел к выводу, что со второй половины XVII в. начался процесс «постепенного искажения былин» вследствие того, что с этого времени они от странствующих скоморохов переходят в народ¹⁰². Некоторые исследователи полагают, что Миллер в лице скоморохов видел и создателей былин, но это не совсем так. Если в ранних своих работах он не давал еще определенного ответа на этот вопрос, признавая вместе с тем, что былины сохраняют «яркие признаки скоморошья обработки»¹⁰³, то впоследствии он конкретизировал свою мысль, признав, что скоморохи были людьми, «сохранявшими и переделявшими песенные сюжеты, сложившиеся некогда в другом, высшем классе населения, более сознательном, культурном и художественно развитом»¹⁰⁴. Следовательно, по Миллеру, скоморохи были передатчиками эпоса от «высшего класса» народу.

Когда Миллер в конце своей жизни создавал обобщающий «Очерк истории русского былинного эпоса», то он лишь подытожил свои мысли и уточнил свои формулировки, введя их в общую систему теории «аристократического происхождения» фольклора. Эпос Киевской Руси Миллер теперь характеризовал как «сказания высшего класса, окружавшего князей и участвовавшего в их походах и „полюдиях“»¹⁰⁵. Правда, наряду с аристократическим эпосом Миллер допускал существование и былин «простонародного происхождения»¹⁰⁶, но в целом, в создании эпических песен, явившихся «первообразом позднейших былин», прежде всего, по его мысли, «могли участвовать и княжеские певцы, и дружинные»¹⁰⁷. Слагались эти песни «в богатых городах, где жизнь шла привольнее и веселее», поэтому «песенными центрами» были Киев, Новгород, а также, вероятно, Чернигов и Переславль¹⁰⁸. Содержание древнерусского эпоса составили подвиги популярных князей и дружинников-воевод. «Воспеваемая князей и дружинников, эта поэзия носила аристократический характер, была, так сказать, изящной литературой высшего, наиболее просвещенного класса, более других слоев населения проникнувшегося национальным самосознанием, чувством единства Русской земли и вообще политическими интересами»¹⁰⁹. Былины были поэзией, хотя и «доходившей до простолюдья, но не развивавшейся в нем»¹¹⁰. Причину оскудения эпического творчества в удельный период истории Руси Миллер искал в отсутствии благоприятных условий в придворном, феодальном обществе для деятельности обслуживающих его певцов¹¹¹. Напротив, «реставрация» и окончательная творческая переработка всего былинного эпоса в XVI—XVII вв. связывались с политическими успехами русского феодального государства. Здесь Миллер, в сущности, повторял тезис, сформулированный задолго до него Халанским: «Москва — собирательница русских земель, явилась и собирательницей русского эпоса»¹¹².

¹⁰¹ Там же, стр. 62.

¹⁰² В. Миллер. Наблюдения над географическим распространением былин. Там же, стр. 83.

¹⁰³ В. Миллер. Русская былина... Там же, стр. 63.

¹⁰⁴ В. Миллер. Казацкие эпические песни XVI и XVII вв. Там же, т. III, стр. 333.

¹⁰⁵ В. Миллер. Очерк истории русского былинного эпоса. Там же, стр. 18.

¹⁰⁶ Там же, стр. 23.

¹⁰⁷ Там же, стр. 26.

¹⁰⁸ Там же, стр. 28.

¹⁰⁹ Там же, стр. 28; ср. резюме на стр. 55.

¹¹⁰ Там же, стр. 67.

¹¹¹ Там же.

¹¹² М. Халанский. Великорусские былины..., стр. 213.

В исследовании исторических песен и преданий Миллер придерживался тех же установок и той же методики, что и в исследовании эпоса. Основной задачей он полагал «восстановление первоначального типа песни», современной воспеваемому событию, которая представлялась ему «полным изводом»¹¹³, а все последующие в ней изменения считал порчей и искажением исконного смысла. Многие исторические песни он рассматривал как продукт творчества профессиональных певцов, близких к царям или придворным кругам. Пытаясь, например, объяснить песню о взятии Иваном Грозным Казани, Миллер полагал, что центральный мотив подкова городской стены и конфликт царя с пушкарями — «несообразности», свидетельствующие, будто известная ныне историческая песня — лишь искажение казкого-то «более раннего и более художественного извода», который мог исполняться при дворе Ивана Грозного, увеселять его, льстить ему и в котором не могло быть того, о чем теперь рассказывается в песне¹¹⁴. Далее Миллер еще более определенно говорил о «*придворных* слагателях и исполнителях» песни о взятии Казани¹¹⁵. Правда, справедливости ради, надо отметить внимание Миллера к казачьим историческим песням о Ермаке и особенно Степане Разине. Он признавал популярность имени и художественность образа Разина, стремясь объективно раскрыть содержание соответствующего песенного цикла; он выражал сожаление по поводу редакторских купюр и искажений и отмечал неполноту опубликованного материала, догадываясь о существовании песен, не попавших в печать, «по соображениям, не имеющим ничего общего с научным изучением *подлинной* народной песни»¹¹⁶. Миллер признал творческий вклад казачества в песенное творчество¹¹⁷, впрочем, тут же противопоставляя в этом отношении казачеству «непроизводительное» крестьянство¹¹⁸.

Отступая от основного теоретического тезиса о неперменной связи исторической песни с конкретным событием, Миллер не игнорировал случаев, когда исторические песни о некоторых реальных исторических деятелях основывались изначально не на реальных фактах, а заимствовали уже известные мотивы и даже сюжеты. Так, Миллер отметил характерную для песен и преданий о Петре I перелицовку песен и преданий об Иване IV, сказочных и легендарных мотивов и т. п.¹¹⁹

Ученик Миллера — С. К. Шамбинаго развил и обобщил лишь одну из тенденций в исследованиях своего учителя, посвященных исторической песне, связанную с общим теоретическим принципом, характерным для «исторической школы». Переноса на изучение исторической песни принцип реконструкции «основного типа», Шамбинаго доказывал, что «основная песня» в процессе устного распространения сохраняет лишь свой остов, но утрачивает мотивировку действия, изображение причин, вызвавших конфликт, характеристику героев. Эволюция исторической песни — процесс искажения и оскудения как ее содержания, так и формы. «Если

¹¹³ См., например: В. Миллер. Казачьи эпические песни XVI и XVII вв. «Очерки», т. III, стр. 297 и др.

¹¹⁴ В. Миллер. К песням о взятии Казани. Там же, стр. 206, 207.

¹¹⁵ Там же, стр. 213.

¹¹⁶ В. Миллер. Казачьи эпические песни XVI и XVII вв. Там же, стр. 313.

¹¹⁷ Там же, стр. 325; ср. стр. 327.

¹¹⁸ Там же, стр. 336.

¹¹⁹ В. Миллер. К песням, сказкам и преданиям о Петре Великом. Там же, стр. 341—343. В ЦГАЛИ хранится любопытная недатированная заметка Миллера «Параллели между песнями о Петре Великом и Иване Грозном», где он ставит вопрос: «Быть может, Петровские! песни вариации на старинные темы» (ЦГАЛИ, ф. 323, оп. 1, № 24, л. 2) и формулирует общий вывод, отсутствующий в цитированной статье: «Следов[ательно] историч[еская] песня возникла из бытовой» (там же, л. 1).

первоначальная песня, — заключал исследователь, — вращаясь в среде чужой и далекой от того круга, среди которого она сложилась, утратила много в смысле постройки внутренней, то и с внешней стороны она также изменилась» (к худшему. — *В. Г.*)¹²⁰. Так на историческую песню переносилась закономерность, признанная для героического эпоса.

Утверждение, что творческой средой могла быть только «интеллигенция» феодального общества, только профессиональные авторы, обслуживавшие «высший класс», распространялось некоторыми исследователями и на другие жанры фольклора, например на сказку. Заметим кстати, что сам Миллер в своей работе 90-х годов, посвященной сказке, приветствовал достижения «сравнительной этнографии» и рассматривал сказку в целом как продукт доисторической эпохи, как создание родоплеменного коллективного творчества. Историзм сказки Миллер искал главным образом в фантастическом, символическом отражении реальных фактов древнейшего периода в истории человечества; кроме того, он обращал внимание на то, что в последующие эпохи сказка «иногда получает настолько характер исторического рассказа, приурочиваясь к именам исторических лиц, что в нее вносится даже хронологическая дата»¹²¹. На этих позициях Миллер остался и позднее, о чем свидетельствуют его замечания в упоминавшихся статьях об Иване Грозном и Петре Первом; сам он не распространял на сказку выводы, к каким он пришел на основании изучения эпоса. Это сделал другой его ученик — Н. Л. Бродский; анализируя поэтику русских сказок, их архитектонику, стиль и делая ряд верных, прочно вошедших в науку наблюдений, он не допускал, однако, мысли, чтобы все эти особенности сказки, ее обрядность, традиционные формулы и пр. могли быть результатом многовекового народного творчества, а полагал, что они непременно должны были выработаться только «в среде профессионалов-сказочников, в специальной школе»¹²². Такими создателями сказок, по Бродскому, и были «бахари», увеселявшие бояр и царей¹²³. Исследователь различал два периода в истории сказки — древний, творческий, и период передачи когда-то созданного профессионалами-сказочниками материала в народную среду. Крестьяне — не создатели, а «только последние хранители сказочного материала»¹²⁴. Сказочник не творит, а «имеет уже готовый сказочный материал»¹²⁵.

Так постепенно расширялся круг фольклорных жанров, признаваемых не продуктом народного творчества, а якобы лишь унаследованных народом от профессионалов, связанных с верхушкой феодального общества¹²⁶.

¹²⁰ С. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914, стр. 175. Сам В. Миллер и его другой ученик — Б. М. Соколов, полемизируя с Шамбинаго по конкретным его выводам, не ставили под сомнение основные принципы и идею его исследования. Б. М. Соколов солидаризовался в главном: «нет никакого сомнения, что песня сложилась в среде певцов, близко стоявших к царскому двору» (Б. М. Соколов. Шурин Грозного, удалой борец Мамстрюк Темрюкович. ЖМНП, новая серия, № 7, 1913, стр. 26).

¹²¹ В. Ф. Миллер. Всемирная сказка в культурно-историческом освещении. «Русская мысль». 1893, ноябрь, стр. 214, 218, 227, 229. О «первоначальном периоде образования сказок» в связи с идеологией первобытного общества писала и ученица Миллера — Е. Н. Елеонская; см.: Е. Е[леонская]. Некоторые замечания о пережитках первобытной культуры в русских народных сказках. ЭО, 1906, № 1—2, стр. 63—72.

¹²² Н. Л. Бродский. Следы профессиональных сказочников в русских сказках. ЭО, 1904, № 2, стр. 8, 9.

¹²³ Там же, стр. 11.

¹²⁴ Там же, стр. 18.

¹²⁵ Там же, стр. 9.

¹²⁶ Сам В. Ф. Миллер писал о свадебном фольклоре как об усвоенном крестьянством свадебном обряде и свадебной поэзии феодального класса (П. В. Киреевский. Песни. Новая серия, вып. I. М., 1911. Предисловие). М. Н. Сперанский пе-

Возникала как бы необходимость в обобщении конкретных исследований на материале разных жанров, в формулировке общей теории происхождения фольклора. Эту задачу и выполнил Келтуяла. К теории «аристократического происхождения» фольклора он пришел не сразу. Не будучи строго говоря, исследователем-фольклористом, он первоначально в своем компилятивном «Курсе истории русской литературы» придерживался эклектических взглядов на фольклор. Критикуя теории «мифологическую» и «заимствований сюжетов», он сочувственно изложил «историческую теорию» Миллера, в целом склоняясь к последней¹²⁷. Усвоив некоторые достижения современной ему русской исторической науки, следуя школе Ключевского, Келтуяла признал классовую природу художественного творчества в феодальном обществе. Из этой посылки он заключил, что устная поэзия в феодальном обществе распадается на два вида: «1) общенародное устное творчество с племенными оттенками, творчество, в котором отразились черты жизни, некогда свойственные в большей или меньшей степени всему народу без различия классов и сословий, и 2) классовое устное творчество, в котором отразились жизнь и интересы того или другого класса населения»¹²⁸. Такая постановка вопроса была, безусловно, прогрессивной, заключала в себе возможности социологического изучения фольклора, что и привлекло к «Курсу» Келтуялы внимание и симпатии некоторых прогрессивных деятелей русской культуры. Буржуазная сущность позиции Келтуялы тогда еще не определилась с достаточной отчетливостью, и это дало повод некоторым современникам зачислить его чуть ли не в сторонники марксизма, о чем мы скажем ниже.

В. А. Келтуяла в своем «Курсе» еще не отрицал пока «коллективно-го характера» устного творчества¹²⁹. Относя к «общенародному устному творчеству» заговоры и заклинания, обрядовые и бытовые песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, т. е. большую часть фольклора¹³⁰, Келтуяла делал исключение лишь для героического эпоса, считая, что былины — продукт «княжеско-дружинного устного творчества»¹³¹. Создателями былин, по Келтуяле, были первоначально «непрофессиональные певцы-поэты» из «правящего, княжеско-дружинного класса», которые затем постепенно выделились из него и составили с пришлыми скоморохами новый особый «класс»; задача их состояла в «величании и прославлении князей»¹³². Поэтому в русских былинах и отразилась главным образом деятельность «княжеско-дружинного класса»¹³³. Отрицательные черты в образе Владимира Келтуяла объяснял, подобно Майкову, тем, что в эпосе отразилось враждебное отношение к великому князю «высших норманнских кругов» феодального класса¹³⁴. В дальнейшем эпос перешел в крестьянскую среду и «должен был в некоторых частях своих окрестянить-

ренес суждения своего учителя об эпосе на духовные стихи, считая их «остатком старой профессиональной традиции», и рассматривал их в общей перспективе оскудения и разрушения народной поэзии (М. Н. Сперанский. Духовные стихи из Курской губернии. ЭО, 1901, № 3, стр. 1—39). О расцвете лирической песни в условиях «свободной и утонченной жизни культурных классов общества» и о «порче» ее «с переходом в народ» писал В. И. Чернышев («Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов». «Сборник ОРЯС», т. LXXV. СПб., 1904, стр. 128, 142) и др.

¹²⁷ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 1. СПб., 1906, стр. 354—359.

¹²⁸ Там же, стр. 93.

¹²⁹ Там же, стр. 89—91.

¹³⁰ Там же, стр. 93.

¹³¹ Там же, стр. 351.

¹³² Там же, стр. 360—363.

¹³³ Там же, стр. 367.

¹³⁴ Там же, стр. 418.

ся»¹³⁵. Как видим, лишь характеристика русских былин у Келтуялы в основных чертах совпадала с точкой зрения на них «исторической школы», на остальные же жанры он еще не переносил ее выводы, как это делала принадлежавшие к этой школе некоторые другие ученые.

Во второй книге своего «Курса» и особенно во втором его издании Келтуяла во многом пересмотрел свои взгляды на фольклор, последовательно и откровенно сформулировав свою антидемократическую концепцию. Заключая предисловие ко второй книге, где он изложил исходные положения теории «аристократического происхождения» фольклора, Келтуяла признавался: «Точка зрения, изложенная на предыдущих страницах, выработалась у меня постепенно. Когда я составлял 1-ую книгу „Курса“, она у меня только намечалась. Этим объясняются в ней некоторые следы народнической мифологии. Так, я признаю еще в ней устную лирику, сказки, пословицы продуктом несуществовавшего коллективного, общенародного творчества»¹³⁶. Иными словами то, что в первой книге может считаться верным и относительно прогрессивным, теперь он сам осуждает как «народническую мифологию». Отказываясь от понятия «народное творчество», Келтуяла объявляет фольклор продуктом творчества «высшего, правящего класса»¹³⁷. Повторяя уже изложенную в первой книге характеристику былин, Келтуяла теперь прямо ссылается на В. Ф. Миллера, цитируя приведенную нами выше образную формулу из «Экскурсов». «Эти слова, сказанные Вс. Миллером лет 20 тому назад,— пишет Келтуяла,— могли бы послужить исходным пунктом для установления подлинного творца былевого эпоса»¹³⁸. Так сам Келтуяла назвал мысли Миллера в качестве «исходного пункта» теории «аристократического происхождения» эпоса. Перепечатывая это предисловие во втором издании «Курса», Келтуяла расширяет свое примечание, идя в глубь истории фольклористики: «Еще решительнее высказался о былинах Л. Майков»¹³⁹.

Итак, Келтуяла не претендовал на изобретение самой идеи «аристократического происхождения» эпоса, но в отличие от Майкова он, учитывая другие появившиеся к тому времени работы ученых «исторической школы», распространяет теперь эту идею на все жанры фольклора, придает ей силу общего закона. Во втором издании своей книги он утверждает, что духовные стихи создавались «светскими людьми из высшего класса», заговоры и обрядовые песни — «старейшинами» патриархально-родового общества, которым «принадлежала светско-духовная власть», свадебные песни — женами этих старейшин, сказки тоже сложились «в аристократической среде»¹⁴⁰. Одним словом, резюмирует Келтуяла, «все роды и виды устного народного творчества зародились не в народной массе, а в ее верхах»¹⁴¹. Народная масса лишь «усвоила обломки древнерусской аристократической культуры»¹⁴². Правда, Келтуяла не отрицал того, что массы вносили в наследие, полученное от высших классов, изменения, «медленно и с великим трудом вливали новое содержание»¹⁴³, что «устное творчество второй половины XVII в. развивалось преимущественно в средних и низших слоях»¹⁴⁴. Но все эти оговорки не отменяли основного

¹³⁵ Там же, стр. 379.

¹³⁶ Там же, ч. I, кн. 2, СПб., 1911, стр. XI.

¹³⁷ Там же, стр. VIII.

¹³⁸ Там же, стр. VII. На стр. 451 Келтуяла ссылается уже на «Очерки» Миллера в подтверждение «нелепости, заключающейся в понятии «народное творчество».

¹³⁹ Там же, ч. I, кн. 2. Изд. 2. СПб., 1913, стр. X.

¹⁴⁰ Там же, стр. VII—VIII.

¹⁴¹ Там же, стр. VIII. Ср. ч. I, кн. 1. Изд. 2, стр. IX—XIV, 363, 364, 371, 387, 413, 424 и др.

¹⁴² Там же, ч. I, кн. 2, стр. XI.

¹⁴³ Там же, стр. IX.

¹⁴⁴ Там же, стр. 916.

вывода Келтуялы; более того, в живучести фольклорного наследия он видел свидетельство не столько хотя бы ассимилятивных способностей народных масс, сколько проявление «изумительной культурно-идейной мощи древнерусского правящего класса, не прекратившейся и к началу XX в.»¹⁴⁵

Мы уже говорили о том, что кое-какие «либеральные» мысли, высказанные Келтуялой в первом издании первой книги «Курса», дали повод некоторым его современникам сблизить его точку зрения с марксистской. Прежде чем прокомментировать эту оценку, напомним, как воспринял ее сам Келтуяла. В предисловии ко второму изданию первой книги «Краткого курса истории русской литературы» (СПб., 1912), перепечатанном с незначительными изменениями во втором издании первой книги полного «Курса», Келтуяла решительно отмежевывается от «экономического материализма», как он именует в книге марксизм, не без основания сетуя на «странность» сопоставления его с подлинными марксистами¹⁴⁶. Особенно настойчиво Келтуяла отводит подозрение в якобы присутствующем в его книгах «публицистическом» элементе, противопоставляя марксистской партийности свой мнимый, типично буржуазный объективизм. Более того, сам Келтуяла признается: «...основные положения, которыми проникнуты мои „Курсы“, я сознательно противопоставляю общепринятым в современной русской демократии положениям»¹⁴⁷.

Разумеется, только приблизительное знакомство с марксизмом позволило некоторым рецензентам «Курса» сблизить концепцию Келтуялы с марксистским пониманием истории культуры¹⁴⁸. Поводом для этого служили отзывы Келтуялы о народничестве и его рассуждения о классах и классовой природе литературы. Но последние типичны как раз для буржуазной идеологии, критика же народничества велась Келтуялой также не с марксистских позиций, так как отметались не только народнические иллюзии о народе и его культуре, но и традиции революционно-демократического направления в истории русской этнографии и фольклористики.

Все дело в том, какие выводы делались из констатации классовой структуры общества. Для буржуазных идеологов это признание было необходимо в конечном счете для того, чтобы, прикрываясь маской объективности, признать «нормальный» характер существующих в классовом обществе отношений. И Келтуяла заключал свое предисловие ко второму изданию «Курса» характерным утверждением: «Деление на классы не есть какое-то уродство, отклонение от нормального исторического развития, а естественное историческое явление»¹⁴⁹. Признавая извечность и неизбежность классового общества, ища «действительную историческую

¹⁴⁵ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 2. Изд. 2, стр. XI; ср. ч. I, кн. 1. Изд. 2, стр. XVII.

¹⁴⁶ Там же, ч. I, кн. 1. Изд. 2, стр. XVIII—XIX.

¹⁴⁷ Там же, стр. XIX—XXIII.

¹⁴⁸ Так, А. Яцимирский ставил Келтуяле в заслугу, что тот «первый стал изучать отдельные памятники и авторов в их зависимости от сложных экономических, классовых... и других условий в прошлой жизни русского народа» («Русская школа», 1906, XI, «Обзор новых исследований и изданий по истории русской литературы», стр. 175). Еще определеннее квалифицировал труд Келтуялы П. Н. Сакулин: «Автор примыкает к экономическому материализму, но... свободен от односторонностей марксизма» («Вестник воспитания», 1906, VIII, «Критика и библиография», стр. 1). С другой стороны, характерно, что Н. И. Коробка скептически отнесся к автору «Курса»: «Его объяснения в духе экономического материализма и теории классовой борьбы упрощены донельзя»; рецензент иронизирует: Келтуяла «более марксист, чем сам Маркс», что же касается теории «аристократического происхождения», то Коробка выразил решительное несогласие: устная поэзия, «конечно, не создана аристократией..., а возникла в недрах народной массы» («Русская школа», 1912, II, «Критика и библиография», стр. 35—38).

¹⁴⁹ В. А. Келтуяла. Указ. соч., ч. I, кн. 1. Изд. 2, стр. XXXV.

силу» не в народных массах, а в правящих классах, Келтуяла стоял на прямо противоположных марксистским позициях¹⁵⁰.

В связи со взглядами Келтуялы представляет интерес вопрос об отношении к Келтуяле Плеханова. Во введении к «Истории общественной мысли» он относит Келтуялу к числу исследователей, «которые придерживаются материалистического объяснения истории», а первое издание его «Курса» определяет как «замечательный труд»¹⁵¹. Правда, сам Плеханов полемизируя с Келтуялой, оговаривается, что в «Курсе» есть «частные заблуждения», но его критика не касается фольклористической и историко-литературной концепции автора, которую он обходит молчанием. Отчасти это объясняется проблематикой «Истории общественной мысли». Но не только этим. Пользуясь некоторыми данными из первой книги «Курса» об обрядовых и хороводных песнях, Плеханов опровергает мнение самого Келтуялы о хозяйственных занятиях населения Киевской Руси, правильно утверждая, что уже в ту эпоху преобладал земледельческий труд. Почему же, заметив одну ошибку Келтуялы, Плеханов оставил без внимания не менее существенные ошибки в характеристике классовой структуры древнерусского общества и в определении вклада разных классов в историю культуры? Необходимо иметь в виду, что когда создавалась «История общественной мысли», сам Плеханов в некоторых существенных моментах отступил от марксизма. Умолчание о взглядах Келтуялы на взаимоотношения классов древнерусского общества не случайно — ведь именно Плеханов «дополнил» марксистскую теорию классовой борьбы тезисом о «сотрудничестве» классов, за что был подвергнут резкой критике М. Н. Покровским¹⁵². Что же касается теории «аристократического происхождения» фольклора, то хотя Плеханов и не критикует ее в «Истории общественной мысли», но есть неопровержимое доказательство того, что в этом пункте с Келтуялой он не соглашался. Таким доказательством, кроме известных взглядов самого Плеханова на творческую роль народных масс в истории, являются его заметки на экземплярах книг Келтуялы, хранящихся ныне в Доме Плеханова в Ленинграде. Мы приводили уже в печати некоторые из этих заметок, недвусмысленно выражающие отрицательное отношение Плеханова ко многим мыслям Келтуялы¹⁵³. Напомним их и дополним другими.

Читая первую книгу «Курса», Плеханов одобрительно отнесся к тем мыслям Келтуялы, от которых тот как раз впоследствии отказался. Так, выражение «устное творчество — собирательно, коллективно» отчеркнуто красным карандашом, против него поставлено «NB», подчеркнутое синим карандашом¹⁵⁴. Отчеркнуты также предшествующий абзац, где Келтуяла аргументировал этот вывод, и общий вывод о двух видах устного творчества в эпоху Киевской Руси — общенародном и классовом¹⁵⁵. Вместе

¹⁵⁰ См. там же, стр. VIII. Взгляды Келтуялы на фольклор не претерпели существенных изменений и после Октябрьской революции, о чем свидетельствует его статья и примечания к книге «Былины» (М.—Л., 1929). Хотя статья и названа «Былины в историко-материалистическом освещении», но она представляет собой типичный образец вульгарно-социологического толкования эпоса в сочетании с теорией «аристократического происхождения». То, что в 1911 г. Келтуяла «сознательно противопоставлял» марксизму, теперь он выдавал за марксизм! Такой поворот возможен был вследствие того, что усвоение марксизма фольклористикой 20-х годов было часто внешним.

¹⁵¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XX. М.—Л., 1925, стр. 38, 41.

¹⁵² М. Н. Покровский. Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923.

¹⁵³ В. Е. Гусев. Г. В. Плеханов и проблемы этнографии. СЭ, 1957, № 1, стр. 16.

¹⁵⁴ В. А. Келтуяла. Указ. соч., ч. I, кн. 1, стр. 91. Экземпляр из личной библиотеки Плеханова. Дом Плеханова, шифр Д. 6167.

¹⁵⁵ Там же, стр. 93.

с тем при чтении первой книги уже наметилось критическое отношение Плеханова к некоторым социологическим и идеологическим тезисам Келтуялы. Так, на полях страницы, где Келтуяла характеризовал мировоззрение человека доклассового общества, Плеханов написал: «немного богдановщина»¹⁵⁶.

Знакомясь со второй книгой, Плеханов остро реагировал на идею «аристократического происхождения» фольклора. Приводившуюся уже формулировку Келтуялы — «все роды и виды устного народного творчества зародились не в народной среде, а в ее верхах» — Плеханов подчеркнул, заключил в скобки и отчеркнул на полях, а против этого места написал: «Это неверно. Ср. IX»¹⁵⁷. Далее Плеханов отчеркнул и тоже поставил в скобки фразу: «В том, что значительная часть народной массы усвоила обломки древнерусской аристократической культуры и созданного ею мировоззрения, нельзя не видеть исторической силы последней». На полях он написал: «Не то» и подчеркнул эти слова, усилив свое несогласие с автором¹⁵⁸. Обратил внимание Плеханов и на то место, где Келтуяла признается, что он отказался от взгляда на фольклор как продукт «несуществовавшего коллективного, общенародного творчества». Весь абзац Плеханов отчеркнул и обозначил еще резкой горизонтальной «выводной» чертой¹⁵⁹. В другом месте, где Келтуяла дает уничижительную характеристику «черным людям» Киевской Руси, которые якобы в своей деятельности не могли «обойтись без боярской помощи и боярского руководства», Плеханов написал слово «преувеличение»¹⁶⁰. Многочисленные заметки, выражающие несогласие Плеханова с характеристикой Келтуялы классовой структуры Киевской Руси и экономической деятельности ее населения¹⁶¹.

На экземпляре второго издания первой книги первой части (1913) Плеханов поставил знак вопроса против рассуждений Келтуялы о профессиональных певцах, «выделившихся из древнерусской аристократии», и сопроводил его замечанием: «Вот уже в этом позвольте усумниться»¹⁶².

Не менее определенно высказал свое отношение к фольклористической концепции Келтуялы Горький. Когда вышла в свет первая часть «Курса», он, правда, квалифицировал ее как «очень ценную работу»¹⁶³. Но впоследствии, познакомившись со второй частью, Горький был разочарован и не скрывал своего несогласия с автором. В письме к Е. А. Ляцкому от 9 апреля 1912 г. он писал, одобряя работу своего корреспондента: «В наши дни, когда к народу, к его творчеству замечается какое-то странное — скептическое, капризное и несерьезное отношение, тексты, данные Вами — даже без комментариев — очень солидно возражают тем, кто, как например, Келтуяла — ныне выводит все творчество народное из аристократии, от командующих классов. Я очень удивлен предисловием ко второй части книги Келтуялы...»¹⁶⁴. Еще более резко, найдя и соот-

¹⁵⁶ В. А. Келтуяла. Указ. соч., ч. I, кн. 1, стр. 25; ср. стр. 338.

¹⁵⁷ Там же, кн. 2. Дом Плеханова, шифр Д. 6167, стр. VIII. Отсылка на стр. IX связана с тем, что Плеханов отметил некоторую непоследовательность Келтуялы, когда тот сам вынужден признать, что народные массы, хотя и «с великим трудом», по все же «вливали новое содержание простонародно-демократического характера». Последние слова подчеркнуты Плехановым.

¹⁵⁸ Там же, стр. XI.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же, стр. 21.

¹⁶¹ Там же, стр. 40, 63 («ошибка Келтуялы»), 65, 68, 70, 113, 114, 122, 134 и др.

¹⁶² Там же, стр. IX.

¹⁶³ М. Горький. Письмо К. П. Пятницкому от 14 или 15 августа 1908. Собр. соч. в 30 томах, т. 29, стр. 50.

¹⁶⁴ Там же, стр. 235.

ветствующую идеологическую формулу, Горький оценил «выходки» Келтуялы, объяснив их эволюцией «в сторону буржуазно-бюрократических тенденций», в статье, написанной в том же году, — «О русской интеллигенции и национальных вопросах»¹⁶⁵.

Итак, идея «аристократического происхождения» фольклора постепенно формировалась в недрах «исторической школы», была для нее органична и лишь как общая теория была сформулирована Келтуялой. Она логически вытекала из некоторых принципиальных положений в трудах представителей «исторической школы». Если в социологическом плане эта теория была связана с недооценкой творческих способностей трудящихся, то в художественно-психологическом плане она исходила из отрицания коллективности творческого процесса в фольклоре и признания лишь индивидуального, профессионального творческого акта.

Впервые наиболее отчетливо против коллективности в фольклоре высказался В. Ф. Миллер: «Как же представить нам себе вообще появление многочисленных сюжетов? Кем они были измышлены? Коллективным творчеством массы? Но ведь и это фикция, так как человеческий опыт такого творчества никогда не наблюдал»¹⁶⁶. Вслед за ним против представления о фольклоре как «коллективном творчестве» выступил П. В. Владимиров¹⁶⁷. Келтуяла, как мы видели, первоначально признававший коллективность, затем решительно отказался от этой идеи. М. Н. Сперанский, который считал метод «исторической школы» «единственным правильным», также категорически утверждал, будто «так называемое коллективное творчество, с психологической точки зрения, является совершенно недопустимым», и был убежден, что нет никакой принципиальной разницы между созданием литературного и фольклорного произведений: «Процесс творчества и здесь, и там, по существу, совершенно один и тот же»¹⁶⁸. Приводившиеся учеными «исторической школы» в доказательство «фиктивности» коллективного творчества факты — роль личной одаренности исполнителя фольклорного произведения, известная «специализация» и «профессионализация» в исполнении, появление новых вариантов произведения и т. п., — сами по себе верные, преувеличивались, абсолютизировались, получали неправильную интерпретацию.

Методология «исторической школы», как и любой другой буржуазной школы в истории фольклористики, неприемлема для советской науки. Все, что есть ценного в трудах ученых «исторической школы» — их стремление связать фольклор с национальной историей, богатство привлекаемых фактов, внимание к личности сказителя, успехи их собирательской деятельности и прочее¹⁶⁹, — обязано не основным методологическим установкам самой «исторической школы», а или продолжает лучшие традиции русской фольклористики и потому не может считаться исключительной заслугой этой школы, или явилось следствием того, что наиболее талантливые представители «исторической школы» фактически отступали от ее догматов. Сам В. Ф. Миллер замечателен и интересен не тем, что он, желая установить происхождение эпоса, стремился найти «архаический извод» былины и ответить на известные вопросы, сформулированные им в предисловии к «Очеркам», а тем, что он сам иногда указывал на слож-

¹⁶⁵ М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Л., 1934, стр. 68, 69.

¹⁶⁶ В. Миллер. Русская былина, ее слагатели и исполнители. «Очерки», т. I, стр. 24.

¹⁶⁷ П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 55.

¹⁶⁸ М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 99, 161, 164 и др.

¹⁶⁹ Достоинства и достижения ученых «исторической школы» достаточно четко охарактеризованы В. И. Чичеровым. См. указ. соч., стр. 94—103.

ность проблемы отношений эпоса к истории и предостерегал других от увлечений сближениями фольклорных образов с летописными персонажами.

Миллеру удалось сделать немало интересных и ценных конкретных исследований в области фольклористики, в частности изучить судьбы эпоса и исторических песен в казачьей среде. А его ученики действительно способствовали развитию фольклористики лишь тогда, когда стремились опровергнуть некоторые теоретические догмы «исторической школы», как это делал А. В. Марков, или с увлечением отдавались исследованию живых процессов в народном творчестве, как братья Б. и Ю. Соколовы, тот же Марков, А. Д. Григорьев, Е. Н. Елеопская.

В связи с этим необходимо обратить внимание на опубликованную В. П. Аникиным одну примечательную записку А. В. Маркова¹⁷⁰:

«Течения в изучении былин:	представители
1. Мифологическое 40—60 гг.	Буслаев (+ 2 и 3)
2. Историко-литературное 60—80 гг.	Акад. Веселовский
3. Историко-бытовое 90—900 гг.	В. Ф. Миллер (+ 2)
4. Д[олжно] б[ыть] историко-социологическое со ст[атьи] «Б[ытовые] ч[ерты] р[усских] б[ылин]» 1904	А. В. Марков (+ 3)»

В скобках А. В. Марков отметил число наиболее крупных представителей каждого направления. Трудно с уверенностью говорить, кого именно имел в виду сам Марков, но очевидно одно — себя и близких себе ученых он выделил в самостоятельное «течение», противопоставляя его в известном смысле тому, какое как раз принято называть собственно «исторической школой». Это весьма знаменательно. Действительно, расхождения между Марковым и Миллером были настолько существенны, что о единстве «исторической школы» в XX в. не может быть и речи. Точнее было бы говорить не просто о размежевании внутри школы, но и о намечавшемся отходе от нее некоторых учеников Миллера.

Знаменательно, что некоторые из них «упули» в собирательскую практику. Объективные же результаты их деятельности, наблюдения и выводы, к каким они подчас приходили, в сущности находились в противоречии с исходными теоретическими положениями «исторической школы». Пусть это было не осознанным еще разрывом с «исторической школой», но, как правильно отметил позднее Ю. М. Соколов, «происходило... расхождение теории и практики»¹⁷¹. Таким образом, собирательская деятельность учеников Миллера ценна и значительна не в той мере, в какой она связывала их с «исторической школой», а в той, в какой она выводила их на новую дорогу. Постепенно накапливался материал, двигавший научную мысль в направлении, противоположном тому, которое утверждала «историческая школа». На место одной из центральных идей о народе как «нетворческой среде» ставилась проблема творческой роли народа в истории фольклора, а тем самым подрывалась основа теории «аристократического происхождения» фольклора.

Интерес ученых постепенно перемещался с проблемы хронологического соотношения произведений фольклора и конкретных событий прошлых эпох на изучение живых процессов в фольклоре и его судеб в современности. Так приобщение некоторых молодых ученых, воспитанных в традициях «исторической школы», к живой действительности, к народной жизни, их общение с талантливыми людьми из народа неизбежно и закономерно вело их к разрыву с «исторической школой». Любопытно в

¹⁷⁰ В. П. Аникин. Указ. соч., стр. 163.

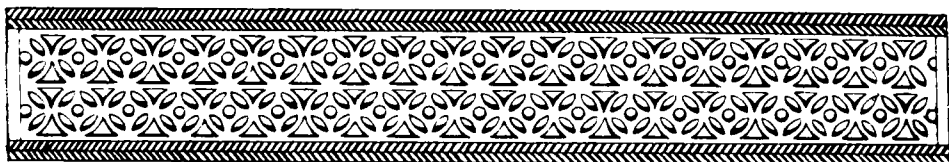
¹⁷¹ Ю. М. Соколов. Указ. соч., стр. 105.

связи с этим отметить, что братья Соколовы в первых своих работах, противореча, в сущности, учителю, употребляли выражение «народное творчество» и говорили о том, что даже произведения, книжные по своему происхождению или возникшие не в народной среде, подчинялись «всем законам развития, какие руководят жизнью народного устного творчества»¹⁷² и что «поэтизация исторического факта была совершена в духе и по законам, обычным для народного эпоса»¹⁷³. Некоторые ученики В. Ф. Миллера, усваивая высокую исследовательскую культуру и научную добросовестность, какие были характерны для их учителя, отнюдь не разделяли все его убеждения. Да и сам В. Ф. Миллер, один из крупнейших русских ученых, как мы стремились показать, не укладывается в рамки «исторической школы». Все это свидетельствует о том, что уже в дореволюционный период «историческая школа» переживала кризис.

Только при трезвом критическом отношении к «исторической школе» с позиций марксистско-ленинской методологии и может быть освоен опыт этого направления в истории русской дореволюционной фольклористики.

¹⁷² Ю. М. Соколов. Весна и народный аскетический идеал. «Русский филологический вестник», 1910, № 3—4, стр. 79.

¹⁷³ Б. М. Соколов. Исторический элемент в бытине о Даниле Ловчанине. Там же, стр. 225; ср. выражение «народное творчество» на стр. 230. Термин «народная словесность» употреблялся фольклористами, объединившимися в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии (см. статью Э. В. Померанцевой во втором выпуске «Очерков истории этнографии, фольклористики и антропологии». М., 1963, стр. 198).

В. П. АЛЕКСЕЕВ

ИСТОРИЯ КРАНИОЛОГИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И КАВКАЗА

1

Краниология на первых порах представляла собою ответвление сравнительной анатомии. Так, еще Л. Добантон в сравнительно-анатомической работе, посвященной положению большого затылочного отверстия у человека и млекопитающих¹, использовал угловые измерения для характеристики отличия человека по этому признаку от животных. С возникновением учения о расах краниология приобрела самостоятельное значение, но продолжала оставаться в основном описательной дисциплиной. Даже И. Блюменбах, больше чем кто бы то ни было другой сделавший для выяснения краниологических различий между расами в XVIII в., почти не пользовался измерениями и преимущественно описывал череп в разных нормах².

Пожалуй, единственное исключение составляют труды П. Кампера³. Он первым предложил использовать определенную горизонталь при сравнении черепов разных рас, наметил их различия по так называемому лицевому углу, произвел отдельные измерения, характеризующие размеры черепа. В этом отношении его начинания опередили эпоху на много лет, и фактически исследования К. Каруса, работавшего уже во второй четверти XIX в., ничего не прибавили к замечательным достижениям голландского анатома. Одно из сочинений К. Каруса «Основание краниоскопии» было переведено на русский язык в 1844 г. и, по-видимому, с этой даты можно начинать историю краниологии в России. Она почти совпадает с датой выхода в свет знаменитого мемуара А. Ретциуса, в котором он подразделил все человечество на группы по черепному указателю и выступанию лицевых костей в вертикальной плоскости и с которого вообще начинается научный период в истории краниологии⁴.

¹ L. Daubanton. Sur les différences de la situation du grand trou occipital dans l'homme et dans les animaux. «Mémoires de l'Académie Royale des sciences». Paris, 1764.

² J. Blumenbach. De generis humani varietate nativa. Göttingen, 1775; егo же. Über Menschen-Racen und Schweine-Racen. «Magazin für das Neueste aus der Physik und Naturgeschichte». Bd. 6. Gotha, 1789; егo же. Über die natürlichen Verschiedenheiten im Menschen-Geschlechte. Leipzig, 1789; егo же. Collectiones craniorum diversarum gentium. Göttingen, 1790—1828.

³ P. Camper. Über den natürlichen Unterschied der Gesichtszüge im Menschen verschiedener Gegenden und verschiedenen Alters. Berlin, 1792.

⁴ Первое издание работы А. Ретциуса вышло на шведском языке. Я пользовался немецким изданием: A. Retzius. Über die Schädelform der Nordbewohner. «Müller's Archiv für Anatomie», 1845.

Развертывание и первые этапы краниологических исследований в России связаны с грандиозной по своей многосторонности деятельностью К. М. Бэра. Своим размахом она поражала как его современников и ближайших последователей⁵, так и следующие поколения ученых. Другой выдающийся естествоиспытатель, наш современник В. И. Вернадский называл К. М. Бэра «великим естествоиспытателем и великим мудрецом»⁶. Его деятельность получила тщательную и во многом исчерпывающую характеристику в ряде обстоятельных книг и статей⁷. В них представлена и полная библиография его произведений⁸. Все это дает возможность ограничиться здесь лишь замечаниями по поводу значения краниологических работ К. М. Бэра в истории русской науки. Основные работы К. М. Бэра посвящены краниологии сибирских народов, папуасов, альфу-ров, народов Западной Европы⁹. Исключение составляют две статьи о деформированных черепках из Крыма и о черепках из скифских погребений на юге Украины. Но материал, в них описанный, невелик, и не они заставляют добрым словом вспомнить здесь знаменитого ученого. Основания для этого — его организационная деятельность и труды по теории и методике антропологии.

Теоретические взгляды К. М. Бэра отличает глубокое понимание места антропологии в системе других наук, тесная увязка краниологических исследований с историческими, этнографическими и археологическими данными, подчеркивание роли палеоантропологии, признание единства человеческого рода и изменения расовых типов во времени в зависимости от географических условий. Не менее существенны заслуги К. М. Бэра в разработке методики краниологии и унификации измерений. Именно с этой целью был организован съезд антропологов в Геттингене осенью 1861 г., в созыве которого К. М. Бэр принял столь горячее участие. На съезде были обсуждены наиболее целесообразные приемы краниологических измерений и впервые поставлен вопрос о создании единой международной системы¹⁰.

В 1846 г. К. М. Бэр был переведен с кафедры зоологии в Академии наук на кафедру сравнительной анатомии и физиологии, которую он занимал до выхода в отставку в 1862 г. В связи с этим назначением по его началом оказался сравнительноанатомический кабинет, созданный его предшественником по кафедре П. А. Загорским¹¹. Небольшая краниологическая коллекция, уже собранная к тому времени в кабинете, за время его работы возросла в несколько раз и стала основой будущего замечательного собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР — одного

⁵ См.: L. Stieda. Karl Ernst von Baer. Eine biographische Skizze. Braunschweig, 1878; R. Stolzle. Karl Ernst von Baer und seine Weltanschauung. Regensburg, 1897.

⁶ В. И. Вернадский. Памяти академика К. М. фон-Бэра. «Первый сборник памяти Бэра». Л., 1927, стр. 9.

⁷ М. Г. Левин. Антропологические работы К. М. Бэра. СЭ, 1954, № 1; его же. У истоков русской антропологии. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», I. Труды ИЭ, новая серия, т. XXX. М., 1956; Е. Н. Павловский. Академик К. М. Бэр и Медико-хирургическая академия. М.—Л., 1948; Б. Е. Райков. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. «Материалы к истории эволюционной идеи в России», т. II. М.—Л., 1951; его же. Карл Бэр, его жизнь и труды. М.—Л., 1961; М. М. Соловьев. Бэр на Новой Земле. Л., 1934; его же. Бэр на Каспии. Л., 1941.

⁸ Библиографию см.: М. Г. Левин. Антропологические работы К. М. Бэра.

⁹ См. о них: М. Г. Левин. У истоков антропологии.

¹⁰ K. Baer, R. Wagner. Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen im September 1861 in Göttingen, zum Zwecke gemeinsamer Besprechungen. Leipzig, 1861. См. также: К. М. Бэр. Автобиография. Л., 1950, стр. 441—442.

¹¹ М. А. Тикотин. П. А. Загорский и первая русская анатомическая школа. М., 1950.

из наиболее обширных хранилищ материалов по краниологии народов Восточной Европы и Кавказа¹².

Уже в 1850 г. К. М. Бэр обращал внимание на почти полное отсутствие краниологических материалов по народам России, отчетливо понимая огромное историко-антропологическое значение таких материалов. Поэтому главное внимание было уделено им сбору черепов российских народов, что осуществлялось с помощью лиц, отправлявшихся в разные области России в экспедиции, и сети энтузиастов на местах — в основном врачей.

Сам К. М. Бэр привез краниологические коллекции из своих поездок по Волге и на Каспий, среди которых были серии черепов русских, народов Поволжья, кавказских народов¹³.

Широта и высокий методический уровень антропологических исследований Бэра, его организационная деятельность, наконец, популяризация им антропологических знаний в русском обществе — все это позволяет видеть в нем, вслед за Е. В. Райковым, основоположника антропологии в России. Только недооценкой незаурядной творческой личности К. М. Бэра и его работ можно объяснить то широко распространенное в историографической литературе мнение, согласно которому эта роль приписывается А. П. Богданову¹⁴. Кстати говоря, сам А. П. Богданов совершенно недвусмысленно писал о приоритете К. М. Бэра: «История настоящей антропологии в России начинается с трудов знаменитого Бэра, основателя первого краниологического собрания в России при Академии наук в Петербурге»¹⁵. До работ К. М. Бэра не было антропологии в России, в них она оформилась в самостоятельную отрасль знания, хотя и продолжала оставаться академической дисциплиной, мало известной широкой публике.

Одновременно с К. М. Бэром в Петербурге работал В. Л. Грубер, заведовавший Анатомическим институтом в Медико-хирургической академии. Исключительно трудолюбивый и разносторонний анатом, он не оставил исследований в области антропологии, но провел большую работу по расширению анатомического музея, в частности по сбору краниологических коллекций¹⁶. Основу их составила многочисленная серия черепов русских из северных областей, умерших в клиниках Медико-хирургической академии. В количественном отношении эта серия превосходила все собранные к тому времени материалы по краниологии других народов Восточной Европы и Кавказа.

До того как в России возник интерес к коллекционированию краниологических материалов, а К. М. Бэр стал интенсивно работать в области

¹² См.: В. В. Гинзбург. Краниологическое собрание Музея антропологии и этнографии. «Сборник МАЭ», т. XII. М.—Л., 1949; Б. В. Фирштейн. Краниологические коллекции Музея антропологии и этнографии (поступления за 1947—1962 гг.). Там же, т. XXII, М.—Л., 1964.

¹³ См.: В. П. Якимов. Антропологический отдел Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР. «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1964, № 3.

¹⁴ См., например: М. Г. Левин. А. П. Богданов и русская антропология (К 50-летию со дня смерти). СЭ, 1946, № 1; его же. Очерки по истории антропологии в России. М., 1960; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Труды ИЭ, новая серия, т. IV. М.—Л., 1948; его же. Этническая антропология в работах русских антропологов конца XIX и начала XX века (петербургская и московская школы). «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. II. Труды ИЭ, новая серия, т. 85, М., 1963.

¹⁵ А. П. Богданов. Речь 29-го июля 1879 года на второй сессии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии по поводу Антропологической выставки. «Изв. ОЛЕАЭ», т. XXXV, ч. I, вып. 1—3, 1880, стр. 261.

¹⁶ См.: В. В. Гинзбург, А. Г. Кнорре, В. В. Куприянов. Анатомия, гистология и эмбриология в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Л., 1957.

краниологии, черепа, привозимые в столицу, часто передавались иностранным ученым. В ряде случаев они становились предметом описания¹⁷. Однако эти единичные работы содержали лишь более или менее полное анатомическое описание без попытки использовать морфологические данные для каких-либо исторических выводов, и в этом отношении невыгодно отличаются от исследований К. М. Бэра. Поэтому они заслуживают упоминания лишь в целях полноты обзора.

2

60-е годы XIX в. — годы основания антропологических обществ во многих странах Западной Европы. В 1859 г. Антропологическое общество создается во Франции, в 1863 г. — в Англии, в 1869 г. — в Германии и Австрии, в 1871 г. — в Италии. В России первым антропологическим обществом можно считать Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, организованный в 1864 г., — на год позже основания самого Общества¹⁸. Основатель отдела А. П. Богданов внес неоценимый вклад в развитие антропологических исследований в России и ввел в науку громадный новый материал по краниологии восточноевропейских и кавказских народов¹⁹.

А. П. Богданов был не только блестящим организатором, но и пропагандистом антропологии в России; именно последнему обстоятельству он в первую очередь обязан своей широкой известностью и титулом основателя русской антропологии. Действительно, создание Антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, организация и проведение крупнейших выставок Общества — Этнографической (1867 г.) и Антропологической (1879 г.), которые заложили фундамент богатейшего краниологического собрания Института и Музея антропологии, созданных уже в советское время при Московском государственном университете²⁰, перевод и издание наиболее выдающихся руководств по методике антропологических и собственно краниологических исследований²¹ — все это при сильной зависимости науки от частных пожертвований должно было исчерпать силы одного человека. Но у А. П. Богданова их хватало и на то, чтобы добиваться правительственных ассигнований для развития любимого дела, а главное — много и плодотворно работать самому на научном поприще.

Основное в антропологическом творчестве А. П. Богданова — его краниологические исследования. Здесь и публичные лекции о значении краниологии для сравнительной анатомии, учения о человеческих расах, истории народов, и разработка некоторых теоретических вопросов краниологии, в частности важнейшей проблемы изменения признаков во вре-

¹⁷ J. Van der Höven. Über die Schädel slavonischer Völker. «Müller's Archiv für Anatomie», 1844. См. также сноску 4.

¹⁸ Т. Д. Гладкова. Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», II.

¹⁹ М. Г. Левин. А. П. Богданов и русская антропология; Б. Э. Райков. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. «Материалы к истории эволюционной идеи в России», т. IV. М.—Л., 1959.

²⁰ В. В. Бунак. Антропологическая выставка ОЛЕ и ее наследие (К 50-летию со дня выставки). РАЖ, 1930, № 1—2; Т. Д. Гладкова. Антропологическая выставка 1879 г. и основание Музея антропологии. СА, 1959, № 2.

²¹ П. Брока. Общие инструкции для антропологических исследований и наблюдений. «Изв. ОЛЕАЭ», т. II, 1865; его же. Антропологические таблицы для кефалометрических и краниологических вычислений. Там же, т. XXXVIII, вып. 1, 1879. См. также: А. П. Богданов. Об издании краниологических таблиц Брока. Там же, т. XXXI, 1878—1879.

мени, и конкретные работы по краниологии народов Восточной Европы, Кавказа, Поволжья, Сибири, Средней Азии и по палеоантропологии, которых насчитывается больше трех десятков²². Некоторые из этих работ посвящены описанию коллекций, собранных другими исследователями, но для многих материал собран им самим при раскопках, выполнявшихся в различных районах Европейской России.

Отмечая, что «родство племен по языку, быту и обычаям не есть родство по происхождению»²³, А. П. Богданов посвятил свои усилия в основном вскрытию генетических связей между народами, основываясь на наиболее пригодных для этого антропологических и в первую очередь краниологических данных. При этом в отличие от многих своих современников он не ставил знака равенства между расой и народом и отчетливо понимал, что краниологическое исследование, чтобы быть полноценным, должно базироваться на совокупности материалов, для чего следует широко привлекать историко-этнографические и археологические данные. Так написаны его основные краниологические и палеоантропологические работы, прежде всего его докторская диссертация по палеоантропологии славян²⁴.

В этом исследовании, а также в других работах²⁵ А. П. Богданов установил факт кардинального значения: различие в форме черепной коробки между длинноголовым курганным населением и круглоголовыми современными представителями русского народа. Сначала он трактовал его как результат проявления в современном населении какого-то иного типа по сравнению с древним, как следствие отсутствия генетической преемственности между русским народом и курганным населением, жившим в тех же районах. Но в последней работе, которая как бы подводит итог всем исследованиям ученого по краниологии славян и современных народов Восточной Европы, он приходит к выводу о постепенной брахикефализации населения под воздействием «развития цивилизации», иначе говоря, вследствие морфологической перестройки типа во времени в зависимости от уровня культуры и других факторов социального порядка, оказывающих влияние на биологию человека²⁶. Этот вывод — чрезвычайно яркий и передовой для своего времени — получил впоследствии многостороннее подтверждение на самых разнообразных материалах и прочно вошел в золотой фонд достижений русской антропологии²⁷.

Наряду с изучением краниологии русского народа А. П. Богдановым были исследованы краниологические серии башкир²⁸, чувашей²⁹, абхазов, шапсугов, нутхайцев³⁰. Сопоставление результатов изучения краниологического типа современных народов с палеоантропологическими данными позволило ему прийти к важным для того времени этногенетическим заключениям и продемонстрировать значение краниологических ма-

²² См.: Б. Э. Райков. Указ. соч., т. IV, стр. 454—467.

²³ А. П. Богданов. Значение краниологии. М., 1868, стр. 11.

²⁴ А. П. Богданов. Антропологические материалы. ч. I. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. «Изв. ОЛЕАЭ», т. IV, вып. 1, 1867.

²⁵ А. П. Богданов. Череп из старых московских кладбищ. Там же, т. XXXI, вып. 5, 1879.

²⁶ A. Bogdanov. Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale? «Congrès International d'archéologie préhistorique et d'anthropologie. II-ème session à Moscou», t. I, 1892.

²⁷ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР; его же. О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида. СЭ, 1961, № 2.

²⁸ А. П. Богданов. Курганные приуральды по раскопкам Зографа и Нефедова. «Изв. ОЛЕАЭ», т. XXXV, ч. I, вып. 1—3, 1880.

²⁹ А. П. Богданов. Жители древних Болгар по краниологическим признакам. Там же.

³⁰ А. П. Богданов. О черепе из кавказских дольменов и о черепках из кавказских курганов и могил. Там же, вып. 4.

териалов для выяснения происхождения современных народов. А поскольку эта интенсивная исследовательская работа над специальными вопросами умело сочеталась с чрезвычайно большим размахом их популяризации, постольку внимание к краниологическим материалам резко возросло, и краниология (а в лице ее и антропология в целом) получила права гражданства среди других научных дисциплин. К. М. Бэр создал антропологию в России, А. П. Богданов оповестил о ней образованное русское общество и отвоевал ей полноправное положение среди других наук.

В Петербурге одновременно с А. П. Богдановым работал А. И. Таренецкий³¹. Заняв место В. Л. Грубера и руководя кафедрой нормальной анатомии Военно-медицинской академии, А. И. Таренецкий много сделал для развития антропологических и особенно краниологических исследований в Петербурге. Созданное им в 1893 г. Антропологическое общество при Военно-медицинской академии выпустило ряд работ, посвященных преимущественно соматологии³². Но интересы самого А. И. Таренецкого лежали в области краниологии. Он продолжал деятельность В. Л. Грубера по сбору краниологических материалов и описал их в нескольких обстоятельных публикациях³³.

Особое значение для нашей темы имеет ранняя работа А. И. Таренецкого по краниологии русского населения³⁴. В ней представлены результаты измерений почти двухсот черепов из северных и центральных районов России, а также дана их морфологическая характеристика и произведено сравнение отдельных локальных групп между собой. Автор не вычислял средних, и сравнение локальных групп производил на основании вариаций отдельных размеров внутри групп — одним словом, пользовался вполне допустимой в его время, но к настоящему времени полностью устаревшей методикой. Однако тщательное описание материала и индивидуальные измерения всех исследованных черепов сохраняют за этой работой значение одного из основных источников сведений о краниологическом типе русского народа³⁵.

С деятельностью Антропологического общества при Военно-медицинской академии непосредственно связан выход в свет еще одной публикации, содержащей краниологические данные. Речь идет о диссертации ученика А. И. Таренецкого — Д. П. Никольского, посвященной антропологическому типу башкир³⁶. Наряду с результатами изучения современного населения в ней представлены данные о серии в несколько десятков башкирских черепов, полученных самим автором при раскопках поздних башкирских кладбищ. Работа не содержит индивидуальных измерений, сама

³¹ А. А. Ивановский, А. И. Таренецкий. РАЖ, 1905, № 3—4.

³² Г. Ф. Дебед. Этническая антропология в работах русских антропологов конца XIX и начала XX века. См. также: И. Д. Лев. Антропологическое общество при Военно-медицинской академии в Петербурге. «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии», 1964, № 3.

³³ A. Tarenetzky. Beiträge zur Craniologie der Ainos auf Sachalin. «Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg», sér. VII, t. XXXVII, № 13, 1890; ег о же. Weitere Beiträge zur Craniologie der Bewohner von Sachalin — Aino, Giljaken und Oroken. «Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg», sér. VII, t. XLI, № 6, 1893; ег о же. Beiträge zur Skelet- und Schädelkunde der Aleuten, Konaegen, Kenai und Koljuschen mit vergleichend anthropologischer Bemerkungen. «Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg», sér. VIII. Classe physico-mathématique, t. IX, № 4, 1900.

³⁴ A. Tarenetzky. Beiträge zur Craniologie der grossrussischen Bevölkerung der nördlichen und mittleren Gouvernements des europäischen Russlands. «Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg», sér. VII, t. XXXII, № 13, 1884.

³⁵ См., например: G. Morant. A preliminary classification of european races based on cranial measurements. «Biometrika», vol. XX—B, 1928, p. 3—4.

³⁶ Д. П. Никольский. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

программа измерений меньше, чем у А. И. Тарепецкого, поэтому использование данных Д. П. Никольского очень затруднительно.

Крупным центром краниологических исследований в 70—80-х годах прошлого века стала Казань. Основная работа там проводилась в рамках Общества естествоиспытателей при Казанском университете³⁷, в состав которого с 1869 г. (когда Общество было организовано) вошел анатомический музей кафедры нормальной анатомии медицинского факультета университета³⁸. В 1870 г. в Обществе был создан отдел антропологии и этнографии. Музей вскоре превратился в обширное хранилище палеоантропологических и краниологических материалов, чем история русской антропологии обязана в основном деятельности Н. М. Малиева и С. М. Чугунова.

Н. М. Малиев много работал в области соматологии и является пионером в изучении антропологического типа современных народов Поволжья³⁹, но не меньшее внимание уделял он и краниологическим исследованиям. Он сам проводил раскопки поздних кладбищ и собрал краниологические серии по удмуртам, башкирам, коми-пермякам. Им же собрана интересная серия из древнеболгарских могильников. Вместе с тем Н. М. Малиев постоянно обрабатывал краниологические материалы, поступавшие от других исследователей, и издал краниологические характеристики русских, казанских татар, марийцев и узбеков. Таким образом, в его работах краниологические типы народов Поволжья не только были охарактеризованы сами по себе, но и сопоставлялись с морфологическими особенностями других народов.

Ближайшим соратником Н. М. Малиева был С. М. Чугунов⁴⁰. В основных работы С. М. Чугунова были посвящены краниологической характеристике мордвы, но в этих работах (материал для которых, кстати, он, как и Н. М. Малиев, тоже собирал сам, производя раскопки современных кладбищ) были описаны и краниологические особенности серий из татарских и русских кладбищ. Не чуждался С. М. Чугунов также теоретических вопросов краниологии. После переезда его в Томск основным предметом занятий ученого стала антропология Западной Сибири⁴¹, но иногда он возвращался к своим прежним интересам, в частности описал несколько башкирских черепов⁴².

³⁷ В. П. Алексеев. Этническая антропология во второй половине XIX — начале XX века. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». II. Там же и библиография. «Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете за первое двадцатилетие его существования». Казань, 1894; «Отчет о деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете за первое десятилетие (1868—1879) его существования». Казань, 1879.

³⁸ М. М. Хомяков. Антропология в Казани за 43 года. «Труды ОЕ», т. XLVI, вып. 6, 1919; К. М. Яхонтов. Музей при кафедре нормальной анатомии Казанского университета. Казань, 1915; Н. С. Сысак. К истории работы кафедры анатомии Казанского медицинского института в области антропологии (к 100-летию существования кафедры). СА, 1958, № 4.

³⁹ Н. П. Загоскин. Деятели Казанского университета (1805—1900). Казань, 1900; Н. П. Загоскин (ред.). Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804—1904), ч. II. Казань, 1904.

⁴⁰ «Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888—1913)». Томск, 1917; Н. С. Розов. Антропологические исследования в Западной Сибири. «Труды Томского гос. ун-та», т. 148.— «Вопросы биологии», 1960.

⁴¹ С. М. Чугунов. Материалы для антропологии Сибири, XV. Антропологический состав населения Томска по данным пяти старинных православных кладбищ, ч. I. Томск, 1905.

⁴² С. М. Чугунов. Материалы для антропологии Сибири, III. Татарский и два башкирских черепа от трупов, поступивших в 1888 и 1891 гг. в Томский анатомический институт. «Изв. ТУ», кн. VI, 1893; его же. Материалы для антропологии Сибири, VII — К вопросу о краниологическом типе башкиров. Там же, кн. X, 1896.

Планомерная работа в области восточноевропейской краниологии велась в России в последней четверти XIX в. в основном в обеих столицах и в Казани. В некоторых других городах также накапливался и иногда изучался краниологический материал. Так, большие коллекции по краниологии русского и украинского народов были собраны под руководством Н. А. Батуева в Одессе на кафедре нормальной анатомии университета. Однако первому исследованию они были подвергнуты только в XX в. Значительный в количественном отношении краниологический материал по русским и украинцам был описан В. Проценко и М. А. Поповым⁴³, но и того, и другого интересовали в основном морфологические вариации сами по себе, без попытки дать им генетическое истолкование, и поэтому их работы не содержат никаких исторических выводов.

Работы зарубежных исследователей, посвященные краниологии народов Восточной Европы и относящиеся хронологически к этому периоду (Х. Велькера, Т. Ландцера, Б. Девиса, А. Катрфажа, Х. Мейера, А. Лиссауэра, Р. Вирхова, Э. Веймарна, П. Зоммера, Э. Шмидта)⁴⁴, в большинстве основаны на изучении небольших серий, а иногда и единичных черепов и не оказали сколько-нибудь существенного влияния на формирование представлений об антропологическом составе восточноевропейских народов.

3

Начало XX в. знаменует важнейший период в истории краниологии. В соответствии с возрастающим значением антропологических данных в определении генетического родства народов, а также с дальнейшим развитием общеприкладной теории, потребовавшей изучения массового материала, а не единичных объектов, краниология, с одной стороны, заняла большое место в антропологических изысканиях, а с другой — основным предметом краниологического исследования стали значительные в количественном отношении серии, почему и выводы приобрели полноценность и убедительность. Особое внимание было уделено также методике краниологии. Именно в этот период ее контуры приобрели известную четкость.

В России первое двадцатилетие XX в. характеризовалось некоторым упадком. Отчасти, это, по-видимому, объясняется общей депрессией в стра-

⁴³ В. Проценко. Антропологические этюды. «Записки Киевского Общества естествоиспытателей», т. II, 1871; М. А. Попов. К учению о черепах. Харьков, 1890.

⁴⁴ H. Welcker. Untersuchungen über Wachstum und Bau des menschlichen Schädels. Leipzig, 1862; его же. Kraniaologische Mitteilungen. «Archiv für Anthropologie», Bd. I, 1866; T. Landzert. Beiträge zur Kenntnis des Grossrussenschädels. «Archiv für Anthropologie», Bd. II, 1867; B. Davis. Thesaurus craniorum. London, 1867; A. Quatrefages. Histoire naturelle de l'homme. La race prussienne. «Revue des deux Mondes», t. 91, Paris, 1871; H. Meyer. Beitrag zur Kenntnis der Estenschädel. «Archiv für Anthropologie», Bd. VIII, 1875; A. Lissauer. Crania prussica. «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. II, 1878; R. Virchow. Messungen estnischer Schädel. «Zeitschrift für Ethnologie», 1873; его же. Vergleichung finnischer und estnischer Schädel mit alten Gräberschädeln des nordöstlichen Deutschlands. «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. IV, 1880; E. Weymar. Crânes trouvés en Carélie dans la paroisse de Ruokolaks, gouvernement de Wiborg. «Matériaux pour servir à la connaissance des crânes des peuples finnois». Helsinki, 1881, его же. Crânes trouvés en Carélie dans la paroisse de Kaukola, gouvernement de Wiborg. «Matériaux pour servir à la connaissance des crânes de peuples finnois». Helsinki, 1881; E. Schmidt. Die anthropologischen Sammlungen Deutschlands. Privat-Sammlungen, Lieferung I. Leipzig — Braunschweig, 1887 (нет в библиотеках СССР); P. Sommer. Der Rinnekalns und seine Bedeutung für die Anthropologie Livlands. «Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands», ser. II, Bd. IX, Lieferung 5. Dorpat, 1884.

не, наступившей после поражения революции 1905 г., отчасти — увлечением морфологическими темами, которые отодвинули на задний план историческую проблематику антропологической науки. Так, в Казани практически прекратилось собирание краниологических материалов, а их изучение пошло по пути исследования морфологических вариаций — пути, намеченному еще в конце XIX в. работой А. М. Фортунатова⁴⁵. Таковы работы М. М. Хомякова, интересные в морфологическом отношении⁴⁶. В то же время его работы в области палеоантропологии и краниологии современного населения отличаются отсталой методикой и неумением использовать палеоантропологический и краниологический материал для каких-либо обобщающих выводов⁴⁷.

Известную роль в охлаждении археологов и историков к антропологическим выводам сыграла, очевидно, и попытка ввести в антропологию формально-статистические методы анализа материала, базирующиеся на суммарном сопоставлении многих признаков и связанные в России с именем А. А. Ивановского. Энергичный исследователь, А. А. Ивановский, как известно, издал две сводных работы по антропологии России и земного шара⁴⁸ и, кроме того, в какой-то мере влиял на направление развития антропологии в России как ответственный секретарь «Антропологического журнала». Но работы его, методологически совершенно беспомощные, давали извращенное представление о родственных взаимоотношениях между народами, почему, естественно, ни в коей степени не могли удовлетворить представителей смежных с антропологией специальностей⁴⁹. Что же касается краниологических исследований А. А. Ивановского, например его работы по палеоантропологии Северного Кавказа⁵⁰, то они по своему методическому уровню не поднялись над сочинениями антропологов предшествующего поколения.

Несмотря на все эти обстоятельства, изучение краниологии восточно-европейских и кавказских народов продолжалось, хотя и шло очень медленными темпами. Краниологические материалы как из случайных сборов, так и полученные в результате планомерных раскопок, а также мацерации скелетов в клиниках поступали в Музей антропологии при МГУ, Музей антропологии и этнографии АН СССР, Музей кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии, музеи кафедр нормальной ана-

⁴⁵ А. М. Фортунатов. Материалы к вопросу о последовательности и порядке закрытия черепных швов у инородцев России. «Записки Академии наук», т. X, приложение № 2. СПб., 1889.

⁴⁶ М. М. Хомяков. К вопросу о брахи- и долихоцефалии. Приложения к «Протоколам заседаний ОЕ за 1907—1908 гг.», 1908; его же. *Torus palatinis* (антропологический этюд). Казань, 1908; его же. Синозост черепных швов у населения бассейна Волги и Камы. Казань, 1908; его же. Лобный шов и затылочный бугор у населения Востока России. «Труды ОЕ», т. XXI, вып. 5, 1909.

⁴⁷ См.: В. П. Алексеев. Этническая антропология в Казани во второй половине XIX — начале XX века.

⁴⁸ А. А. Ивановский. Об антропологическом составе населения России. «Изв. ОЛЕАЭ», т. CV, 1904; его же. Население земного шара. Опыт антропологической классификации. Там же, т. CXXI, 1911; его же. Добавление к «Населению земного шара». М., 1912.

⁴⁹ С. И. Руденко. По поводу опыта антропологической классификации населения земного шара А. А. Ивановского. «Ежегодник РАО», т. IV. СПб., 1913; E. Tschernoukovsky. Anthropologische Studien. «Archiv für Anthropologie» (neue Folge), Bd. X, 1911, H. 2—3; Е. М. Чепурковский. О классификации человеческих рас и некоторых задачах антропологии в России. «Естествознание и география», кн. 2, 1912; Г. Ф. Дебец. Этническая антропология в работах русских антропологов конца XIX и начала XX века (петербургская и московская школы). См. также сноску 52.

⁵⁰ А. А. Ивановский. Черепа из могильников Осетии. «Изв. ОЛЕАЭ», т. XXI, вып. 5, 1891.

томии медицинских факультетов университетов во многих городах европейской России. Так, по-прежнему большое внимание сбору краниологических коллекций уделялось на кафедре нормальной анатомии медицинского факультета Одесского университета.

Время от времени продолжали появляться и отдельные публикации по краниологии близкого к современности населения. К последним годам прошлого века относятся работы Н. Ю. Зографа и Н. П. Константинова-Шипунина по краниологии средневекового восточнославянского и московского населения XV—XVI вв.⁵¹ Неоднократно использовал краниологические материалы для обоснования своих выводов об истории расовых типов русского народа Е. М. Чепурковский, ограничивавшийся, правда, в большинстве своих работ анализом вариаций диаметров черепной коробки и их соотношений⁵². В Прибалтике в начале века энергично работал Р. Л. Вейнберг⁵³, которому принадлежит единственное до сих пор исследование по краниологии средневековых ливов⁵⁴. Краниологические материалы по осетинам, полученные из склепов и датированные, по-видимому, серединой II тысячелетия н. э., были описаны М. А. Мисиковым⁵⁵.

Наконец, следует упомянуть о работах Ю. Д. Талько-Гринцевича, посвященных палеоантропологии восточных славян⁵⁶. Но последние характеризовались низким методическим уровнем, реакционными методологическими установками (крайний миграционизм, выпячивание расового момента в истории культуры, националистические тенденции) и поэтому должны быть поставлены даже позади не отличающихся в целом высокими методическими достоинствами работ его современников⁵⁷.

4

Октябрьская революция оказала огромное влияние на организацию антропологических исследований в стране. Энергия и авторитет Д. Н. Анучина позволили ему организовать научно-исследовательский Институт антропологии в системе Московского университета и кафедру антропологии на физико-математическом факультете университета. Перевод всех научных учреждений на государственный бюджет дал возможность значительно расширить рамки проводимых исследований и придать им пла-

⁵¹ N. Zograf. Über altrussische Schädel aus dem Kreml (Burg) von Moskau. «Archiv für Anthropologie», Bd. XXIV, 1896, H. 1—2; Н. П. Константинов-Шипунин. К краниологии древнего населения Костромской губернии. «Изв. ОЛЕАЭ», т. XC, вып. 3 (приложения), 1897.

⁵² E. Tschepurkovsky. Anthropologische Studien. «Archiv für Anthropologie» (neue Folge), Bd. X, 1911, H. 2—3; Е. М. Чепурковский. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Восточной России в связи с колонизацией ее славянами. «Изв. ОЛЕАЭ», т. CXXIV, 1913.

⁵³ Б. Н. Вишневский. Памяти Р. Л. Вейнберга. РАЖ, 1926, вып. 1—2.

⁵⁴ R. Weinberg. Crania livonica. Untersuchungen zur prähistorischen Anthropologie des Balticum. «Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Kurlande», Bd. XII, Dorpat, 1902.

⁵⁵ М. А. Мисиков. Антропологические сведения об осетинах. «Протоколы заседаний и отчеты Русского антропологического общества за 1909/1910—1911/1912 гг.». СПб., 1912; его же. Материалы для антропологии осетин. Одесса, 1916.

⁵⁶ Ю. Д. Талько-Гринцевич. Два слова о происхождении славян с антропологической точки зрения (автореферат). РАЖ, 1902, № 4; его же. Опыт физической характеристики древних восточных славян. Сб. «Статьи по славяноведению», вып. III. СПб., 1910.

⁵⁷ См.: Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.

номерный характер⁵⁸. Результаты не замедлили сказаться и выразились прежде всего в усовершенствовании методики⁵⁹, которое не коснулось, однако, краниометрии. Что же касается методологических основ антропологии, то они перестраивались медленно, и эта перестройка в основном падает на 30-е годы. Вышедшие сразу после Октябрьской революции краниологические работы во всяком случае не обнаруживают существенных отличий от дореволюционных исследований.

Среди них в первую очередь следует назвать работу Д. В. Дервиза⁶⁰. Он сочувственно цитирует общее заключение из более ранней работы Д. Н. Анучина⁶¹ о генетическом родстве средневекового восточнославянского населения и более позднего населения Москвы. Подобно Д. Н. Анучину он не отрицает полностью и метисационной гипотезы, в частности для объяснения временной динамики черепного указателя. К сожалению, рассмотрением черепного указателя и некоторых других размеров, в основном черепной коробки, и ограничиваются рамки этого исследования.

К работе Д. В. Дервиза примыкает статья В. В. Бунака о краниологических типах восточных славян⁶², представляющая собою палеоантропологическое дополнение к его сочинению о классификации и генетических взаимоотношениях антропологических типов современного населения Восточной Европы⁶³. Эта статья ввела в изучение антропологического состава восточнославянских народов новую и чрезвычайно плодотворную гипотезу о повышении черепного указателя в более поздние эпохи в результате интенсивного смещения относительно длинноголовых типов. Кроме того, В. В. Бунаком была собрана и очень тщательно описана большая серия армянских черепов⁶⁴.

Изучение краниологии народов Восточной Европы проводилось не только в Москве. Богатые краниологические коллекции кафедры нормальной анатомии в Одессе послужили материалом для оставшейся неопубликованной работы А. М. Габинского по краниологии украинских евреев⁶⁵ и работы В. И. Бушковича по краниологии украинцев⁶⁶, в которой преимущественное внимание в связи с специальностью автора (анатом) уделяется характеристике морфологических вариаций и исторические вопросы почти не ставятся.

Несколько работ, содержащих более или менее подробное описание краниологических серий из поздних кладбищ, было выполнено в эти годы в буржуазной Латвии⁶⁷. Чтобы не возвращаться еще раз к краниологи-

⁵⁸ В. В. Бунак. Морфология человека в Московском университете. «Ученые записки МГУ», вып. III, 1940; Г. Ф. Дебед. Сорок лет советской антропологии. «Советская антропология», 1957, № 1; Г. В. Карпов. Путь ученого. М., 1958.

⁵⁹ В. В. Бунак (ред.). Методика антропологических исследований. М.—Л., 1925.

⁶⁰ Д. В. Дервиз. Черепа из старых московских могильников. РАЖ, 1923, вып. 3—4. См. также: С. И. Григорьев. Д. В. Дервиз (1893—1919). Там же.

⁶¹ Д. Н. Анучин. Доисторическая Москва. В кн.: «Москва в ее прошлом и настоящем». М., 1909.

⁶² V. Bunak. The craniological types of the East slavic kurgans. «Anthropologie», t. X, Praha, 1932. Рецензию Г. Ф. Дебеда см.: АЖ, 1934, № 1—2.

⁶³ V. Bunak. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas. «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», Bd. XXX, 1932, H. 3.

⁶⁴ В. В. Бунак. Crania Armenica. Исследование по антропологии Передней Азии. Труды ИА, вып. II. М., 1927.

⁶⁵ См.: В. И. Бушкович. Антропологическая работа в Одессе. РАЖ, 1930, вып. 1—2.

⁶⁶ W. Buschkowitsch. Crania ucrainica, ч. I. «Укр. медицинский архив». Харків, 1927, № 2—3; ч. II, Одесса, 1928.

⁶⁷ J. Primanis. Pales galvas kausi. «Latvijas universitates Raksti», s. XII. Riga, 1925; G. Knorre. Kranologische Untersuchungen an Schädeln aus Skelettsgrabern Letgallens. «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», Bd. XXVIII, 1930, H. 3.

ческим исследованиям буржуазного периода в прибалтийских республиках, можно здесь же упомянуть опубликованные позже работы И. Лициса по краниологии восточных латышей⁶⁸, а также И. Жилинскаса и А. Юргутиса по краниологии городского и сельского населения Литвы⁶⁹. По своему методологическому и методическому уровню они не отличаются от исследований, выпавших в Советском Союзе в первое десятилетие после революции, а иногда и уступают им, греша полным пренебрежением к проблемам изменения расовых признаков и расовых типов во времени и крайним схематизмом в исторической интерпретации антропологических данных.

5

Оформление современных представлений в области методологии краниологических исследований непосредственно связано с перестройкой антропологической методологии вообще и падает на 30-е годы. Эта перестройка явилась следствием широкого и всестороннего внедрения марксистской диалектики и исторического материализма в изучение происхождения человека и его рас, а также сознательной постановки антропологической работы на службу социалистическому строительству. Громадную организационную роль в поисках и оформлении новых идей, в закладке теоретического фундамента советской антропологии, в приближении антропологии к жизни сыграл IV Всесоюзный съезд зоологов, анатомов и гистологов, особенно его антропологическая секция⁷⁰, а также «Русский антропологический журнал», начавший выходить в 1932 г. и ставший активным органом в борьбе за утверждение передовой диалектико-материалистической методологии антропологической науки.

В применении к антропологии последовательное проведение принципов диалектического и исторического материализма сказалось в разработке трудовой теории антропогенеза и учения об этапах и скачках в эволюции человека, в борьбе против всяких проявлений идеализма и особенно расизма в теории расоведения, в представлении о расе как об исторической категории, в утверждении принципа таксономической неравноценности расовых категорий. Все эти важнейшие теоретические достижения в совокупности нашли яркое отражение в конкретных исследованиях в любой области антропологической науки, в том числе и в области краниологии.

В первую очередь это относится к краниологии древнего населения. Усиленное внимание к истории формирования и этапам дифференциации антропологических типов, а также стремление использовать антропологические данные для освещения исторических, прежде всего этногенетических проблем вдохнули жизнь в увядшую со времен А. П. Богданова традицию и вызвали значительное оживление палеоантропологических исследований. В известной мере этому способствовал и широкий разворот археологических работ, превратившихся в эти годы из случайных поисков любителей, как это было до Октябрьской революции, в государственное дело первостепенного значения⁷¹. В результате Г. Ф. Дебеч в сводной ра-

⁶⁸ J. Licis. *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme*. Riga, 1939.

⁶⁹ J. Žilinskas, A. Jurgutis. *Crania lithuanica*. «Acta medicinae facultatis Vytauti Magni universitatis», vol. V, fasc. 3. Kaunas, 1939.

⁷⁰ «Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов». Киев, 1931

⁷¹ См.: «Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919—1956 гг. Указатель». М., 1962.

боте, вышедшей после Великой Отечественной войны, но подготовленной в конце 30-х годов, с полным правом писал, что «настоящая работа главным образом и основана на материалах раскопок последних лет, количественно, а особенно качественно, значительно превысивших все дореволюционные сборы»⁷².

Палеоантропологическая характеристика охватила древнее население многих районов, бывших ранее «белым пятном» на антропологической карте СССР. Древнейшим этапам формирования европеоидной расы и ее ареала были посвящены работы Г. Ф. Дебеца и Е. В. Жирова⁷³, истории антропологических типов Восточной Европы — работы Г. Ф. Дебеца, Е. В. Жирова, Т. А. Трофимовой⁷⁴. Во всех этих работах нашли конкретную разработку пути и принципы использования антропологического материала в качестве исторического источника — теоретический вопрос, позже получивший освещение в специальной статье⁷⁵. Одновременно с этим большое внимание было уделено изменению европеоидных типов во времени⁷⁶ и распределению их в разные эпохи в пространстве⁷⁷. Все это позволило Г. Ф. Дебецу в «Палеоантропологии СССР» дать не только обзор многочисленных новых материалов, но и использовать их для освещения динамики и закономерностей расообразовательного процесса.

Материалы по краниологии близкого к современности населения рассматривались в тесной увязке с палеоантропологическими данными. Таковы работы Г. Ф. Дебеца по краниологии чувашей и финских групп Поволжья — предков современных финноязычных народов, а также кавказских народов⁷⁸, исследования Е. В. Жирова и Т. А. Трофимовой по краниологии русского народа⁷⁹, выполненная Е. В. Жировым характеристика серии черепов из позднесредневекового Ижорского могильника⁸⁰. Уже в то время было ясно, что краниологический материал имеет самостоятель-

⁷² Г. Ф. Деб е ц. Палеоантропология СССР, стр. 14.

⁷³ Г. Ф. Деб е ц. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. «Советская Азия», 1931, кн. 5—6; е го же. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (К вопросу о миграциях в доклассовом обществе). АЖ, 1932, № 2; е го же. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. Там же, 1936, № 1; е го же. Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба в Крыму. Там же, 1936, № 2; Е. В. Ж и р о в. Костяки из грота Мурзак-Коба, т. V. М.—Л., 1940.

⁷⁴ Г. Ф. Деб е ц. Черепа из финских могильников (По материалам Антропологического отдела МАЭ). «Сборник МАЭ», т. VIII. Л., 1928; е го же. Черепа кочевников (З розкопів В. О. Городцова в Озюмському та Бахмутському повітах). «Антропология», т. III. Київ, 1930; е го же. Черепа з Верхне-Салтівського могильника. «Антропология», т. IV. Київ, 1931; е го же. Чарепы Люцынского могильника. «Праці секції археології Беларусской АН», т. III. Менск, 1932; е го же. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии. АЖ, 1932, № 1; Е. В. Ж и р о в. Заметка о скелетах из неолитического могильника южного Оленьего острова. КСИИМК, вып. 6, 1940; Т. А. Т р о ф и м о в а. Краниологический очерк татар Золотой Орды. АЖ, 1936, № 2; е е же. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. «Материалы по антропологии Восточной Европы». «Ученые записки МГУ», вып. 63, 1941; е е же. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Труды ИЭ, новая серия, т. VII. М.—Л., 1949.

⁷⁵ Г. Ф. Деб е ц, М. Г. Л е в и н, Т. А. Т р о ф и м о в а. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза, СЭ, 1952, № 1.

⁷⁶ Г. Ф. Деб е ц. Броня-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы. АЖ, 1936, № 3.

⁷⁷ Г. Ф. Деб е ц. К антропологии древних культур Передней Азии и Эгейского мира. АЖ, 1934, № 1—2; Я. Я. Р о г и н с к и й. Человеческие расы. В кн.: В. В. Б у н а к, М. Ф. П е с т у р х, Я. Я. Р о г и н с к и й. Антропология. М., 1941.

⁷⁸ Г. Ф. Деб е ц. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии; е го же. Палеоантропология СССР.

⁷⁹ Е. В. Ж и р о в. Черепа из русских погребений XV—XVI веков на территории бывшего Тихвинского уезда. АЖ, 1936, № 1; Т. А. Т р о ф и м о в а. Черепа из Никольского кладбища. (К вопросу об изменчивости типа во времени). «Материалы по антропологии Восточной Европы». «Ученые записки МГУ», вып. 63, 1941.

⁸⁰ Е. В. Ж и р о в. Древние ижорские черепа. СА, т. II. М.—Л., 1937.

ное значение, в частности потому, что дает возможность сравнения при изучении классификации и генетических взаимоотношений антропологических типов. Однако он исследовался в основном как дополнение к палеоантропологическим данным, освещающее заключительные этапы расообразования и дающее возможность заполнить конкретным содержанием последнюю главу палеоантропологии СССР. Значение его как основной базы для расовой классификации было осознано, но практически это не привело к появлению соответствующих конкретных исследований, по-видимому, вследствие оставшихся в нем больших пробелов. Заполнение их — основное достижение следующего периода, начавшегося после Великой Отечественной войны.

Обработка многочисленных типологически разнородных и хронологически разновременных серий и их сопоставление помогли антропологам накопить большой опыт в методике расогенетических исследований, что выражалось во введении некоторых новых приемов расового анализа на палеоантропологическом материале и в чрезвычайно критическом освоении результатов работы зарубежных исследователей. Так, исчерпывающей критике была подвергнута методика «львовской» школы и, в частности, критически рассмотрено применение ее к анализу палеоантропологического материала⁸¹, выявлена несостоятельность многих показателей, использовавшихся для характеристики внутригрупповой изменчивости краниологических серий английскими биометриками⁸² и т. д.

Положительные достижения методики расового анализа на краниологическом материале свелись к последовательному проведению в палеоантропологическом и краниологическом исследовании тех принципов, которые были сформулированы по отношению к соматологическому материалу. При этом учитывалась, конечно, специфика палеоантропологических данных — малочисленность и резкая выборочность, гораздо более частая, чем в соматологии, возможность встретиться не с биологическим, а с механическим смешением, трудность использования географического критерия, необходимость гораздо более широкой географической и хронологической интерполяции. Все это преодолевалось с помощью выделения на черепе групп признаков разной таксономической ценности, т. е. их дифференцированной оценки, тщательного учета историко-этнографического фона, вскрываемого археологическими данными, объединением серий в максимально однородные группы (чаще всего по отдельным могильникам), стремлением к возможной полноте и широте географических (в пределах одной эпохи) и хронологических (в пределах одной территории) сопоставлений.

Особое значение имел принцип таксономической неравноценности признаков. При изучении палеоантропологических и краниологических материалов с территории Советского Союза, представляющих в подавляющем большинстве монголоидную и европеоидную расы, прежде всего было отмечено дифференцирующее значение лицевых размеров по сравнению с размерами черепной коробки. Еще большее внимание было уделено уплощенности лицевого скелета в горизонтальной плоскости, выступанию носовых костей и способам их оценки. Определение угла выступления носовых костей к линии лицевого профиля (75(1) по Мартину) именно в 30-е годы вошло в практику работы советских антропологов. К концу 30-х годов относится расширение программы за счет дакриальных и симо-

⁸¹ Г. Ф. Дебец, М. В. Игнатьев. О некоторых вариационно-статистических методах расового анализа в буржуазной антропологии (школа Чекановского). Сб. «Наука о расах и расизм». Труды ИА, вып. IV. М.—Л., 1938; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.

⁸² Г. Ф. Дебец. Броня-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы.

тических размеров и назомаллярного угла, являющегося функцией одноименного указателя в работах английских биометриков. Наконец, в эти же годы Н. А. Абиндер предложил способ определения зигмаксиллярного угла и глубины клыковой ямки с помощью измерения, что было опубликовано, правда, много позднее⁸³.

Наиболее ощутимые разногласия между отдельными советскими специалистами касались принципов и приемов внутригруппового анализа на палеоантропологическом и краниологическом материале. Некоторые исследователи считали возможным широко использовать индивидуальную диагностику и, основываясь на черепной морфологии, определять на отдельных индивидуумах не только принадлежность к большим расам, но и принадлежность к расовым типам гораздо более низких порядков (работы Т. А. Трофимовой, например). Другие — прибегали к внутригрупповому анализу только после того, как была предварительно доказана смешанность группы, и анализ этот проводили, отдавая предпочтение не визуальной морфологической характеристике, а статистическим приемам (Г. Ф. Дебец).

6

Послевоенный период в истории советской антропологии отличается бурным ростом исследовательской работы, в первую очередь в изучении антропологического состава народов СССР и его эволюции. В связи с этим палеоантропология и краниология народов СССР интенсивно развивалась, а количество данных, собранных за последние 15—20 лет, превысило довоенный уровень приблизительно в два раза, причем прежде всего увеличился объем палеоантропологических материалов. Что же касается краниологических материалов, то фактически сбор их только в эти годы приобрел нужный размах и планомерный характер, а раскопки близких к современности кладбищ, проводимые в основном самими антропологами, стали таким же обыкновенным делом, как обработка палеоантропологических коллекций и соматологические исследования.

Наиболее значительно разрослись палеоантропологические материалы ранних эпох с территории Восточной Европы и Кавказа. Не касаясь палеолита, материал по которому и сейчас представлен единичными находками, укажу на мезолитические серии с территории Украины, неолитические серии с территории Эстонии, Латвии, северных районов Европейской части СССР, Украины.

Все эти данные в совокупности с теми, которые были опубликованы ранее, послужили для разработки и освещения исторических проблем: происхождение фатьяновцев⁸⁴, роль элементов восточного происхождения в формировании антропологического типа населения Восточной Прибалтики и северных районов Европейской части Советского Союза⁸⁵, ранняя дифференциация северной и южной ветвей европеоидной расы⁸⁶

⁸³ Н. А. Абиндер. Трансверзальная уплощенность лицевого скелета. Труды ИЭ, новая серия, т. L. М., 1960.

⁸⁴ Т. А. Трофимова. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. СЭ, 1949, № 3.

⁸⁵ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология Восточной Прибалтики. «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 2. М., 1959; Г. Ф. Дебец. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. СЭ, 1961, № 6.

⁸⁶ Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Поволжья. МИА, № 42, 1954; Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Труды ИЭ, новая серия, т. XVI. М., 1951.

удельный вес южных элементов в сложении населения юга Русской равнины⁸⁷, преемственность древнего и современного населения⁸⁸ и т. д. В результате картина антропологического состава населения Восточной Европы и Кавказа эпохи камня и бронзы приобрела гораздо более определенные очертания, а генетические связи населения, известного нам по отдельным археологическим культурам, стали яснее и четче.

Значительное приращение материалов наблюдалось и по более поздним эпохам. В настоящее время на Кавказе и в Восточной Европе не осталось территории, с которой не было бы известно никаких палеоантропологических серий. «Белые пятна» остались, пожалуй, только в районах Крайнего Севера и в горах Центрального Кавказа. Это не означает, разумеется, что для каждой области можно составить палеоантропологическую шкалу, основанную на многочисленных хронологически разновременных сериях. Часто в том районе, из которого происходят материалы скифского или сарматского времени, не известны или не раскопаны могильники эпохи средневековья и наоборот. Поэтому известная интерполяция при рассмотрении данных должна сохраняться и в настоящее время так же, как и 20—30 лет тому назад, но масштабы ее стали намного меньше.

Разработка краниологии европеоидной расы велась как путем исследования всех сколько-нибудь полных краниологических коллекций, сохранившихся в музеях, так и с помощью новых материалов, полученных при раскопках близких к современности могильников. В Прибалтике эту работу ведет К. Ю. Марк, описавшая большие материалы по краниологии эстонцев, а также осуществившая дополнительную обработку серий черепов литовцев, изученных И. Жилинским и А. Юргутисом⁸⁹. Огромную работу по сбору и исследованию краниологических материалов по народам Поволжья провела М. С. Акимова, добывшая и описавшая черепа удмуртов, марийцев, мордвы и чуваш. Благодаря ее публикациям, Среднее Поволжье и Приуралье стали одними из наиболее изученных районов Европейской части СССР⁹⁰. Важный краниологический материал по народам Северного Кавказа и Закавказья введен в научный оборот М. Г. Абдушелишвили, К. Х. Беслекоевой и В. В. Бунаком⁹¹. Некоторые народы Северного Кавказа (например, осетины) или Закавказья (например, грузины) представлены несколькими сериями по этнографическим группам.

⁸⁷ Г. Ф. Дебел. Палеоантропологические находки в Костенках. СЭ, 1955, № 1; его же. Черепа из эпилеолитического могильника у села Волошского, СЭ, 1955, № 3.

⁸⁸ См., например: М. Г. Абдушелишвили. Об эпохальной изменчивости антропологических признаков. КСИЭ, вып. XXXIII, 1960; его же. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964.

⁸⁹ К. Ю. Марк. Палеоантропология Эстонской ССР. «Балтийский этнографический сборник». Труды ИЭ, новая серия, т. XXXII. М., 1956; его же. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956; его же. Kaberla kalmistu antropoloogiline aines. Muistsed kalmel ja aarded, II. Tallinn, 1962.

⁹⁰ М. С. Акимова. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР. КСИЭ, вып. XXIII, 1955; его же. Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР. Там же, вып. XXIX, 1958; его же. Краниологическая характеристика мордвы-эрзи. Сб. «Вопросы этнической истории мордовского народа». Труды ИЭ, новая серия, т. XII, 1960; его же. Краниологический очерк удмуртов. «Вопросы антропологии», вып. 10, 1962.

⁹¹ М. Г. Абдушелишвили. Материалы к краниологии Кавказа. «Труды Ин-та эксперимент. морфологии АН Грузинской ССР», т. V. Тбилиси, 1955; его же. Краниологические материалы из Грузии (хевсурская краниологическая серия). Там же, т. XI. Тбилиси, 1963; его же. Антропология древнего и современного населения Грузии; К. Х. Беслекоева. Краниология осетин и происхождение осетинского народа. «Изв. Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та», т. XIX. Орджоникидзе, 1957; В. В. Бунак. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительноантропологическом освещении. «Сборник МАЭ», т. XIV, 1953.

Накопление краниологических данных поставило вопрос о путях и границах их использования. В большинстве работ они рассматриваются в качестве моста между палеоантропологическими и соматологическими материалами, так как прямое сопоставление по вполне понятным причинам затруднительно. В связи с решением проблем этногенеза современных народов это обстоятельство приобретает первостепенное значение. Но при достаточной многочисленности и широком территориальном охвате краниологических данных они играют и самостоятельную роль в дифференциации расовых комплексов, а строгая оговоренность подавляющего большинства краниометрических программ делает из них гораздо более надежную основу для расовой классификации, чем соматологические материалы⁹². Наконец, коннекция последних при несравнимости результатов измерений разных исследователей, т. е. учет влияния субъективных различий, может быть с успехом осуществлена с помощью краниологической школы⁹³.

Опыт, накопленный в процессе разработки богатых краниологических материалов по народам Европы и Кавказа, сопоставление их с палеоантропологическими и соматологическими данными, а также данными смежных наук, освещение и решение с их помощью исторических проблем, широкое обсуждение спорных вопросов методологии и методики советскими специалистами создали определенное единство мнений по кардинальным проблемам теории расоведения, которое отразилось в советской краниологической и палеоантропологической литературе. В качестве отличительных особенностей краниологических работ советских исследователей можно назвать признание расы динамической и исторической категорией, последовательное проведение принципа соподчинения расовых категорий, дифференцированную оценку признаков, единство методических приемов.

Признание расы динамической категорией означает внесение диалектического принципа развития в понимание расообразования у человека. Речь идет не только об изменении характеристики расы вследствие смешения и изоляции, но и о направленном изменении многих признаков, являющемся, с одной стороны, выражением морфологической перестройки организма, с другой — очевидно, результатом воздействий среды. В практике такое понимание расы требует тщательного обоснования при генетическом истолковании морфологического сходства (возможность конвергентного развития) и в то же время, наоборот, известного скептицизма при попытках отрицать родство, основываясь на признаках, подверженных быстрым изменениям во времени.

Признание расы исторической категорией основано на ведущей роли социально-исторических закономерностей в процессах расообразования. Иными словами, биологические по своему характеру процессы смешения, изоляции, направленного изменения признаков приобретают у человека качественно иную окраску по сравнению с популяциями животных, так как определяются социально-историческими причинами: уровнем развития культуры, структурой человеческих коллективов и т. д. Это обстоятельство позволяет реконструировать по антропологическим данным некоторые исторические моменты — продолжительность жизни, уровень дет-

⁹² См., например: Н. Н. Чебоксаров. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. Труды ИЭ, новая серия, т. II. М.—Л., 1947.

⁹³ См.: Г. Ф. Дебец. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1956.

ской смертности, соотношение полов в древних коллективах⁹⁴, и в то же время — наоборот, включает в круг внимания палеоантропологов и краниологов археологические и историко-этнографические данные, которые являются как бы фоном, на котором разворачивается любое антропологическое исследование. Специфика краниологических данных по сравнению с палеоантропологическими заключается в том, что этот фон в краниологической работе несравненно более богат (близость к современности и обилие исторических источников), но и значение их для исторических реконструкций по тем же причинам заметно меньше.

Последовательное проведение принципа соподчинения расовых категорий дает возможность построить расовую классификацию в виде родословного древа и выделять расовые комплексы разного значения. Предложенные для этого приемы — учет древности признаков, положенных в основу выделения типов, определение величины и компактности их ареалов⁹⁵ и, наконец, оценка степени их исторической корреляции с другими признаками⁹⁶ позволяют пользоваться принципом соподчинения расовых категорий в практической работе и от констатации морфологического сходства переходить к установлению генетического родства.

Дифференцированная оценка признаков автоматически вытекает из строгого соблюдения предыдущего принципа. Она не означает, конечно, что статистические приемы суммарной оценки признаков должны быть полностью исключены из палеоантропологического и краниологического исследования. В ряде случаев, например при классификации и сопоставлении почти неразличающихся морфологически комплексов, у которых пока не могут быть выделены ведущие признаки, суммарная оценка вполне правомерна⁹⁷, но она базируется в таких случаях на предположении о полной равнозначности признаков, а не на нигилистическом пренебрежении вообще к их иерархии и способам ее оценки. Налицо, следовательно, такое же последовательное применение указанного принципа, как и при дифференцированном подходе.

Единство методических приемов основывается на одинаковом или почти одинаковом наборе признаков, выборе близких критериев их статистической оценки, сходных способах графического воспроизведения данных.

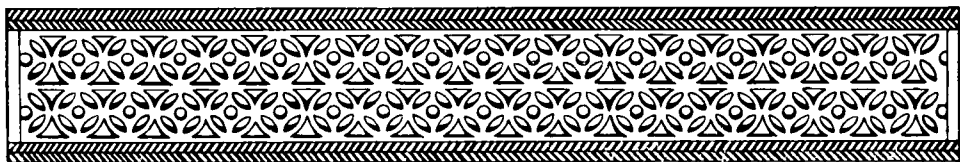
Каждая из перечисленных особенностей не является специфической только для работ советских антропологов. Так, признание расы динамической категорией характерно, например, для работ американских исследователей, но они придают громадную роль в расообразовании у человека естественному отбору и, следовательно, отрицают качественную специфику этого процесса по сравнению с аналогичным явлением у животных. Такие примеры можно было бы умножить, но в этом нет необходимости. И так очевидно, что только совокупность этих особенностей представляет собою характерное отличие работ советских антропологов от исследований буржуазно-либеральных ученых. Но эта совокупность достаточно специфична, чтобы говорить о советской школе в антропологии, а следовательно, и в краниологии.

⁹⁴ В качестве примера см.: М. С. Великанова. Антропологический материал Выхватинского могильника. В кн.: Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, 1961.

⁹⁵ Г. Ф. Дебед. Антропологические исследования в Камчатской области. Труды ИЭ, новая серия, т. XVII. М., 1951.

⁹⁶ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии. М., 1955; они же. Антропология. М., 1963; М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Труды ИЭ, новая серия, т. XXXVI. М., 1958.

⁹⁷ В. П. Алексеев. Антропология Салтівського могильника. «Матеріали з антропології України», вип. 2. Київ, 1962.

А. Д. СОЙМОНОВ

К ИСТОРИИ СОБРАНИЯ П. В. КИРЕЕВСКОГО (роль братьев Языковых в его создании)

Трудно встретить теперь исследование песенного фольклора, в особенности исторических песен, или антологию песенной поэзии, где бы ни использовались материалы выдающихся собирателей фольклора братьев Языковых (Петра Михайловича, Александра Михайловича и Николая Михайловича) и не делались ссылки на них; тем не менее нет ни одной работы, содержащей характеристику их фольклористической деятельности или хотя бы краткую справку о ней. Исключение в известной мере составляет лишь Н. М. Языков; в исследованиях, посвященных ему как поэту пушкинской эпохи, встречаются упоминания о его интересе к фольклору, в особенности об участии в собрании песен П. В. Киреевского. Впервые в советской науке на это обратил внимание М. К. Азадовский, опубликовавший письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову¹ и отметивший роль последнего в создании знаменитого песенного собрания; однако и здесь фольклористические занятия Языкова освещены далеко не полностью². В «Истории русской фольклористики» Азадовский ограничился самыми общими сведениями о нем, что же касается П. М. и А. М. Языковых, то они отнесены Азадовским к собирателям 30-х годов XIX в., круг которых «не выяснен в полной мере»³.

Задача данной работы состоит в том, чтобы выявить роль братьев Языковых в истории собирания фольклора и создания сборника П. В. Киреевского.

1

Братья Языковы вступают на научное и литературное поприще в годы подъема освободительного движения в России первой четверти XIX в. Их деятельность, относящаяся к середине века, проходит в обстановке разложения феодально-крепостнического строя, становления буржуазных отно-

¹ «Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову». Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. М.—Л., 1938, стр. 3—86 (в дальнейшем ссылки на это издание).

² Вступительная статья Азадовского к указанной публикации писем перепечатывалась отдельно под заглавием «Киреевский и Языков (страницы из истории русской фольклористики)» в сб.: М. Азадовский. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л., 1938, стр. 138—153. Других специальных работ о Языкове-фольклористе не появлялось.

³ См. М. К. Азадовский. История русской фольклористики, I. М., 1958, стр. 334, 335, 365.

шений, интенсивного развития русской национальной культуры и литературы.

Центральной задачей в развитии русской культуры этого периода стало преодоление отрыва ее от национальных и народных традиций. Это означало широкое изучение художественной культуры народа, отразившей историческое прошлое и современную жизнь народных масс, прежде всего — крепостного крестьянства. Развитие научной фольклористики в России проходило в условиях напряженной борьбы между передовыми общественными силами и реакцией. Одной из главных проблем была разработка научной методики записи и публикации произведений народной поэзии, создание научного фонда материалов фольклора, определение его основных видов и жанров. Работа эта приобретала большое общественное значение.

Для представителей передовых общественных сил фольклор перестал быть только реликтом, дошедшим из глубины веков⁴. Развертывание собирательской работы стимулировало этнографические исследования и поэтому встречало сочувственное отношение историков и этнографов.

Реакционная фольклористика, с другой стороны, также обратилась к изучению жизни и поэзии крепостного крестьянства, но с единственной целью — направить научную собирательскую работу в русло теории «официальной народности», которая предполагала сугубо тенденциозный отбор фольклорных материалов при их записи и публикации с целью создать ложное представление о жизни народных масс и их искусстве.

Братьям Языковым как фольклористам теория «официальной народности» была чужда и не отразилась на их собирательской работе, но противоречия крепостнической эпохи наложили отпечаток на понимание ими многих проблем современности, и впоследствии они оказались в лагере славянофилов. В этом отношении их жизнь и деятельность служат одним из примеров того сложного пути, который прошли многие представители дворянской интеллигенции первой половины прошлого века.

Социально-историческая обстановка, в которой формировалось мировоззрение Языковых, способствовала восприятию ими идей прогрессивной для того времени фольклористики. Пробуждение глубокого интереса к проблемам народности и фольклора наблюдается прежде всего в творческой деятельности младшего из братьев, поэта Н. М. Языкова (1803—1846). В народной словесности, которую он воспринимал с позиций эстетики романтизма, он искал истоки национальной самобытности. Это сказалось уже в ранних произведениях поэта, когда он, вдохновленный оссианизмом, обращается к памятникам средневековья. В творчестве молодого Языкова оссианизм переплетался с представлениями о свободном и мудром народе⁵.

Молодой поэт стремился расширить свои представления о народной словесности: наряду с Макферсоном, он увлекался скандинавскими сагами и сделал вольный перевод одной из них — «Песни короля Регнера»⁶. Он ищет в русской средневековой литературе сюжеты и образы народного эпоса, которые стремится воплотить в своем творчестве. Древнерусскому певцу-баяну поэт посвящает многие из своих стихотворений 20-х годов («Песнь баяна», «Баян к русскому воину», «Песнь барда во время владычества татар»). Героем неоконченной поэмы «Услад» должен был стать певец и

⁴ См. об этом подробнее: «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», I. Труды ИЭ, т. XXX, М., 1956.

⁵ Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. Л., 1934 (в дальнейшем ссылки на это издание).

⁶ Там же, стр. 98, 99.

воин. Интерес к национальным древностям сказывается во многих его произведениях этого периода; он стремится изобразить:

Славян пленительные нравы:
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы,
И гений русской старины ⁷.

В стихотворении «Моя родина» он пишет о родном Поволжье:

Где твоя родина, певец молодой?
Где берег уставлен рядами курганов;
Где бились славяне при песнях баянов ⁸.

В середине 20-х годов Языков создает цикл исторических баллад о борьбе с монголо-татарскими завоевателями, в котором отчетливо проявились освободительные идеи, характерные для творчества поэта в данный период. Так, в «Песне барда», полной гражданского пафоса, под «татарским игом» современники не без основания видели картину самодержавия времени Александра I.

В 20-е годы, борясь за национальную самобытность русской литературы, он, естественно, ищет начало ее в русском фольклоре.

Первые данные о непосредственном обращении поэта к русской народной поэзии встречаются в его переписке, относящейся еще ко времени пребывания в Дерптском университете (1822—1829 гг.). Некоторые письма Н. М. Языкова интересны не только тем, что характеризуют его собственные занятия фольклором; они свидетельствуют также, что русская старина, народная поэзия уже стали предметом дискуссий между братьями. Так, в письме от 6 января 1823 г. он обращается к брату Александру: «...Пришли же мне Историю Карамзина и, если можно, собрание русских сказок Чулкова: это важная вещь для меня, не так ли? Да не так, скажешь ты. Но оставим до поры спор о русской старине, которая так не по нутру твоей филантропии» ⁹. В других письмах к братьям он просит выслать ему то сборник Цертелева, то «„Старинные русские стихотворения“, изд. Калайдовичем», т. е. сборник Кириши Данилова, и пр. ¹⁰

Большое значение в пробуждении интереса Н. М. Языкова к записи народных песен имела жизнь в Тригорском летом 1826 г. и особенно постоянное общение с Пушкиным в 1830—1831 гг., когда оба безвыездно жили почти полгода в Москве.

Именно в Тригорском, во время свободных, дружеских бесед с Пушкиным, Языков впервые мог понять и оценить прелесть и красоту народной поэзии. Вечера, проведенные у поэта в Михайловском, в присутствии няни Пушкина, явились для него подлинным откровением. Вспоминая о них в стихах, посвященных Арине Родионовне, Языков пишет: «Со мной беседовала ты, влекла мое воображение» ¹¹. Во время пребывания Языкова в Тригорском Пушкин записывал фольклор. Под влиянием Пушкина Языков начинает еще более ценить художественные достоинства русской народной поэзии и обращается на первых порах к фольклорным сборникам. В одном из писем этого периода он сообщал брату Александру: «Читаю русские

⁷ Н. М. Языков. Указ. соч., стр. 96.

⁸ Там же, стр. 97.

⁹ «Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829)». Под редакцией и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова. СПб., 1913, стр. 37; «Языковский архив», вып. 1 (в дальнейшем ссылки на это издание).

¹⁰ Там же, стр. 57.

¹¹ Н. М. Языков. Указ. соч., стр. 357.

сказки¹²: жаль, что это собрание их чрезвычайно глупо, бестолково, неполно и переименовано на новый лад. Из них можно составить предприятие знаменитое — только надобно прежде перечитать все другие собрания сего рода, чтобы узнать истинный дух старины глубокой, напиться им и явить свету произведение самостоятельное, своенародное... Подумай об этом и закупи, что можешь, по этой части; также песенников и проч.»¹³ Здесь явно видны и влияние Пушкина, неоднократно высказывавшего подобные идеи, и, наконец, стремление привлечь к своим фольклорным занятиям брата Александра, который к тому времени был также достаточно заинтересован этим. Об этом можно судить по письму Николая Михайловича к брату: «Вульф пишет мне, что ты повез с собою великое множество летописей, сказок, записок о жизни Петра Первого, песенников; что никогда московский дилижанс не был так грузен, как везя твою промыслительную особу: благодарю тебя всею душою и всеми помышлениями моими, потому что, в некотором смысле, принимаю, так сказать, на свой щет оный благодетельный запас книжной!»¹⁴ А. Н. Татаринов, рассказывая о годах, проведенных вместе с Н. М. Языковым в Дерпте, пишет: «В последнее время на всех наших сходках, в особенности по настоянию Языкова, пелись, вместо немецких, преимущественно наши народные и цыганские песни»¹⁵. Вскоре песни, в которых Языков видел воплощение идеалов романтической поэзии, стали в центре его внимания как фольклориста.

В Москву Н. М. Языков приехал в мае 1829 г. и поселился в доме Елагиных — Киреевских, с которыми его познакомил их родственник А. П. Петерсон, учившийся вместе с Языковым в Дерпте. Тогда и состоялось первое знакомство Языкова с братьями И. В. и П. В. Киреевскими, перешедшее вскоре в дружеские отношения, в особенности с Петром Киреевским. В 1830 и 1831 гг. Языков постоянно встречался, как уже упоминалось, с Пушкиным. Встречи Пушкина и Языкова происходили в салоне Елагиных, в других литературных салонах Москвы и на вечерах у общих знакомых. Пушкин сохранил хорошие отношения с Языковым, делился с ним своими замыслами.

Одним из таких замыслов был план создания научного сборника народных песен. К тому времени Пушкин уже многое сделал для подготовки своего сборника: он привел в порядок собственные записи, привезенные из Михайловского, в том числе свадебные песни, которые показывал М. П. Погодину¹⁶, привлек к работе С. А. Соболевского, отбравшего материал из старых сборников, а также С. П. Шевырева и П. В. Киреевского, которые начали записывать народные песни¹⁷. В конце 1831 г. Н. М. Языков писал брату Александру: «Пушкин говорит, что он слитил все напечатанные русские песни и привел их в порядок, заче ведь они издавались без всякого толку...»¹⁸.

Летом 1831 г. Елагины-Киреевские выехали на дачу в село Ильинское под Москвой. Поселившись в Ильинском, П. В. Киреевский, уже записывавший раньше народные песни, начал самостоятельную работу по их со-

¹² Речь идет, очевидно, о сборнике сказок, который Н. М. Языков получил от брата — «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывания в памяти, приключения», 10 частей. М., 1780—1783; изд. 3, сокращенное, 6 частей. М., 1820.

¹³ «Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни», стр. 349.

¹⁴ Там же, стр. 361.

¹⁵ Там же, стр. 397.

¹⁶ М. П. Погодин. Письма к кн. В. А. Вяземскому. Альманах «Звенья», т. VI. М. — Л., 1936, стр. 153.

¹⁷ А. Д. Соколов. Новые материалы о Пушкине и П. В. Киреевском. «Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XX, вып. 2, 1961, стр. 143—153.

¹⁸ «Исторический вестник», т. XII, 1883, стр. 534.

биранию в деревне. В одном неопубликованном письме Елагиной от 8 июня 1831 г. есть коротенькая приписка П. В. Киреевского. Обращаясь к отчиму, Киреевский сообщал: «Это множество строчек происходит теперь не оттого, что я поздно встал, или опоздал на почту и проч., а оттого, что пишу русские песни, сказываемые мне одной из здешних сельских юных дев»¹⁹. Это первое свидетельство записи Киреевским народных песен в селе Ильинском.

В середине июня, т. е. буквально через несколько дней после отсылки этого письма, по приглашению Елагиных в Ильинское приехал Языков. Устроившись там и заинтересовавшись занятиями своего друга, Языков вскоре присоединился к нему и также начал записывать песни. Он незамедлительно сообщил о своих занятиях братьям и уговаривал их собирать песни в Поволжье, где они тогда жили. Первым откликнулся Александр Михайлович, затем и Петр Михайлович. Помощниками братьев вскоре стали их жены и сестры. С этого времени начинается собирательская деятельность всех братьев Языковых, которую они вели в общей сложности около 20 лет.

Первым свидетельством этого является письмо Н. М. Языкова к брату Александру Михайловичу от 12 июля 1831 г.: «Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни. П. Киреевский и я, мы возымели почтенное желание собирать их и нашли довольно много еще ненапечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского. Не хочешь ли ты участвовать в сем деле, богоугодном и патриотическом? При тебе находится Мануков, писец отличный: употреби его, растолковав ему в чем дело: пусть записывает слово в слово, что как поется, не ленись записывать одну и ту же песню и несколько раз, когда найдет в ней какие-либо перемены: в краях, тобою теперь посещаемых, верно есть много особенно оригинально-прекрасного по сей части. Да нужно было бы записывать и сказки, напр., что такое Лазарь, поемый нищими, но это после. А волжские песни? Что ж мы?»²⁰.

Языковы придерживались взглядов Пушкина, настаивавшего на «сличении текстов», и Киреевского, выдвинувшего задачу дословной записи всех вариантов песни. Этот принцип записи фольклора был впервые выдвинут тогда русской фольклористикой. Последовательное проведение его и помогло создать Киреевскому первое научное собрание русских народных песен. Неоценимую помощь оказали братья Языковы.

2

Александр Михайлович Языков (1799—1874) вошел в историю науки как один из активных участников песенного собрания Киреевского. В 30-х годах XIX в. он жил в Симбирской губернии, помогая старшему брату в делах по управлению именьями. Биография А. М. Языкова не богата внешними событиями. Вместе с братьями он учился в Горном кадетском корпусе в Петербурге; по окончании его некоторое время служил, а потом вернулся в родное Поволжье и прожил там всю жизнь.

Общественно-политические убеждения А. М. Языкова никогда не выходили за рамки умеренно-либеральных, но он был тем не менее противни-

¹⁹ ГБЛ, отд. рукоп., ф. 99, п. 1, № 16.

²⁰ «Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову», стр. 6, 7.

ном крепостного права. Подтверждением этому служит обширная переписка его с братьями, и особенно с его близким другом В. Д. Комовским, занимавшим в Петербурге видные посты в цензурном комитете и министерстве просвещения²¹. Обращение к фольклору приобретало для А. М. Языкова принципиальное значение. В фольклоре он искал воплощенные идеалы национальной старины, стремился установить роль и значение народных традиций в развитии русской культуры.

Еще в юности, живя в Петербурге, А. М. Языков много занимался философией и эстетикой. Занятия у А. И. Галича (издавшего в 1825 г. «Опыт науки изящного») и у других профессоров, увлечение идеями романтизма и романтической поэзии способствовали развитию у него интереса к национальной старине и фольклору. Поселившись в Симбирске, А. М. Языков не остался в стороне от общественного и литературного движения своего времени. Этому немало способствовали дружеские отношения с младшим братом, уже получившим признание и известность в литературных кругах. Из их длительной переписки видно, как постепенно А. М. Языков втягивался в литературные, в том числе и фольклористические, занятия своего брата. Через брата у него установились литературные знакомства. Так, приехав к нему в 1830 г. в Москву, А. М. Языков встречается в доме Елагиных с Пушкиным и другими известными писателями, поэтами, учеными, посещавшими этот салон.

Знакомство А. М. Языкова с Пушкиным продолжалось и дальше. Когда в 1833 г. Пушкин отправился в Оренбург за материалами о Пугачеве, он дважды заезжал к Языковым, которые помогали ему в его поисках. Очевидно, Пушкин тогда познакомился и с фольклорными записями Языковых, тем более, что он предполагал написать предисловие к сборнику песен, куда эти материалы должны были войти. Осенью 1834 г. А. М. Языков приезжал в Болдино с тем, чтобы пригласить Пушкина к себе на свадьбу. Встретившись, они беседовали о литературе, в том числе об издании журнала²².

А. М. Языков первым среди обширного круга собирателей фольклора, группировавшихся вокруг Киреевского, в числе которых был и Н. М. Языков, начал записывать народные песни в Среднем Поволжье. Первые шаги его в этой области относятся к лету 1831 г. Н. М. Языков описал их общему знакомому В. Д. Комовскому: «Я завлек брата Александра в верное предприятие собирать заодно со мною и еще кое с кем (имеется в виду Киреевский, с которым Комовский не был знаком. — А. С.) русские песни: он уже начал сильно действовать — в местах самых надежных, на берегах Волги, Камы, Белой и проч. Под Москвою я собрал нынешним летом около полсотни. Каково? Если бог-вседержитель поможет этому благому начинанию, сделается на Руси дело великое — явится миру сокровище бесценное и самоцветное!»²³.

Письмо это имело некоторые последствия. В. Д. Комовский, увлекавшийся в то время немецким романтизмом, переводивший Фр. Шлегеля, заинтересовался фольклорными занятиями братьев Языковых. Он не замедлил в свою очередь сообщить об этом их общему знакомому, литератору А. Н. Очкину. Последний также увидел в этом важное начинание и немедленно поместил в «Северной пчеле» следующую заметку: «В нынешнее время никто, кажется, уже не сомневается в важности памятников народ-

²¹ ИРЛИ. рукоп. отд., ф. 348. Архив А. М., Н. М. и П. М. Языковых (далее — Архив Языковых и номер).

²² См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XV. М., 1949, стр. 195.

²³ «Из неизданной переписки Н. М. Языкова». Публикация М. Азадовского. «Литературное наследство», т. 19—21. М., 1935, стр. 46 (в дальнейшем ссылки на это издание).

ной поэзии; посему читателям нашим, конечно, приятно будет узнать, что двое молодых литераторов занимаются собиранием в разных губерниях народных песен, и, как мы слышали, труды их уже увенчались успехом; им удалось собрать значительное число песен, доселе не напечатанных. Критическое издание подобного собрания будет важным пособием при изучении не только истории русской литературы, но нравов, обычаев и поверий русского народа и самой истории нашего отечества»²⁴.

Комовский вначале был смущен тем, что без разрешения Языкова в болгаринской газете появилась такая заметка и в письме от 27 сентября 1831 г. он извинился перед Языковым, перекладывая всю вину на Очкина. Но Н. М. Языкова, придававшего большое значение собиранию народных песен, эта история не смутила и не обидела. 4 октября того же года он писал брату Александру: «Два литератора, об которых упоминает „Пчела“, что они собирают русские песни — это мы. Комовский сказал об этом Очкину, а тот и тиснул!»²⁵ А. М. Языков воспринял это сообщение очень серьезно и в переписке с Комовским, после появления названной заметки, даже высказал опасение, как бы кто не предвосхитил их идею в деле издания сборника. В частности, он узнал о том, что сборник народных песен собирается издавать О. М. Сомов — ближайший сотрудник Пушкина по «Литературной газете». Об этом А. М. Языков запросил Комовского, который по служебному положению был хорошо осведомлен о делах петербургских литераторов. Комовский успокоил Языкова, причем в письме с необоснованным презрением отзывался о Сомове²⁶.

С 1832 г. собирательская деятельность братьев Языковых принимает более широкий размах. К этому времени на родину, в Симбирскую губернию, возвращается Н. М. Языков, и братья объединяют свои усилия по записи фольклора Поволжья. Приехав домой, Н. М. Языков, при содействии брата Александра, выступает как организатор собирательской работы. Прежде всего он привлекает к ней своих сестер. Младшая сестра, Екатерина Михайловна, жившая в те годы подолгу вместе с Николаем Михайловичем в селе Языкове, стала его непосредственной помощницей. В одном из писем Н. М. Языков, называя сестру домашним прозвищем Котел, обращается к ней: «Котел, сделай мне большое удовольствие: заищи от повара дивского мне несколько песен: песню про княжну Черниговскую: как не белая береза — сполна всю, а то он доставил ее вовсе без конца. Можешь и другое кое-что записать»²⁷. Екатерина Михайловна выполняла все просьбы больного брата. Не меньшее участие в собирании песен принимала и средняя сестра, Прасковья Михайловна, в замужестве Бестужева. Ей Н. М. Языков писал в том же 1833 г.: «Не ослабевай и ты в деятельности на сем поприще всенародной литературы, если будешь в Репьевке, то особенно приударь: там вообще рапсодов много и сановитая древность процветает»²⁸. А. М. Языков, женившись в 1834 г. на А. Н. Наумовой, привлекает и ее к этим занятиям; впоследствии ее имя встречается среди корреспондентов Киреевского.

Привлекая своих родственников к записи фольклора, Н. М. Языков не требовал от них составления паспортов к текстам. И П. В. Киреевский, получая материалы от Языкова, запрашивал у него: «Напиши, пожалуйста,

²⁴ «Северная пчела», 1831, № 212, стр. 2.

²⁵ Архив Языковых, № 10.

²⁶ Где и как Сомову собрать русские песни? — писал Комовский. — Я расспрошу об этом у Очкина, коего нескромности (а правильное мое) обязаны вы разглашением вашего предприятия» (Архив Языковых, № 122). Впоследствии Сомов сам писал Н. Языкову о своем намерении издать песни (Там же, № 81).

²⁷ Там же, № 13.

²⁸ Там же.

если помнишь, в каких уездах и селах собираемы были песни, тобою присланные»²⁹. В архиве Киреевского сохранились списки песен, полученных от Языковых, с указанием места их записи, которые, как видно, были добавлены по его запросу Н. М. Языковым. На основе этих списков, а также различных пометок Киреевского к текстам, издатели впоследствии восстанавливали паспортные данные. Кроме родных, Языковы использовали для записи фольклора своих грамотных служащих и крепостных. Сохранились и некоторые имена помощников Языковых: управляющий имением Языковых Балдов, Мануков, упоминаемый в письме, и др. Помогали Языковым в собирательской работе и их симбирские знакомые, соседи по имению.

С 1832 по 1838 г. Н. М. Языков жил в Симбирске, преимущественно в своем имении — в селе Языково, и тяжелая болезнь мешала ему вести записи самостоятельно. В письме от 14 июля 1833 г. он жаловался брату Александру: «Великая честь подобает тебе за соби́рание стихов, я, брат, не могу как-то с этим подражать тебе — главное потому, — что не могу записывать сам: запишу со слов и не все, а потом много не разберу»³⁰.

В архиве Киреевского действительно не встречается ни одного текста, записанного или переписанного рукой Н. М. Языкова.

Коллекция Н. М. Языкова почти не паспортизована, что затрудняет ее изучение. В Ильинском, судя по соответствующим материалам Киреевского, им были записаны преимущественно лирические, рекрутские и солдатские песни. В селе Языково Симбирской губернии он собирал произведения песенного фольклора самых различных жанров. Судя по опубликованным материалам, в собрании Киреевского с пометкой «село Языково» встречаются былины («Исцеление Ильи Муромца», «Илья и сын», «Илья и разбойники» и др.), баллады, исторические песни³¹. Но центральное место и здесь занимают лирические песни, среди которых встречаются прекрасные произведения антикрепостнической поэзии.

Успешно также протекала собирательская работа других Языковых. Оба старших брата и сестры, хотя и пользовались услугами писцов, основную часть записей осуществляли самостоятельно. В 30-е годы наибольшее количество фольклорных материалов было собрано Александром Михайловичем.

«Я уже извещал вас, — писал Комовскому Н. М. Языков, — что брат Ал[ександр] уехал в Уфимские свои поместья: не переставайте, сделайте милость, пробуждать и побуждать его к действованию литературному, не то он там вовсе зачахнет, одичает и испортится во всех смыслах. У него есть важный недостаток, имеющий вредоносное влияние на все существо и бытие его: это привычка заниматься только теориями: она чрезмерно сушит дух его и делает ему пакостным уединение, им же самим избранное»³². Н. М. Языков, учитывая эти особенности брата, упорно привлекал его к записи песен и добивался немалого успеха. А. М. Языков собирал повсюду фольклорные материалы, но, как и у других братьев, у него были определенные пункты, где эту работу он вел систематически: в Симбирской губернии — город Сызрань и село Станичное Кормульского уезда, в Оренбургской губернии — село Новоселки Уфимского уезда и село Дубровка Мензелинского уезда.

А. М. Языков первый открыл здесь эпическую традицию. Среди записанных им былин встречаются редкие сюжеты (например, «Данило Игнатьевич», «Данило Ловчанин»). Собрание исторических песен включает

²⁹ «Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову», стр. 62.

³⁰ Архив Языковых, № 13.

³¹ «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. I—X. М., 1860—1874.

³² «Из неизданной переписки Н. М. Языкова», стр. 100.

почти все известные науке сюжеты, в том числе такие редкие, как «Осада Пскова», некоторые варианты песен о Степане Разине и песни эпохи Отечественной войны 1812 года³³. Точно состав его коллекции не может быть учтен по тем же причинам, что и у других Языковых. Однако публикации его материалов у Киреевского, так же как и некоторые другие данные, дают о ней хотя бы общее представление. А. М. Языковым собрана богатейшая коллекция народной лирики, казачьи песни, духовные стихи. Не все эти записи сохранились, однако о них можно судить не только по дошедшим до нас текстам, но и на основании отзывов П. В. Киреевского, к которому поступали все записи Языковых.

Уже с начала 30-х годов перед Языковыми встал практически вопрос об издании сборника народных песен. Вдохновителем всей собирательской работы был П. В. Киреевский, и он же вскоре встал во главе задуманного издания. К тому времени Киреевскому передал свои материалы Пушкин. Идея подготовки сборника братьями Н. М. и А. М. Языковыми, о чем сообщил в печати Очкин, исходила не от них и вряд ли могла быть ими осуществлена. В апреле 1833 г. Николай Языков писал по этому поводу брату Александру: «Много и много спасибо тебе за ревностное и благопоспешное действие твое в собрании стихов — дело достославное и стоящее благодарности добросмыслящих современников и правосудного потомства. Я уже сношусь по сей части с П. Киреевским. Трудно — и слава богу, что трудно — найти на святой Руси человека, могущего столь добросовестно заняться распорядком нашего и своего собственного труда сего, как сей Петр Киреевский. Он есть Петр, и на сем камени должна соорудиться церковь, вами приготавливаемая»³⁴. Это письмо не оставляет сомнения в той роли, которую Языков, вслед за Пушкиным, отводил Киреевскому в деле создания первого научного сборника русских народных песен.

В письмах 1832—1833 гг. постоянно встречаются сообщения о получении материалов от Языковых, сначала в виде обмена, а впоследствии — на условии полной передачи их Киреевскому. Так, в письме от 3 мая 1833 г. Киреевский просит прислать ему материалы: «Я их спишу и немедленно возвращу с приложением всех у меня имеющихся и впредь иметься имеющих»³⁵. А в письме от 14 октября того же года к Н. М. Языкову он уже сообщает, что из тысячи текстов, которыми он располагает, «500 (и самых лучших) прислано тобою»³⁶. (К тому времени Языков уже передал Киреевскому все свои записи). Отсюда следует, что уже через два года после начала работы Языковы располагали большой коллекцией песен, записанных в Поволжье. В том же письме сообщаются очень ценные сведения о подготовке издания. Киреевский рассказывает, как он работает над сборником, а в заключение предлагает: «Хочешь издавать вместе и на заглавном листе написать: изданное Н. Языковым и П. Киреевским»³⁷. Итак, по первоначальному замыслу Киреевского, издание должно было выходить под двумя именами потому, что в то время половину коллекции Киреевского составляли записи Языковых.

В том же письме Киреевский сообщает: «Пушкин также обещал написать предисловие». К сожалению, замыслу этого издания не суждено было осуществиться. Пушкин, с самого начала вдохновлявший Киреевского и Языкова на собирание песен и их издание, вскоре был вынужден отойти от этих занятий. Киреевского от работы отвлекали тяжелая болезнь и се-

³³ «Песни, собранные П. В. Киреевским».

³⁴ Архив Языковых, № 13.

³⁵ См.: «Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову», стр. 39.

³⁶ Там же, стр. 48.

³⁷ Там же, стр. 49—51.

мейные неурядицы. В письме от 21 февраля 1834 г. он просит помощи у Языкова: «Ах, братец, коли б ты был здесь! То-то бы расцвели наши песни! А без тебя они сиротствуют. Я хотя и весь в них, душой и телом, а все-таки чувствую, что не по силам мне одному быть нянькой этого царственного дитяти. От удовлетворительных и даже неудовлетворительных примечаний я, на первый раз, должен во всяком случае отказаться, но боюсь, чтоб даже и в самом расположении текста не вышло важных ошибок, а тем больше еще в сличении вариантов; это дело не совсем легкое. А без тебя мне помочь некому»³⁸. В письме подробно изложен состав предполагаемого сборника, план и условия издания. Киреевский очень много сделал для подготовки издания; первый выпуск, посвященный свадебным песням, он довел до пробного листа. Однако никакой помощи в этой работе Языков уже не смог ему оказать. Более того, к концу 30-х годов состояние здоровья Языкова заметно ухудшилось, и сам Киреевский должен был выехать в Симбирск, чтобы сопровождать своего большого друга за границу, куда тот отправился на лечение. Так завершился первый период фольклористической деятельности Языковых. За это время имп была собрана богатейшая коллекция произведений народной песенной поэзии Среднего Поволжья, ставшая неотъемлемой частью песенного собрания Киреевского.

К концу 30-х годов начинается научная разработка фольклорно-этнографических материалов, которые в те годы интенсивно собирают в различных краях и областях России. В Симбирской и Оренбургской губерниях работу, начатую по инициативе Н. М. Языкова, к этому времени возглавляет его старший брат — Петр Михайлович Языков (1798—1851).

Петр Михайлович был видный ученый — геолог, палеонтолог, много занимавшийся историей родного края и в связи с этим обратившийся к собиранию произведений народного творчества. Интерес к народной культуре и ее традициям возник у него еще в годы юности, как и у его брата Александра. Окончив Горный кадетский корпус с золотой и серебряной медалями, Петр Михайлович намеревался остаться в столице, посвятив себя научным занятиям. Однако в виду семейных обстоятельств (смерть отца) он должен был вернуться в Симбирскую губернию. Вскоре Языков женился на Елизавете Петровне Ивашовой, старшей сестре декабриста В. П. Ивашова. Не участвуя ни в каких политических организациях и придерживаясь умеренно-либеральных взглядов, Языков вместе с тем с глубоким уважением относился к декабристам, осужденным царским правительством, и в течение многих лет он и его жена поддерживали связь с сосланными в Сибирь декабристами³⁹.

П. М. Языков известен как ученый в различных областях знаний: ему принадлежит около 30 научных трудов по геологии, напечатанных в различных журналах («Горный журнал», «Труды Минералогического общества», «Труды Общества естествоиспытателей в Москве», «Москвитянин» и др.): он составил карту почв Симбирской губернии; собрал большую палеонтологическую коллекцию, которая одно время занимала специальный кабинет в Горном институте в Петербурге; им написана краткая история городов Симбирской губернии; вместе с П. В. Киреевским и Д. А. Валуевым издан «Симбирский сборник»⁴⁰. П. М. Языков основал один из первых в России губернских музеев в г. Симбирске и Симбирскую библиотеку, созданную на базе собственной библиотеки Языковых и других пожертвований⁴¹. Его помощником во всех этих начинаниях был брат Александр.

³⁸ Там же, стр. 61.

³⁹ О. К. Буланова. Роман декабриста. М., 1933.

⁴⁰ «Симбирский сборник», т. I. М., 1845.

⁴¹ Н. Столов. Из истории просвещения в Симбирске. Памяти Языковых. «Симбир», 1923, № 1, стр. 9, 10; А. С. Поляков. Симбирский губернский музей. «За-

К изучению и собиранию фольклора П. М. Языков подошел как историк, что способствовало выявлению им ценнейших материалов, в особенности исторических песен. Одним из первых он начал записывать фольклор крестьянских войн и восстаний. Ему принадлежат уникальные записи песен о Пугачеве⁴². Известную роль в этом сыграло его знакомство с Пушкиным. В 1833 г. Пушкин совершил длительное путешествие по Волге и Уралу, собирая материалы для «Истории Пугачева»; во время этой поездки он посетил местных ученых, этнографов и краеведов: в Казани — известного знатока края, профессора Казанского университета К. Ф. Фукса, в Симбирске — Языковых, в Оренбурге — В. И. Даля. Беседы с П. М. Языковым произвели большое впечатление на поэта: «Здесь я нашел старшего брата Языкова, — писал он из Симбирска жене, — человека чрезвычайно замечательного»⁴³. В разговорах с Языковым Пушкин, видимо, касался и сбора материалов о Пугачеве, что составляло главную цель его поездки. Запись фольклора П. М. Языков начал позднее братьев, но вскоре встал фактически во главе ее. Это нашло отражение в известной «Песенной прокламации» Киреевского, явившейся первым в русской фольклористике документом, излагавшим научные принципы записи произведений народной поэзии. В «Песенной прокламации» были четко сформулированы задачи, стоящие перед собирателями фольклора, и выдвинуто важнейшее положение: «Песни, которые поются в народе, должны быть записаны слово в слово, все без изъятия и разбора, не обращая внимания на их содержание»⁴⁴. В то время оно прозвучало как декларация, открывавшая широкие возможности записи произведений антикрепостнической поэзии, песен крестьянских войн и восстаний, т. е. всего, что игнорировала официальная наука. Это был вызов теории «официальной народности», требовавшей строгого отбора фольклорных материалов. Воззвание Киреевского заканчивалось словами: «Надеясь, что соотечественники наши примут участие в этом общественном деле, мы покорнейше просим доставлять стихи и песни в г. Симбирск на имя г. гиттенфервальтера Петра Михайловича Языкова». Воззвание было напечатано в апреле 1838 г. в «Симбирских губернских ведомостях» и перепечатано в октябре того же года в «Олонецких губернских ведомостях» с сохранением в тексте имени П. М. Языкова⁴⁵.

П. М. Языков был опытным собирателем фольклора, записывал много, не прибегая к посторонней помощи. Основными пунктами в Симбирской губернии, где он вел записи (судя по сохранившимся материалам) были село Головино, принадлежавшее ранее Ивашовым, и село Старая Ярыкла Сенгилеевского уезда. Кроме того, вероятно, П. М. Языков вел записи и в других местностях во время своих путешествий для сбора палеонтологических коллекций. В неопубликованной переписке Языковых нами обнаружен ряд писем, в которых довольно подробно рассказывается о ходе этой работы и названы некоторые записанные им тексты, что служит источником для их паспортизации.

писки Симбирского областного естественно-исторического музея», вып. 2. Симбирск, 1914.

⁴² П. М. Языковым записаны наиболее яркие и редкие песни о Пугачеве: «Судил тут граф Панин...» («Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. IX, 1872, стр. 248), «В нем сударыня простила» (там же, стр. 245, 246). В некоторых современных изданиях, ввиду отсутствия определенной паспортизации, эти песни ошибочно приписаны А. М. Языкову (например, А. Н. Лозанова. Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье. Куйбышев, 1947, стр. 171, 173).

⁴³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XV. М., 1949, стр. 80.

⁴⁴ См. А. Д. Соймонов. «Песенная прокламация» П. В. Киреевского. СЭ, 1960, № 4, стр. 148.

⁴⁵ «Симбирские губернские ведомости», 14 апреля 1838 г. Прибавления, № 14, Частные сообщения; «Олонецкие губернские ведомости», 15 октября 1838 г., Прибавления.

А. М. Языков пишет 1 июля 1838 г. Н. М. Языкову: «Старик все в Голов[ине]... Он записывает песни и Стихи; нашел несколько твердо знающих стариков и их черпает.— Записал одну стрелецкую:

„Бывало де православный царь
Любил стрельцов, много жаловал“.

— Еще любопытна песнь о выборе Ермака атаманом.— Тут де источник неисчерпаемый.— Открыл и сказочника и сказки запишет.— На базаре бывает много стариков, поющих Стихи, и их залучит. Потом собирается на ярманку в Ананьино, близ Головина, там нищие поют стихи кругов на десять. Все это должно порадовать П. В., которому подлежит окончательное обозрение здешних стран»⁴⁶.

13 августа того же года Александр Михайлович вновь пишет брату Николаю: «Старик П[етр] М[ихайлович] в Головине записал множество Стихов, совершенно новых, и песен, не бывалых под пером собирателей. Заглавий Ст[ихов] и счет песен он сам доставит: это его заслуга, его добро! П. В. может быть покоен — важное дело и во время его отсутствия идет успешно»⁴⁷. Более подробно о записи песен пишет сам Петр Михайлович брату 25 июля 1838 г.: «В Головине я открыл богатейший рудник песен и народных богатырских легенд и весь его еще не выработал, осталось неопрошенными несколько стариков. Я не буду тебе говорить о песнях. Записал я легенду богатырскую Добрыня Никитич в 200 стихов, в которой на пиру и Владимир и Илья Муромец; потом легенду Суровец Суздалец в 1000 стихов, в которой упоминается какой-то богатырской царь Кумбал Самородович; легенду Терентий гость в 100 стихов в шуточном тоне; легенда о Иване Заморянине в 60 стихов, происшествие в Азове; легенда Битва казаков с башкирцами в 60 стихов, в которой упоминается какая-то река Кутьма, казакский атаман Алексей Митря Сова и башкирский атаман Багай. О песнях и не буду говорить, записал и их довольно.— Потом попала мне любопытная сказка под названием Горшня, где действующее лицо царь Иван Васильевич, основанная, вероятно, на историческом событии.— Слепцы доставили также некоторые стихи, как-то... о грешной душе, о небесном царстве, о зле, плачь души грешной, упование на бога и проч. Но я полагаю, что богатырские легенды составляют важнейшую и любопытнейшую находку если только оные неизвестны нашим собирателям,— я же убедился, что с большею пытливостью и настойчивостью можно открыть много нового и совершенно неожиданного»⁴⁸.

В Головине был собран им и пугачевский фольклор, в том числе — известная песня о Пугачеве и графе Панине. Из названных в письме записей наибольшую ценность представляют былины. Так, былина о Суровце Суздаля встречается очень редко, причем вариант, записанный П. М. Языковым, — один из наиболее полных. Былина о Добрыне, записанная в Головине (сюжет Добрыня и Алеша), относится к лучшим текстам в поволжской коллекции Языковых — Киреевского. Интересны и другие записи. Очень редкая сказка «Горшня» впервые была записана П. М. Языковым⁴⁹. До этого о сказках, связанных с именем Ивана IV, было известно

⁴⁶ Архив Языковых, № 92. «П. В.» в данном и последующих письмах — Петр Васильевич Киреевский.

⁴⁷ Там же. П. В. Киреевский в это время был с Н. М. Языковым за границей.

Все три брата имели в семье прозвища. «Старик» — старший брат Петр Михайлович; «Дюк» — Александр Михайлович и «Весель» — Николай Михайлович.

⁴⁸ Архив Языковых, № 138.

⁴⁹ См. «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», т. III. М., 1957, стр. 54, 55. В примечаниях на стр. 417 ошибочно указано, что эта сказка записана Н. М. Языковым. Такая путаница в паспортизации материалов Языковых, как уже отмечено

лишь из записок английского врача Самуила Коллинза, жившего при дворе царя Алексея Михайловича. Книга Коллинза «О нынешнем состоянии России» (1667) была переведена впоследствии на русский язык П. В. Киреевским⁵⁰. Обращает внимание мастерство, с каким рассказчик изложил симбирскую сказку, и добросовестность записи П. М. Языкова. Вся сказка построена на диалогах, причем особенно хорошо передан диалог между Горшеней и царем, основанный на иносказании, подобно разговору Пугачева с хозяином постоялого двора в «Капитанской дочке» Пушкина. Сказка записана в местах, связанных с восстанием Пугачева, и, может быть, поэтому данный вариант особенно заострен социально: «Ну, Горшенья, прилетели гуси с Руси?» — спрашивает царь. — «Прилетели». — «Перышки ощи́пал, а по правильному покинул?» — «Нет, наголо, великий государь, — всего ощи́пал»⁵¹. Горшенья так унизил, опозорил боярина в глазах царя, что тому ничего не оставалось, как лишить его боярского сана. Если принять во внимание, что в этих же местах Языков записывал песни о Пугачеве и о Разине, то можно представить, насколько своеобразна была здесь художественная народная традиция, живо хранившая воспоминания о крестьянских войнах.

П. М. Языков опубликовал некоторые из своих записей. Сказку «Горшенья» он опубликовал в «Москвитянине», а еще ранее поместил в «Отечественных записках» несколько песен и баллад⁵²; возможно, впоследствии обнаружатся еще публикации. Но главной заботой всех братьев Языковых оставалось продвижение в печать собрания песен Киреевского.

В конце 30-х годов П. В. Киреевский разработал новый план издания песен. В первый выпуск должны были войти духовные стихи, которые, по мнению Киреевского, как уже упоминалось, составляли наиболее древний слой песенной поэзии, сохранившей остатки славянской «языческой» мифологии. В следующие тома предполагалось поместить былины, исторические песни, затем лирические, — в том числе свадебные⁵³. По ценности материала и его количеству (свыше 10 тыс. текстов) это издание было бы для своего времени самым крупным в мировой науке собранием произведений народного творчества. К этому времени о собрании Киреевского хорошо знали за рубежом; ученые славянских стран, Германии и Франции с нетерпением ждали его появления в свет как крупного события в фольклористике. Для Языковых это издание должно было явиться итогом их многолетней собирательской работы. Все было продумано, подготовлено для предполагаемого издания и, казалось, не могло встретить препятствий.

Но ожидания научной общественности и надежды Языковых на успех издания оказались преждевременными. В условиях николаевского режима научное издание произведений народной поэзии, отражавшей жизнь и быт крепостного крестьянства, не могло увидеть свет. В печати могли появляться тогда только издания типа известного сборника Сахарова, способного на любую фальсификацию в угоду цензуре. До сих пор в фольклористике, в том числе в советской, существует мнение, подкрепляемое всякого рода догадками, будто бы виновником того, что монументальное, по существу

выше, встречается постоянно; поэтому в настоящей статье мы стараемся приводить все обнаруженные в архивах данные о местах записи фольклора каждым из братьев Языковых.

⁵⁰ «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1846, № 1, стр. 1—41.

⁵¹ «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», т. III, стр. 54, 55.

⁵² «Москвитянин», 1843, № 1, стр. 130, 131; «Отечественные записки», 1839, т. V, стр. 159—165 (здесь напечатаны песни исторические, разбойничьи и три баллады).

⁵³ В архиве Киреевского сохранились так называемые «Зеленые тетради», представляющие собой подготовленный к печати сборник лирических песен (ГБЛ, отд. рукоп., ф. 125).

коллективное, собрание П. В. Киреевского не было в свое время издано, был сам Киреевский⁵⁴. Это — глубокое заблуждение. Прав был А. И. Герцен, когда писал о братьях Киреевских как о людях, «заеденных николаевским временем»⁵⁵.

Извлеченная нами из архивов переписка Языковых служит ярким доказательством того, как расправились царское правительство и цензура с изданием народных песен, имевшим столь большое значение для русской науки.

В начале 40-х годов П. В. Киреевский, возвратившись из-за границы, начал подготовку издания песен, о чем поставил в известность Языковых. Петр Михайлович Языков, посоветовавшись с братом Александром, рекомендует Киреевскому для продвижения рукописи в печать обратиться в Главное управление цензуры, к В. Д. Комовскому. По мысли Петра Михайловича, тот должен был показать рукопись министру просвещения С. С. Уварову и тем самым облегчить ее прохождение через цензуру. Этот совет на первый взгляд казался очень полезным. Комовский, близкий друг Языковых, занимал, как уже говорилось, видный пост в Главном управлении цензуры. Уваров в то время ратовал за народность и, казалось, должен был бы понять значение для русской науки собрания народных песен и содействовать его выходу в свет.

11 марта 1842 г. П. М. Языков пишет Киреевскому: «Брат советует вам предварительно послание стихов к Василию Дмитриевичу Комовскому — он покажет их Уварову и этим уничтожиться могут многие строгости цензуры»⁵⁶. Киреевский дает свое согласие, и 16 мая того же года А. М. Языков обращается с соответствующей просьбой к В. Д. Комовскому: «П. В. Киреевский скоро доставит вам собрание так называемых Стихов; окажите сему почтенному делателю ваше покровительство и подайте совет, как вернее и удобнее достигнуть пропущения. Вы некогда обещали мне предварительно показать их Сергею Семеновичу и сделать все, что будет возможно силою власти, от бога вам данной. Издание это интересует всех любителей своенародной словесности и особенно нас, участвовавших в записывании Стихов и песен со слов и голосов простолудинов; оно тем оригинальнее, что сочинения, нашею компаниею собранные, могли совершенно истребиться при крушении прежних нравов и обычаев, достигающего самых нижних слоев общества. За Стихами последуют песни; большая часть их уже готова к печати и кажется соплеменные нам народы скоро возрадуются»⁵⁷.

Это письмо положило начало борьбе за продвижение собрания песен Киреевского в печать. После этого прошел год. Комовский и Языков дают ряд советов Киреевскому, который, закончив основную работу над сборником, послал первый том на предварительный просмотр в Петербург с сопроводительным письмом А. М. Языкова:

«15 мая 1843 года. Москва.

Вместе с этим письмом отправляется к вам на просмотр и показание кому следует 1 том Собрания П. В. Киреевского — Русские народные Сти-

⁵⁴ По-новому пытался истолковать неудачу с изданием песен Киреевского М. К. Азадовский, который писал: «Причины этому лежали не только в медлительности Киреевского, как привыкли объяснять современники и позднейшие исследователи, хотя, конечно, эта черта характера также сыграла немалую роль: но главной причиной была грандиозность задачи, которую поставил перед собой Киреевский» («История фольклористики», т. I. М., 1958, стр. 337). В этой оценке, как бы она ни казалась справедливой, по-прежнему не учитывается историческая обстановка и условия, в которых жил и работал Киреевский.

⁵⁵ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. IX. М., 1956, стр. 159.

⁵⁶ Архив Языковых, № 104.

⁵⁷ Там же.

хи. Потрудитесь уведомить его (в М[оскву] на Стоженку, к новому Воскресенью в собст[венном] доме) и меня (в Корсунь уже), могут ли быть эти произведения наших домашних поэтов пропущены все без исключения, или нужно некоторые из них исключить и укоротить? — Варианты к ним почти уже готовы; их мы не посылаем, потому что за ними задержка не последует. П. В. просит вас беречь, хранить в тайне и возвратить ему посылаемый список (который есть единственный в мире и тесно связанный с вариантами), когда решите судьбу сей святыни. — Цензуровать вернее лучше в Петерб., под вашим правительственным и покровительственным наблюдением, и П. В., если вы это ему позволите, впоследствии перешлет к вам же этот том, присовокупя к тексту варианты и предисловие.

Мне очень приятно и утешительно служить посредником между вами и П. В., который, будучи человеком редким и тишины неимоверной, никогда бы не решился сам собою [войти — ?] с вами в сношение. Извините его и пободите ему в деле важном и истинно народном. За 1-м т[омом] пойдут песни, собственно так называемые, их подготовлено многое множество и с ними затруднений не будет»⁵⁸.

Все же они надеялись на благополучный исход дела. Вскоре после отсылки рукописи, 18 августа 1843 г., П. М. Языков писал брату Александру: «Кажется, на днях решится участь стихов П. Вас. и благоприятно. Комовский рассказывал мне следующее. Министр их взял к себе, чтобы прочесть, и не читавши сказал Комовскому, что он в них ничего не находит противного к печатанью. Из этого я и заключил, говорит Комовский, что он их не читал, а потому и предложил их Очкину процenzуровать, сей не осмеливается и на днях предложит их цензурному комитету, который, вероятно, дозволит с некоторым числом выпусков. Все должно скоро кончиться и тогда я уведомлю»⁵⁹.

Письмо как нельзя лучше характеризует чиновничью трусость министра Уварова, который, посмотрев рукопись и испугавшись ответственности, переложил ее на своего подчиненного А. Н. Очкина, еще более трусливого и беспомощного. Но Комовский и Языковы еще не теряют надежды, тем более, что Очкин был их близким приятелем. О возможном благополучном исходе дела писал тогда же родственник Языковых — А. В. Валуев — матери Киреевского, Е. П. Елагиной. Елагина, также принимавшая большое участие в подготовке сборника, очень опасалась за его судьбу. Она не забыла историю с журналом «Европеец»⁶⁰. Елагина хорошо понимала, что ожидает их семью, если и в жизни второго сына произойдет подобный инцидент. Валуев успокаивал Елагину: «Теперь же пишу вам относящееся до песен Петра В. Комовский говорит, что, кроме 2-х мест, все будет пропущено. Но, кажется, окончательного решения придется ждать от Уварова. Сверх того сберегите ему для сбережения следующее: у Коркунова имеется стих об Анике и Смерти (оного совсем, кажись, не было у Петра В.) и, кажется, напечатан в «Современнике» — так мне сказывал Комовский — сверх того у него и Лазарь совершенно иной, и у самого Комовского есть стих Грешница, который записал сам здесь в Питере. Пишу Ал[ександру] М[ихайловичу], чтобы достал от него все сие»⁶¹.

Письмо показывает, что в подготовку издания песен Киреевского втягивается все более широкий круг лиц, которые прекрасно понимали значение издания. Однако не таков был режим николаевской реакции, чтобы

⁵⁸ Архив Языковых, № 104.

⁵⁹ Там же, № 141.

⁶⁰ Журнал был запрещен по личному указанию царя после статьи редактора журнала И. В. Киреевского «XIX век» в № 2, в которой Николай I увидел стремление подорвать основы существующего строя.

⁶¹ Архив Языковых, № 141.

стала возможной публикация подлинных записей народных песен. Рукопись Киреевского от А. Н. Очкина попала в цензурный комитет, и там судьба ее была решена. Об этом мы узнаем из следующего письма В. Д. Комовского А. М. Языкову:

«С. П.бур[г] 2 сентября 1843 г.

Я перечитывал во второй раз рукопись Киреев[ского], когда получил последнее ваше письмо. Почтенный наш Амплий Николаевич уж так-то не забывает о православии за народностью, что даже, вопреки всякому чаянию моему, не хочет допустить никакой жизненной деятельности ума и воображения народного в отношении к предметам веры и православия. Да и не один он: по совещании с Никитенкою (в этом, однако, Амплий Ник[олаевич] поступил несогласно с предварительным условием нашим) они признали, что ни они, ни весь даже Цензурный Комитет, не могут сами пропустить легенды: дело новое и потому требует разрешения Главного Управления Цензуры, которому надлежит сделать умненько представление об этом вопросе. Амплия смущает то, что легенды не согласны с Четьями Минеи. Да кто же станет принимать поэзию нищенствующих слепцов за настоящее учение церкви православной? Разве, при описании народных нравов не рассказывают о суеверных и вовсе неправославных прибавках к обрядам и предметам истинного верования? Разве у Сахарова, в колдовстве и ворожбе не примешано имя божие и святых к делам вовсе не чистым — православно? Разве Жуковского, — а он, конечно, не в одинаковом положении с простолюдинами-певцами — обвинили за то, что он заставил Св. Георгия собственноручно сделать лошадь свою и приезжать в студенческом костюме в Петергоф к 1-му июля? чего, сколько известно по житию этого святого в Четьи Минеи, — он не делал никогда. Разве у Иванчина-Писарева император Александр не воскресает из мертвых? Всяк знает, что это вымысел поэтический, а не догмат, преподаваемый для принятия правоверными. Эти легенды не то же ли самое, что образа суздальских богомазов, лубочные картинки о страшном суде, Адаме и Еве и проч., и проч. Читая первый раз рукопись, как я вам писал уже, — не заметил я особой соблазнительности для православия этих народных созданий; да может ли она быть там, где нельзя предполагать и самого отдаленного желания отступать от преданий нашей церкви. Может быть, я был увлечен поэтическим интересом этих созданий и вся богомерзость простодушных народных поэтов скрылась от меня. Перечитаю теперь рукопись исключительно с намерениями цензурными. Впрочем, я сделаю это более для моего собственного убеждения, Ампл[ий] Ник[олаевич] уж не отступится от своего мнения. Он и Никитенко — оба люди рассудительные. Скоро, т. е. через месяц, придет министр — и я поразведаю его мнение. Во всяком случае, клад, поднятый Киреев[ским] из-под спуда, не должен рассыпаться. Можно, если только он не покусится на свое добро для блага общего, послать эти стихотворные сказания к Ганке или Шафарыку; они напечатают, благословляя и славословя собирателя»⁶².

Характерно, что Очкин, который в 30-е годы, узнав через того же Комовского о собирании народных песен Языковыми, приветствовал их издание в «Северной пчеле», теперь, как видим, первый стал возражать против их издания. Очень показателен и совет Комовского издавать русские песни за границей. Киреевский согласился на это, как видно из ответа А. М. Языкова Комовскому от 4 ноября 1843 г., посланного из села Станишного: «В рассуждении Стихов П. В. Кир[еевский] решается поступить, как Вы предлагаете, и отошлет их для издания народам нам соплеменным; этак они явятся в древней, своенародной чистоте своей и цельности их

⁶² Там же, № 122.

не растлится нашею светскою и духовною цензурами; высокая объективность их не пострадает от щепетильной субъективности наших цензоров и нашего века. Как только вы хоть мало заметите невозможность напечатать их здесь так, как они есть, во всей полноте и красе их, то потрудитесь возвратить рукопись в Москву, и она отправится за границу свидетельствовать, как мало дорожат у нас своенародным, как мало понимают его значение и как плохо отличают дозволимое от невозможного! Собственно песен у К[иреевского] многое множество; печатать их может скоро»⁶³.

Если бы рукопись в это время возвратилась к Киреевскому, то, по всей вероятности, имея широкие связи за рубежом, он передал бы ее для публикации своим друзьям за границу. Это бы могло открыть иные перспективы перед изданием, однако и вызвать новые репрессии. Но рукопись оставалась у Комовского; пока Киреевский ждал ее, в Москву из-за границы⁶⁴ возвратился Н. М. Языков, который активно вмешался в события. Через С. П. Шевырева он пытается еще раз воздействовать на Уварова и таким образом продвинуть рукопись в печать.

При таких обстоятельствах работа над первым выпуском песен Киреевского, посвященным духовным стихам, возобновилась. Комовский возвратил рукопись; в переписке Языковых постоянно встречается упоминание о ней. В одном из писем А. М. Языкова нами обнаружен продолговатый листок бумаги, на котором карандашом написано: «Нельзя, кажется, напечатать. 1. Стих о Христовом рождении. 2. Влагаемый в уста спасителя и богородицы разговор — в Стихе о нынешнем веке и будущем, и других местах, как о Грешной рабе, Плач земли. 3. Стих о вдовах — нельзя позволить. 4. В Стихе о грешных должно выбросить выражение матерным словом. 5. О трех грешниках — сомнительно. 6. Оба Стиха о Старце, где ходит сам господь бог. 7. Разговор с блудницею»⁶⁵. Пока трудно установить, кем написаны эти строки, скорее всего Комовским. Однако Киреевский, как видно из позднейшей публикации, не вносил существенных поправок в текст рукописи. 14 октября 1844 г. рукопись вновь была отправлена вместе с сопроводительными письмами Н. М. Языкова и С. П. Шевырева; Н. М. Языков писал Комовскому:

«Посылаю вам знаменитые народные стихи, собранные П. Киреевским, и книжку моих стихотворений. Примите благосклонно и то и другое. В тетради вложено письмо к вам от С. П. Шевырева, конечно просящего заступления вашего великому делу издания в свет этого почтенного сборника; и я присовокупляю к сей [неразб. — теплой?] просьбе мою таковую же о том же предмете. Нельзя ли вам ускорить действие пропущения Стихов? Пора кончить однажды навсегда эту докучную, так сказать, возню, суету, пересылку и томление многих ожиданий. Теперь, кажется, все сомнения и недоразумения устранить легко и запинки для цензора быть не может»⁶⁶. На следующий день, 15 октября 1844 г. о том же писал Ко-

⁶³ Архив Языковых, № 104.

⁶⁴ В письме Н. М. Языкова, посланном еще в начале января 1843 г. из Рима к брату Александру, он пишет: «Скажи Старику, что он обещал Гоголю прислать собрание слов и описание крестьянских ремесел им, Стариком, составленное. Гоголь ждет, ему теперь нужны эти оба предмета» (Архив Языковых, № 24). Живя за границей, Н. М. Языков часто встречался с Гоголем, и там же состоялось знакомство Гоголя с Петром Языковым, названным в письме домашним прозвищем «Старик». Желание Гоголя, работавшего в то время над вторым томом «Мертвых душ», воспользоваться записями Языкова очень показательно. В свою очередь Гоголь, так же как ранее Пушкин, передал часть своих фольклорных записей Киреевскому. Возможно, что именно в 40-е годы Киреевский через Языковых или лично получил от Гоголя духовные стихи.

⁶⁵ Архив Языковых, № 104.

⁶⁶ Там же, № 28.

мовскому А. М. Языков, упоминая о письме С. П. Шевырева, который беседовал с С. С. Уваровым:

«15 октября 1844-го г. Под Курсунью.

...Стихи, собранные П. В. К[иреевским], кажется, опять едут по приказанию С[ергея] С[еменовича] к вам вместе с письмом Шев[ырева], объяснявшегося об них с ми[н]истром в Поречье. Что произойдет из новой попытки, увидим впоследствии, а следовало бы всякому благомыслящему и народолюбивому человеку поддерживать появление в свет сочинения наших рапсодов и не морщиться, наподобие нервной дамы, его читая, как сморщились Амплий и Никитенко, цензоры в желтых перчатках»⁶⁷.

Но и эта попытка не дала никаких результатов. Рукопись попала в духовную цензуру и там была окончательно запрещена для публикации. Прошло полгода и Комовский писал А. М. и Н. М. Языковым.

Письмо А. М. Языкову:

«С. П. бург. 8 июня 1845 г.

Только что получил назад от Сербин[овича] рукопись Кир[еевского] с извещением, что обер-прокурор Синода забраковал ее всю. Что прикажете делать? Никитенко [неразб.] (на словах; много ли в них чистосердечия, не берусь решать), приносит покаяние в том, что он с Ам. Н. Очк[иным] повели это дело не так, как следовало бы. По крайней мере я себя упрекнуть не могу ни в чем: боролся, просил, ссорился, убеждал, но с людьми разнохарактерными и бесхарактерными не сладишь и ничего не уладишь. Отсылаю теперь рукопись к Ник[олаю] Мих[айловичу], прилагаю к ней все бумаги, поясняющие ход дела. В числе их есть и мнение самого Сер[биновича], представленное им гл[авному] прок[урору] и отвергнутое сим последним. Я прошу Ник[олая] Мих[айловича] не пускать вразброд по рукам всех этих приложений; благоволите, при случае, замолвить и ваше слово об этом.— Сообщая мне свою записку, Серб[инович] прибавил, что сообщает ее для собственного моего только усмотрения, как было дело. Чтоб не выносить сору из избы, прошу Ник[олая] Мих[айловича] хранить и ведать это про себя»⁶⁸.

Письмо Н. М. Языкову:

«С.П.бург. 9 июня 1845 г.

С приношением вам усердного и сердечного благодарения за [неразб.] отправляю русские народные стихи, собр. Кир[еевского]. Дело кончилось неблагоприятно: обер-прокурор Синода решил, что не должно печатать ничего. Он, конечно, не светило церкви нашей. Я приложил разные бумаги, в объяснение хода этого дела. Записка никем не подписана, содержит в себе мнение, которое Сербинович, директор канцелярии гл[авного] прок[урора] представлял ему и которую сей доблест[ный] муж отверг беспощадно. Я просил бы покорнейше принять эту бумагу только к вашему сведению, потому что Серб[инович] не желает, чтобы она была известна кому-либо, просил меня и сообщил ее мне и только для меня. Я делаю нескромность, нарушаю его желание. Жаль, очень жаль, что так кончилось это благое начинание. Но «таков удел прекрасного на свете...»⁶⁹.

Как реагировали А. М. и Н. М. Языковы на запрещение царской цензуры, мы видим из следующих писем их к Комовскому. Приводим выдержки из письма А. М. Языкова:

⁶⁷ Там же, № 104.

⁶⁸ Там же, № 62.

⁶⁹ Там же.

«27-го июня 1845-го года. Станшное. Корсунь.

Я получил письмо ваше от 8-го июня и в нем печальную весть о запрещении Стихов, собранных Кир[еевским]; пусть будет так! По крайней мере вы сделали все, что могли, для спасения и обнародования этих остатков нашей старины и изустной литературы.

Бумаги брат Н. М. верно сохранит про себя, зная их важность и таинственность; я, с своей стороны, подтвердил ему это... П. В. Кир[еевский] стихи хочет отослать для напечатанья Ганке»⁷⁰.

Н. М. Языков писал:

«Громоподобный удар, поразивший во главу предприятие П. В. Киреевского, всполюшил и опечалил не только самого его, — доблестно[го] собирателя русских песен; но и всех нас посильных доброжелателей его и спешников! Что теперь делать со стихами? Издать их в Праге, в Лейпциге, или в [неразб. — Карлсруе?] И тут вопрос: позволительно ли нам позволять себе такие выходки? Тут и опасность подвергнуться ответу и проучению за дерзость такову! Не знаем, что делать. Сердечно благодарим вас за все ваши хлопоты нас ради и нашего ради спасения. Жаль, что ваше представительство у сильных мира сего не смягчило свирепости взгляда их на дело чисто безвинное. Жаль, что власть решать и [неразб. — вязать?] имеют, — снажу словами кн. Курбского, презлые и прелукавые челоукоугодники (о них же вси мудрые согласуют, яко в царстве, идеже любит их, ничтоже может смертеноснейшие язвы быть, паче их), ласкатели, пагубники отечества своего!!...

Июнь 29 дня 1845

Москва

Ваш Н. Языков»

«...Благодарим вас за возвращение рукописи Стихов: мы думали, что ценсура оставит ее у себя, как вредную, к полному запрещению подлежащую, а этот список единственный»⁷¹.

Этим завершились хлопоты Языковых об издании песен Киреевского. В 1846 г. умер Н. М. Языков, так и не дождавшийся публикации этих материалов. После всего того, что произошло, казалось, уже ничто не могло помочь Языковым и Киреевскому в издании песен. Но события развернулись иначе. Наступил 1848 г.; революционные события, охватившие всю Европу, всколыхнули и передовые круги русской интеллигенции, вселили надежду на ослабление реакции. В такой обстановке была сделана еще одна, последняя, попытка напечатать народные песни, собранные Киреевским. Поддержку в этом деле составитель получил от выдающегося русского слависта О. М. Бодянского, который в то время был секретарем Общества истории и древностей российских при Московском университете и редактором периодического издания Общества («Чтений»), пользовавшегося «свободной цензурой».

В это время Бодянский задумал расширить деятельность Общества и превратить «Чтения» в ежемесячный журнал, объявив на него открытую подписку. В план издания он включил и публикацию песен Киреевского с тем, что впоследствии они выйдут отдельным изданием. Языковы выяснили, снова через Комовского, будет ли этому препятствовать Управление цензуры. Вскоре вопрос решился как будто положительно. Бодянский взял на себя ответственность за публикацию песен. В июне 1848 г. в очередном номере «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» в качестве отдельного раздела, с самостоятельным титульным листом, был напечатан первый выпуск народных пе-

⁷⁰ Архив Языковых, № 104.

⁷¹ Там же, № 28.

сен, собранных Киреевским. В предисловии к песням П. В. Киреевский писал: «Богатые материалы, положившие основу моему собранию, получил я из Симбирской и Оренбургской губерний от Н. М. Языкова, П. М. Языкова, А. М. Языкова, Н. А. Языковой, Е. П. Языковой, П. М. Языковой, П. М. Бестужевой, Ек. М. Хомяковой и Д. А. Валуева»⁷². Здесь, как мы видим, перечислены все члены семьи Языковых на равных правах и только очередностью названных имен определено значение их вклада в соби- рание песен. Дальше Киреевский называет имена многих других собира- телей (что занимает в предисловии почти две страницы), но о Языковых он пишет прежде всего.

Казалось, теперь все трудности остались позади. А. М. Языков пи- сал: «Этим начинается появление в свет труда нашего собирателя пе- сен; за стихами непрерывно пойдут сии последние и вы увидите, как все это важно и как богата наша народная литература»⁷³. В другом письме он отмечает оживление собирательской работы и строит новые планы на этот счет⁷⁴. Но радость друзей и соратников Киреевского и на этот раз была преждевременна. Царское правительство, напуганное революцион- ными событиями в Европе, беспощадно расправлялось с представителями передовой общественной мысли. По решению правительства был учреж- ден специальный секретный комитет по делам печати под председателъ- ством Д. П. Бутурина. Он решил и судьбу Бодянского. Вслед за песнями Киреевского Бодянский попытался опубликовать еще одно «крамольное» произведение — записки Флетчера о России. За все это он подвергся стро- кой каре. «Чтения» были закрыты, Бодянский отстранен от преподавания в Московском университете и выслан из Москвы.

В этой обстановке разгула реакции была потеряна всякая надежда на публикацию песен из собрания Киреевского. В одном из писем П. В. Ки- реевского к матери от 7 апреля 1850 г. мы читаем: «В Москве не проис- ходит ничего особенного, кроме особенного оцепенения, от которого не только ничего не делается, но даже ничего не говорится живого»⁷⁵. И не пресловутая медлительность Киреевского, а общественно-политическая обстановка николаевской России, которая душила всякое проявление на- учной деятельности, исключала возможность публикации и изучения под- линных записей народных песен.

П. В. Киреевский умер в 1856 г. Тяжелое заболевание задолго до смер- ти лишило его возможности бороться за публикацию своего собрания. Не- сколькоими годами раньше умер П. М. Языков. Последний из братьев Язы- ковых, оставшийся в живых, вскоре перестал заниматься собиранием пе- сен. Но и после того реакционные силы продолжали оказывать влияние на судьбу этого грандиозного фольклорного собрания. Материалы Языко- вых, находившиеся в собрании Киреевского, были переданы вместе с остальными записями в руки крайнего реакционера, представителя теории «официальной народности» П. А. Бессонова. Бессонов растерял значитель- ную, если не большую часть записей Языковых, некоторые присвоил себе, а то, что было им опубликовано из собрания песен Киреевского, оказа- лось настолько спутанным по паспортным данным, что теперь необходи- мо специальное текстологическое исследование, чтобы установить среди этих публикаций тексты Языковых и определить место их записей⁷⁶.

⁷² «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском уни- верситете», 1848, № 7—9. Русские народные песни, собранные Петром Киреевским, стр. V (отдельная пагинация).

⁷³ Архив Языковых, № 104.

⁷⁴ Там же.

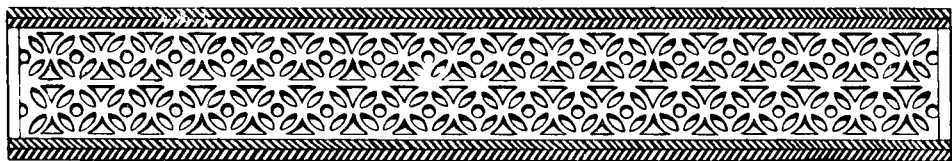
⁷⁵ ГБЛ, отд. рукоп., Архив Киреевского, ф. 99, п. 8, № 14.

⁷⁶ «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. I—X. М., 1860—1874.

Впоследствии другая часть записей Языковых (лирические и обрядовые песни) вошла в «Новую серию» «Песен, собранных П. В. Киреевским». Но и здесь языковская коллекция лирических песен была опубликована неполностью, с неточными паспортными данными, а потому часть текстов вошла в рубрику «песен, не определенных по местностям»⁷⁷. Наконец, остатки этой коллекции, не вошедшие в названное издание, были обнаружены советским фольклористом П. Д. Уховым в архиве Киреевского.

Такова история фольклорного наследия Языковых. Значительная часть их записей пропала. Но и то, что сохранилось, имеет большую научную ценность и не потеряло своего значения до наших дней. Их собрание песен должно быть тщательно изучено и издано советскими учеными.

⁷⁷ «Песни, собранные П. В. Киреевским». Новая серия, вып. 1. М., 1911; вып. 2, ч. 1. М., 1918; вып. 2, ч. 2. М., 1929.

Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ Ф. И. БУСЛАЕВА

«Итак, приступаю к своим рассказам,— писал Ф. И. Буслаев.— В них вы найдете всего вдоволь: забавное и трогательное, веселое и серьезное, смешотворное и скорбное, даже ужасное, вполне трагическое»¹. Ученый очень точно определил характер своих мемуаров, представляющих собой именно живые рассказы о пережитом и прежде всего о людях, с которыми ему в течение своей долгой жизни приходилось встречаться, причем о самых разнообразных людях,— провинциальных учителях, студентах и профессорах Московского университета, общественных деятелях, писателях, революционерах, представителях аристократического общества, крупных чиновниках, членах царской семьи. Тут же и рассказы о зарубежных путешествиях, быте русской провинции середины XIX в., литературной и общественной жизни Москвы и Петербурга, рассказы о своей педагогической и научной работе. Мемуары эти Буслаев не писал, а диктовал, вернее увлеченно рассказывал своим друзьям.

Язык, литература, народное творчество, изобразительное искусство, история — вот круг интересов Федора Ивановича Буслаева, крупнейшего русского ученого прошлого века (1818—1897), основоположника русской филологической науки. Буслаев прожил долгую и деятельную жизнь ученого, литератора, педагога — 43 года он преподавал в Московском университете, много путешествовал, был знаком с многими выдающимися людьми своего времени.

В конце 80-х годов зрение Буслаева заметно ослабло, и ему пришлось отказаться от обычной своей работы. По совету одного из своих друзей, он, после некоторых колебаний, решил диктовать свои воспоминания. Работа эта целиком захватила его, и он с увлечением занимался ею в течение трех лет (1889—1891 гг.). Так была создана известная книга «Мои воспоминания», которую Буслаев посвятил своим ученикам и ученицам. Главы этих воспоминаний печатались в «Вестнике Европы»² еще при его жизни. Отдельное издание «Моих воспоминаний» вышло уже после смерти Ф. И. Буслаева³.

Летом 1893 г. на даче Буслаев снова много рассказывал о прошлом своим спутникам на прогулках. Один из его друзей (очевидно, В. Г. фон-Бооль.— Э. П.) начал сам записывать его рассказы и однажды прочел ему его же рассказ, прося позволения после каждой беседы с ним записывать и потом прочитывать ему слышанное от него. Федор Иванович не

¹ Ф. И. Буслаев. Дополнение к «Моим воспоминаниям» (далее «Дополнение...»). Рукопись. Архив ГЛМ, ф. 348, п. 2, стр. 44. (Здесь и далее — пагинация Буслаева, так как его архив полностью не обработан).

² «Вестник Европы», 1890, № 10, 12; 1891, № 4, 7, 10, 11; 1892, № 2, 3.

³ Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. М., 1897.

только согласился на это, но даже взялся сам диктовать ему различные события, не вошедшие в отпечатанные уже «Мои воспоминания»⁴. С этого времени Буслаев систематически (с 24 августа 1893 г. по 1 марта 1896 г.) раз, а иногда и два раза в неделю снова диктовал свои воспоминания, в результате чего появилась объемистая (406 стр.) рукопись, которую он сам озаглавил «Дополнение к Моим воспоминаниям». Четыре главы из этих дополнений были напечатаны при его жизни⁵. В предисловии к отдельному изданию «Моих воспоминаний» издатель их В. Г. Фоп-Бооль, которому Буслаев посвятил «Дополнение», признает «печатание „Дополнения“ в полном виде пока неудобным»⁶.

Несколько лет тому назад удалось обнаружить рукопись «Дополнения», представляющую собой толстую тетрадь, написанную двумя почерками с пометками, сделанными рукой Буслаева и озаглавленную «Дополнение к „Моим воспоминаниям“, недопущенное мною в печать». Рукопись эта хранилась у родственницы жены внука Буслаева, К. П. Михайловой, которая, узнав, что эта рукопись представляет научный интерес, охотно передала ее и целый ряд других материалов зимой 1960 г. в Государственный Литературный музей⁷.

В «Моих воспоминаниях», хорошо известных историкам и литературоведам, перед читателем раскрывается научная жизнь целой эпохи и прежде всего Московского университета, с которым автор был связан в течение нескольких десятилетий. Буслаеву было 16 лет, когда он в 1834 г. отправился из Пензы в Москву держать экзамен в университет. Читать лекции в университете он кончил в 1881 г.

Очень интересны главы воспоминаний, посвященные быту казеннокоштных студентов 30-х годов. Наряду с описанием общежития, распорядка жизни студентов, их взаимоотношений с начальством и друг с другом, развлечений и пирушек Буслаев вспоминает о ряде событий, имевших большой общественный резонанс; так, очень живо он пишет о том, как однажды, когда студенты пришли в излюбленный ими трактир «Железный», половой Арсений опрометью бросился к ним и вместо трех пар чаю поднес им номер «Телескопа»: «„Вот, говорит, вчера только что вышел, прелюбопытная статейка, все ее читают, удивляются, много всякого разговора“». Это была знаменитая статья Чаадаева⁸. Так же живо описан известный эпизод, как Надеждин получил за картами у цензора разрешение на издание номера «Телескопа» с «Философическим письмом» Чаадаева⁹.

30-е годы были переломными в жизни университета. «Наше студенчество от 1834 г. по 1838,— пишет Буслаев,— было настоящей эрою, которая отделяет древний период истории Московского университета от нового... По ту сторону этой грани старое здание университета, старые профессора с патриархальными нравами и обычаями и такая же старобытная администрация, доведенная к концу до самодурства, а по эту сторону — новое здание университета, отмеченное и на его фронтоне 1835 годом, целая фаланга новых и молодых профессоров, только что воротив-

⁴ Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, стр. VII.

⁵ Ф. И. Буслаев. I. Из дополнений к «Моим воспоминаниям». «Почин». Сборник Общества любителей российской словесности на 1896 г. М., 1896, стр. 34. Главы: «Эпизоды из истории Московского университета», «Трехдневное празднование во Флоренции пятисотлетнего юбилея Данта Алигери», «О двух священнослужителях при русских посольствах за границей»; Римская вилла кн. З. А. Волконской; его же. Из моих воспоминаний. «Вестник Европы», 1896, № 1, стр. 5—32.

⁶ Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, стр. VIII.

⁷ Ф. И. Буслаев. Дополнение...

⁸ Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, стр. 19.

⁹ Там же, стр. 21.

шихся из-за границы, где обучались каждый по своей специальности, а одновременно с ними вместе явился и новый тоже молодой (всего сорока лет) попечитель Московского учебного округа граф Сергей Григорьевич Строганов...»¹⁰ Среди многочисленных портретов профессоров, точно очерченных Буслаевым, мы видим «старожилов чудаков», которые удивляли и забавляли студентов своими причудами; среди них Буслаев упоминает М. Т. Каченовского. В среднем поколении профессоров он называет И. И. Давыдова, по указанию и совету которого он впервые познакомился с трудами В. Гумбольдта, оказавшими, как он говорит, «решающее влияние» на его ученые работы.

Интересны страницы воспоминаний, посвященные Н. И. Надеждину, С. П. Шевыреву и М. П. Погодину. Перед нами встает молодой, худенький, чернявый, со впалой грудью и большим носом, с темными волосами, спускающимися на высокий лоб, Надеждин. Он читает, зажмурившись, раскачиваясь, махая головой, и его размашистая речь льется «бойкая, рьяная, цветистая и искрометная, „как горный кипучий поток“»¹¹. Глубокое впечатление произвели на Ф. И. Буслаева лекции Шевырева: каждая из них представлялась ему «каким-то просветительным откровением, дававшим доступ в неисчерпаемые сокровища разнообразных форм и оборотов нашего великого и могучего языка»¹². От Погодина Буслаев впервые узнал о Якове Гримме, который оказал, как он сам об этом свидетельствует, огромное влияние на него как ученого. Погодин же научил его читать и определять старинные рукописи. Страницы, посвященные Погодину, пронизаны «безграничной благодарностью» к нему. Среди молодых профессоров Буслаев называет высокоодаренного Печорина, изящного и любезного профессора римской словесности Крюкова, историка римского права Крылова. Бодянский и Грановский появились в Московском университете уже после того, как Буслаев окончил университетский курс.

Значительное место в воспоминаниях уделено времени, когда Буслаев был домашним учителем в семье барона Л. К. Боде и одновременно сверхштатным учителем русского языка во Второй московской гимназии.

Большую роль в жизни Буслаева сыграла его двухгодичная поездка в Италию с семьей графа Строганова, детям которого он давал уроки. Не удивительно, что этому путешествию посвящено восемь глав «Воспоминаний», в которых во всей широте проявляется характерное для Буслаева умение видеть, познавать, обобщать, учиться.

Много внимания уделяет Буслаев в своих воспоминаниях славянофилам; к идеям и убеждениям их он был равнодушен, но ценил их «нравственные достижения, безукоризненную чистоту их помыслов, гордую независимость духа, соединенную с милым простодушием, иногда доходящим до детской наивности»¹³. Таковыми представляются Буслаеву К. С. Аксаков и П. В. Киреевский. Подробно описывает Буслаев дом Киреевского на Остоженке, убогую обстановку и деревенскую бабью коробку под замком. Буслаев приводит следующее свидетельство Киреевского о ее содержимом: «...Здесь хранятся народные песни, былины и духовные стихи, которые много лет я собирал повсюду, где случилось бывать. Между ними много и таких песен, которые записаны моими друзьями и знакомыми. Вот эту папку дал мне сам Пушкин и при этом сказал: „Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам“. И сколько ни старался я разгадать эту загадку,— продолжал Киреевский,— никак не мог сладить. Когда это мое собрание

¹⁰ Там же, стр. 108—110.

¹¹ Там же, стр. 123.

¹² Там же, стр. 125.

¹³ Там же, стр. 212.

будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные»¹⁴. Буслаев отмечает неукротимую пылкость К. С. Аксакова, «которая дает великую силу страстно любить друзей и презрительно ненавидеть врагов»¹⁵.

С наименьшей симпатией Буслаев говорит и о западниках, особенно о Т. Н. Грановском¹⁶. Говоря о славянофилах и западниках, рисуя их разногласия, Буслаев утверждает, что решительно не мог назвать себя западником, но «постолько же не мог назвать себя славянофилом», и что он, оказавшись волей судеб между этими двумя «враждующими партиями», воздвиг себе „крепостцу“, в которой и отсиживался, избегая ударов»¹⁷.

Воспоминания Буслаева широко известны, нет нужды их пересказывать. Я напоминаю лишь об их характере и содержании, чтобы показать органическую связь с ними малоизвестного «Дополнения». Поскольку лишь четыре главы «Дополнения», как уже указывалось выше, опубликованы, я позволю себе привести некоторые, на мой взгляд наиболее существенные для истории русской науки, рассказы Буслаева целиком.

Как известно, в молодости Буслаев давал уроки детям графа С. Г. Строганова, с которым и в дальнейшем был связан по своей работе в университете и который был чрезвычайно расположен к молодому талантливому ученому. Строганову и его сыновьям посвящены многие страницы воспоминаний. С семьей графа Строганова Буслаев совершил, как уже упоминалось, свое первое заграничное путешествие, подробно описанное в «Воспоминаниях». В «Дополнении» мы находим один любопытный эпизод, характерный для чопорного быта высшего общества XIX в. и вместе с тем очень характерный для самосознания молодого, образованного разночинца, попавшего в аристократическую среду. Привожу его целиком: «Главным действующим лицом в моих воспоминаниях граф Сергей Григорьевич Строганов, а о графине я упоминаю только вскользь и то редко. Несмотря на самое сердечное желание заслужить ее благосклонность ко мне, в течение всего семилетнего проживания у них в доме не удостоился от нее ни малейшего знака внимания. Она не только ни разу не явилась в классную комнату своих дочерей во время моего с ними урока, но даже никогда и не спрашивала меня, что и как я им преподаю. Мне всегда казалось, будто ей обидно и противно, что какой-то учительшика проживает в ее доме и еще позволяет себе унижать ее дочерей, требуя от них внимания, сидя с ними рядом во время урока. Мне было очевидно, что она ставила меня ниже своих горничных и лакеев. С ними она говорила снисходительно и иногда даже ласково. Я ее видел только за завтраком, обедом и ужином, — когда я входил в столовую, отвечивал ей почтительный поклон, она же или не заметит, глядя мне прямо в лицо, а то круто отвернется, будто от какой погани. Как раз через год после моего вступления в должность наставника в доме Строгановых... однажды, после ужина, по принятому обычаю, мы сидели в гостиной — графиня на диване, налево от нее в креслах ее две дочери с гувернанткой Дюран, а направо оба ее сына, их гувернер Тромпеллер и я. Это официальное сиденье продолжалось обыкновенно полчаса и было неизменно скучно, потому что было решительно безмолвно. Но на этот раз безмолвие было нарушено самой необычайной выходкой. Графиня привстала и громко проговорила, обращаясь ко мне: «Федор Иванович, ступайте вон, я не могу на вас смотреть». Решительно не помню, как я вышел, как очутился на прекрасной вышке в своей комнате, что я чувствовал и как, наконец, лег на кровать.

¹⁴ Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, стр. 293.

¹⁵ Там же, стр. 294.

¹⁶ Там же, стр. 299.

¹⁷ Там же, стр. 300.

Помню только, что меня сильно была лихорадка и я всю ночь не смыкал глаз. Это была только одна бессонная ночь во всей моей жизни.

Мои уроки с сыновьями графа были от 9 до 11 часов, а с дочерьми от 11-ти до 12-ти. Поутру перед уроками я направился в комнату моих учеников и сказал Тромпеллеру, что уроки давать не буду, будучи осрамлен перед ними вчера вечером так беспощадно, потом пошел в отделение девиц и то же самое передал м-ше Дюран и вместе с тем попросил ее, чтобы она доложила графине о крайней необходимости видеть мне ее, как только она выйдет из своей спальни. Я ждал более двух часов, наконец, она вызвала меня через м-ше Дюран, которая должна была проводить меня к ней. Прихожу, графиня стоит посреди комнаты, вся дрожит и долго от слез не может выговорить ни слова. Наконец спрашивает, почему я принял такое решение. Бедняжка! Ей и в голову не могло прийти, что она меня обидела и поставила в невозможность учить ее дочерей. Тогда я хладнокровно и вежливо заявил ей, что я сегодня же оставляю Сорренто и немедленно возвращусь в Москву. Это ее поразило как громом, она даже вскрикнула в каком-то ужасе: „Боже мой, что же скажет граф!“ — „А, голубушка, — подумал я, — попалась на удочку, теперь расхлебывай“. Она теперь стала умолять меня, как поправить дело. Я отвечал ей, что это очень просто и легко. „Вы обидели меня перед вашими детьми и перед ними же должны просить у меня прощенье, этим вы смаете позор с их учителя, и они будут уважать меня“. Комедия примирения должна была совершиться в два часа перед самым обедом. Все мы расселись за столом. Хорошо пришлось кстати, что по принятому обычаю я сидел за столом в Сорренто на заднем конце, а графиня как раз против меня на переднем. При полнейшем молчании графиня поднимается и говорит: „Федор Иванович, вы желали, чтобы я при детях попросила у Вас прощенье: извините меня“. Я, разумеется, выслушал это извинение тоже стоя и ответил ей: „Я еще более виноват, что поставил необходимым условием остаться мне в Италии это прискорбное для меня объяснение“. Теперь, если вы спросите меня, отчего сыр-бор загорелся, то скажу вам, что я и сам тогда не знал этого, и только гораздо после мне было сообщено, что я совершил тяжкое преступление против великосветского этикета: вместо того, чтобы сидеть не шелохнувшись и, сложя руки, смотреть на них, я осмелился вынуть из кармана свои часы и справиться, который час¹⁸.

К деятельности Буслаева в качестве домашнего учителя в доме Строганова относятся и его рассказы о том, как он занимался с младшим сыном графа Григорием, как читал с ним классическую литературу, водил его на занятия в Первую московскую гимназию и между прочим приучил его не бояться «простонародной толпы». Для этого он водил своего воспитанника на народные гулянья под Новинским. В связи с этим Буслаев описывает балаган, «на подмостках которого паяц своими балагурными выходками и кривляниями потешает невзыскательных зрителей», и само гулянье: «В то далекое время ни деревьев, ни каменного здания для базара еще не было, а шла только довольно широкая дорога, огражденная с обеих сторон перилами от Кудринской площади до Смоленского рынка. И справа и слева этого гулянья вдоль домов медленно катались в экипажах преимущественно дамы в нарядных костюмах как из среднего сословия, так, особенно, и из высшего: последние обыкновенно между завтраком и обедом от часа до четырех. В эту пору их кавалеры по большей части рассаживались на террасе ресторана, стоявшего близ Кудринской площади, и за столиками пили чай или кофей или завтракали, сопровождая свои порции водкой и разными французскими винами. Другие просто

¹⁸ Ф. И. Б у с л а е в. Дополнение..., стр. 49—29.

сидели, обратясь к стороне катающихся и курили сигары, так как не только на улице, но и на самом гулянье курить тогда не дозволялось. За рестораном шли балаганы с комедиантами, потом качели разных сортов и, наконец, палатки с пряниками, орехами, винными ягодами, печеными яйцами и другими дешевыми яствами для простонародья; что же касается до кабаков, то они позволялись только вне гулянья в домах, идущих по Подновинскому и с обеих сторон»¹⁹.

Много места в своих воспоминаниях Буслаев уделил и семейству Васильчикова, где давал уроки сыну и читал лекции по литературе самой хозяйке, ее дочери и ее приятельнице госпоже Карлгоф. В «Дополнении» он приводит очень смешной эпизод из этих чтений, рассказанный с мастерством заправского новеллиста: «Иногда я что-нибудь читал из журналов и газет, преимущественно помещавшиеся в них мелкие стихотворения. В это время отец семейства Алексей Иванович разваливался на большом диване в гостиной и, накрыв лицо носовым платком, преспокойно засыпал, а мы, я и мать с дочерью и с двумя сыновьями, садились у стола у другого дивана. Когда я читал, Петр Алексеевич, юноша лет шестнадцати, обыкновенно садился рядом со мной и следил глазами за тем, что я читал. Однажды я читал стихотворение Каролины Карловны Павловой, жены известного автора так называемых „Трех повестей“, запрещенных тогда цензурою. Эта дама, большая охотница сочинять стихи, была коротко знакома с Васильчиковыми. Я уже давно подметил тайну ее стихотворства, состоящую в подборе звонких рифм, безо всякого внутреннего содержания и логического развития мысли и не раз проверял свою критику, прочитав ее стихотворения сверху вниз, т. е. с первой строчки до последней, и потом снизу вверх, т. е. с последней строки до первой, и у меня выходил один и тот же общий смысл, состоящий из отдельных мыслей, вытекающих одна из другой. Этот свой метод я употребил и для моих слушателей в семействе Васильчиковых, т. е. из одного стихотворения сделал два, и моей публике оба они очень понравились. Петр Алексеевич, следивший за моим чтением глазами, расхохотался. Когда прочие узнали в чем дело, попросили меня повторить мой опыт, и когда я исполнил их желание, все так громко расхохотались, что разбудили дремавшего старика Алексея Ивановича. На его вопрос о причинах общего веселья, ему объявили о необыкновенном искусстве, с каким я умею читать стихотворения Каролины Карловны. Это дело так бы и осталось втуне, если бы не произошел следующий курьезный скандал, который мне потом рассказал по секрету Петр Алексеевич.

Однажды в бельэтаже Большого театра в одной ложе сидели Васильчиковы, муж и жена со своими детьми, а в другой, неподалеку от них, Павловы с кем-то из своих знакомых. Во время антракта Васильчикова говорит своему старику: «Окажи внимание Каролине Карловне и скажи ей что-нибудь приятное». Павловы очень внимательно приняли Алексея Ивановича, но когда он сказал несколько слов, Каролина Карловна вдруг круто отвернулась от него и закрылась веером. Старик постоял немножко и вышел из ложи. Когда Васильчикова спросила своего мужа, что такое произошло в ложе Павловых, он ответил: «Право не знаю, я желал сделать ей комплимент и рассказал, с каким удовольствием прочитываются стихи ее, и сверху вниз, и снизу вверх»²⁰.

А. И. Васильчикова — любительница литературы и искусства — часто устраивала литературные чтения и стремилась окружать себя обществом литераторов и ученых. Старший ее сын был отсталым в умственном отно-

¹⁹ Ф. И. Буслаев. Дополнение..., стр. 166, 167.

²⁰ Там же, стр. 232—237.

шении, косноязычным юношей. По рекомендации Жуковского Васильчикова пригласила к нему в качестве воспитателя и учителя Н. В. Гоголя. Со слов графа Соллогуба Буслаев рассказывает об этих занятиях: «Обоим им дано было особое помещение, комнаты три или четыре, а занимались ученик с учителем в самой задней из них, которая, по строгому приказанию Гоголя, глухо наглухо затворялась толстою дверью так, чтобы никто из посторонних не мог войти в нее. Впрочем в соседнюю комнату долетали кое-какие несвязные звуки: то кричат звери, то поют птицы, то раздается хохот наставника и его ученика. Впоследствии оказалось в чем дело. Гоголь знакомил своего ученика с божьим миром: с водою и землею, с травами, цветами и деревьями, с зверями и птицами и все это по картинкам. Берут, напр., изображение быка. Гоголь мычит: мууу! за ним то же повторяет и ученик его. Показывается кошка или собака, Гоголь кричит, а за ним его ученик: мяу! гам-гам! и т. д.»²¹.

В «Дополнении» мы находим ряд самостоятельных новелл, которые Ф. И. Буслаев, очевидно, намеревался включить в основной текст своих воспоминаний. Так, в «Моих воспоминаниях» Буслаев много рассказывает о митрополите Филарете, с которым его, так же как и графа Строганова, объединял общий интерес к древнерусской живописи. В «Дополнении» Буслаев снова вспоминает несколько анекдотов о Филарете, которые были ему сообщены графом Строгановым²².

«Однажды в стенах Троицкой лавры произошло прискорбное событие, которое, будучи сообщено в тайне правительственным властям, прошло без публичной огласки, не возбудив соблазнительных толков и нареканий. Дело было в том, что у одного монаха в келье оказалась повешенной какая-то молодая женщина. По этому поводу между собеседниками завязался разговор о том, какие принять решительные меры для охраны троико-сергиевой братии от всяких неблаговидных поступков. Высокопреосвященный владыка очень затруднился в благоприятном решении этого вопроса: «Если удалить из Лавры молодых и крепких монахов и оставить одних пожилых старцев,— так говорил он,— то она лишится торжественного великолепия церковной службы, которое главнейшим образом привлекает в нее московскую публику, потому что тогда пришлось бы отказаться от благозвучных голосов, необходимых для протодиаконов, протодиаконов и певчих. Порча нравов Троицкого монашества происходит не от самих монахов, а от непростанного наплыва публики, который превращает тихую и скромную обитель в ярмарку с толкучим рынком. Я знаю там несколько монахов весьма сомнительного поведения, но замени я их другими, более благонадежными, через год, много через два и те так же испортятся».

Другой, не менее яркий, рассказ связан с увлечением высшего общества спиритизмом,— рассказ о том, как к митрополиту обратилась одна из великосветских дам за советом и назиданием, чтобы он вразумил ее, можно ли верить stolovercheniyam и, если в этом гадании действует сверхъестественная сила, то какая именно — добрая и святая или злая и дьявольская. «Филарет разрешил эту загадку в пользу дьявола и сверх того удостоил даму очень обстоятельным письмом по этому предмету».

Буслаев сообщает несколько эпизодов, характеризующих отношения Филарета с его подчиненными и прислугой. «У него для выездов был служка, молодой и ражий детина высокого роста, частенько зашибавшийся хмельком. Обыкновенно он водил митрополита под руку и особенно когда всходили на лестницу. Однажды, когда они взбирались по ступеням у нас, в квартире графа Сергея Григорьевича, митрополит добродушно

²¹ Там же, стр. 238—240.

²² Там же, стр. 149—162.

сказал своему службе: „Не знаю, братец, кто кого ведет на лестницу, ты меня или я тебя“. Это слышал наш швейцар и потом передал мне. Вообще Филарет был до баловства снисходителен к своей прислуге. Ложился он спать довольно рано и только что успокоится в задних комнатах, начиналась веселая попойка с возней и шумом, который иногда будил самого Филарета; он вставал и выходил к гулякам с выговором. Это мне передавал его домашний секретарь, с которым я довольно коротко был знаком».

Любопытен рассказ об «отеческом», как представлялось Буслаеву, отношении Филарета к современным ему литераторам: «Алексей Дмитриевич Галахов в сороковых и пятидесятых годах текущего столетия сочинял повести, которые печатались в журналах. В одной из них он представил идеальный очерк молодого человека, наделенного всеми дарами природы — умного, вполне просвещенного, в высшей степени доброго и великодушного, безукоризненно нравственного и непоколебимо честного. Ко всем другим высоким качествам была присоединена в повести довольно заметная черта, которая давала им особенный склад и характер. Этот молодой человек был атеист и, конечно, почерпал себе назидания не из Евангелия. Само собою разумеется, что это не было высказано в такой грубой и резкой форме, чего не допустила бы и цензура, но читалось ясно, скользая между строками. Повесть эта обратила на себя внимание Филарета и он пригласил к себе Галахова на собеседование.

Принял его митрополит вежливо, обращаясь к нему на „вы“, потому что только своим подчиненным из белого и черного духовенства он говорил „ты“. Посадил его на диван рядом с собою, чтобы удобнее было указывать места в повести, помещенной в журнале, который он держал в руках. ...Сначала Галахов кое-как лавировал между подводными камнями, которые строгий критик и цензор метал ему под ноги, но, наконец, воодушевившись диспутом, позабылся и начал доказывать православному иерарху, что можно быть вполне добродетельным и нравственным и вместе с тем не исповедовать христианской веры, что Сократ, Платон и Аристотель, хотя и язычники, были люди высокой нравственности, ничем не отличаясь в своих добродетелях от христиан. Высокопреосвященный терпеливо предоставил Галахову высказаться до конца и потом тихо сказал ему: „Ну, теперь пошел вон!“, что мне передал митрополичий секретарь, который слушал всю эту беседу, стоя у притворенных дверей, чтобы быть наготове, когда Филарет его вызовет звоном колокольчика, как это было принято у них всегда во время аудиенций».

В «Воспоминаниях» Буслаев, говоря о министрах народного просвещения и попечителях Московского учебного округа, упоминал С. С. Уварова, С. Г. Строганова и С. М. Голицына, помощником которого был Д. П. Голохвастов. В «Дополнении» он дает любопытные портреты Голохвастова, Назимова, Ширинского-Шихматова, раскрывая этим очень важную страницу русского просвещения. Д. П. Голохвастов стал попечителем Московского университета, когда Строганов вышел в отставку. Строганова, а также Буслаева, Голохвастов терпеть не мог. Перед защитой своей магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык» Буслаев явился к Голохвастову, чтобы лично поднести ему книгу. Рассказ об этом посещении относится к числу наиболее ярких страниц «Дополнения». «Он тогда жил на Тверском бульваре по правую сторону, если идти от Страстного монастыря, в своем огромном каменном доме, в углублении обширного двора, отделенного от мостовой решетчатым забором, с двумя каменными же двухэтажными флигелями по ту и другую сторону ворот. За передним двором был по ту сторону дома еще другой, задний, окруженный конюшнями и другими службами. Голохвастов имел свой конский завод, который между знатоками славился многими породистыми экзempl-

лярами, как например, знаменитый в те времена жеребец по прозвищу „Бычок“. Когда с завода приводили коней в Москву, их гоняли по этому заднему двору, а Дмитрий Павлович со своею супругою из окна на них любовались...

Вообще этот попечитель жил со своею женой в любви и совете. Он был большой краснбай, и жена его обыкновенно подслушивала у двери его витиеватые речи, которыми он щеголял перед являвшимися к нему подчиненными. Последнюю подробность я привожу потому, что в течение моей аудиенции у Голохвастова, продолжавшейся более часу, я слышал неоднократно у самой двери шуршание женского кринолина. Итак я сидел, помнится, с перепуга на самом краешке стула, а он сидел за письменным столом и разглагольствовал. Начал он с того, что давно и постоянно следил он за моими печатными изданиями и чрезвычайно ими недоволен: везде самохвальство и ниспровержение общепринятых порядков и авторитетов; особенно он был недоволен моею книгой «О преподавании отечественного языка», которой я преступно посягаю на авторитеты таких грамматистов, как Булгарин и Греч. Из такого обращения со мною Голохвастова я увидел ясно, что его недовольство обращалось столько же на меня, как и на графа Строганова, по заказу и содействию которого я составил мое педагогическое исследование о преподавании отечественного языка»²³.

Не менее колоритной фигурой был и попечитель Московского учебного округа генерал-адъютант Назимов. Будучи учителем военного фронта цесаревича, он получал удвоенное жалование попечителя, ежегодную пенсию в 20 тыс. и по своему усмотрению мог распоряжаться доходами Московского университета. «Награжденный такими благостями, этот попечитель распоряжался в своем учебном округе, как полновластный помещик или древнерусский воевода в своем удельном ведомстве. Он даже собирал дань с своих подчиненных. Первая московская гимназия снабжала освещением его квартиру, находившуюся на Садовой, около Вдовьего дома. Однажды вечером, явившись по какому-то делу, я своими глазами видел, как эконоом этой гимназии, в форменном фраке, перепрыгивал с одного стула на другой, наблюдая, хорошо ли горят зажженные им лампы.

Эконом казеннокоштных студентов должен был снабжать домашнее хозяйство попечителя казеннокоштным ржаным хлебом, квасом и несколькими нудами разного варенья. Однажды, когда Назимов жил на даче в Химках, ему для чего-то понадобилась телега, и казеннокоштные студенты снабдили его и своею телегою. Этого мало: он брал оброк и барщичной. Так он взял к себе в дом молодого кандидата в качестве гувернера своих детей и за его труды самоуправно назначил его адъюнктом на кафедру физики. Это был Любимов, в настоящее время известный ученый и литератор. Домашним врачом, тоже безвозмездным, назначил он для своего семейства и домочадцев субинспектора Климентова.

В годичные праздники, именно в день св. Татьяны и на Пасху после заутрени и ранней обедни, он устраивал на казенный счет пир на весь мир. Особенное счастье выпало на долю Назимова пожить в университете казною на празднование столетнего юбилея Московского университета, 12 января 1855 года. Были сотни приглашенных всякого люда. Шампанское лилось рекою. Мы, профессора, как хозяева, должны были угощать публику в назначенных нам местах и провозглашать тосты»²⁴.

Вспоминает Буслаев и о помощнике Назимова В. Н. Муравьеве, который обращался с профессорами университета, «как с подъячими губернского управления».

²³ Ф. И. Б у с л а е в. Дополнение..., стр. 282—286.

²⁴ Там же, стр. 287—290.

Очень характерны эпизоды «Дополнения», рассказанные о министре народного просвещения Ширинском-Шихматове. Император Николай Павлович знал вновь назначенного министра как исполнительного и ревностного служаку, впрочем весьма ограниченного ума, находя этот выбор вполне соответственным его планам и намерениям лично заведовать делами по важным вопросам народного образования своих подданных. По принятому обычаю, каждому из министров дан был в неделю свой день для доклада государю императору. Являлся в свою очередь и Ширинский-Шихматов. Входя в кабинет, он останавливался у двери с своим портфелем под мышкою и дожидался, пока император, занятый своим делом, наконец взглянет на него и скажет ему: „А! это ты? Ну, здравствуй! Клади свой мешок вот тут на стул и прощай“. Эту подробность мне сообщили со многими другими издатель „Отечественных записок“ Краевский.

Ширинский-Шихматов был необычайно набожен, скреплял свое православное благочестие разными суеверными причудами. Первого числа каждого месяца в его квартиру в здании министерства народного просвещения должен был являться приходский священник и служить молебен с водоосвящением и потом все до одной комнаты окропить святою водою и в особенности очистить ею же все печки и камины, дабы изгнать из них домового с его бесовскою челядью.

Из его распоряжений в пользу процветания наук у меня остался в памяти курьезный циркуляр, которым строго воспрещалось подвергать критике и сомнению без малейших исключений все то, что передает Нестор в своей летописи, потому что нашей церковью он причислен к лику преподобных и, как святой, ошибаться не мог.

В заключение об этом редкостном чуде я с особенным удовольствием сообщу вам, что получил от этого благочестивого министра строжайший выговор, переданный мне официально ректором университета Альфонским за мое сочинение: „Русские пословицы и поговорки“, напечатанные в „Архиве историко-юридических сведений“, издававшемся профессором Калачевым. Я обвинялся в злостном намерении посягнуть на добрые нравы нашего православного народа, чему доказательства приведены — из моей монографии три пословицы: „Дети отца бьют — в запас себе пасут“, „Мила жена, как к венцу ведут, да как вон несут“ и „Слава богу! батюшку с матушкой схоронил, как с поля убрал“²⁵.

Лучом света в этом темном царстве, по мнению Буслаева, кроме С. Г. Строганова, был почитатель Московского учебного округа Н. В. Исаков, исключительно образованный человек, знаток античного искусства, друг многих университетских профессоров. Н. В. Исаков много сделал для знаменитого Румянцевского музея. Это дало повод Буслаеву попутно дать несколько страниц из истории музея и вспомнить о деятельности ряда лиц, связанных с ним. Исаков добился перевода музея в Москву и отдал под музей Пашковский дворец, принадлежавший ведомству Московского учебного округа. Стараниями Исакова коллекции музея были значительно увеличены. К рукописным сокровищам музея он присоединил: художественное отделение, состоявшее из копий и частью оригиналов византийской и древнерусской иконографии и церковной утвари; отделение новейшей русской живописи — драгоценное собрание картин, принадлежавших Прянишникову, «с присовокуплением образцового произведения живописца Иванова под названием „Явление Христа“»; библиотечное отделение, составленное из собрания старопечатных книг и рукописей Норова и из великолепных экземпляров собственной библиотеки императрицы Александры Федоровны, и многое другое.

²⁵ Ф. И. Буслаев. Дополнение., стр. 293—298.

«Когда Исаков оставил Москву,— пишет Буслаев,— будучи назначен главным начальником военно-учебных заведений, заведование Румянцевским музеем было предоставлено Василию Андреевичу Дашкову. К сказанным отделам этого музея он присоединил этнографический, состоящий из восковых кукол, в натуральную величину человечков, одетых в восточные костюмы разнообразного покроя и с соблюдением всех характеристических особенностей местных жителей из всех областей нашего великого отечества. Мысль об основании такой этнографической выставки, кажется, принадлежит зятю Дашкова, князю Григорию Григорьевичу Гагарину, который еще в 1860-м году сообщил мне о своем намерении устроить именно такой музей при Академии художеств, которая состояла тогда под его управлением.

Вполне предавшись размножению восковых фигур, Дашков оставил без всякого внимания все прочие отделы музея и суммы, назначаемые поровну на все отделы, он расходовал только на свой излюбленный этнографический. Этим вполне угодил московскому простонародью, которое по воскресеньям переполняет залы восковых фигур. Для продолжения истории Румянцевского музея под управлением Дашкова я должен сказать несколько слов о знаменитой рукописной библиотеке Виктора Ивановича Григоровича. Он собирал ее во время своего путешествия по Болгарии и Сербии в разных монастырях и церквях этих провинций, и особенно на Афонской горе. Рукописи эти валялись безо всякого присмотра на чердаках и в подвалах между разным хламом, и Григорович, желая спасти их на пользу науки, приобретал их чуть не даром, так как безграмотные сторожа довольствовались мелкими подачками на водку. Воротившись в Россию, все это собрание рукописей Григорович привез с собой. Нуждаясь в деньгах для пособия своим бедным родственникам, Григорович решился продать одну из своих рукописей, самую ценную по беспримерному изяществу множества украшавших ее миниатюр самого высокого византийского стиля ранней эпохи. Это была Толкувая Псалтырь по двойному письму палимнесом: раннее письмо, полинявшее и выцветшее, имеет характер мелкого устава и относится к ранней эпохе VIII-го столетия. По этому желтоватому фону полинявших букв в XII-м веке вся эта Псалтырь подновлена скорописью черного цвета. Что же касается до надписей на миниатюре, то они остались в их прежнем виде, т. е. в пожелтевшем уставном письме. Редакция этой превосходной иллюстрации относится к одному и тому же разряду с греческой рукописью Барберинской библиотеки в Риме и существенно отличается от редакций греческой псалтыри IX-го века в Парижской библиотеке и русских: Лобкова XIV-го века, изданной в снимках архимандритом Амфилохием, князя Вяземского XIV-го века и моей XV-го века, перешедшей в Петербургскую публичную библиотеку. Свою драгоценную Псалтырь Григорович продал какому-то букинисту всего за 500 рублей ассигнациями, по нынешнему счету 142 рубля сер. Барышник, воротившись в Москву, продал эту рукопись Лобкову за 1500 рублей ассигнациями. Когда Лобков умер, драгоценная Псалтырь Григоровича вместе с другими рукописями, тоже высокого достоинства, перешла по наследству его зятю генералу Егорову. Как военный служака, он не мог интересоваться рукописными редкостями и через посредство Алексея Егоровича Викторова предложил их Румянцевскому музею за пять тысяч рублей серебром. Викторов немедленно явился с докладом к Василию Андреевичу Дашкову, чтобы он вошел по этому предмету в сношение с генералом Егоровым. Дашков наотрез отказался почтить своим визитом Егорова, небрежно промолвя: „Ведь он продает свое добро, а не я: скажите ему, чтобы он явился ко мне“. Когда Викторов слова Дашкова передал по принадлежности, Егоров плюнул на Румянцевский музей и

всю эту коллекцию продал Хлудову, а этот последний, умирая, всю свою богатую библиотеку вместе с этими редкостями завещал библиотеке Преображенского кладбища. Впрочем, помимо Дашкова, своими личными стараниями Алексей Егорович Викторов впоследствии приобрел все лучшие рукописи Григоровича для Румянцевского музея всего за три тысячи рублей сер., пожертвованные на этот предмет Александром Ивановичем Космелевым, разумеется при усердном ходатайстве Викторова.

Поощряемый невнимательностью Дашкова ко всем прочим отделениям Румянцевского музея, за исключением этнографического, библиотекарь Евгений Федорович Корш совершил самый непростительный проступок. В подвалах музея были вороха книг, которые были в разные времена пожертвованы в это учреждение. Так они там и тлели. Однако надобно было очистить место, и Корш, признавая эти книжные вороха за дешевый хлам, решил продать их на вес в виде макулатуры. Покупателем явился книгопродавец Готье. И вот длинный обоз с книгами потянулся от Знаменки к Кузнецкому мосту. Готье в этих возах нашел множество драгоценных библиографических редкостей и большую их часть очень выгодно спустил за границу. Кто-то, кажется Бартенев, уведомил об этом скандале министра народного просвещения, который немедленно предписал директору Румянцевского музея воротить назад проданные книгопродавцу Готье книги. Этот последний прислал обратно уже действительно хлам, и то на немногих возах.

Как противно было Дашкову тратить хотя бы самую ничтожную сумму на приобретение рукописей, сообщу вам следующий анекдот. Однажды к Викторovu в музей приносит какая-то баба рукопись в лист весом с полпуда. Это была русская летопись XVII века, с любопытными вариантами и дополнениями. Викторov сейчас же купил ее за самую ничтожную сумму, всего за 10 рублей. Затем отправляется к Дашкову уведомить об этом интересном приобретении. Директор музея ответил ему, что на этот предмет у него нет запасных сумм. Так эту летопись Викторov и оставил у себя, а потом передал мне за те же 10 руб. В настоящее время она находится в императорской публичной библиотеке»²⁶.

Ко времени, когда Исаков был попечителем, относится знаменитое «Дрезденское побоище» (получившее свое название от гостиницы «Дрезден») — студенческий «бунт» 1861 г., о котором Буслаев писал и в своих «Воспоминаниях». В «Дополнении» он снова обращается к этому, как он говорит, «прискорбному событию в истории Московского университета» и упоминает, что при описании этой «катастрофы» в «Моих воспоминаниях» им было «многое недоговорено». По мнению Буслаева, бунт этот был вызван подстрекательством польских студентов и поводом послужило введение платы за обучение. В таком поверхностном объяснении студенческих беспорядков, связанных со всем революционным движением второй половины XIX в., явно сказывается политическая близорукость и неосведомленность Буслаева. Так же, как он отсиживался в «крепостце» во времена разногласий западников и славянофилов, так и позже Буслаев уходит в «академизм» от «тревожной» жизни университетской общественности. Тем не менее страницы его мемуаров, посвященные студенческому «бунту», представляют исключительно большой интерес для истории революционного движения.

«Бунт не вдруг разразился Дрезденскою катастрофою: извержению вулкана предшествовал дня три подземный гул. Хотя лекции продолжались, но аудитории видимо пустели; в сенях университетского здания во

²⁶ Ф. И. Буслаев. Дополнение..., стр. 298—316.

множестве толпились студенты и громогласно галдели, как никогда прежде.

В эти тревожные дни раз прихожу в университет, но не с тем, чтобы читать лекцию, а сказать с кафедры своим слушателям несколько успокоительных слов по тому поводу, что я услышал, будто студенты намереваются в огромной процессии идти на могилу Грановского, чтобы на ней произнести протест противу всех профессоров Московского университета. По счастью сказанное мною студентам „слово“ сохранилось в моих бумагах. Оно относится к 4-му октября 1861 года. Передаю его здесь сполна.

„Милостивые государи! Может быть, вы заметили, как тяжело было мне начать прошлую лекцию. Эту тяготу глубоко чувствую я и теперь, и она будет только возрастать, если я по поводу текущих событий искренне не объяснюсь с вами, прежде нежели буду продолжать скромное изложение нашей науки.

Без искренности и правдивости не может быть прямых отношений между преподавателем и его слушателями, потому что всякое укрывательство, облекающее себя молчанием, ведет к недоразумению и, следовательно, ко лжи, а ложь несовместима с назначением человека, который взял на себя священную обязанность преподавать истины науки.

Было время, когда только во имя науки скреплялся самый родственный, чистый союз между преподавателем и его слушателями. Сам я, милостивые государи, и умственно, и физически выросал в стенах этого дорогого для всех нас университета, и еще живо сознаю и теперь те чистые радости развивающейся мысли, которые вместе со счастливыми воспоминаниями молодости вынес я отсюда, чтобы почерпнуть в них свежие силы для опытов практической жизни. Другой связи с университетским преподаванием я не помню и до сих пор не знаю — может ли быть иная.

Между тем время вызывало тысячу новых интересов тревожной действительности, которые для большинства отодвигали науку на задний план. Может быть, эти интересы, направленные к решению жизненных, практических вопросов, чрезвычайно увлекательны, но будучи поспешно перенесены в стены университета, они должны были возбудить враждебное отношение между молодым поколением и наукою. Наука стала уже не связью между преподавателем и слушателями, а преградой, разобщающею их друг от друга.

Тревожные интересы действительности завладели умами университетских слушателей, от которых, будто в крепости, преподаватели скрылись в своей науке. Прямые, искренние отношения между университетской кафедрой и студентами нарушены.

Кто виноват? — Не знаю и не хочу об этом судить, потому что не затем, чтобы кого-нибудь обвинять, я решился объясниться с вами, а затем, чтобы откровенно выразить перед вами то безотрадное чувство, которое у меня лежит на сердце.

В этих воплях волнующейся молодежи — как бы они ни были оправдаемы — мне, скромному представителю мирной науки, слышится только глубокое оскорбление доселе неприкосновенным ее представителям, глубокое оскорбление тем, которые по своему крайнему разумению посвятили себя на пользу вашего образования. В движении студенческих масс носят слухи о каких-то преобразованиях университета, даже будто бы раздавались зловещие крики: быть или не быть университету.

Милостивые государи! Я решился быть откровенным и потому спрашиваю: почему после этого не раздаться роковым для нас кликам: быть или не быть всем этим теперешним профессорам в новом предполагаемом

университете, потому что они не принимали участия в его преобразованиях и боязливо выжидали, себялюбиво запершись в своей науке?

Милостивые государи! Разобщение университетской корпорации дальше этого идти не может. Это в тысячу раз хуже всяких свистков и грязи, которыми взыскательная толпа наказывает неприятных для нее ораторов.

Извините, милостивые государи, что я решился отнестись к вам с чистосердечной откровенностью. Этого настоятельно требовало оскорбленное чувство преподавателя, лекции которого устаиваете своим вниманием“.

Дня через два после этого публичного перед студентами изложения моих опасений воспоследовал роковой взрыв университетских беспорядков. Часов в одиннадцать, отправившись на лекции, я был остановлен громадной толпой народа и десятками экипажей, занявшими все пространство между Манежем и зданием университета с соседними домами. Пробравшись кое-как по тротуару, я вошел в университетский двор. Он также был переполнен, но только одними студентами. Пробраться внутрь здания по широкой лестнице главного входа не было никакой возможности от господствовавшей на ней тесноты. Надобно было кое-как обогнуть левый угол здания, чтобы войти со входа, ведущего в левое крыло, занимаемое аудиториями математического факультета. Обе залы, находящиеся между сенями этого крыла и другими, выходящими на главный вход, были переполнены профессорами с попечителем Исаковым, с инспектором и его помощниками. Надобно знать, что между передними сенями и ближайшею к ней залой находится небольшая швейцарская, в которой помещаются профессорские шинели и шубы. Эта комнатка в данное время служит нейтральным местом для переговоров между университетским начальством и студентами, которые тесной толпой во множестве собрались в этих передних сенях. Когда в эту комнатку выходил из профессорской попечитель университета со словами увещания, в толпе студентов поднимались резкие крики с гамом и завыванием, так что ничего, кроме угроз, нельзя было слышать. Из профессоров — хорошо помню — только один Бодянский дерзнул на переговоры с бунтующей молодежью. Он от природы был аляповат и груб, а вместе и смешон своими манерами и малоросским выговором. Только что он прокричал несколько слов, как студенты разразились громким хохотом и рукоплесканиями, которые повторялись всякий раз, как только Бодянский принимался кричать на них и ругаться; наконец, он плюнул и ушел в профессорскую.

Между тем университетский двор начал очищаться от студенческих ватаг, которые, выходя из ворот, направлялись налево, к Охотному ряду и Тверской. За этими толпами последовали и все прочие студенты, находившиеся в здании университета. Тотчас же вслед за этой массой выступила вооруженная рота солдат, предварительно помещенная в Манеже по распоряжению попечителя Исакова. За ротою потянулись экипажи и всякий пеший люд. Наконец, освободившись от засады, мы благополучно спустились по широкой лестнице во двор. На опустелом его пространстве кое-где были небольшие толпы человек в пять или шесть и о чем-то очень горячо спорили. Это были, как потом оказалось, главные коноводы восстания, которые заблагорассудили обеспечить себя от всяких неприятных случайностей.

Вышедши из университетских ворот, я узнал, что студенты отправились по Тверской к дому генерал-губернатора с заявлениями ему каких-то своих прошений и жалоб. Чтобы выбрать себе укромное местечко, откуда можно было бы видеть возвращение студентов по Тверской, я поместился в воротах у Иверской. Думаю, что я ждал не больше часа, как вдали заволновались толпы,двигающиеся назад вниз по Тверской. Пока я смотрел вдаль,

вдруг очутился передо мной Касаткин. Он из самых ранних прибежал с побоища, вероятно как один из главных подстрекателей, и немилосердно порицал генерал-губернатора и все прочие власти за жестокости к несчастным студентам, которых беспощадно колотили жандармы своими палашами»²⁷.

Страницы, посвященные университетским «беспорядкам», раскрывают перед нами образ профессора, не сочувствующего умонастроениям молодежи и вместе с тем чрезвычайно заинтересованного в ее жизни, в жизни университета, в судьбах науки в целом. Свидетельством этого является взволнованное обращение Буслаева к его слушателям, а также и то, что студенты толпятся в квартире у Буслаева и делятся с ним своими мыслями и переживаниями.

«Однако я должен довести до конца свой рассказ о Дрезденском погроме,— пишет он далее.— Дня через три после этого события у меня вечером собралось небывалое до тех пор множество студентов, особенно младших курсов филологического факультета. Зала, мой кабинет и гостиная были переполнены взволнованной молодежью. Всеобщее возбуждение выражалось спорами, громкими восклицаниями, шумом и гамом. Разобрать толком о чем спорили, судили и ряздили не было никакой возможности. Все же можно было понять, что главной темой было всеобщее недовольство: желали что-то в университетских порядках исправить, изменить, даже сломать, если встретятся препятствия. Из этой бестолковой сумятицы в моей памяти во всей свежести удержался один курьезный анекдот. Александр Иванович Кирпичников, впоследствии профессор всеобщей литературы, был тогда шестнадцатилетним юношей, только что поступившим из 1-й московской гимназии в наш университет. Заметив, как он горячится в кружке столпившихся около него товарищей, я подошел, чтобы послушать, о чем он разглагольствует своим тоненьким еще детским голосом. „Это не беда, что нас поколотили жандармы своими палашами,— говорил он, размахивая руками,— мы на то шли, чтобы сквозь препятствия добраться до высшего начальства столицы и предъявить свои нужды и жалобы, хотя и под градом наносимых нам ударов. Мы бы претерпели побои, если бы они были наносимы законным порядком: сначала жандармы должны были протрубить раз; если мы не уйдемся, они должны протрубить другой раз; если мы будем продолжать свое, они протрубят в третий раз, и затем уже имеют право наносить нам удары“»²⁸.

Кроме этого любопытного упоминания о Кирпичникове и его представлениях о необходимости соблюдения жандармерией рыцарских норм по отношению к студентам, заслуживают внимания слова Буслаева об уже упоминавшемся выше студенте Касаткине. Говоря о «чуждачествах» Касаткина, которые он называет «скандальными подвигами», Буслаев пишет: «...Надобно упомянуть его издание непристойных сказок, доставленных ему Афанасьевым, получившим их вместе с множеством других разнообразных материалов по русской народности из Русского географического общества. Вот заглавный лист касаткинского издания: „Русские заветные сказки. Молим с умилением аще кая неблагоискусны словеса и неблагопристойна или попользовенна некая потрешения в книге сей обрящутся, ни посуждати, ни поносити люботруждающихся“ Анфологион, 1643. Валаам. Типографским художеством монашествующей братии. Год мракобесия»²⁹. Так как история напечатания «Заветных сказок» до сих пор окончательно не выяснена, это свидетельство Буслаева имеет существенное историко-литературное значение.

²⁷ Ф. И. Буслаев. Дополнение..., стр. 316—328.

²⁸ Там же, стр. 332—334.

²⁹ Там же, стр. 328—330.

Большой интерес представляют воспоминания Буслаева о другом его ученике, сыгравшем значительную роль в русском революционном движении, а также в истории науки о народном творчестве, а именно об А. И. Худякове. Воспоминания эти тем более интересны, что сведения, которыми мы располагаем о Худякове, крайне ограничены: «Между деятелями этой категории³⁰ был один из моих учеников, студент Худяков, родом из Сибири. Он был очень беден и кое-как пробавлялся незначительною университетскою стипендиею, часто ходил в оборванном платье и в дырявых сапогах. В крайней нужде обращался ко мне за помощью, разумеется брал займы и всегда возвращал мне деньги в срок. Зная его крайнюю бедность, однажды летом я очень удивился известию, что Худяков на несколько недель был послан куда-то на Волгу. Я тотчас же догадался в чем дело, и когда в конце августа Худяков возвратился с Волги и явился ко мне на дачу в Кунцево, я напрямик сказал ему, что я хорошо знаю, зачем он разъезжал по берегам Волги. „Разумеется,— сказал я ему,— те, которые вас посылали, спасутся, а вас как исполнителя их воли могут повесить“. Он, бедняжка, побледнел и ни слова мне не ответил. Значит, я был прав. Эта угроза моя сбылась только наполовину: его не повесили, но послали на его родину в Сибирь, только в каторжную работу. Очень жаль было мне этого юношу, одного из лучших моих учеников. Он усердно занимался русской народностью и, будучи студентом первого курса, успел напечатать очень интересный сборник народных песен, сказок и пословиц. Вскоре после моего грозного предсказания он, не простившись со мной, оставил Москву и переселился в Петербург»³¹. Весной 1866 г. последовало покушение Каракозова на Александра II. Худяков, по словам Буслаева, ссудивший Каракозова деньгами и на приобретение револьвера, был послан на каторжные работы.

В отношении к студентам, к ученикам, с одной стороны, проявляется гуманизм Буслаева, его благородство и честность, с другой стороны, его явный консерватизм, неприятие и непонимание ученым новых веяний времени.

Несмотря на «академизм» Буслаева, на его явное желание уйти в «объективную науку» в его воспоминаниях вырисовывается отчетливо его общественное лицо. Верность консервативным устоям сказывается и в явной идеализации графа Строганова, и в том, что Исаев представляется ему прогрессивным деятелем на ниве просвещения, и в сотованиях по поводу студенческих «беспорядков», и в благоговейном отношении к занятиям с цесаревичем.

Буслаев с негодованием говорит о том, что в 1860 г. не только головы молодежи, но и людей солидных были «возбуждены либеральными идеями, которые высказывались в многолюдных собраниях и даже на улицах во всеуслышание». В связи с этим он вспоминает о том, как Кавелин со свойственной ему горячностью порицал государственные порядки, как молодой офицер на улице грозил перевешать все военное начальство на фанарных столбах и, наконец, как Чернышевский, которого он посетил, проповедовал «студентам и каким-то девицам и дамам» те идеи, которые он потом обнародовал в своем романе «Что делать?»³².

Неодобрительно Буслаев говорит о том что «и престарелая православная столица соблазнилась примером юного Петербурга и попелась по пути новейших соблазнов легкомыслия и безначалия». Интересны его свидетельства о том, что учителя в классе читали «зажигательные статьи „Колокола“, блестящие хлесткими фразами Герцена», что в одном закры-

³⁰ Буслаев имеет в виду демократически настроенную часть студенчества.

³¹ Ф. И. Буслаев. Дополнение..., стр. 384—386.

³² Там же, стр. 391.

том женском учебном заведении девушки, вместо иконок, повесили над своими кроватями фотографии Рыльева и других декабристов, об общинах «совместного сожительства мужчин и женщин», о продаже в модном магазине «контрабандного товара запрещенных иностранных книг с присоединением герценовского «Колокола», о хождении в народ, о нигилистах и «опрошении» интеллигенции.

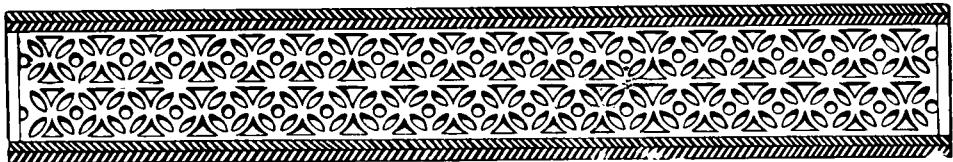
В связи с этим Буслаев вспоминает и о Л. Н. Толстом: «Точно так же оспроился граф Лев Николаевич Толстой: надел на себя мужицкий кафтан, вместе с своими крестьянами пахал землю и косил траву, даже в Москве на дровнях возил в бочке воду от фонтана до своего дома». Неодобрительно отзываясь Буслаев о таких произведениях Толстого, как «В чем моя вера?» и «Исповедь», особенно же о «Смерти Ивана Ильича», «Власти тьмы» и «бесстыдном памфлете „Крейцера соната“»³³.

Неизменно положительно, с огромным уважением и восхищением говорит Ф. И. Буслаев в своих воспоминаниях о Тургеневе, изучению творчества которого он посвятил последние годы своей жизни. Любопытна догадка Буслаева о том, что прототипом Пунина является «увеселительная особа» — престарелый попovich из семинарских бурсаков Извеков, портрет которого очень живо нарисовал и сам Буслаев, включив в свои мемуары образцы его «творчества».

Мемуары Буслаева — любопытнейший документ, дающий в руки историкам и литературоведам живой неповторимый материал. Наша наука должна объективно разобраться не только в научных трудах Буслаева, но и в его литературном наследии, оценить его роль и значение в истории русской науки и общественной мысли второй половины XIX в.

Надо надеяться, что в ближайшем будущем будут полностью изданы мемуары Ф. И. Буслаева: «Мои воспоминания», уже давно ставшие библиографической редкостью, отдельные главы, опубликованные в периодических изданиях, и, наконец, ценнейшая рукопись «Дополнение к „Моим воспоминаниям“», более полувека пролежавшая под спудом.

³³ Там же, стр. 34.

М. Я. М Е Л Ь Ц

П. К. СИМОНИ — СОБИРАТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

1

Среди филологических работ члена-корреспондента АН СССР Павла Константиновича Симони (1859—1939) значительное место занимают фольклористические разыскания: научная публикация старинных записей устной поэзии¹, анализ отдельных моментов истории отечественной фольклористики, составление библиографических указателей, содержащих сведения о народном творчестве. Первым большим трудом ученого были его исследования по шармиологии.

Интерес к родной старине сопровождал его всю жизнь. С благодарностью вспоминал он Н. П. Карельскую, уроженку Вологодской губернии, рассказы которой о прошлом, о предметах старины сильно занимали его детское воображение. Запомнились мальчику сказки и песни, слышанные от няни, например об императоре Павле («Павле, Павле, кто тебя давле?»)². Домашний учитель семьи Симони, М. Н. Бережков, впоследствии профессор Нежинского Историко-филологического института, ознакомил своего воспитанника с книгой А. Н. Афанасьева по славянской мифологии и трудами Ф. И. Буслаева.

В гимназии при Санктпетербургском Историко-филологическом институте, в которой обучался П. К. Симони, многие преподаватели пробуждали у своих учеников внимание к русскому народу, его быту и творчеству³. В 1881 г. Симони поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Там он слушал И. В. Ягича, В. И. Ламаиского, М. Н. Сухомлинова, Александра Веселовского (история и теория эпоса), О. Ф. Миллера, читавшего курс народной словесности с позиций славянофильства⁴. Лекции Миллера не удовлетворяли студентов, и они старались получить записи выступлений московских профессоров — Н. С. Тихонравова, Ф. И. Буслаева, Н. И. Стороженко и др. Особенной популяр-

¹ Симони была задумана серия из семи выпусков под общим заглавием «Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий». Ему удалось опубликовать лишь несколько памятников: вып. I — «Сказание о киевских богатырях» (Пг., 1922); вып. II — «Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг.» (СПб., 1907); вып. III — «Задонщина» (Пг., 1922); вып. VII — «Повесть о Горе-Злочастии» (СПб., 1907). Сюда же примыкают «Сказки о Петре Великом в записях 1745—1754 гг.» (ЖС, 1903, вып. I—II) и переиздание «Собрания разных песен М. Д. Чулкова» (СПб., 1913). Об издании пословиц и загадок см. ниже.

² ГПБ, отд. рукоп., ф. 696, № 17, л. 1.

³ Там же. № 11, л. 1. См. об этом также в воспоминаниях П. К. Симони «Пятидесятилетние собирательские мои искания и руководившие ими цели (1874—1924)». ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 1, л. 7 об.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 3, стр. 66, 67.

постью пользовались чтения В. И. Семеvского по истории русского народа и В. С. Соловьева о народной религии⁵.

По окончании университета, с 1886 по 1892 г., Симои служил в Департаменте таможенных сборов, а затем перешел в Отделение русского языка и словесности (или II Отделение) Академии наук, получив вновь учрежденную должность письмоводителя IV класса⁶. Приглашение молодого человека на этот пост не было случайностью. С 1888 г. он принимал участие в подготовке нового издания «Словаря русского языка», предпринятого Академией наук под руководством председательствующего II Отделением Академии Я. К. Грота. В отчетах этого отделения за 1888—1891 гг. особо отмечена работа Симои, который сперва подбирал примеры, а затем приводил в порядок материалы областных говоров, присланные с мест. Кроме того, он участвовал в чтении корректуры первого выпуска «Словаря», став тем самым активным помощником Грота⁷.

Симои близко познакомился с академиком А. Ф. Бычковым, группировавшим вокруг себя молодых ученых и особенно с академиком Л. Н. Майковым, вице-президентом Русского отделения АН, председательствующим (1872—1886) в Отделении этнографии Русского географического общества, также пестовавшим своих молодых коллег и развивавшим у них интерес к устному творчеству. «У Майкова... образовался как бы историко-литературный университет,—вспоминал Симои.—Он своим интересом, глубокими знаниями и методами школы Изм. Ив. Срезневского, которого он был учеником (и что особенно важно — работал под его руководством над „народной словесностью“), привлекал к себе ищущую историко-литературных знаний молодежь... Его школа дала целый ряд исследователей как в области письменной старины, так и фольклора... Мои посещения почти ежедневные Майкова... поставили и меня в ряд той молодежи, растущей в Публ[ичной] библиотеке для научных целей; ряд назывался майковцами, к которым примкнул и Владимир Иванович Саитов»⁸.

Майков прислушивался к мнению молодежи⁹. В трудах Майкова молодые исследователи находили образцы научного воспроизведения¹⁰ и исследования¹¹ древних народно-поэтических текстов; привлекали их и рецензии академика на новые фольклорные издания¹². Майков щедро предоставлял ученикам рукописи из своего личного архива, содержащие ранние записи сказок, пословиц (XVII—XVIII вв.) и пр. Под влиянием Майкова на Симои, как он пишет: «напало... влечение к старой письменности — страсть к исследованию попадающихся в ней памятников фольклора»¹³.

2

Будучи уже опытным палеографом, П. К. Симои начал свою фольклористическую деятельность с завершения второго издания «Онежских бы-

⁵ ГПБ, отд. рукоп., ф. 696, № 11, л. 2.

⁶ Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 663, л. 2—6. В Отделении русского языка и словесности Симои служил до 1926 г. заведующим письмоводительским отделом, что соответствовало должности ученого секретаря.

⁷ «Отчеты Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1886—1891 гг.» СПб., 1903, стр. 659, 685, 708, 733, 735.

⁸ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 3, стр. 207.

⁹ Так, Л. Н. Майков спрашивал мнение молодого Симои, еще в 1900 г. о значении диалектологии при издании народных песен.

¹⁰ «Очерки из истории русской литературы XVII—XVIII столетий». СПб., 1889.

¹¹ «О старинных рукописных сборниках народных песен и былин». ЖМНП, 1880, ноябрь, стр. 197—216.

¹² [Рец.] «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». ЖМНП, 1873, август, стр. 445—459.

¹³ ГПБ, отд. рукоп., ф. 696, № 12, л. 7 об.

лин» А. Ф. Гильфердинга. В современной литературе глухо сказано, что Симони принимал «ближайшее участие» в этой работе¹⁴. Приводимые ниже данные свидетельствуют о его творческом и новаторском отношении к порученному делу.

Первое однотомное издание 1873 г. было курировано самим собирателем лишь до 22-го листа. После смерти Гильфердинга остальной материал печатался под единоличным наблюдением П. А. Гильтебрандта, помогавшего автору и раньше, но не стремившегося к научному воспроизведению записей. «Онежские былины» вскоре стали библиографической редкостью, и в 1894 г. Отделением русского языка и словесности по инициативе академика К. Н. Бестужева-Рюмина и под его редакцией было предпринято второе издание, которое предполагалось дать в трех томах¹⁵.

Бестужев-Рюмин получил от вдовы собирателя карандашные полевые записи. Однако при чтении корректур он очень редко справлялся по подлинной рукописи, доверившись первому изданию, не отличавшемуся большой точностью. Бестужев успел напечатать два тома и первые листы третьего. После его смерти, 17 января 1897 г., Отделение поручило вести предварительную подготовку для продолжения публикации П. К. Симони под наблюдением А. Н. Веселовского и Л. Н. Майкова (практически оказывал помощь ученому лишь Майков).

Сличая тексты, отпечатанные Бестужевым-Рюминым, с рукописью Гильфердинга, Симони заметил много неправильностей, главным образом при передаче диалектных особенностей. С разрешения Майкова, он стал выправлять последующие листы непосредственно по подлиннику¹⁶. Напомним, что Гильфердинг записывал былины с пения, а не с «пословной» передачи, как делалось до него¹⁷.

Майков внимательно читал корректуру и подписывал к печати лишь после тщательной проверки. «Получился один серьезный курьез,— вспоминал впоследствии Симони.— Обыкновенно все наши собиратели, печатающие тексты былин, устанавливают чтение „опочив держать“, а у Гильфердинга встретилось в подлинной рукописи, притом несколько раз, совершенно ясно: „опочин держать“. Майков тоже затруднялся оставить такое чтение в печати, но, в конце концов, все же согласился со мной и решил выправить все эти места. Я ему приносил на дом даже подлинную рукопись, чтобы он лично удостоверился в правильности чтения»¹⁸. Различие глаголов «опочинуть» (т. е. спать, уснуть) и «опочать» (начать, почать) придает другой смысл былинной формуле.

По предложению Симони, к третьему тому были приложены тексты, записанные Гильфердингом осенью 1871 г. в Новолadoжском уезде от И. Я. Гусева, уроженца Карелии, опубликованные только в «Русской ста-

¹⁴ См.: «От редакции». «Онежские былины...», т. I. Изд. 4. М.—Л., 1949, стр. VII.

¹⁵ 14 февраля 1873 г. Бестужев-Рюмин выступил на торжественном заседании Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета с докладом «А. Ф. Гильфердинг как историк». Текст см. в кн.: К. Н. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики. СПб., 1883, стр. 351—358.

Вопрос о переиздании «Онежских былин» Бестужев-Рюмин поставил на заседании Отделения в мае 1894 г. См. об этом в письме П. К. Симони к А. Ф. Бычкову от 16 мая 1894 г. (Архив АН СССР, ф. 764, оп. 2, № 694, л. 63). В письмах от 28 мая, 1 и 8 августа 1894 г. Симони сообщал о ходе печатания и рассылки первого тома былин (там же, л. 65 об., 77 об., 80 об.).

¹⁶ Подробнее см. в автобиографии П. К. Симони. ГПБ, отд. рукоп., ф. 696, № 17, л. 6.

¹⁷ Эта особенность записей Гильфердинга была отмечена и одобрена критикой. См.: Н. Квашнин-Самарин. Новые источники для изучения русского эпоса. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. «Русский вестник», 1874, сентябрь, стр. 5—44.

¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 3, стр. 242.

рине» и не вошедшие в первое издание¹⁹. По собственному почину Симони составил также «Список сказителей и сказительниц, певших А. Ф. Гильфердингу былины (старины)», что было очень важно, ибо Гильфердинг первым в русской фольклористике расположил материал по исполнителям. Кроме того, Симони был подготовлен «Список былин по содержанию» и «Общее содержание всех трех томов». Этот аппарат был помещен взамен словаря областных и малоупотребительных выражений, а также перечня собственных имен, предметов, фактов и былинных эпитетов, составление которых было поручено А. А. Фомину²⁰ и своевременно не было тем подготовлено.

В 1909 г. А. А. Шахматов, став председательствующим во II Отделении, поручил московскому фольклористу Н. В. Васильеву, исследователю севернорусского народного творчества, подготовить небольшой указатель к «Онежским былинам». От особого словаря решили отказаться, ибо записи Гильфердинга к тому времени были использованы Г. И. Куликовским для этнографических примечаний в «Словаре областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (СПб., 1898)²¹. Симони ведал держанием корректуры всех трех томов и указателя Н. В. Васильева²².

Пришлось ему разбираться с юридическим правом вдовы Гильфердинга на наследство мужа, так как рукопись была предоставлена во временное пользование К. Н. Бестужеву-Рюмину по устной договоренности с ним²³. Не без участия Симони подлинник полевых записей был получен Отделением в собственность и передан в архив Библиотеки Академии наук. Один из редакторов третьего издания «Онежских былин» (1938—1940) — Г. С. Виноградов, готовя тексты к печати, постоянно консультировался с Симони и информировал его о ходе работы²⁴.

3

В конце 90-х годов Симони приступил к изысканиям в области русской паремииологии²⁵, что и принесло ему широкую известность. Этой те-

¹⁹ А. Гильфердинг. Певец былин в Петербургской губернии. «Русская старина», 1871, октябрь, стр. 451—453.

²⁰ Сохранилось письмо П. К. Симони из Москвы к А. Ф. Бычкову от 5 сентября 1898 г., в котором он сообщал: «Был я у А. А. Фомина и узнал относительно составляемых им указателей и словаря к Онежским былинам Гильфердинга. 1 и 2 томы уже у него исчерпаны вполне, 3-го же и напечатано всего лишь 12 листов, и притом нескольких чистых листов типография ему не дослала» (Архив АН СССР, ф. 764, оп. 2, № 694, л. 281 об.). Однако Фомин охладел к работе и не довел ее до конца.

²¹ Справочные материалы завершают III том «Онежских былин», изданных в качестве 1-го выпуска т. 61 «Сборника ОРЯС» за 1900 г.; 2-й его выпуск вышел в свет только в 1909 г. и содержал указатель имен, предметов, действий и состояний, подготовленный Н. В. Васильевым.

²² Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 1297, л. 34; ф. 764, оп. 2, № 694, л. 305; ф. 134, оп. 3, № 1393, л. 58.

²³ См. переписку с А. А. Шахматовым: Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 1394, л. 190 и 203.

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 2, № 56, л. 20 об. и 26 об.

²⁵ В письме к А. И. Лященко от 6 октября 1897 г. молодой ученый сообщает о своей работе по подготовке к печати сборников русских пословиц начиная с XVII в. Там же говорится об интересе Симони к памятникам древнерусской литературы, содержащим образцы афористических изречений: «Я должен усердно заняться изучением вопроса об отношении текста Моления и Слова Даниила [Зачточника] к некоторым текстам Пчел и в частности к позднейшим (не ранее XVI—XVII в.) сборникам притч и пословиц» (Архив АН СССР, ф. 156, оп. 2, № 40¹, л. 1 об.).

мой он заинтересовался под влиянием Майкова²⁶ и рецензии Буслаева на сборник И. М. Снегирева. В своих воспоминаниях Симони подробно рассказывает об истории замысла и приводит многочисленные подробности работы, предпринятой им в трех направлениях: подготовка к печати старинных сборников пословиц; создание полного свода образной народной речи; создание истории собирания и изучения пословиц.

Найдя в материалах князя Яблонского, хранящихся в Московском главном архиве министерства иностранных дел (№ 250), сборник конца XVII в. «Пословицы всенароднейшие по алфавиту», известный только по одному списку, Симони решил осуществить его научную публикацию, на что получил одобрение Майкова. Выписав рукопись в Петербург, он в течение двух лет занимался ее прочтением, снятием копии и обработкой. Работа шла медленно, так как огня в помещении архива не полагалось и оно закрывалось в 4—5 часов, а открывалось поздно. Когда все было готово, нашлась вновь еще одна рукопись того же периода. Ранее она была обнаружена Майковым и воспроизведена им в Трудах общества древнерусской письменности с вступительным примечанием редактора тома Ф. И. Булгакова, но без какого-либо научного аппарата²⁷; затем Майков подарил сборник сербохорватскому ученому В. В. Богишичу, бывшему одно время профессором обычного славянского права Новороссийского университета. Для исследования своего предмета Богишич собирал старинные документы на всех славянских языках, в том числе касающиеся пословиц и паремологии вообще, так как видел в них источник по обычному праву.

Симони решил присоединить рукопись к «Всенароднейшим пословицам», тем более, что в них были отдельные совпадения. Кроме того, по мысли ученого, это могло способствовать разрешению вопроса: как составлялись подобные сборники пословиц²⁸. Богишич в то время находился в Париже. Несмотря на просьбы и обращения Симони, Майкова, II Отделения он не желал выпускать материал из рук и поручил своему личному секретарю, французу, снять копию с рукописи. Однако прочтение рукописи XVII в. представляло для иностранца большую трудность; не помогло и калькирование текста. Симони приходилось посылать бесконечные запросы для уяснения неверно прочитанных строк. Наконец, после двухлетней переписки, Богишич решил возвратить рукопись в Россию, принеся ее в дар Отделению языка и словесности Академии наук, за что был награжден золотой пушкинской медалью.

Получив копию рукописи Богишича²⁹, Симони стал думать о подготовке первого выпуска серии сборников старинных русских пословиц, поговорок и загадок по памятникам XVII—XIX столетий. Главной задачей он считал «полное по возможности» (с XVII в. до выхода книги В. И. Даля) издание рукописных и печатных, представляющих библиографическую редкость, собраний двух веков и текстов, которые Симони характеризовал: «относительно недавнего еще для нас происхождения, по оставшиеся пока необнародованными»³⁰.

²⁶ ГПБ, отд. рукоп., ф. 696, № 16, л. 2; № 17, л. 5.

²⁷ «Памятники древней письменности и искусства», 1880, т. IV, отд. 2, стр. 75—114.

²⁸ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 3, стр. 210.

²⁹ Любопытно, что в первой корректуре указывалось, что рукопись принадлежит В. В. Богишичу. ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 160, л. 113. В книге же дана ссылка уже на шифр рукописного отдела Библиотеки Академии наук.

³⁰ «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий». Собрал и приготовил к печати Павел Симони. Выпуск первый с приложением XIII таблиц снимков с рукописей. СПб., 1899, стр. XI. (Отдельный оттиск из т. I-VI «Сборника ОРЯС») (далее — «Старинные сборники»).

Симони начал проводить усиленные архивные разыскания прежде всего в хранилищах Петербурга и собственноручно переписывать обнаруженные тексты. Так, им было скопировано «Собрание пословиц и присловий российских» А. И. Богданова из I отдела Библиотеки Академии наук³¹. Вероятно, из бумаг Отделения русского языка и словесности попала к Симони рукопись В. И. Даля «Сто поговорок и пословиц в виде объяснительных примеров для русского словаря» с общей оценкой и пометами Востокова³². Тщательно обследовал П. К. Симони материалы Русского географического общества, заручившись обещанием секретаря Отделения этнографии Ф. М. Истомина всемерно способствовать исследователю в его работе³³. В архиве ученого хранятся подлинные записи собирателей с мест, адресованные ими в РГО: «Пословицы и поговорки, списанные с одного весьма старого рукописного сборника пословиц и поговорок» Н. Ордина из г. Сольвычегодска (1877 г.)³⁴; «Этнографические материалы, собранные в Вологодской губернии»³⁵; «Пословицы и поговорки, записанные в 1848 г. штатным смотрителем Пермской губернии Николаем Тихоновым»³⁶; тексты, собранные от учащихся Тверской и Владимирской губерний в начале 1898 г.³⁷ Имеются сведения о том, что у Симони находилась копия с рукописи 1858 г. «Алфавит мирских пословиц», снятая 9 ноября 1888 г. священником г. Вязники К. Веселовским и направленная им в Географическое общество³⁸.

Симони обращался с запросами в архивы разных городов и к отдельным коллекционерам. Сохранился черновик его прошения в Отделение русского языка и словесности от 17 января 1898 г. о выписке материалов из собраний А. А. Титова и И. А. Вахрамеева: трех частей труда Феодосия Смирнова «Русская народная жизнь и правила в кратких изречениях»³⁹. Рукописи ученый получал на Отделение, а затем брал под расписку для работы на дому, тем более, что для канцелярии Отделения он отвел одну из комнат своей казенной квартиры в доме Академии наук.

Разыскания Симони осложнялись всевозможными обстоятельствами. В письмах к А. Ф. Бычкову он рассказал, например, о трудностях при получении материала от академика А. А. Куника: «У Куника все не могу допроситься рукописный сборник русских пословиц, расположенный по значениям, а не по алфавиту. Мне хотелось его подробно разобрат и сравнить со сборниками И. Богдановича, Даля и других», — читаем в письме от 13 августа 1897 г.⁴⁰ Лишь через год смог ученый ознакомиться с некоторыми собраниями из личного архива академика: «Но вот утешил Ар. Ар. Куник, — сообщал он Бычкову 25 июля 1898 г., — выдал по моей усердной просьбе сборник русских пословиц (рукопись в 4 д. л.), прислан-

³¹ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 164, л. 1—164.

³² ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 24, л. 1—4. Исследователи, рассматривавшие взаимоотношения Даля и Востокова, ничего не сообщают об этой рукописи; очевидно она была им неизвестна (см.: М. Шахнович. Даль как паремнолог. «Советский фольклор», М.—Л., 1936, № 4—5, стр. 320—325; В. И. Чичеров. Вступительная статья в кн.: В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1959, стр. XXIII).

³³ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 49, л. 147 и 149.

³⁴ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 19, л. 1—30 (965 текстов).

³⁵ Там же, № 27, л. 1—4 (152 текста); л. 9 об. (13 текстов).

³⁶ Там же, № 17, л. 1—13 (155 текстов). На л. 1 стоит печать РГО и шифр

XXIX. З. № 136. В «Описании рукописей Ученого архива Русского географического общества» Д. К. Зеленина (вып. 3. Пг., 1916, стр. 989) эта тетрадь значится утраченной.

³⁷ Там же, № 22, л. 1—9 и 19 (без имени собирателя).

³⁸ ИРЛИ, рукоп. отд., Р. V, колл. 59, п. 3, № 9, л. 2.

³⁹ ГБЛ, отд. рукоп., ф. 362, без шифра, папка «Материалы к работе Симони о старинных рукописных сборниках русских пословиц».

⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 764, оп. 2, № 694, л. 253 об.

ный В. Н. Татищевым в И. Академию наук в 1736 году, о чем он упоминает в письме к Тредиаковскому; но жаль, что это лишь копия, правда, направленная рукою Татищева, но оригинал или еще цел и сохраняется в Екатеринбурге, как мне думается, или сгорел в Болдине вместе со всею библиотекою Т[атище]ва»⁴¹. «Не могу никак напасть на след „Российских пословиц, собранных по алфавиту в Москве 1749 года“ (писаны рукою А. Д. Янькова), — жаловался он в том же письме. — Ф. И. Буслаев в своем издании „Пословиц“ 1854 (в архиве Калачова) высказывает благодарность М. П. Погодину, „дававшему ему средства сделать выписки из превосходного сборника Янькова“. От кого мог Погодин иметь их (Яньков прадед Д. Д. Благова — пок. арх. Пимена)?» Письмо раскрывает тщательность, с которой Симони разыскивал необходимый ему материал. Приведя послание Петра I из Амстердама от 15 февраля 1717 г. о высылке копии сборника пословиц, позднее опубликованного Снегиревым⁴², Симони замечает: «Невольно встречаешься с вопросами, что это за книжка и сохранилась ли. Есть еще надежда, что в „Кабинете“ Петра она сохранилась, о русских пословицах есть отметки и в записных книжках Петра В[еликого]. Если бы, при случае, глубокоуважаемый Афанасий Федорович, Вам случилось просмотреть Ваши материалы за 1717 г., не откажите сообщить, что можно найти еще по сему делу»⁴³.

В октябре 1897 г. он сообщал А. Н. Пыпину, что собирается еще раз послать запрос П. Н. Тиханову, «около которого теперь я ухаживаю, чтобы умячить его и получить сведения об имеющихся у него 3 рукописных сборниках пословиц»⁴⁴. Часто обращался он с запросами ко многим крупным ученым, занимавшимся паремимологией, советовался со знатоками древнерусских рукописей, например с академиком М. И. Сухомлиновым, председателем существовавшим во II Отделении в 1900—1901 гг. Сохранилась также переписка Симони с А. А. Шахматовым⁴⁵. По просьбе А. Н. Пыпина библиограф П. А. Ефремов выявлял древние записи в Москве и пересылал их Симони⁴⁶; занимался этим и московский библиофил В. Н. Рогожин⁴⁷. Н. Ф. Сумцов в ответ на запрос Симони указал два обширных польских сборника и писал ему: «Ваши занятия по пословицам очень интересны, только Вам придется затратить массу труда при обилии материала и мелочности отдельных фактов»⁴⁸.

Активную переписку вел Симони с М. Н. Сперанским, готовившим диссертацию по «Пчелам». В письме от 5 мая 1897 г. Симони раскрывает свои обширные замыслы: «Я поставил пока себе целью исследовать все рукописные сборники и печатные до сборника Д. К[няжевича] 1822 года, начиная с известного, изданного Ф. И. Буслаевым Архивского мин[истерства] ин[остранных] д[ел] Моск[овского] сборника пословиц. Вместе с тем я изучаю остатки и следы подобных сборников в разных старых памятниках, вроде, напр., Слова Даниила Заточника, Мерила Праведного и очень многих отрывочных сборников изречений под разными заглавиями, но обращающая исключительное внимание на сборники таких гномических и паре-

⁴¹ Архив АН СССР, ф. 764, оп. 2, № 694, л. 270 об. Копия, снятая Симони с письма Татищева от 18 февраля 1736 г. и самого сборника, хранится в рукописном отделе ИРЛИ (Р. V., колл. 59, п. 3. № 3, л. 1—57).

⁴² Симони имел в своей личной библиотеке много пословичной литературы. Сохранилась принадлежавшая ему книга И. Снегирева «Русские в своих пословицах» (М., 1832) — ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 172.

⁴³ Там же, л. 271 об.

⁴⁴ ГПБ, отд. рукоп., ф. 621, № 773, л. 26 об.

⁴⁵ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 38, л. 98.

⁴⁶ ГПБ, отд. рукоп., ф. 621, № 38, л. 31 об.

⁴⁷ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 77, л. 12.

⁴⁸ Письмо от 4 марта 1897 г. ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 2, № 222, л. 1 об.

миологических изречений, которые были в ходу и в живом употреблении»⁴⁹. Далее Симони разъясняет, что записи украинских, белорусских, польских и латинских пословиц, особенно с присоединением русского перевода, он изучает, исходя из родства и общности языка и творческих приемов. Заканчивается письмо предложением установить научный контакт и просьбой сообщить об известных Сперанскому рукописях.

В последующих письмах Симони подробно рассказывает Сперанскому о своих затруднениях и сомнениях: «Неужели, действительно, правда, что сколько рукописей, отдельных списков — столько и разновидностей изводов...? — спрашивает он. — За лето я перебрал и приготовил к изданию еще несколько сборников русских пословиц, поговорок и т. д. Но меня поражает полнейшее отсутствие сборников пословиц южнорусских — ни одного ни рукописного, ни печатного, особенно такого подбора, каковы у нас Архив мин[истерства] п[и]ностранных] д[ел] № 250 или погодинский 1714 г. У меня теперь намечено полных или в отрывках рукописных сборников до 30 списков (пожалуй, даже в роде редакций или самостоятельных трудов собирателей и пополнителей старых), но все из Москвы и вообще великорусских. Кажется, что южнорусские подобные сборники надо искать в польских и проч., а может быть, и уничтожены с течением времени?»⁵⁰. Вероятно, старинных специальных записей украинских пословиц было немного, так как исследователь их Н. Ф. Сумцов все время ссылается лишь на образцы, «разбросанные» и «рассеянные» (правда, в большом количестве) в южнорусских письменных памятниках и литературных произведениях⁵¹. Напоминая о своей просьбе, Симони уточняет предмет своих поисков: «...Не знаете ли, где находится сборник пословиц по алфавиту, писанный в Москве Яньковым в 1749 году?»⁵²

Сперанский охотно откликнулся на запросы и обещал всяческое содействие. Так, 19 апреля 1898 г. он писал: «Касательно „Пчел“ и прочей избрании дело идет у меня плохо... Так что раньше осени не примусь за пересмотр своих материалов. Тогда я опять к Вашим услугам по части изречений и пословиц, которыми Вы занимаетесь». В письме от 6 мая того же года Симони отвечал Сперанскому: «Очень рад, что Вы... не покидаете своих занятий над изучением и изданием текстов Пчел и т. п. собраний... Жду не дождусь выхода Ваших Пчел на свет божий»⁵³. Переписка об этом шла и позже, в 1904—1905 гг.⁵⁴

Собранный материал Симони решил опубликовать в нескольких томах по строго определенным палеографическим правилам: полное воспроизведение рукописи со всеми особенностями написания и выделением позднейших приписок, поправок и дополнений⁵⁵. Каждому собранию должна была быть предпослана вводная заметка историко-библиографического характе-

⁴⁹ Архив АН СССР, ф. 172, оп. 1, № 221, л. 2.

⁵⁰ Там же, л. 4, письмо от 5 сентября 1897 г.

⁵¹ Н. Ф. Сумцов. Опыт исторического изучения малорусских пословиц. Харьков, 1896, стр. 1, 6, 7. См. об этом: В. Н. Перетц. Из истории пословицы. Историко-литературные заметки и материалы. ЖМНП, 1898, май, стр. 114—115.

⁵² Архив АН СССР, ф. 172, оп. 1, № 221, л. 6.

⁵³ Письмо М. Н. Сперанского. ГИМ, отд. писем. источников, ф. 37, № 83, л. 137 об.—138; письмо П. К. Симони. Архив АН СССР, ф. 172, оп. 1, № 221, л. 10 об.

⁵⁴ ГИМ, отд. писем. источников, ф. 37, № 83, л. 140; Архив АН СССР, ф. 172, оп. 1, № 221, л. 115.

⁵⁵ В письме от 25 февраля 1900 г. к В. Н. Рогожину Симони уточнил, что все издание «с исследованием должно будет состоять из 5 неравномерных томов» (ГИМ, отд. писем. источников, ф. 37, № 77, л. 2). Кроме того, в конце последнего тома предполагалась перепечатка предисловия к первому сборнику. В воспоминаниях, написанных в 30-х годах, ученый повторяет, что предполагал издать более десятка выпусков, соединив два-три из них вместе в один том (ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 3, стр. 217).

ра; вслед за текстами он предполагал дать примечания и «согласительные таблицы для показания сводных по содержанию и по предметам пословиц... во всех напечатанных в настоящем издании сборников пословиц»⁵⁶. Предполагалось также дать обширную систематическую библиографию как публикаций пословиц (в хронологическом порядке), так и трудов, посвященных их изучению, различные указатели — имен, географических названий, упоминаемых предметов и список «любопытных и малоизвестных слов».

Более подробно о приемах воспроизведения старинных записей Симони сообщал Н. А. Иваницкому 17 октября 1898 г.: «Печатаю описание рукописи или старой печатной книги, описание сборника пословиц в нем помещенного, весь текст неприкосновенным как есть, поправки и мои личные объяснения в порядке №№ пословиц (описки и проч.); и так имею до 40 уже сборников; малорусские имею преимущественно позже [неразб.] столетия. Материалы И. П. Сахарова у меня уже заполучены, равно и XVIII ст. принадлежавший ему сборник „Пословиц“. Рукописный и систематич. вроде Далевого образца сборник Востокова также, нашел сборник В. Н. Татищева 1730-х годов, присланный в свое время из Екатеринбурга (Пермск. г.) Тредиаковскому. Печатные 1770—1787, письменник Курганова 1769, Богоднова 1785, выборные пословицы Екатерины II, тоже воспроизведу в сличении по целому ряду их изданий и присоединю приписки на известных мне экземплярах этих сборников, сделанные разными лицами из читателей». Затем Симони изложил план издания: «В конце сборника будут еще сводные таблицы, показывающие одинакие пословицы по всем напечатанным в моей книге сборникам и указатель пословиц по содержанию, сами же сборники напечатаны будут строка в строку. Областные и непонятные слова будут объяснены особо... Предисловие будет краткое»⁵⁷.

В конце 1899 г. появился первый выпуск подготовленного Симони собрания старинных записей пословиц (как оттиск из LXVI тома «Сборника ОРЯС»). Открывается он большим предисловием, в котором автор не только перечисляет 19 обнаруженных неопубликованных старинных собраний пословиц и 13 печатных изданий XVIII в., но и дает список рукописных материалов (10 номеров), подлежащих разысканию, побуждая тем других фольклористов к работе над отечественной паремимологией, и кратко намечает вехи собирания и исследования образной народной речи.

Тексты даны по намеченным ранее правилам, однако без подробного справочного аппарата, что весьма беспокоило Симони. В одном из писем к А. Н. Пыпину он даже высказывает сомнения в целесообразности такого издания материалов: «Может быть и не стоит выпускать отдельно этот сборник, не приложив теперь же тех объяснений к отдельным пословицам, которые я собираюсь отдельно издать вместе в конце всего издания, вместе с разными указателями,— писал он 18 декабря 1898 г.— Но, с другой стороны, этим напечатанным текстом могли бы сейчас же пользоваться, кого интересует эта отрасль народной литературы»⁵⁸.

Издание П. К. Симони впервые в истории публикаций русских фольклорных записей было снабжено факсимиле отдельных листов рукописей. Сохранившиеся документы свидетельствуют о тщательности работы публикатора при подготовке рукописей к набору⁵⁹ и, главное, при чтении

⁵⁶ «Старинные сборники», стр. X.

⁵⁷ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 173, л. 1 об., 2.

⁵⁸ ГПБ, отд. рукоп., ф. 624, № 773, л. 32 об.

⁵⁹ См.: «Материалы к работе Симони о старинных рукописных сборниках русских пословиц», хранящиеся в ГБЛ, отд. рукоп., ф. 362, без шифра, л. 2—17, и листы в ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 159.

корректур, ибо текст представлял для наборщиков большие трудности и первые оттиски листов содержали огромное количество опечаток. Большую помощь в сверке оказал автору Л. Н. Майков. 14 августа 1898 г. Симони была сделана надпись для типографии: «Покорнейше просил бы, чтобы не задерживалась верстка листов 11, 12, 13 и 14 ($\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{4}$) — не отказать в отпавке поскорее этой формы к 3—4 часам сегодня же, чтобы я мог доставить эту форму в чистом виде для просмотра и одобрения Л. Н. Майкова»⁶⁰. На корректуре заглавного листа и оглавления имеется приписка: «Показывал Л. Н. Майкову и получил от него с пометками карандашом 29 сентября 1899 года»⁶¹. 2 октября Симони направил А. Н. Пышину как члену редколлегии сборника материалы для утверждения со следующим примечанием: «Имею честь представить для подписи последние 4 листа моего сборного издания Старинных сборников [русских] пословиц, эти листы были на предварительном просмотре у Леонида Николаевича; я ему считал долгом показать, так как очень много пользовался его советами⁶² и 'одолжениями всякого рода'»⁶³.

Появление «Старинных сборников» вызвало большой резонанс в научных кругах. Симони предвидел это и, даря 11 декабря 1899 г. А. А. Шахматову только что выпешдшую работу, писал: «Посылаю также экземпляр 1-го выпуска моей книжки и приношу Вам сердечную признательность за Ваше одобрение меня и советы, много способствовавшие и поднявшие достоинство моего труда. Я уже приготовился слушать о ней самые диаметрально-противоположные мнения, но утешаю себя, что первый в течение последних 30—40—50 лет вспомнил о старых текстах сборников пословиц и что вообще труд мой, хотя и курьезный на взгляд поклонников иноземной культуры, но все-таки не бесполезный же вовсе. Авось, кой-кому пригодится»⁶⁴.

На страницах «Известий ОРЯС» выход сборника был отмечен обширной положительной рецензией П. А. Ровинского, который приветствовал «дипломатическую точность» при воспроизведении старинных записей, создающих «картину развития философской мысли русского народа за три столетия»⁶⁵.

А. В. Марков в журнале «Этнографическое обозрение», отметив, что материал выпуска не представляет абсолютной новизны, подчеркнул в то же время ценность систематичности и тщательности работы Симони, которые, по мнению рецензента, не оставляют желать ничего лучшего и делают книгу «необходимым пособием при всяком изучении русской поэзии и отчасти истории»⁶⁶. На основе публикаций Симони Марков дал в этой раз-

⁶⁰ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 160, л. 112.

⁶¹ ГПБ, отд. рукоп., ф. 696, № 96, л. 1.

⁶² Например, Л. Н. Майков помог расшифровать инициалы «ХЛВ» в первом издании 1770 г. «Собрания 4291 древних российских пословиц» А. А. Барсова, означающие имя издателя журнала «Музыкальное обозрение» Христиана-Людвига Вевера. Кстати, в восстановлении истории трех изданий этого сборника большую помощь оказал Симони В. Н. Рогожин.

⁶³ ГПБ, отд. рукоп., ф. 621, № 773, л. 43.

⁶⁴ Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 1393, л. 69.

⁶⁵ «Изв. ОРЯС». т. V. 1900, кн. 1, стр. 291. Направляя Ровинскому 30 июня 1900 г. оттиски рецензий, Симони приписал: «Спешу еще раз принести Вам душевную свою признательность за Ваше драгоценное для меня внимание к моему перворожденному печатному дитищу и за важные для меня указания и поправки» (Архив АН СССР, ф. 123, оп. 1, № 4, л. 13). Вероятно, Симони имеет в виду критические замечания, высказанные Ровинским в личной беседе.

⁶⁶ ЭО, 1900, № 3, стр. 151. Сохранилось письмо А. Маркова к Симони от 1 ноября 1900 г., в котором дается оценка сборника: «Позвольте выразить Вам глубокую признательность за Вашу в высшей степени ценную и интересную книгу, которую я получил через Академию наук... Я написал довольно пространную рецензию на Ваш труд, которую Вы найдете в № 3-м Этнографического обозрения; он имеет

вернутой рецензии подборку пословиц, встречающихся в памятниках древней литературы, былинах, песнях и легендах. Кроме того, им были выделены изречения, выражающие народное мнение об исторических событиях. А. В. Марков полемизировал с П. К. Симони, считая автором Пословиц всенароднейших по алфавиту» не монаха чудовского монастыря Евфимия, а Сильвестра Медведева (эта точка зрения поддерживается современными учеными).

Статья Н. Я. Никифоровского в «Витебских ведомостях», написанная в связи с выпуском «Старинных сборников» пословиц, по существу, представляет целое исследование, построенное на этих материалах. После вступительного абзаца, в котором дается восторженная оценка публикаторской деятельности Симони, приводятся сгруппированные рецензентом тексты, отражающие критическое отношение народа к домостроевским правилам и сатирический отклик на татарское нашествие⁶⁷. Одобрительный отзыв Г. Ильинского появился в «Живой старине»⁶⁸ и Т. Д. Флоринского в «Известиях» Киевского университета⁶⁹. В одном из украинских изданий была напечатана также рецензия Ивана Франко⁷⁰.

Сборник Симони был отмечен и зарубежной прессой — в журналах «Чешский народ»⁷¹ и во французском фольклористическом органе «Mélusine», где была помещена статья В. Богишича, посвященная не только данной работе, но и всей деятельности Симони в области паремнологии⁷².

4

Симони не оставлял мысли о продолжении серии. Он подготавливал к печати имевшийся у него в руках сборник 1714 г. из древнехранилища М. П. Погодина⁷³ и другой, без обозначения времени, но также отражающий живое произношение (вплоть до передачи ударений), работал над рукописью начала XVIII в. из Исторического музея⁷⁴, изучал русские подражания старым «Пчелам» и усиленно разыскивал старинные записи пословиц.

В июле 1900 г. Отделение русского языка и словесности обратилось к кн. А. М. Козловской с просьбой разрешить Симони работать в библиотеке ее отца, библиофила М. Н. Лонгинова, «для продолжения недавно выпшедших первыми выпусками его трудов», в том числе и старинных сборников пословиц⁷⁵.

выйти недели через 2—3. Заранее оговариваюсь, что, не соглашаясь с Вами в некоторых мелочах, я вовсе не имею в виду умалять достоинств Вашей работы, которая навсегда останется образцом тщательности и в высшей степени добросовестного отношения к делу науки» (ИРЛИ, рукоп. отд. Р. V, колл. 59, п. 5, № 9, л. 2 и об.).

⁶⁷ Н. Я. Н. Русская женщина в старинных пословицах и поговорках. (Библиографическая заметка). «Витебские ведомости», 13 января 1900 г.

⁶⁸ ЖС, 1900, вып. I—II, стр. 289—291.

⁶⁹ Т. Д. Флоринский. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. «Университетские известия». Киев, 1900, № 6, стр. 194, 195.

⁷⁰ «Записки наукового товариства им. Шевченка». Львів, т. XLII, 1901, кн. IV, библиография, стр. 16.

⁷¹ Dr. Čeněk Librt. Literatura kulturné-historická a ethnografická 1889—1890. «Český lid». Praha. roč. IX, 1900, № 5, s. 380.

⁷² V. Bogišić. Publication et enquête de proverbes en Russie. «Mélusine, recueil de mythologie, littérature populaire, traditions et usages». Paris, v. X, 1900—1901, Novembre—Janvier, № 6, p. 129—141. Журнал, присланный Богишичем, сохранился в архиве Симони (ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 162, л. 29—35). О рецензии Богишича сообщил Симони Э. А. Вальтер, председатель секции библиотекосведения при Русском библиографическом обществе (там же, № 38, л. 110).

⁷³ Текст хранится в рукописном отделе ИРЛИ (Р. V, колл. 59, п. 3, № 8, л. 1—87).

⁷⁴ Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 930, л. 3.

⁷⁵ Там же, ф. 9, оп. 1, № 761, л. 6.

С помощью Е. И. Якушкина, преподававшего обычное право в Демядовском лицее в Ярославле, ученый получает, наконец, в марте 1900 г. рукопись начала XIX в. (в трех книгах) «Русская народная жизнь и правила в кратких изречениях. Собрано из уст Феодосием Смирновым», принадлежавшую И. В. Вахрамееву, и снимает с нее точную копию⁷⁶. Якушкину удалось выяснить историю этого памятника, о чем он сообщил Симони, пожелав «довести до конца предпринятое такое важное в научном отношении дело». В письме от 28 февраля того же года он добавлял: «Я так высоко ценю Ваш труд, что прошу Вас в случае надобности справки в Ярославле обращаться ко мне без всяких стеснений»⁷⁷. Вскоре Симони поехал к нему на Волгу за разного рода фольклорным материалом.

Якушкин привлек к записи образной народной речи местных собирателей. «Милостивый государь Евгений Иванович! — писал ему ярославский краевед И. Тихомиров 22 февраля 1900 г. — Посылаю к Вам для Симони обещанное собрание пословиц. У некоторых из наиболее распространенных мною делались пометки: „Яросл. губ.“ для того, чтоб указать, что эти пословицы слышаны мною от народа в нашей губернии, а не попали в список только потому, что известны повсюду. Вместе с записанными мною лично я прилагаю еще печатный перечень пословиц из грамматики Поливанова, хотя в нем и приведены лишь более известные пословицы, но, может быть, и он пригодится исследователю⁷⁸. В заключение замечу, что мне очень бы хотелось иметь труд Симони... Со своей стороны я обещаю ему и впредь доставлять накапливающийся материал»⁷⁹. Это письмо вместе с материалами было переслано в Петербург 5 апреля 1900 года⁸⁰. Кроме того, Якушкин собирал для Симони библиографические данные и вырезки из губернских ведомостей, памятных книжек и других местных изданий, содержащих сведения об образной речи. «Вскоре я стал от него получать его письма на небольших форматах почтовой бумаги с его заметками, — вспоминал впоследствии Симони, — а иногда с наклеенными тут же вырезками. Каждый листочек он занумеровывал. Тут он нередко отмечал и все то, что ему где-либо удалось видеть и старого и нового⁸¹. Также он мне прислал в подарок старинные рукописи с пословицами довольно курьезного типа. Я получил от него под бандеролью старинную тетрадку с пословицами в виде азбуки: на каждую букву были подобраны пословицы; или так: учитель спрашивает, ученик отвечает»⁸².

Долго разыскивал исследователь материалы Алексея Кольцова — «Русские пословицы, поговорки, приречья и присловья». Впервые записи Кольцова были напечатаны в «Воронежской беседе» за 1861 г., вышедшей в Петербурге (стр. I—XX). Ее издатель М. де-Пуле получил рукопись от поэта И. С. Никитина и принес ее в дар Воронежской публичной библиотеке, однако этот факт почти никому не был известен. В марте 1900 г. Симони спрашивал о ней И. И. Иллюстрова, но тот ничего сообщить не мог⁸³. Лишь

⁷⁶ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 166, л. 1—278 (13 254 текста). На л. 278 имеется карандашная помета Симони: «Проверено в СПб. 1-го июня 1900 года».

⁷⁷ Там же, ф. 37, № 177, л. 71.

⁷⁸ Печатный перечень пословиц хранится в рукописном отделе ИРЛИ (Р. V, колл. 59, п. 3, № 1, л. 1—14).

⁷⁹ Там же, п. 1, № 4, л. 1. Материалы на л. 2—54 (3056 текстов) с пометой Симони: «Получ. 6 апреля 1900 г.».

⁸⁰ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 117, л. 74 и об.

⁸¹ См., например, библиографические сведения, присланные в 1900 г. Там же, л. 72, 73.

⁸² ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 3, стр. 219—220. Тексты хранятся в рукописном отделе ИРЛИ (Р. V, колл. 59, п. 3, № 7, л. 14—17). На л. 14 помета Симони: «Получено 15 янв. 1899 года от Евг. Ивановича Якушкина из Ярославля».

⁸³ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 2, № 102, л. 2.

в 1909 г., в примечаниях к собранию сочинений Кольцова, А. И. Лященко указал ее местонахождение⁸⁴. Симони выписал тетради поэта из Воронеза и на листах книги Лященко восстановил купюры, выправил знаки препинания, показал «е» вместо «ѣ», пометив: «Исправлено мною по подлинной собственноручной рукописи Кольцова»⁸⁵.

Научная общественность ждала продолжения издания⁸⁶; однако, как вспоминал впоследствии Симони, «ОРЯС, напечатав 1-й выпуск моих пословиц, не очень-то было расположено печатать дальнейшие»⁸⁷. Заготовленные материалы, как основа будущих томов⁸⁸, и фотокопии (факсимиле) ряда рукописей⁸⁹ и теперь еще хранятся в архивах страны и ждут своих издателей⁹⁰.

⁸⁴ А. В. Кольцов. Полное собрание сочинений. Под ред. и с примеч. А. И. Лященко. СПб., 1909, стр. 289—300.

⁸⁵ «Русские пословицы, собранные А. Кольцовым». ГБЛ, отд. рукоп., ф. 362, без №.

⁸⁶ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 49, л. 94.

⁸⁷ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1. № 3, стр. 217.

⁸⁸ Большинство материалов ученый передал в середине 30-х годов в отдел письменных источников Государственного Исторического музея и в рукописный отдел фольклорной комиссии Академии наук СССР, где они хранятся по сей день. См.: ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 165, л. 1—73, копия сборника XVIII в. из Московского Румянцевского музея «Собрание просторечных мирских пословиц, при времени и при случаях и при разговорах в народе употребляемых»; № 167, л. 1—34, переписанные пословицы из сборника Е. В. Барсова, пожертвованного им в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии; там же, л. 35—39, тексты из сборника кн. Барятинского; там же, л. 40, 41, образцы, выписанные из «Пчелы» коллекции И. А. Вахрамеева; там же, л. 42—46, материалы А. А. Титова (XVII в.); там же, л. 47—174, тексты XVIII в. из рукописей В. М. Ундольского; там же, л. 176—189, изречения, взятые из сборника «Восток» конца XVIII в. библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел; там же, л. 202—224, выписки из текстов Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, полученных от К. И. Михальчука; там же, л. 225—285, образцы народной речи, переписанные с автографа академика А. Х. Востокова (подробнее о нем см.: М. Шахнович. Краткая история собрания и изучения русских пословиц и поговорок. «Советский фольклор». М.—Л., 1936, № 4—5, стр. 310, 311).

15 мая 1936 г. состоялась передача следующих материалов в Фольклорную комиссию АН СССР (см. акт — Архив АН СССР, ф. 150, оп. 5, № 26, л. 1): из собрания И. А. Шляпкина «Русские пословицы». ИРЛИ, рукоп. отд., Р. V, кол. 59, п. 1, № 1, л. 1—30 (548 текстов); «Присловьи». Там же, № 2, л. 1—17 (1366 текстов); «Присловья» (копия с рукописи XVIII в.). Там же, п. 2, № 1, л. 1—12 (310 текстов); «Список со старинного сборника русских пословиц, составленного в Яренске в 1753 году неизвестным. Представляет штатный смотритель Яренских училищ Алексей Протопопов. 1853 года, марта 30-го дня. Яренск». Там же, п. 3, № 4, л. 1—22 (357 текстов) и копия со списка — п. 2, № 2, л. 1—22; «Книга пословиц по алфавиту», принадлежавшая в 1801 г. Василию Фатьянову (написана на бумаге 1785 г.). Фактически является копией «Собрания 4291 древних российских пословиц», выдержавшего в 1770—1777 гг. три издания и имевшего множество рукописных списков. Там же, п. 2, № 3, л. 1—110 (4277 текстов); отрывок из рукописи Д. Княжевича 1822 г. о пословицах и образцы их (п. 3, № 2, л. 1—8); копия с рукописного сборника великорусских и украинских пословиц с латинским переводом и параллелями «*Adagia sive brevis sententia*» 1738—1743 гг. из собрания Иоанна Ушивского, хранящегося в Церковно-археологическом музее при Киевской духовной академии. Там же, п. 3, № 5, л. 1—28; «Разные пословицы по алфавиту», копия из собрания графа А. С. Уварова 1754 г. Там же, п. 3, № 6, л. 1—21; «Показаня о некоторых, происходящих в общенародии нравоучительных пословицах, кои следуют при сем же по алфавиту» по рукописному сборнику 1755 г. Археографической комиссии. Там же, п. 3, № 9, л. 1—26. На л. 1 помета Симони: «21-го мая 1897 г. кончен сборник этот списывать»; на л. 26: «Проверено. 8 июня 1897 г.». Кроме того, известно, что И. А. Шляпкин передал Симони рукописные сборники, принадлежавшие И. П. Сахарову. ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 121, л. 3 об.

⁸⁹ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 170, л. 1—42.

⁹⁰ В традициях Симони, однако без использования его заготовок, опубликованы недавно Г. Г. Шаповаловой следующие материалы: Сборник пословиц б. Петровской галереи, собрания В. Н. Татищева и А. И. Богданова («Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков». М.—Л., 1961, стр. 23—39 и 47—118).

Такова история замысла П. К. Симони по публикации старинных записей русских пословиц и поговорок, впервые в отечественной фольклористике осуществленной им на строгой научной основе и ставшей образцом для последующих поколений.

5

В конце 90-х годов Симони предпринял создание полного свода пословиц — «Corpus proverbiorum paremiarumque russicorum»⁹¹. В официальном ходатайстве в Отделение русского языка и словесности Академии наук от 15 декабря 1900 г. он назвал задуманное издание по-другому — «Систематическим собранием (сводом) русских (велико-, бело- и малорусских) пословиц, поговорок, присловий, скороговорок, прибауток, присказок, побасенок, пустобаек, народных анекдотов, загадок, острот, прозвищ и проч., с объяснениями, вариантами и параллелями — как книжных, так и в особенности простонародных»⁹².

В письме Н. А. Иваницкому он говорит о принципах отбора материала: «Для свода велико-, бело- и малорусских пословиц, поговорок, загадок и вообще относящихся сюда выражений и проч. памятников народного слова с параллелями и отображениями славянскими и других народов с объяснениями каждой пословицы и указанием района ее распространения. (Для последнего обстоятельства пригодны всякого рода записи с отметкой местности, но только в возможно большем количестве)»⁹³.

Предполагая собрать воедино как сохранившиеся в рукописях, так и опубликованные образцы народной речи, Симони проделал колоссальную и крайне трудоемкую работу: он перевел на карточки⁹⁴ весь сборник В. И. Даля и труды И. М. Снегирева, выписывал пословицы из сочинений Пушкина, из «Горя от ума», из басен Крылова, переписывал на них поступления последних лет из Архива Географического общества⁹⁵, академическое собрание И. И. Срезневского и т. д.

По совету Л. Н. Майкова, он начал также разыскивать копии с «заветных» пословиц В. И. Даля и получил их с добавлениями, имевшимися в собраниях П. А. Ефремова и Е. И. Якушкина. Кроме того, ему удалось установить, что первые копии с этой рукописи Даля были сделаны известным библиографом, издателем сочинений М. Ю. Лермонтова — С. С. Дудышкиным и профессором Киевского университета А. М. Лазаревским.

Составлял Симони и подробную систематическую библиографию по русским пословицам, с присоединением краткой истории славянских и других (например, румынских) изысканий⁹⁶. На ряд малоизвестных работ указывали ему другие библиографы: так, в январе 1903 г. В. И. Рогожин писал ему из Москвы: «Сообщаю, быть может, неизвестную Вам статью, случайно на нее набрел, а именно „Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского и Рыльского уездов“, статья эта напечатана в Курских губернских ведомостях в 1853 году»⁹⁷.

⁹¹ ГПБ, отд. рукоп., ф. 621, № 773, л. 26 об.

⁹² ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 121, л. 3.

⁹³ Там же, № 173, л. 1 об.

⁹⁴ Карточки находятся в разрозненном виде у дочери собирателя, М. П. Симони.

⁹⁵ В апреле 1914 г. А. М. Смирнов просил Симони возвратить взятые из архива Русского географического общества записи И. Н. Мамакина и Е. Т. Соловьева из Нижегородской губернии, содержащие образцы пословиц (ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 83, л. 19, 20).

⁹⁶ Большинство их, правда в беспорядочном состоянии, хранится там же (№ 171, л. 1—130).

⁹⁷ Там же, № 77, л. 53 и об.

Собранные материалы Симони хотел расположить в систематическом порядке с подбором вариантов как из записей русских и славянских «простонародных» пословиц, так и из текстов книжного происхождения и памятников древней письменности. Обдумывая принцип расположения изречений, он скопировал оглавление сборника Даля, с обозначением страниц тематических разделов, и классификацию книги «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем» (СПб., 1785), где тексты впервые были представлены не по алфавиту, а по предметам⁹⁸.

Сопоставление русских разновременных вариантов с греческими, латинскими, некоторыми восточными и западноевропейскими, по мнению Симони, смогло открыть, хотя отчасти, «путь к отысканию источников в истории развития первоначальной мысли, положенной в тот или иной текст пословицы»⁹⁹. Обработать материал исследователь предполагал по частям: например, подобрать присловья, т. е. шуточные и меткие названия и прозвища, даваемые жителями одной местности жителям другой и пр., группировать и сопоставить изречения по темам — взгляд народа на власть, царя, государство и т. д.

О подготавливаемом Симони издании было известно довольно широко; поэтому многие собиратели с мест присылали ему свои рукописи. В декабре 1897 г. белорусский этнограф Н. Я. Никифоровский, узнав от Е. А. Ляцкого о предприятии Симони, сообщал о коллекции О. М. Киселева (городского головы уездного города Велиона) и предлагал собственные записи белорусских пословиц, которые собирал с 1870 г.¹⁰⁰ Через Никифоровского попали к исследователю и другие белорусские материалы¹⁰¹. Активная переписка и творческое научное общение этих двух фольклористов пока, к сожалению, не отражено в специальной литературе¹⁰². Весной 1898 г. Симони получил тексты от В. И. Чернышева¹⁰³. Он одобрил работу собирателя, и 4 мая тот послал дополнительные материалы, сопроводив их следующей припиской: «Все это, многоуважаемый Павел Константинович, я записывал для Вашего собрания пословиц по мере того, как вспоминал язык Владим[ирской] губ[ернии], а теперь спешу сообщить Вам, чтобы не опоздать и дать Вам возможность употребить из записанного в дело то, что найдете годным. Кое-что, надеюсь, сообщу и еще. Рад, что мои записи Вас интересуют»¹⁰⁴.

Осенью того же года с ценным предложением обратился Н. А. Иваницкий, с деятельностью которого Симони познакомился в период подготовки «Словаря русского языка». «Павел Васильевич (Шейн. — М. М.) сообщил мне, что Вы занимаетесь собиранием пословиц и поговорок¹⁰⁵, — писал Иваницкий. — Позвольте передать в Ваше полное распоряжение тетрадку,

⁹⁸ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 162, л. 1, 2 об.

⁹⁹ Там же, № 121, л. 3 об.

¹⁰⁰ Там же, № 66, л. 34.

¹⁰¹ «Дополнения к сборнику белорусских пословиц, составленному И. И. Носовичем» — тексты на белорусском языке, расположенные в алфавите с объяснением на русском языке смысла каждого изречения. ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 25, л. 1—53 (1070 текстов). Собрание Носовича было опубликовано в «Изв. ОРЯС» (1852, т. I, Прибавления, л. III, стлб. 33—80) и с дополнениями в Записках РГО по Отделению этнографии», т. I. СПб., 1867, стр. 251—482; т. II. СПб., 1869, стр. 363—371, 373—379; «Краткие житейские обращения белорусов Витебской губернии. Собраны А. Ласковым. 18 января 1899 г. в Витебске». ИРЛИ, рукоп. отд., Р. V, колл. 59, п. 5, № 2, л. 1, 2. На л. 1 дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Павлу Константиновичу Симони» и помета: «Получил 20-го января 1899 г.».

¹⁰² В. К. Бондарчик и И. Г. Чигринов. Николай Яковлевич Никифоровский. Очерк жизни и деятельности. Минск, 1960.

¹⁰³ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 90, л. 38 и об.

¹⁰⁴ ИРЛИ, рукоп. отд., Р. V, колл. 59, п. 5, № 3, л. 4 и об. Здесь же, на л. 1—4 образцы пословиц Владимирской губернии.

¹⁰⁵ П. В. Шейн приезжал к Н. А. Иваницкому в Петрозаводск.

в которой Вы найдете коллекцию пословиц, записанную мною в Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерниях. Без сомнения, многие из этих пословиц Вам уже известны, но могут встретиться и неизвестные или интересные вариации. Затем у меня есть записанные мною в Вологодской губ. ок[оло] 360 загадок, может быть, и этот сборник пригодится Вам на что-нибудь?»¹⁰⁶.

Несмотря на такие дополнения, свежего материала было недостаточно. Для стимулирования собирательской работы на периферии Симони в 1898 г. составил специальную программу. Он стремился иметь записи пословиц всякого рода, — «хотя бы и известных-переизвестных, но с отметкою биографических данных о каждой, т. е. местности, где записана, где употребляется, тем более и ее значение»¹⁰⁷. Особенно ценились им локальные, областные (в самом узком смысле этого слова) образные выражения, ибо они подчас сохраняют «старую словесную одежду и даже самые слова, что может дать нам разгадку происхождения самого текста»¹⁰⁸. С помощью таких записей ученый надеялся отыскать источники многих пословиц и изучить их историческую жизнь.

Симони как действительный член Русского географического общества обратился с официальным письмом к председателствующему в Отделении этнографии РГО В. И. Ламанскому. Он просил напечатать составленную им программу в журнале «Живая старина» и отдельно для распространения на местах¹⁰⁹. Тогда же он сделал сообщение на заседании Отделения, в котором рассказал о ходе работы над сводом пословиц, повторил просьбу о публикации программы и рассылке ее в редакции журналов, газет, губернских ведомостей, в статистические комитеты, попечителям учебных округов, директорам народных училищ, ректорам духовных семинарий для распространения среди учителей и учащихся в России и в Галиции.

Решением Отделения программа была опубликована в «Живой старине»¹¹⁰, издана отдельно в количестве 10 000 экземпляров для рассылки по адресам, указанным автором, в сокращенном виде она появилась и на страницах «Этнографического обозрения»¹¹¹. Программу высылали интересующимся бесплатно в любой город¹¹².

¹⁰⁶ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 2, № 95, л. 2 об. — 3. В архиве Симони (ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 168, л. 1—40) имеется и другая рукопись «Пословицы и поговорки, собранные в Вологодской губернии Н. А. Иваницким (переписаны и проверены лично. Кадников. Январь 1888)»; на титульном листе карандашная помета Симони «Перед. Аф. Бычковым 1893 г.». Эти рукописи остались неизвестны исследователю жизни и деятельности собирателя — Н. В. Новикову (см. его статью «Н. А. Иваницкий и его фольклорное собрание» в кн.: «Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии». Вологда, 1960, стр. XXIII и XXVII). Новиков опубликовал другие материалы из фонда Симони в рукописном отделе ИРЛИ: «Пословицы и поговорки Вологодской губернии, собранные Н. А. Иваницким. Кадников, 1890», Р. V, колл. 59, п. 4, № 1, л. 1—406 (2095 текстов) и «Загадки, записанные в Вологодской губернии Н. А. Иваницким». Там же, № 2, л. 1—17 (250 текстов).

¹⁰⁷ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 173, л. 2 об.

¹⁰⁸ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 3, стр. 215. Об интересе Симони к областным пословицам «в одежде местных говоров» см. там же, стр. 216, 217.

¹⁰⁹ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 159, л. 3. Письмо от 15 мая 1898 г.

¹¹⁰ П. Симони. Программа для собирания русских пословиц, поговорок, острот, прозвищ, загадок и т. д. ЖС, 1898, вып. 1, стр. 118—121. На стр. 117 напечатана вступительная заметка от Отделения этнографии Русского географического общества, разъясняющая цель и характер работы. После программы, на стр. 121 сообщены адреса, куда следует направлять материалы — непосредственно в Отделение и на дом к П. К. Симони.

¹¹¹ «Собрание пословиц, загадок, заговоров и пр.». ЭО, 1898, № 3, стр. 206, 207. Перепечатано пять параграфов — «главная часть», по определению редакции.

¹¹² Симони сообщил об этом на обложке отдельного выпуска «Старинных сборников русских пословиц...» при библиографическом перечне своих трудов. Черновики

Симони не был единственным членом РГО, занимавшимся изучением пословиц и разработавшим программу их собирания. Еще 7 мая 1847 г. в собрании Общества с докладом «О русских пословицах», с постановкой тех же вопросов, выступил В. И. Даль¹¹³. Однако предложения Симони выгодно отличаются ясностью и большей четкостью. Фактически его программа представляет собой конкретный план не только сбора пословиц, но и их исследования. В ней намечены классификационные рубрики, указаны точные фольклорные принципы записи этого вида устной поэзии, не утратившие своего значения и в наши дни.

Программа состоит из 12 пунктов. Первый содержит подробную классификацию народных речений и загадок; в следующем разъяснены основы научной записи (полный паспорт, указание степени распространения каждой пословицы, времени и места ее употребления, связи изречения с другими жанрами, передача живого произношения и т. д.); девятый пункт акцентирует внимание на старинных рукописных паремнологических сборниках. Программа долго помогала областным собирателям, но все же не оправдала надежд автора. Вероятно, в ответ на нее к Симони попали лишь «Народные пословицы», зафиксированные Максимовым (без паспортных данных)¹¹⁴, рукописное собрание члена-сотрудника РГО М. К. Герасимова «Некоторые пословицы и поговорки с объяснениями, собранными у крестьян Череповецкого уезда Новгородской губернии»¹¹⁵, «Пословицы и поговорки, находящиеся в употреблении в Тамбовской губернии», собранные Н. Рахманиновым¹¹⁶, «Загадки и пословицы, записанные от школьников народной учительницей Курской губернии Е. Рязановой»¹¹⁷, образные народные изречения, присказки Новгородской губернии, пересланные И. П. Петровых¹¹⁸.

Благодаря программе произошло знакомство Симони с А. В. Марковым. Марков послал ему свои записи, снабдив их сопроводительным письмом: «Милостивый государь г. Симони, сочувствуя Вашему предприятию — издавать памятники живого народного говора, я посылаю Вам небольшой сборник пословиц, загадок и пр., составленный мною попутно, при записывании памятников народной поэзии. Так как Вы просили „не стесняться качеством присылаемого материала“, то я списал для Вас все, что нашлось в моих бумагах. Поэтому наряду с ценными записями из Олонецкой губернии Вы найдете в моей тетради и ходячие выражения московские, может быть, всякому известные. Я старался указать параллели к своим записям, известные в печати; но, конечно, они не исчерпывают всего, известного в литературе»¹¹⁹. В 1900 г. Марков напоминал Симони о своих материалах: «Еще в конце 1898 года я, прочитавши Вашу программу для собирания пословиц, поговорок и пр., послал Вам по почте небольшой сборник пословиц, прозвищ, загадок, выражений брани и стереотипных метких слов...

такого списка сохранился в его рукописях (ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 159, л. 3).

¹¹³ Текст доклада см.: «Современник», 1847, № 6, стр. 143—156.

¹¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 48, л. 1—19.

¹¹⁵ ГПБ, отд. рукоп., ф. 696, № 138, л. 1—20. Материалы направлялись собирателем «для журнала „Живой старины“», но решением Отделения этнографии РГО были переданы Симони «для рассмотрения». В «Описании рукописей...» Д. К. Зеленина (вып. 2. СПб., 1915, стр. 885—891, № 38) зафиксировано девять тетрадей М. К. Герасимова, но об этой сведений нет, хотя она явно дополняет предыдущие записи.

¹¹⁶ ИРЛИ, рукоп. отдел, Р. V., колл. 59, п. 1, № 3, л. 1—7 (189 текстов).

¹¹⁷ Там же, п. 5, № 7, л. 1—5.

¹¹⁸ Там же, № 10, л. 1, 2 об.; № 12, л. 4—8 об.

¹¹⁹ Письмо от 21 декабря 1898 г. Там же, № 9, л. 1 и об. Под № 8 (л. 1—81) хранится тетрадь «Пословицы и загадки, записанные А. Марковым в 1894—1897 гг. в Московской, Рязанской, Владимирской и Олонецкой губ.». На обложке надпись: «Присланы г-ну Симони».

Пока у меня новых материалов по интересующему Вас вопросу имеется очень мало: с десятков поговорок, загадок и пословиц из Архангельской губернии». В конце письма приложены две пословицы, слышанные Марковым в Москве от уроженца Коломенского уезда: «Два братца с Арбатца» и «Что ни ври, все — богу» (говорится о членах причта, плохо читающих в церкви)¹²⁰.

Так как результаты от рассылки программы Симони считались недостаточными, он решил вступить в личное общение с собирателями из провинции и преподавателями учебных заведений, которые могли помочь ему в сборе пословиц. Оживленная переписка завязалась у Симони с Д. К. Зелениным. В декабре 1904 г., готовя публикацию русских народных присловий, Зеленин сообщал: «Мне хотелось поговорить с Вами о предполагаемом Вами полном издании русских пословиц. У меня есть кое-какие материалы (1) из бумаг В. А. Воскресенского и (2) рукопись г. Киселева из Тихвинского у., которые я мог бы передать Вам, если только они Вам нужны. Помимо того, мне хотелось узнать, войдут ли в Ваше издание присловья (прозвища)? Много ли у Вас в этом отношении нового материала? Намерены ли Вы сопровождать их объяснениями?»¹²¹.

П. К. Дилакторский передал Симони загадки, собранные в Вологодской губернии¹²². П. Н. Сакулин обещал привлечь к собиранию пословиц и поговорок слушательниц Московских историко-филологических высших женских педагогических курсов, где он преподавал¹²³.

В 1916 г. ученый ознакомился с деятельностью литератора В. В. Князева, готовившего энциклопедию пословиц. В бумагах Симони сохранилось прошение Князева от 29 марта 1916 г., адресованное в Академию наук: «Работая вот уже около десяти лет над опытным словарем-энциклопедией русской народной красной речи (труд, начатый еще моим дедом и отцом), очень прошу Академию наук отпустить мне бесплатно те из изданий Академии, которые могут мне быть полезными для моей работы. В настоящее время мною уже использованы, кроме обширных записей отца и деда: Даль, Михельсон, Иллюстров, несколько изданий областных ведомств и почти все классики»¹²⁴.

Мысль о создании свода долго не покидала Симони, хотя сразу было ясно, что обширный план не может быть реализован и осуществлен.

Многолетняя деятельность Симони по изучению пословиц сделала его признанным авторитетом в этой области. Когда в начале XX в. возникла идея переиздания словаря В. И. Даля, к этому делу собирались привлечь А. И. Соболевского. «Желают иметь на обложке нового издания мое имя... и я его даю, если издание будет поручено Вам», — писал он Симони 25 октября 1903 г.¹²⁵ По заданию II Отделения Академии Симони консультировал молодого ученого С. Адальберга, выпустившего большую «Книгу польских пословиц» и готовившего в то время продолжение своего труда¹²⁶. На опыт Симони ссылается И. И. Иллюстров, рассказывая во «Введении» ко второму изданию сборника «Жизнь русского народа...» о его подготовке¹²⁷.

Несмотря на общественное признание заслуг ученого в области паремологии, ему приходилось заниматься этим бескорыстно и самоотверженно.

¹²⁰ Там же, № 9, л. 2 об., 3.

¹²¹ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 47, л. 25 и об.

¹²² ИРЛИ, рукоп. отд. Р. V, колл. 59, п. 4, № 3, л. 1—12 (303 текста).

¹²³ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 82, л. 14.

¹²⁴ ГПБ, отд. рукоп., ф. 696, № 162, л. 1.

¹²⁵ Там же, ф. 37, № 79, л. 21.

¹²⁶ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 3, стр. 217.

¹²⁷ И. И. Иллюстров. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок. Изд. 2. СПб., 1910, стр. IX, XIII—XXII.

но, на свой страх и риск. Тщетно обращался Симони с просьбой в Отделение этнографии РГО¹²⁸ и во II отделение Академии наук¹²⁹ об ассигновании хоть какой-нибудь суммы под отчет на оплату труда по переписке текстов, переводу на карточки печатных сборников, покупку ящиков для хранения материалов и приобретение важнейших книг. Ему приходилось самому, с помощью только жены и сестры, переписывать от руки огромное количество списков, ведя в то же время большую научно-организаторскую работу и совмещая ее с официальной службой в Академии.

6

После Октябрьской революции, став в 1921 г. членом-корреспондентом АН СССР, Симони занимался главным образом историей собирания народных афоризмов и изречений книжного происхождения. Уже в предисловии к «Старинным сборникам» были намечены основные этапы изучения пословиц. Ученый предполагал теперь проанализировать летописи, жития, Слово Даниила Заточника, Мудрости Менаандра, Сны царя Соломона, апофегматы и другие позднейшие сборники, вплоть до изданий для народа Д. В. Григоровича, Л. Н. Толстого¹³⁰ и календарей с поговорками на каждый день¹³¹. Исследователь хотел выделить труд И. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи» (М., 1848), являющийся, с его точки зрения, единственной книгой, содержащей указания на источники большинства пословиц и их параллели. Сохранились многочисленные выписки Симони из общих статей, учебных курсов, энциклопедий и т. п., дающих жанровое определение этого вида устного творчества¹³².

В 20—30-е годы исследователь выступил с рядом сообщений о пословицах, заготовил различные этюды (тексты их пока обнаружить не удалось)¹³³. Пословицам было уделено большое место в докладе П. К. Симони «Несколько замечаний по истории русского фольклора и терминологии русского фольклора», прочитанном 22 апреля 1938 г. на 79-м научном заседании комиссии по фольклору Академии наук СССР¹³⁴. Доклад явился итогом всех фольклористических раздумий ученого. По тезисам¹³⁵, заготовкам¹³⁶ и черновому тексту¹³⁷ можно установить точку зрения Симони на фольклор. Он относил появление фольклора к доисторическим временам; проникновение устной поэзии в литературные памятники происходило уже с эпохи создания отечественной письменности. Ученый полемизировал с историком древних рукописей профессором Н. К. Никольским, который отрицал наличие в монастырях светской литературы, содержащей материалы народного творчества¹³⁸.

¹²⁸ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 2, л. 19 и об.

¹²⁹ Там же, ф. 37, № 121, л. 3, 4 об.

¹³⁰ Имеются в виду 10 выпусков «Народной беседы» Д. Григоровича (1860), содержащих популярные сведения по географии, русской истории, литературе, устному творчеству, и народные рассказы Л. Толстого 70—80-х годов.

¹³¹ ГИМ, отд. письм. источников, ф. 37, № 173, л. 2.

¹³² Там же, ф. 37, № 159, л. 75—134.

¹³³ В машинописном «Списке трудов П. К. Симони», хранящемся у дочери ученого — М. П. Симони — указаны следующие работы: «О провинциальных присловьях и шуточных сатирических прозвищах», «Исторические пословицы русского народа», «Старинная и народная номенклатура русской пословицы», «К истории собирания и изучения русской пословицы», «Старинные „Пчелы“ без деления на главы» (стр. 4, № 30, 31, 33—35).

¹³⁴ См. тетрадь регистрации за 1938 г., л. 4 (архив сектора народного творчества Института русской литературы (АН СССР)).

¹³⁵ Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, № 20, л. 197.

¹³⁶ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 8, л. 2—14. Лист 1 составляют тезисы доклада.

¹³⁷ ГБЛ, отд. рукоп., ф. 362, без №, л. 1—15.

¹³⁸ См.: В. Н. Перетц. Записка об ученых трудах члена-корреспондента Акаде-

Рассматривая жанры фольклора в их исторической последовательности, Симони на третье место ставил пословицы и поговорки (после гимнов богам и заговоров). Он наметил схему распространения и изучения пословиц в России: «3). Пословицы, поговорки, пословье, поговорье, приговорки и т. д. — Присловья о жителях. — Мирские притчи у Даниила Заточника. — Пчелы. Без разделения на главы и заголовков, изречения из Пчелы вперемешку с народными русскими пословицами. — Пословицы всенароднейшие. Что такое „Всенародие“ в переписке Андрея Курбского с царем Грозным. — Увлечение Петра I пословицами, его „Юности честное зерцало“. — Занятие акад. Ломоносова пословицами (см. письмо его к Воронцову). — Татищев прислал Тредьяковскому свою рукопись пословиц. — Японофил Андрей Богданов составил в рукописи сборник пословиц. — Антон Барсов составил в рукописи большой сборник пословиц. Он был издан три раза. Весь XVIII в. продолжалось записывание пословиц. — 1769 г. Курганов в „Письмовнике“ издал сборник русских пословиц и песен. — Д. К. издал сборник пословиц по алфавиту. — Труды Снегирева по исследованию и изданию пословиц. Рецензия Буслаева и его дополнение. — Двукратное печатание Далем сборника пословиц. Его же заветные пословицы (1852) не могли быть напечатаны. — По совету Даля и при его помощи в Ростове или Ярославле один дьякон составил дополнения к Далю в трех томах (рукопись в собрании Вахрамеева). — К. П. Победоносцев в своем курсе „Гражданского права“. — В начале XIX в. стряпчий и законовед Горюшкин собирал и издавал пословицы. О значении пословиц у Карамзина (И. г. р.)»¹³⁹.

Для этой канвы Симони использовал рукописные материалы (частью из своего архива, о чем было сказано выше), сведения о малоизвестных юридических источниках — трудах самоучки-профессора «законоискусства» Московского университета З. А. Горюшкина (1748—1821) и лекциях реакционного государственного деятеля, обер-прокурора синода К. П. Победоносцева. Однако в ней не нашлось места, к сожалению, для работ Н. А. Добролюбова¹⁴⁰ о развитии отечественной паремииологии, хотя в 30-х годах были опубликованы его пословичные записи и статьи о них М. К. Азадовского¹⁴¹. Но все же опыт Симони ценен как одна из попыток создания целостной истории изучения русских пословиц и поговорок.

Теоретические разыскания П. К. Симони и его организаторская деятельность мало известны. Современные исследователи в лучшем случае отмечают известное значение издания первого выпуска «Старинных сборников» («формальные достижения палеографической школы»)¹⁴² и кратко упоминают о подготовленной «Программе» и идее «Свода»¹⁴³. Почти ничего не говорится о нем как паремииологе в фундаментальной двухтомной «Истории русской фольклористики» М. К. Азадовского и обобщающей статье Г. С. Виноградова «Полвека ученой деятельности П. К. Симони»¹⁴⁴. Между тем необходимо тщательно изучить богатое рукописное наследие ученого и достойно завершить начатое им большое дело.

мий наук профессора Н. К. Никольского. В кн.: «Протоколы заседания общего собрания Академии наук, 1916» (СПб., 1916), стр. 95—106 (на правах рукописи).

¹³⁹ ЦГАЛИ, ф. 461, оп. 1, № 8, л. 2 (5) — 3 (6).

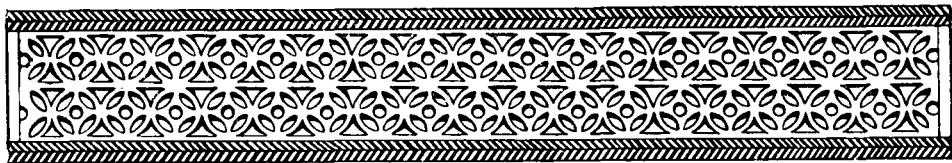
¹⁴⁰ «Заметки и дополнения к сборнику русских пословиц Буслаева». В кн.: Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в шести томах, т. I. М., 1934, стр. 496—552.

¹⁴¹ «Добролюбов-фольклорист» («Советский фольклор», 1936, № 2—3, стр. 423—425); «Добролюбов и русская фольклористика» («Изв. АН СССР. Отделение общественных наук», 1936, № 1—2, стр. 131—159).

¹⁴² М. И. Шахнович. Тезисы доклада «История изучения русских пословиц», прочитанного на заседании фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР 25 ноября 1935 г. (Архив АН СССР, ф. 150, оп. 5, № 30, л. 4).

¹⁴³ М. И. Шахнович. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок. «Советский фольклор», 1936, № 4—5, стр. 299, 340 и 356.

¹⁴⁴ «Язык и мышление», III—IV. М., 1934, стр. 285—292.

Е. И. КОРОТИН

**СБОРНИК «СКАЗКИ И ПЕСНИ БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ»
БРАТЬЕВ Б. М. и Ю. М. СОКОЛОВЫХ**

1

Научные воззрения Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых формировались в русле основных концепций и установок «исторической школы». Студенты Московского университета (с 1906 г.), ученики В. Ф. Миллера, братья Соколовы приняли методологию и проблематику научных разысканий этой школы.

Независимо от методологических позиций этой школы, ее успехи в области собирания и издания памятников народнопоэтического творчества в фольклористике начала XX в. были весьма значительны. СобираТЕЛЬСКАЯ и исследовательская работа в России направлялась и осуществлялась в основном научными организациями Москвы и Петербурга: Этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии¹, Отделением этнографии Русского географического общества², Отделением русского языка и словесности Академии наук.

В этот период совершенствовалась методика собирания фольклора. Объективность, полнота, точность записей произведений устной поэзии, сохранение при этом особенностей местного говора и своеобразия конструкции речи и произношения, паспортизация текста стали основными требованиями к собирателям. Фиксация песенного фольклора значительно облегчилась применением фонографа. Делались попытки составления биографий и творческих характеристик народных рассказчиков и певцов. Более научным стало и издание фольклорных материалов. Большинство сборников, вышедших в начале XX в., снабжены вступительными исследовательскими статьями собирателей, хорошим научным аппаратом.

Так как основное внимание исследователей было приковано к русскому былинному эпосу, то в первую очередь собиратели старались отыскать новые варианты былин.

В. Ф. Миллер и его последователи стремились точно установить, крестьянство каких районов России на протяжении ее многовековой истории принимало участие в распространении и сохранении былевой традиции; это требовало новых данных о былине, дополнительных материалов и сведений. Вновь и вновь совершались экспедиции: повторные — в ранее обследованные места, новые — в мало и вовсе не обследованные районы. Каждый собиратель считал честью для себя найти хотя бы вариант былины.

В результате почти полувекowych поисков всей плеяды русских собирателей удалось установить наличие былевой поэзии в Олонецкой и Архангельской губерниях, в западных районах Сибири, у донских, терских и

¹ С расширением собирательских задач при этом отделе в 1911 г. была организована Комиссия по народной словесности.

² При Отделении также работала специальная Сказочная комиссия.

уральских казаков. Записи былин в других местностях России были скудны и не оправдали надежд, хотя собранные данные говорили об их широком бытовании прежде.

Встал вопрос о причинах сохранности и исчезновения былин. Почему в одних районах былевая поэзия жива, а в других — заглохла? В. Ф. Миллер пришел к убеждению, что эпос сохранился в тех районах, которые ранее входили в состав земель Великого Новгорода, а также в местах, подверженных новгородскому культурному влиянию. Благоприятными условиями для жизни былин вообще, а на Севере в особенности, В. Ф. Миллер считал «отсутствие крепостного права, малое распространение грамотности, природные условия, обусловившие „примитивность“ в материальном и духовном быту»³. Причинами, несколько менее влияющими на сохранность былин, он (а позднее и А. Д. Григорьев и др.) признавал наличие в Олонецкой и Архангельской губерниях таких промыслов, как артельное рыболовство, рубка и сплав леса и пр. Именно промысловый характер работ, объединяющий в артели крестьян, служил, по мнению исследователей, основной причиной широкого распространения и бытования на Севере народной словесности, в том числе и былевой.

Несмотря на отмеченную фольклористами роль Новгорода как очага распространения былин, сама Новгородская губерния не сохранила, как полагали, былевой поэзии. Экспедиции 1890—1900 гг. былин там не обнаружили. Даже такой опытный фольклорист, как Е. Э. Линева, которая в 1901 г. ездила в наиболее глухие уезды Новгородской губернии (Череповецкий, Белозерский и Кирилловский) для собрания песенной поэзии, пришла к заключению, что былин в этих районах нет.

В. Ф. Миллер пытался объяснить это изменением этнографического состава населения после потери Великим Новгородом самостоятельности, а также политическим и культурным влиянием Москвы.

Однако у фольклористов не угасала надежда найти былины в Новгородской губернии. Миллер специально подал на рассмотрение предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда в Новгороде докладную записку о возможностях сохранности былевой традиции в районах, близких к древнему Новгороду. Желание отыскать и записать для науки эпические песни привлекло внимание к Новгородской губернии и Б. и Ю. Соколовых. По их убеждению, такие записи явились бы особенно важными для суждений о происхождении и географическом распространении эпоса. Их не смущало, что, несмотря на отдельные попытки, там почти не было сделано записей⁴. Им было известно, что до Ончукова отрицалось наличие былин и на Печоре, но он обнаружил их там в живом бытовании.

Непосредственным поводом, побудившим Соколовых отправиться за былинами в Новгородскую губернию, послужил следующий случай. Летние каникулы 1907 г. студенты Соколовы проводили на даче под Рыбинском. Служившая у их бабушки кухаркой Катерина Шарашова, родом из Белозерского края Новгородской губернии, оказалась неплохой песенницей и знатоком народной поэзии. В несколько вечеров Борис Соколов записал от нее не одну тетрадь песен, пословиц, загадок, гаданий. Особенно ярко и увлекательно изложила она обряд крестьянской свадьбы. От нее были записаны и отрывки старин о Добрыне Никитиче, о Дунае; она уверяла, что

³ В. Миллер. Очерки русской народной словесности, вып. I. М., 1897, стр. 12.

⁴ До Б. М. и Ю. М. Соколовых в печати были известны три новгородских былины. Былина об отъезде Добрыни записана в самом Новгороде, а об Иване Гостинном сыне — в Валдайском уезде; оба отрывочных текста напечатаны в сборнике П. В. Киреевского. Третья былина-бывальщина о Сухмане записана П. Шереметевым в Кирилловском уезде; публикацию ее см.: Граф Павел Шереметев. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902, стр. 71.

в Белозерье есть былины и сказители. Полученные сведения были залогом успеха задуманной поездки. Намерение это еще более укрепилось, когда, ознакомившись с этнографической литературой по Новгородской губернии, Соколовы убедились, насколько еще мало изучена жизнь и народная поэзия этого края. Теоретические рассуждения ученых о значении Новгорода как центра, откуда распространялась северная былевая традиция, побуждали Соколовых искать следы ее в районах, промежуточных между Новгородом и живым очагом былевой поэзии — Олонецкой губернией.

Разделяя в основном точку зрения Миллера на причины утраты былевой традиции в Новгородской губернии, Соколовы полагали, что остатки ее должны сохраниться в наиболее отдаленных и глухих уездах северной части губернии. Они надеялись, что коренное население этих уездов должно еще хранить традиции новгородской культуры.

На заседаниях Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии зимою 1907 г. Б. М. Соколов сделал доклад о фольклорных материалах, записанных от Катерины Шарашовой, и выразил желание предпринять поездку за былинами в Белозерский край. Намерение Соколовых было горячо поддержано членами Общества. Миллер добился для экспедиции субсидии от научных организаций: Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Московского археологического общества. Этнографический отдел снабдил Соколовых необходимыми документами для поездки в Белозерский край. Через Д. Н. Ушакова достали фонограф. М. Н. Сперанский предложил свой личный фотоаппарат. Н. Н. Дурново специально составил программу для собирания особенностей местного говора.

2

Избрав северные районы Новгородской губернии местом обследования, Соколовы совершили туда две поездки (в 1908 и 1909 гг.). Наряду с основной задачей — изучение края в отношении сохранности былевого эпоса — они ставили также задачу широкого собирания сведений и материалов по этнографии и фольклору местного населения.

В первой экспедиции (лето 1908 г.) был обследован район вокруг деревни Тереховой-Малаховой Мишутинской волости Белозерского уезда. Из этой деревни они выезжали в окрестные селения, не более чем на 15 верст в округе, так как хотели возможно глубже и полнее изучить местный быт, нравы и поэтическое творчество крестьян. Были обследованы шесть деревень: Терехова-Малахова, Тимохино, Чащино и Горки Мишутинской волости; Волково-Хильки Волково-Хилецкой волости и Сорка Чистиковской волости. Целью второй экспедиции (лето 1909 г.) было обследовать Кирилловский уезд. Она была более продолжительной и охватила семь волостей. Прибыв в Рыбинск, Соколовы по Мологе отправились в г. Весьегонск Тверской губернии, перебрались за 30 верст в селение Покровское и отсюда совершали поездки в различных направлениях, изучая главным образом говор местного населения. Затем вернулись в Весьегонск, переехали в г. Череповец Новгородской губернии, из него в г. Кириллов на Кирилловскую ярмарку. Здесь Соколовы начали собирать фольклорный материал; затем направились в глубь уезда, проделав с юга на север примерно 200-километровый путь и проведя этнографические наблюдения в 21 населенном пункте. Произведения народной словесности были собраны в самом городе и 14 деревнях (Жохово Вогнемской волости; Роговская Прилукской волости; Покровская, Прокуфинская, Зуево, Конешная, Кутилово, Никулинская, Ягрышево, Никольская Ромашевской волости; Пехточ, Березник, Быково Казанской волости и Тигино Тигинской волости).

Условия собирательской работы были не из благоприятных. По опыту других собирателей Соколовы знали, что отыскать нужные произведения, тем более былины, вообще дело нелегкое, еще труднее записать их. Ко времени их приезда трудности эти усугубились. Причиной тому была реакция, наступившая после революционных событий 1905 г. Появление в глухой деревне новых лиц вызывало часто настороженную подозрительность. Сообщать песни и сказки отказывались, боясь, что за это можно нажить беду. Почти везде их встречали недружелюбно. Начинались расспросы: «Чьи будете?», «Пошто приехали?». В истинность собирательских целей не верили. Пораздумав, крестьяне заключали: «Не на добро едут». Странной и невероятной казалась им сама идея собирания песен. Недоверчиво усмехаясь, спрашивали: «У вас там в Москве што ли мало?». Подозревали, что собиратели — «тайна полиция»⁵. Кое-где принимали за господ, приехавших «крепостное право ворочать»⁶.

Соколовым было ясно, что успех дела возможен лишь при тщательной подготовке к работе, при более продуманной методике собирания. Они разработали подробный план. Но пока не сошлись с крестьянами, не сдружились с ними, о собирании фольклора нечего было и думать. Поэтому Соколовы останавливались в каждой деревне как можно дольше. За это время, общаясь с населением, искренне, с интересом и сочувствием относясь к их быту и материальным нуждам, собиратели сходились с жителями и располагали их к себе. Они нередко помогали крестьянам в хозяйственной и полевой работе, принимали участие в деревенских развлечениях. Своим веселым нравом, шутками, захватывающими и увлекательными рассказами братья-близнецы сумели вызвать симпатию и любовь молодежи, которая привязалась к ним и сохранила воспоминания о них в своих песнях: «И што я вас вспоминаю в песнях, которые сочинила я про вас, — писала девушка из дер. Терехова Соколовым, — не только што я одна пою, поют все наши девушки и часто мы вас вспоминаем..., но не только што у нас поют, но и в других деревнях поют про вас песни»⁷. Только после того, как жители привыкали к собирателям, убеждались, что они «люди как люди» и бояться их нечего, Соколовы приступали к работе. Расспрашивали, кто на деревне и в округе знает народные песни, старины, сказки, обряды и т. п. Особенно добивались сведений о сказителях и былинах. Разыскивали не только людей, знающих старины, но и собирали сведения о давно умерших, которые пели былины или помнили о них. Это было важно для истории бытования былевой поэзии в Белозерском крае. Постепенно выявлялись знатоки народного творчества, согласно составленной программе собирались сведения о них (возраст, пол, род занятий, склонности и привычки, кто о чем любит петь, рассказывать), необходимые для подхода к народному рассказчику, певцу и для понимания их мастерства. Нередко, приступив к записи текстов, Соколовы снова встречали трудности и препятствия: вдруг кто-нибудь распространял слух о намерениях собирателей выведать, что поют про царя. Были случаи, когда приходилось наталкиваться на противодействия местных властей. Так, хорошо наладившаяся запись в одной из деревень была прервана вмешательством урядника, который «дипломатично» разогнал крестьян и выпроводил собирателей из деревни⁸. Поразительное сходство братьев-близнецов и фонограф вызывали

⁵ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. II (далее — «Сказки и песни Белозерского края»).

⁶ Там же, стр. III.

⁷ Письмо Марии Шараповой к Б. и Ю. Соколовым от 22 июля 1908 г. ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 50.

⁸ См. «Сказки и песни Белозерского края», стр. 71.

у некоторых досужих людей сомнение, не «антихристы» ли сами собиратели? Случались казусы и из-за «говорящей машинки». Петь в фонограф отказывались: думали, что там сидит черт, «нечистая сила». В подобных случаях Соколовым приходилось снова доказывать «безвредность» своей работы, пристыживать сомневающихся, используя при этом фонозаписи от лиц, знакомых собравшимся. Фонограф оказывал тем не менее большую практическую помощь. Его использовали не только для записей песен и сказок⁹, но и с целью организации аудитории. Фонограф привлекал внимание собравшихся, вызывал желание сообщить новые сказки, песни, причеты. Страх местного населения перед всем новым и необычным для деревенской жизни, робость перед чужими людьми Соколовы объясняли не только наступившей реакцией, но в значительной мере наследием жестоких крепостных порядков, царивших в уездах. Но стоило белозерцам убедиться в чистосердечных намерениях собирателей, как они проникались доверием и с живым участием относились к их делу. «С чувством глубокой благодарности к местному населению, — пишут Соколовы, — вспоминаем мы наши поездки в Белозерский край. Тесное, порой сердечно дружеское сближение с трудовой деревней давало нам много бодрости и жизни, вносило в душу так много тепла и света»¹⁰. Такое же незабываемое впечатление оставили о себе Соколовы в белозерских деревнях. Спустя много лет Ю. М. Соколов, в день 30-летия научной деятельности и избрания в академии УССР, получил теплое послание, напомнившее ему первые шаги в науке: «Это пишут и поздравляют Вас песенники и сказочники деревни Терехова, бывшего Белозерского края. Все мы Вас помним, Юрий Матвеевич, до сих пор. Вспоминаем, как летом 1908 г. Вы вместе с нами ходили в поле жать и косить. Мы рады услышать, что Вас так повысили. Приезжайте к нам на лето в гости. Будем рады поговорить с Вами о счастливой жизни, вспомнить о старинушке. Мы все вспоминаем, как пели Вам песни»¹¹.

Таким образом, Соколовы убедились, что успех собирательской работы зависит от длительного пребывания в районе обследования. Это давало возможность всесторонне изучить быт населения, его поэтическое творчество и полнее исчерпать материал. В полевой практике фольклористов-исследователей Севера метод этот до Соколовых не получил должного распространения. В поисках произведений определенного жанра Рыбников, Гильфердинг, Ончуков, Григорьев объезжали огромные районы, причем в довольно сжатые сроки¹². Главным недостатком таких поездок Е. Э. Линева считала «невольную спешность дела»¹³. Естественно, что при этом изучению фольклорных процессов в связи с жизнью и социально-экономическим положением народа уделялось недостаточно внимания. Сами по себе экспедиции для изучения определенного фольклорного жанра не могут вызывать возражений. Однако в районах, мало обследованных в фольклорно-этнографическом отношении, преимущество имеет всестороннее собирание поэтического творчества.

Кирилло-Белозерская экспедиция братьев Соколовых, совместившая собирательские и исследовательские задачи, ставила целью охватить все бытующие в Белозерье жанры. Они не только собирали материал, но и вели наблюдения над экономической и бытовой жизнью крестьян, изучали

⁹ Впервые для записи сказок фонограф был применен Б. и Ю. Соколовыми.

¹⁰ «Сказки и песни Белозерского края», стр. VIII.

¹¹ Письмо колхозников с. Терехова к Ю. М. Соколову (1939 г.). ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 200, л. 5.

¹² Так, П. Н. Рыбников в поисках былин проехал около двух тысяч верст от Петрозаводска до границ Архангельской губернии.

¹³ Е. Линева. Деревенские песни и певцы. Из поездки по Новгородской губернии. ЭО, 1903, № 1, стр. 94.

творчество народных мастеров, их репертуар, исполнительскую манеру. Все это вместе взятое давало возможность прийти к определенным научным обобщениям. Соколовы, строго придерживаясь принципа объективности, стремились к более или менее исчерпывающей записи произведений, бытующих как в старшем, так и в молодом поколениях. Отбор ценных, на взгляд собирателей, текстов и пренебрежение к менее ценным исключались. Записывались все тексты, иногда даже нецензурного содержания, ибо, как писали собиратели, «опущением таких произведений мы бы проявили мало оправдываемую, с научной точки зрения, произвольность, тем более, что подобные произведения очень часто могут представлять значительную ценность во многих отношениях: напр., в деле изучения народного поэтического стиля, народной сатиры и особенностей местного быта»¹⁴.

На первый взгляд может показаться, что Соколовы вели сплошную запись произведений разного качества и от всякого рода рассказчиков и певцов. Но это не совсем так. Собиратели ориентировались на лучших знатоков фольклора, на людей, мастерски владеющих каким-либо жанром. А записывая произведения от слабых и случайных исполнителей, собиратели тем самым стремились получить подлинную картину бытования устной поэзии. Но в центре внимания, разумеется, были знатоки фольклора. Так, причеты, свадебную поэзию они записывали от людей, сведущих в свадебном и похоронном обрядах: от дружек и от профессиональных плакальщиц. Заговоры, заклинания, приметы и средства народной медицины брали в основном у ворожей и знахарей. Записывая текст, Соколовы добивались максимальной точности. Все произведения — от былин до частушек — фиксировались с голоса транскрибированным письмом¹⁵.

Исполнителя не прерывали и не переспрашивали. Только записав произведение от начала до конца, его прочитывали вслух и, в случае замечаний исполнителя, исправляли.

Повторных записей и записей на память не производили: исключение составили заговоры. По распространенному в народе поверью, заговор теряет силу, если его услышат посторонние лица, и тайна его строго хранилась. Соколовым удалось получить заговоры, только прибегнув к хитрости, — они притворялись больными. Чтобы не разоблачать себя, они записывали заговоры втайне от знахаря позднее, запоминая содержание.

Своеобразна у Соколовых была методика записи свадебного обряда: запись, сделанная от одного лица, зачитывалась другим знатокам той же деревни или волости и с их слов пополнялась¹⁶. Поэтические произведения, сопровождавшие обряд, записывались с голоса. Подобным же способом были составлены описания хороводных игр с песнями. Эти уточнения и дополнения придавали произведениям, по мнению собирателей, «истинность и полноту». Метод этот оправдан. Соколовы хотели восстановить цельные варианты свадебного обряда¹⁷ и хороводных игр в их ранней форме. Похоронного обряда им записать не привелось, но зафиксированные ими похоронные плачи и два рекрутских причета записаны с голоса¹⁸.

Фольклорные записи Соколовы обычно проводили в толпе слушателей, специально собирая вокруг исполнителя возможно большую аудиторию.

¹⁴ «Сказки и песни Белозерского края», стр. V.

¹⁵ О качестве научной записи говорит тот факт, что сборник Б. и Ю. Соколовых в числе немногих других фольклорных сборников использовался для составления диалектологического атласа СССР.

¹⁶ От кого записан и составлен свадебный обряд см.: «Сказки и песни Белозерского края», стр. 337, 356.

¹⁷ Ввиду обнищания крестьянства и вошедших в обычай браков «самоходкой», старинный свадебный обряд к этому времени стал редкостью и явно претерпел изменения.

¹⁸ См. «Сказки и песни Белозерского края», стр. 395—402.

Хороший певец или сказочник захватывает слушателей, вызывает у них искренний восторг, восхищение. Своим отношением к происходящему в повествовании, к мастерству исполнителя слушатели еще более вдохновляют рассказчика. Естественность обстановки, тесное взаимодействие сказителя с аудиторией раскрывали поэтическое богатство и идейную направленность произведений, а нередко вызывали и слушателей на исполнение тех же жанров. Благодаря такой организации, работа шла с большим успехом. При этом внимательно фиксировалось происходящее вокруг. В статьях к сборнику и в биографических характеристиках сказочников можно найти много указаний относительно исполнительской манеры, реплик аудитории, обстановки, в которой производилась запись, и т. п.

Соколовы интересовались не только текстом, но и идейно-эстетическими запросами слушателей, репертуаром и художественным мастерством исполнителей народной поэзии. С этой целью они собирали биографические данные о них, сведения о характере, склонностях, интересах, мировоззрении, верованиях. Вместе с этим прослеживали местную народно-поэтическую традицию; расспрашивали, какие жанры и виды народного творчества бытовали раньше, когда, от кого и где перенял сказочник или сказитель свой репертуар. Интересовались они и современной поэзией: какие жанры и произведения наиболее популярны в последнее время, какие произведения сложены на местной почве и отображают отдельные события.

Все полученные тексты и сведения паспортизировались: отмечалось, где, когда, от кого сделана та или иная запись. Вызывает сожаление краткость сведений о некоторых сказочниках, о четырех их вообще нет. Не везде указано, грамотен сказочник или нет; из 47 сказочников о 22 сведений об этом нет. О 17 сказочниках известно, что они занимались отхожим промыслом, а об остальных нет данных о роде их занятий (кроме хлебопашества), как и об их кругозоре, о связях за пределами своего уезда. Эти сведения дали бы возможность увереннее судить о значении отхожих промыслов и других занятий в распространении и бытовании народной поэзии, особенно былины.

Экспедиция Соколовых ставила основной задачей разыскание былины. Из собранных материалов не видно, насколько настойчиво расспрашивали они об этом жителей, но, видимо, исследователи получили достаточно полные материалы для суждения о существовании былинной традиции в Белозерье, о ее распространении и среде бытования. Таким образом, надо признать, что методика Соколовых обеспечила значительные результаты их работы. За две поездки ими были собраны богатые этнографические сведения и большой фольклорный материал: былины — 12, песни — 667, частушки — 152, сказки — 163, кроме того, некоторое количество произведений других фольклорных жанров. Всего было собрано 1198 произведений устного поэтического творчества.

О своих экспедициях в Кирилло-Белозерский край Соколовы сделали сообщения на заседаниях Этнографического отдела и Дialectологической комиссии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в Московском археологическом обществе¹⁹, что послужило основанием для избрания Соколовых в члены этих обществ. Отделение русского языка и словесности Академии наук включило их собрание в план научных изданий, в чем живое участие принял А. А. Шахматов. Непосредственным ру-

¹⁹ В качестве научных докладов были прочитаны работы Б. и Ю. Соколовых: «Говор южной части Белозерского уезда Новгородской губернии» — в Дialectологической комиссии, а «Остатки былины и исторических песен в Новгородской губернии», — в Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; «Живая старина в Белозерском крае» — в Московском археологическом обществе.

ководителем и консультантом по подготовке сборника к печати был М. Н. Сперанский.

Соколовы большое внимание уделили систематизации текстов, компоновке материала и научному аппарату сборника. В книгу были включены все фольклорные тексты, а также написанные Соколовыми научно-исследовательские статьи и очерки («За сказками и песнями. Из путевых впечатлений», «Белозерская деревня и ее быт», «Сказочники и их сказки» «Остатки былины и исторических песен в Белозерском крае», «Краткий очерк местного говора»), 24 фотографических снимка и обширное приложение. Главную часть составили сказки, сгруппированные по уездам²⁰, а внутри них — по сказочникам. В размещении несенного материала Соколовы приняли за образец сборник великорусских песен А. И. Соболевского. В этот раздел вошли: 1. «Песни эпические» (старины, исторические песни, местные, низшие эпические, духовные стихи); 2. «Песни обрядовые»²¹; 3. «Песни хороводные»; 4. «Песни лирические». В особый раздел выделены мелкие фольклорные жанры (пословицы, поговорки, загадки, гаданья, заговоры и т. п.). В приложение вошли: 1. Краткое изложение сказочных сюжетов; 2. Именной и предметный указатель к сказкам²²; 3. Алфавитный перечень сказок; 4. Алфавитный перечень исполнителей с указанием их репертуара; 5. Список селений, в которых сделаны записи; 6. Словарь местных и малопонятных слов; 7. Примечание к географической карте Белозерского края; 8. Географическая карта Белозерского края²³. Таким образом, книга была построена научно и удобно для пользования.

Однако из-за бюрократизма и волокиты, царивших в Академии наук, сборник с трудом вышел только через шесть лет. Изданный под названием «Сказки и песни Белозерского края», он получил горячее одобрение в печати и признание со стороны знатоков фольклора. В. А. Гордлевский в рецензии, напечатанной в «Русских ведомостях», дал высокую оценку книге: «Материал, повторям, пущен в обращение огромный, а главное, надежный, большое спасибо собирателям»²⁴. Н. Мендельсон в «Голосе минувшего» писал: «Результат большого и серьезного труда, книга гг. Соколовых заслуживает пристального внимания как лиц, занимающихся изучением русского фольклора, так и широких кругов читателей». Отмечая неблагоприятные условия, в которых работали собиратели, он продолжает: «При всех этих условиях можно только удивляться энергии Соколовых, давших исследователям народного творчества обильный, надежный и в высшей степени ценный материал»²⁵. Самые положительные отзывы дали и другие органы русской печати²⁶. Сборник был удостоен премии А. А. Шахматова. Но, не успев выйти в продажу, он был запрещен распоряжением Академии наук якобы по причине «порнографического» содержания некоторых сказок. В 1915 г. Н. Мендельсон не без язвительности писал по адресу Академии о «волшебном исчезновении» сборника: «Не беремся судить о мотивах, которыми руководствовалась Академия, но не

²⁰ Сказки Белозерского уезда, сказки Кирилловского уезда.

²¹ Свадебные обряды даются по уездам, так как в свадебной обрядности и песенном материале между уездами есть разница.

²² Намерение Соколовых составить к белозерским сказкам список печатных русских вариантов не было осуществлено.

²³ Географическая карта была вычерчена Д. Н. Ушаковым.

²⁴ Вл. Гордлевский. «Сказки и песни Белозерского края». «Русские ведомости», 3 июня 1915 г.

²⁵ Н. Мендельсон. «Сказки и песни Белозерского края». «Голос минувшего». М., 1915, кн. 12, стр. 279, 281.

²⁶ Е. Ф. Карский. «Сказки и песни Белозерского края. Зап. Б. и Ю. Соколовых». «Русский филологический вестник», 1915, № 1; В. Данилов. «Сказки и песни Белозерского края. Зап. Б. и Ю. Соколовых». «Исторический вестник», 1915, № 11; П. Н. Сакулин. Народный златоцвет. «Вестник Европы», 1916, № 5 и др.

„занимательно“ ли, что высшее научное учреждение империи ставит своей задачей оберегать широкие круги читателей от подлинных народных высказываний, подобных тем, которые так бережно и любовно собрали гг. Соколовы»²⁷.

В составе сборника немало приведений социально-обличительного фольклора. А в статьях и очерках Соколовых не только правдиво изображена жизнь белозерской деревни после революции 1905 г., но и выражено горячее сочувствие тяжелому положению крестьянства. Это придавало книге политическую остроту, что, видимо, и послужило действительной причиной цензурного запрета²⁸.

3

Содержание очерков «За сказками и песнями», «Белозерская деревня и ее быт» в книге представляет интерес и в плане раскрытия общественного лица самих собирателей. В них даны яркая зарисовка края, характеристика климатических и природных условий, реального быта и мировоззрения народа. Все это создает картину экономического и социального положения населения Белозерского края. Соколовы внимательны ко всему. Их интересует и расположение деревень, глухих и оторванных ото всего мира, затерявшихся среди топких болот и дремучих лесов, и постройки, от архитектуры до внутреннего убранства дома. Богатство для белозерцев, подметили Соколовы, заключено в избе. Возводя громадные «хоромины», практически нежилые, они убивают на это все средства. Быт и материальное положение местных жителей поражали собирателей: бедность и даже нищета, темнота и невежество царят кругом. В Кирилловском уезде — добротные строения, а в Белозерском — курные избы, маленькие срубы, крытые соломой. Причины этого Соколовы видят в экономических условиях: более или менее сносно живут крестьяне, которые при крепостном праве были государственными; помещичьи же и после освобождения не могут выбиться из нужды. Статистические данные, приведенные Соколовыми, показывают, что в Белозерском уезде население почти сплошь состояло именно из помещичьих крестьян. Крепостной гнет здесь, пишут Соколовы, «проявлялся нередко в самой суровой форме»²⁹. Поэтому и живы были в народной памяти ужасы крепостничества и «воспоминания о нем хранились в сказках, леснях и рассказах»³⁰.

Несмотря на некоторую разницу в материальном уровне, образ жизни белозерских крестьян одинаков. Основное занятие — земледелие. Обширные пространства Белозерского края бедны землей, пригодной для пахоты, они покрыты лесами. Соколовы с болью говорят о неимоверно тяжелом и примитивном способе очистки от леса участков под пашню. Возделанная таким способом почва скоро истощается, снова и снова принимаются крестьяне за расчистку «лядины», которую «кострят с восхода солнца до заката». «Вообще, — резюмируют собиратели, — летом белозерский крестьянин почти не спит, работая до изнеможения»³¹. И все-таки земледелие не приносит достатка, своего хлеба не хватает. Собственного леса нет, а «удельный не для крестьянского топора». Аренда помещичьей земли — непосильна. Крестьяне вынуждены искать побочного заработка. Рыболов-

²⁷ Н. Мендельсон. Указ. соч., стр. 281.

²⁸ Материалов Академии наук и Цензурного комитета относительно запрета сборника в архивах нам обнаружить не удалось.

²⁹ «Сказки и песни Белозерского края», стр. XVII.

³⁰ Там же, см., например: № 132 — «Про Сергу и Митю». № 30 — «Барин Степан Федорович». № 32 — «Покупка земли»; все эти произведения сложены на местной почве.

³¹ Там же, стр. XIX.

ство в крае не развито. Единственный промысел — рубка и сплав леса, сопряженные с большими трудностями, — не выход из бедственного положения. В последнее время, отмечали Соколовы, белозерские крестьяне усиленно занимаются «драньем» лыка, вязанием косынок, причем широко используется детский труд. Развивается артельное производство молочных продуктов. Однако применение детского труда губительно сказывается на образовании, а продажа молока лишает население здоровой пищи; к тому же и эти доходные промыслы забирают в свои руки ростовщик и кулак. Проникновение в деревню капиталистических отношений сопровождается безжалостной эксплуатацией крестьянского труда. Жизнь народа становится невыносимой. Единственно светлым лучом кажется Соколовым истинное стремление белозерского люда к «артельному» объединению и огромное его трудолюбие, унаследованное от новгородской общины. Тяжелое впечатление от действительности сменяется в их восприятии ободряющей надеждой на лучшее будущее: «Традиционная общественность и поразительная выносливость в упорном труде — эти два начала, столь типичные для крестьянства Белозерского края, являются залогом его более счастливой будущности»³².

Соколовы обращают внимание своих читателей и на другие стороны жизни народных масс. Население края почти сплошь неграмотно, школ мало, книг нет. Интеллигенцию представляют учителя и духовенство, последнее в большинстве своем «живет тем же бытом, как и крестьянин»³³. Не удивительно, что в крае столько остатков древней старины и пережитков язычества. Соколовы записали много рассказов, преданий, быличек, сказок, связанных с верой в чудесные существа, черта, «полуверид»³⁴, в колдунов и знахарей, в силу заговора, о чем местные жители говорили серьезно и со страхом.

Глубокой древностью пахнуло на собирателей в Белозерском крае. Сохранилась она и в быту. Крестьяне живут большими семьями, где полномочным хозяином является отец. Все зависит от его воли и согласия — раздел семьи, выдача замуж дочерей и женитьба сыновей. Патриархальность в семейной жизни, нравах, развлечениях, связанная с заветами седой старины, еще прочно удерживается в поэтическом творчестве, особенно обрядовой поэзии (в частности, свадебной).

Стремление охватить жизнь русской деревни и народной поэзии во всей полноте обусловило интерес молодых ученых не только к архаике, но и к современности. Сквозь патриархальную старину, царившие вокруг нищету и невежество Соколовы сумели разглядеть ростки нового, современного. «Жизнь движется вперед, — пишут они, — важно наблюдать ее изменяющийся ход. Поэтому, записывая вековые старинки, традиционные сказки, древние песни, мы одинаково обращали внимание на новые обряды, новые сказочные формулы, новые песни. В собранном нами материале можно найти выражение новых вкусов, стремлений и надежд современного крестьянства»³⁵. Современность, например, отразилась в ряде бытовых сказок, в которых отчетливо вскрывается враждебное отношение крестьянства к помещикам и духовенству³⁶. Ядовитая сатира, направленная на них, поднимается до ярко выраженного социального обличения. Соколовы записали и включили в сборник песни местного происхождения, бичующие предпринимателей, ростовщиков, купцов — реальных лиц, изве-

³² Там же, стр. XXV.

³³ Там же, стр. XXVI.

³⁴ См.: там же, сказки № 48, 110, 155, быличка № 122 и др.

³⁵ «Сказки и песни Белозерского края», стр. LI—LII.

³⁶ Отражение местных социальных мотивов см. в сказках, которые указаны в сноске 30 и 48.

стных белозерцам³⁷. Соколовы сообщают, что в 1905 г., так как пахотной земли у крестьян не было, те принялись за «забастовку» — за очистку под пашню лесных участков: «Кое-где целыми деревнями выехали с топорами в удельный лес, но вскоре же сильно поплатились за порубку»³⁸.

С сожалением отмечают Соколовы, что в обстановке недоверия и подозрительности к ним местных властей, как к странствующим «поликанам», «студентам», они не могли открыто беседовать с населением на политические темы. Но, несомненно, собиратели все же расспрашивали доверявших им крестьян об их взглядах на общественное устройство. Во всяком случае у Соколовых сложилось определенное представление о крестьянских мыслях и стремлениях: «Сквозь толщу традиционных навыков и предрассудков все-таки явно чувствуется, куда обращает теперь народ свои взоры и где ищет он поддержки в своей жизненной борьбе»³⁹.

Собиратели заняты наблюдениями над процессами развития фольклора и активностью бытования жанров. Они впервые помещают в фольклорный сборник романсы и песенные переделки стихотворений поэтов⁴⁰. Считая этот материал равноценным фольклорному по значению, они поднимали проблему взаимодействия народной поэзии и литературы. Они также записали и включили в сборник полторы сотни частушек. В ту пору, когда вокруг частушек шли острые споры, Соколовы считали их полноправным новым жанром, результатом развития жизни, новых вкусов, понятий и нравов. Хотя тематика частушек в сборнике небогата и большинство их — любовные «страдания», все же немало и отражающих новые вкусы, новые нравы, отношение к царской службе, к японской войне.

Правдивое описание Соколовыми тяжелого положения белозерского крестьянства, данное в очерках «За сказками и песнями», «Белозерская деревня и ее быт», характеризуют демократизм общественных позиций Соколовых. Очерки эти указывают на их гуманизм, на живой интерес собирателей к современной жизни трудового крестьянства и его духовной культуре и к новым фольклорным явлениям. Все это дает основание говорить о Соколовых как о фольклористах демократического направления, как о собирателях, искренне стремившихся своей работой способствовать улучшению жизни народа.

Если очерки явились выражением общественных взглядов собирателей, то проблематика исследовательских статей «Остатки былины и исторических песен в Белозерском крае», «Сказочники и их сказки» раскрывают научные позиции Соколовых. Многожанровый сборник Соколовых представлял фольклорное богатство сравнительно небольшого района. Наряду со сборниками Ончукова, Григорьева, Маркова, Зеленина, Елеонской он свидетельствовал о жизненности народного творчества, опровергал тех, кто утверждал, что устная поэзия гложет, увядает. Наблюдения над репертуаром сказителей, песенников, сказочников, воплениц, над бытованием фольклора приводят Соколовых к выводу: «Народная непосредственная поэзия еще живет полной жизнью в этом крае»⁴¹.

³⁷ К таковым относятся песни: № 29 — «Прорытие Белозерского канала», № 31 — «Ваня Гладин», № 32 — «Шалга», № 34 — «Цистый Дор», № 36 — «Никонор купец», № 37 — «Капаруля и Балдин», № 38 — «Донской».

³⁸ «Сказки и песни Белозерского края», стр. XXXIX.

³⁹ Там же, стр. LII.

⁴⁰ В сборник Соколовых вошли народные переделки стихов С. Аксакова («Уральский казак»), А. Кольцова («Хуторок»); А. Плещеева («Я у матушки выросла в холе»), И. Сурикова («Тихо тощая лошадка по пути бредет»), Л. Мея («Смерть матери»), шведской баллады «Две сестры» в переводе Н. Берга и др.

⁴¹ Б. и Ю. Соколовы. Живая старина в Белозерском крае. «Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда», т. I. М., 1911, стр. II.

Этого нельзя сказать о былинной поэзии. Записанные здесь эпические песни⁴², а также указания местного населения на известных в прошлом сказителей (З. И. Заюшков, Костер и др.), на то, что «старики — те знали про богатырей, а мы не знаем»⁴³, приводили собирателей к определенным выводам. Народная память о сказителях и «скудные остатки эпического творчества, которые мы находим еще в XX веке, должны указывать, — пишут Соколовы, — что ранее эпос в этой местности был развит довольно сильно»⁴⁴. Состав и качество кирилло-белозерских былин свидетельствовали о глубокой деградации былинной традиции. Былины удержались в репертуарах сказочников, которые сберегли по две-три из них. А. М. Генин сообщил четыре былины, столько же С. В. Карпов, В. С. Шарапов — две былины, а Т. В. Ершова — только одну. Они, люди старшего поколения, коренные белозерцы, былинам научились в молодости от местных старожил.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что былина удержалась только в отдельных местностях. Большая часть их записана Соколовыми в Кирилловском уезде⁴⁵. Статистические данные о составе населения Белозерского края на 1865 г. показывают, как уже упоминалось, что в Кирилловском уезде больше половины крестьян относилось к государственным. Они жили свободнее и обеспеченнее, чем крестьяне Белозерского уезда, где около 70% были в прошлом крепостными. К тому же кирилловские крестьяне ходили бурлаками по Мологе и Шексне, работали артелями на погрузке и выгрузке товаров по пристаням, в некоторых селах занимались мелким судостроением. Социально-экономические условия Кирилловского уезда в прошлом были более благоприятны для жизни былинной поэзии, нежели Белозерского.

Кирилло-белозерские былины имели для науки особое значение. Они неопровержимо доказывали, что ранее в Новгородской губернии эпическая поэзия была довольно развита, но в силу исторических изменений жизни народа пришла в полный упадок, а к XX в. от нее сохранились только остатки. Былины в записях Соколовых давали дополнительные материалы об истории русского эпоса, о районах его распространения и возможность текстуальных сопоставлений с известными односюжетными вариантами.

В статье «Остатки былин и исторических песен в Белозерском крае» Соколовы сопоставляют свои былины с известными в печати вариантами тех же сюжетов. Сопоставительный анализ былины «Микита Романович» показал, что сюжет ее отличен от сюжета известных произведений об одноименном герое и, следовательно, она записана впервые Соколовыми. В былине об Алеше Поповиче Алеша вступает в бой не с Тугарином, как обычно, а с Идолищем. Кирилло-белозерский вариант былины о Дунае более полон, нежели варианты, записанные ранее. В сложной контаминации дошла былина-бывальщина о Добрыне Никитиче, в которой соединены четыре сюжета. Былина о Михайле Даниловиче восходит к одной редакции древнейшей записи былины «Гистория о Киевском богатыре Михайле сыне Даниловиче двенадцати лет». В плане сопоставления рассматриваются исследователями и исторические песни, вошедшие в сборник; наиболее примечательной Соколовы считают песню «Николай I и его брат» (№ 24). Это довольно редкий вариант, в котором они видят отражение заговора декабристов.

⁴² Соколовы записали следующие былины: «Алеша Попович», «Добрыня Никитич» (2 варианта), «Дунай», «Илья Муромец», «Михайло Данилович», «Василий и Софья», «Князь Михайло» (два варианта), «Роман губит свою жену», «Микита Романович», «Кострюк».

⁴³ «Сказки и песни Белозерского края», стр. ХСIII.

⁴⁴ См. там же, стр. ХС.

⁴⁵ Из 12 былин 10 записано в Кирилловском уезде.

Былины, исторические и лиро-эпические песни, духовные стихи как жанры, близкие по поэтике, Соколовы помещают в сборнике в одном разделе, группируя варианты односюжетных произведений.

Статья «Остатки былин и исторических песен...» выдержана в духе исследований «исторической школы». Соколовых интересует историческая основа создания отдельных былин, географическое распространение былинной традиции, причины сохранности и утраты эпоса вообще, а в Новгородской губернии в частности. Главное внимание при этом уделяется снятию поздних напластований и раскрытию исторических параллелей к сюжету былины. Отражение социальных противоречий (например, в былине «Добрыня Микитицъ» — № 2, где на согласие его жены выйти замуж за Алешу повлияло не подложное письмо о смерти Добрыни, а исключительно приказание князя Владимира) не привлекает внимания исследователей. В статье Соколовы подчеркивают закономерность вымирания эпической поэзии и то, что Новгородская земля была очагом распространения и продвижения былинной поэзии на Север.

Наиболее обширен и ценен в сборнике раздел сказок. Записи сказок Соколовы сделали от 47 сказочников, но на самом деле их в Белозерье было больше. «Сказка действительно живет здесь полной жизнью»⁴⁶, — пишут они. И это вполне закономерно, так как для ее бытования и развития есть благоприятные условия: в первую очередь работы, которыми заняты крестьяне, особенно в зимнее время. Артельная рубка леса по найму, а весной сплав его по рекам, рыболовство на озерах, охота порою надолго отрывают крестьян от дома, от семьи; при невольном досуге неграмотным крестьянам остается единственная забава — сказка и рассказ. Это любимое развлечение и отдых от тяжелой работы, а сказочник — почитаемый в округе человек. Распространению сказок содействуют также крестьяне-ремесленники: бродячие «богомазы», портные, сапожники, печники и пр. Поэтому Белозерье, где так широко культивировалась сказка, дало Соколовым более 160 текстов. Большое внимание Соколовы уделили индивидуальному творчеству сказочника в коллективной сказочной традиции⁴⁷, стремясь выделить те стороны в характере, нравственном облике, общественной настроенности и эстетических вкусах, которые определили творческую манеру каждого из сказочников. Они показали, как в зависимости от личных вкусов и склонностей сказочника складывается его репертуар, как сказка обогащается за счет других жанров, как вносятся в нее излюбленные сказочником слова и обороты речи, перерабатываются образы и перестраиваются сюжеты, как на основе сказочной традиционной сюжетной схемы складывается новая сказка и, наконец, как талантливое исполнение делает ее ярким, увлекательным произведением.

Творческое исполнение сказки, особенно выдающимся мастером, по убеждению исследователей, дает ей новую жизнь, обеспечивает ее популярность, отражает интересы, запросы, вкусы народа. В сборнике Соколовых можно найти немало сюжетов, насыщенных моментами, характерными для жизни белозерских крестьян⁴⁸.

Фактический материал сборника и статьи Соколовых раскрывали твор-

⁴⁶ «Сказки и песни Белозерского края», стр. LV.

⁴⁷ Подробнее по этому вопросу брошюра: Е. И. Коротин. Жизнь народа и его творчество (Собирание и изучение фольклора Е. М. и Ю. М. Соколовыми). Уральск, 1960, стр. 7—25.

⁴⁸ В этом отношении интересны социально-бытовые сказки, получившие на местной почве едкую, сатирическую окраску (см., например, сказки на тему о мужике и поле № 33, 53, 64, 87, 89, 95, 104, 145, 147; о барах № 25, 44, 51, 62, 107 и др.). Из бытовых рассказов-быличек в сборнике встречаются такие, в которых наряду с вымышленными событиями изображаются факты из современной действительности (см., например, былички № 70, 71, 81).

ческое участие крестьянства в развитии народной поэзии. Результаты полевых исследований вступили в противоречие с идеологическими позициями Соколовых. Изучение индивидуального творчества в сказке было явлением прогрессивным, особенно в годы реакции, в период усиления теории «аристократического происхождения» фольклора.

В полевых исследованиях и научных статьях советского периода Соколовы постоянно обращаются к проявлениям индивидуального творчества в фольклоре. Внимание к творческой лаборатории сказителей, сказочников, певцов было обусловлено теоретическими проблемами изучения психологии творчества, поэтической формы, социальной среды. Правильное освещение этих вопросов не могло вестись в отрыве от коллективной традиции — основы фольклора. Соколовы писали: «Изучая устное творчество, мы изучаем словесное искусство многомиллионных масс»⁴⁹; они отмечали в то же время важность изучения индивидуального творчества «для постижения законов поэтики, художественных приемов и техники народного словесного искусства..., уясняющих способы устной передачи традиционных, порою многовековых произведений»⁵⁰. Общеизвестно, что степень, характер и возможности проявления личного начала зависят от жанра и способностей исполнителя. Но даже широкие импровизаторские возможности в фольклоре некоторых народов Соколовы рассматривали в рамках мощной коллективной традиции. Так, Б. М. Соколов писал: «Марийская песня не имеет особо устойчивого текста, — она очень часто является продуктом импровизации, но импровизации, основанной на выработанных, может быть, веками художественных своеобразных приемах»⁵¹. Братья подчеркивали, что в сказке коллективная традиция и личное начало — две стороны единого творческого процесса. В статье «Народные рассказы» Ю. М. Соколов писал: «Вся жизнь народной поэзии состоит в постоянном взаимодействии поэтической традиции и личного почина. Эта борьба или столкновение традиционного и индивидуального начал и создают движение в народном творчестве. Иначе оно давно бы изжило себя, размельчало и выродилось. Мы же знаем и воочию видим, что народное творчество еще бьет сильным и светлым ключом»⁵².

Созданные Соколовыми в советское время исследования также освещали творческую роль мастеров народного искусства в связи с социальными проблемами и идейно-художественной сущностью народного творчества.

Хотя первоначально собирательские интересы Б. М. и Ю. М. Соколовых были обусловлены желанием заняться только изучением эпоса, полевая работа, тесное общение с трудовым народом значительно расширили интересы молодых ученых, заставили критически отнестись к методологии «исторической школы», господствовавшей в академической науке.

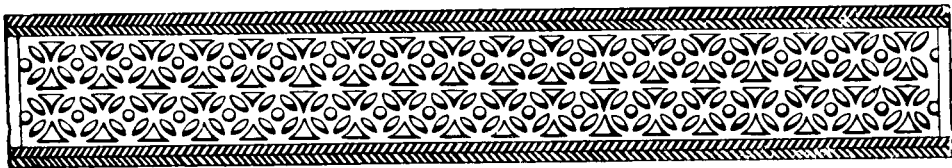
Высокое научное качество сборника, социальная насыщенность фольклорного материала, острота поднятых Соколовыми проблем еще в дореволюционную пору дают право считать молодых ученых представителями прогрессивной демократической фольклористики.

⁴⁹ Б. и Ю. Соколовы. Поэзия деревни. М., 1926, стр. 47.

⁵⁰ Там же, стр. 49.

⁵¹ Б. М. Соколов. Художественная культура в Маробласти (рукопись, 1925 г.). ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, № 3058, л. 2.

⁵² Ю. М. Соколов. Народные рассказы (рукопись, 1924 г.). Там же, № 261, л. 14.

С. И. ВАЙНШТЕЙН

ФЕЛИКС ЯКОВЛЕВИЧ КОН КАК ЭТНОГРАФ

Феликс Яковлевич Кон — не только один из выдающихся деятелей международного рабочего движения и Советского государства, но и ученый — этнограф и антрополог, имя которого неразрывно связано с историей этнографического изучения Сибири. Однако если революционная и государственная деятельность Кона хорошо известна, то его весьма плодотворная этнографическая работа, к сожалению, почти не нашла до сих пор отражения в истории науки.

Ф. Я. Кон родился 30 мая 1864 г.¹ в Варшаве. Еще гимназистом он активно включился в революционное движение. В 1885 г., будучи студентом Варшавского университета, он был арестован. Кона приговорили к каторжным работам с последующим длительным поселением в Сибири. Много месяцев длился путь закованного в кандалы Кона по этапу до Карийской каторжной тюрьмы в Восточной Сибири.

На Каре в исключительно тяжелых тюремных условиях не только закалился стойкий характер революционера², но и расширились его научные интересы, углубились знания, благодаря тесному общению с глубоко и разносторонне образованными политическими заключенными и чтению обширной литературы³. Кон писал впоследствии, что Карийская каторжная тюрьма стала для него «университетом»: «Я на Каре работал много, и понятно, что тот уровень развития, с которым я прибыл на Кару, сильно отличался от того, с каким я уходил. Но это никем не замечалось... Посетивший меня уже в 1897 г. в Минусинске Ясевич рассказывал мне, какое впечатление произвело на карийцев присланное мною им исследование скопческого Хатын-Арынского селения, напечатанное в „Записках Восточного отдела Русского географического общества“. Такой „премудрости“ от меня не ожидали»⁴. Кон объясняет это тем, что Кара, как и сотни других тюрем, разбросанных по всему лицу земли русской, была той школой, в ко-

¹ В 1964 г. советской общественностью было отмечено столетие со дня рождения Ф. Я. Кона.

² См., например, события в Карийской тюрьме, о которых рассказывает сам Ф. Я. Кон в своей книге «За пятьдесят лет» (т. I—III, М., 1932—1934 г.), т. I, стр. 303—344.

³ В Карийской тюрьме была создана библиотека из книг, которые получали политические каторжники в посылках. Каторжане-карийцы жили коммуной, и все присланные книги поступали в общее пользование. Среди книг была марксистская литература, этнографические работы. Титульные листы марксистских книг были заменены страницами из других книг, не вызывавших опасения охранки; например, титульным листом «Капитала» Маркса служил титульный лист «Государственного права» Б. Н. Чичерина. Эта библиотека политических заключенных после закрытия Карийской тюрьмы была передана Читинскому отделению Русского географического общества.

⁴ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. II, стр. 47.

торой недоучившиеся студенты и гимназисты запасались знаниями, а многие рабочие проходили здесь курсы и начального образования, и гимназии, и университета⁵. В условиях заключения эти «воспитанники тюрем» брались за научную работу, за все, что так или иначе связывало их с жизнью⁶.

После отбытия каторги в 1891 г. Кон жил некоторое время в Якутске под надзором полиции. Большинство политических ссыльных было тесно связано с местным населением, вело среди якутов культурно-просветительную и политическую работу. «Отношения политических ссыльных и якутов, если не говорить о единичных случаях, — вспоминает Кон, — были очень хороши»⁷. Деятельность политических ссыльных в якутской среде не осталась бесследной. Один из якутов говорил Н. А. Виташевскому, что политические ссыльные «вызвали в нас чувство человеческого достоинства. Раньше все якуты трепетали перед каждым казачишкой, который появлялся в улусе. Теперь мы, молодые, отстаиваем свои права, хотя бы их нарушал казак, губернатор или министр»⁸.

Жалуясь на притеснения и обиды и надеясь найти помощь у политических ссыльных, якуты знакомили их с условиями своей жизни, бытом, обычаями, нравами, материальным положением и занятиями, верованиями⁹. Все это существенно облегчало работу политических ссыльных — этнографов. Именно здесь в Якутии из среды политических ссыльных выдвинулось, как известно, много крупных ученых-этнографов, таких как В. Л. Серошевский, В. И. Иохельсон, Э. К. Пекарский, В. Ф. Тропцанский, В. Г. Тан-Богораз, В. М. Ионов, Н. А. Виташевский, И. И. Майнов и др.

В феврале 1892 г. Кон поселился в Намском улусе, расположенном в нескольких десятках километров от Якутска. Здесь он выполнил свое первое историко-этнографическое и социологическое исследование. В Хатын-Арынском селении, где он проводил подворную перепись в связи с изучением проблемы земледелия в Якутии¹⁰, жили ссыльные скопцы. Кон решил исследовать их быт и хозяйство. Его статья, посвященная этому, была опубликована в 1896 г.¹¹

Во вводной части работы Кон описывает историю поселения ссыльных скопцов в Якутии. Скопцы, сосланные из Калужской и Тульской губерний, проделали большой путь, прежде чем попали в места их поселения. Вначале их сослали на Алданские острова, затем — в Туруханский край, а оттуда в 1860—1861 гг. — в Якутскую область. К моменту обследования самыми старыми их поселениями были села Мархинское, Спасское, Троицкое, Олекминское. Хатын-Арынское селение образовалось в 1877 г. С большим сочувствием описывает автор невзгоды ссыльных скопцов в период их скитаний, показывает, как развивалось Хатын-Арынское селение, как складывались отношения поселенцев, говорит о постепенном социальном расслоении в среде ссыльных скопцов. Автор считал поселок обреченным из-за отсутствия прироста населения, вызванного изверством его жителей. Касаясь их взаимоотношений с якутами, Кон приводит факты эксплуатации якутов скопцами и вместе с тем отмечает положительное влияние хозяйственной деятельности русских поселенцев на якутов, которые перени-

⁵ Там же, т. I, стр. 284.

⁶ Там же, т. II, стр. 99.

⁷ Ф. Кон. На поселениях в Якутской области. «Каторга и ссылка», 1928, № 12, стр. 85.

⁸ Н. Виташевский. Старая и новая якутская ссылка. СПб., 1907, стр. 30.

⁹ Ф. Кон. Культурно-просветительная роль политической ссылки в Якутии. «100 лет Якутской ссылки». М., 1934, стр. 342.

¹⁰ [Ф. Кон]. К вопросу о развитии земледелия в Якутской области. «Памятная книжка Якутской области на 1896 год». Якутск, 1895, стр. 147—167.

¹¹ Ф. Кон. Хатын-Арынское скопческое селение. «Изв. ВСОРГО», 1896, № 4—5, стр. 58—117.

мали у них более прогрессивные методы ведения земледелия. Яркими красками рисует Кон быт скопцов, не скрывая жадность и хищнические инстинкты большинства тех, чья жизнь была изувечена дикостью скопческого учения.

В 1894 г. Кон получил приглашение участвовать в Сибиряковской этнографической экспедиции, организованной руководителем Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества Дмитрием Александровичем Клеменцем. Финансировал экспедицию ленский золотопромышленник Иннокентий Сибиряков; он же был ее инициатором. В экспедицию, помимо Кона, были приглашены политические ссыльные В. Г. Тан-Богораз, В. И. Иохельсон, Н. А. Виташевский, Э. К. Пекарский, Л. Г. Левенталь, И. И. Майнов и другие.

Участие их в экспедиции было сочтено нежелательным со стороны официальных лиц. Разрешение было получено лишь благодаря содействию крупных ученых — вице-президента Географического общества П. П. Семенова и известного тюрколога В. В. Радлова. Разумеется, эти участники экспедиции находились под надзором полиции.

В задачу Кона входили антропологические исследования якутов и русского населения Якутии по программе, подготовленной руководителем антропологических исследований экспедиции И. И. Майновым. По первоначальному плану исследования должны были охватить каждый якутский улус, но по независящим от Кона обстоятельствам сделать это не удалось. Ему пришлось ограничить свою работу наслегам Намского улуса, но зато программа исследований была расширена. Изучалась не только антропология, но и этнография якутов.

Дважды — в январе 1894 г. и в феврале 1895 г. — участники экспедиции в полном составе собирались в Якутск на совещание, где обсуждались научные, организационные и финансовые вопросы. Нужно отметить, что Кон, в отличие от других участников экспедиции, работал все время лишь на свои чрезвычайно скудные средства и никаких пособий из серебряковских сумм не требовал¹².

Материалы исследований Кона легли в основу монографии, опубликованной им через несколько лет¹³. Свою монографию, содержащую не только антропологические, но и этнографические материалы, Кон предваряет вступительной главой, в которой дает характеристику быта якутов Намского улуса. Автор показывает социальное расслоение якутского улуса, раскрывает особенности эксплуатации рядовых якутов местными тойонами, приводит образчик такой эксплуатации в форме обычая «мертвого коня». Обычай этот заключался в том, что богатые тойоны отдавали в наем беднякам лошадей за определенную плату — 10 рублей в год, с правом выкупа лошади в рассрочку и с обязательством немедленного же возмещения ее стоимости в случае, если она падет. Для бедняка выполнение этого обязательства было равносильно полному разорению, и во избежание этого он за павшую лошадь в течение многих лет продолжал платить хозяину условленную наемную плату как за живую¹⁴. «Рядом с лицами, — пишет Кон, — ворячающими десятками тысяч, обладающими громадным количеством лучших покосных земель, выпасных, хлебопахотных и рыболовных мест, огромными стадами конного и рогатого скота, являются безземельные и бескотные общественники (общинники. — С. В.)¹⁵. Отмечает Кон и суще-

¹² Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский и Л. Г. Левенталь. Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. «Труды комиссии по изучению Якутской АССР», т. IV. Л., 1926, стр. XV.

¹³ Ф. Кон. Физиологические и биологические данные об якутах (антропологический очерк). Минусинск, 1899.

¹⁴ Там же, стр. 3.

¹⁵ Там же.

ственные различия в быту зажиточных и бедных якутов, в частности — в их жилищах: «...громадные юрты, нередко русские дома и „хотоны“ (хлевы), отделенные стеною от жилого помещения — жилище одних; небольшие юрточки, в которых на зиму скопляется масса народа (в одной я насчитал 32 взрослых, не считая детей) и тут же, в той же юрте коровы с телятами — вот жилие мелких самостоятельных хозяев и безземельных и бескотных „перанасов“ — бедняков»¹⁶.

В работе приведены результаты антропометрического исследования различных половозрастных групп якутов: измерений роста, окружности груди, температуры тела, пульса, дыхания. Включены также данные, полученные в результате динамометрических и ряда других физиологических наблюдений. Важное место занимают в работе наблюдения над семейно-брачной жизнью, беременностью, родами и уходом за ребенком. Весьма подробно рассматриваются болезни якутов, причем автор подчеркивает роль социальных условий в их распространении. Уделено внимание и таким вопросам, как эмирячество¹⁷, шаманство. Кон приходит в своих наблюдениях к интересному, подтвержденному позднее выводу, что эмирячество как своеобразное нервное заболевание, передается по наследству, что эмиряки в большинстве своем — потомки шаманов и шаманок¹⁸. Отмечает автор и то, что сами шаманы и шаманки — нервноболезные люди. А касаясь причины воздействия шаманов в процессе камлания на окружающих, объясняет это воздействие, в частности, гипнозом¹⁹.

В статье «Из Якутска», опубликованной в журнале «Новое слово» только в 1897 г., Кон — в рамках ограничений царской цензуры — развивает мысль, что царизм стремится внести раздор в отношения между ссыльнопоселенцами и коренными жителями — якутами и решительно выступает против использования Якутии как места ссылки²⁰.

В 1895 г. Кон переехал из Якутии сначала в Иркутск, а затем по требованию генерал-губернатора поселился в небольшом заштатном городке Балаганске. Однообразие и убогость общественной жизни там не помешали Кону активно заниматься научной и литературной деятельностью. Он сотрудничал в известной либеральной сибирской газете «Восточное обозрение», подписывая свои корреспонденции К.О.Н.²¹, продолжал обработку этнографических и антропологических материалов, собранных в Якутии.

Летом 1897 г. Ф. Я. Кон добился разрешения переехать в Южную Сибирь, в г. Минусинск, считавшийся одним из культурных центров Сибири того времени. По соседству с Минусинском в с. Шушенском с 1897 г. находился в ссылке В. И. Ленин. В биографии Ленина отмечено, что в сентябре 1897 г. он «на два дня ездил в Минусинск, где познакомился с проживавшими там ссыльными, среди которых были известный народоволец А. В. Тырков, варшавский рабочий М. В. Блажеевский, участник восстания в Польше в 1863 году, видный деятель революционного рабочего движения Ф. Я. Кон и другие. Из Минусинска Ленин заехал в село Тесинское, где жили Г. М. Кржижановский и В. В. Старков; ему было разрешено провести там пять дней. А через месяц Ленин, на этот раз самовольно, без разрешения, опять побывал в Минусинске. В один из приездов он познакомился с Н. М. Мартяновым, организатором Краеведческого музея, ныне носящего

¹⁶ Там же, стр. 3, 4.

¹⁷ Форма «полярной истерии», распространенная в прошлом на Севере.

¹⁸ Там же, стр. 81.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ф. К. О. Н. Из Якутска. «Новое слово», 1897, кн. 5.

²¹ Рассказы и публицистические заметки Кона печатались в «Восточном обозрении» вплоть до 1903 г. См.: К.О.Н. Из сказок сибирской действительности. «Восточное обозрение», 1903, № 259, 261.

его имя. В жизни ссыльных музеев Мартыанова играл большую роль, — это было место, куда непременно заглядывал каждый из них. Сам Мартыанов — человек разносторонне образованный, приверженец передовых взглядов, был истинным другом ссыльных революционеров. Ф. Я. Кон писал, что он не знает ни одного ссыльного, который не вспоминал бы о Мартыанове с огромным уважением»²². Встречи с В. И. Лениным помогли Кону, как он отмечал впоследствии, разобраться в национальном вопросе²³, привлечшем его серьезное внимание²⁴. В 1898 г. по пути в Шушенское недолго находилась в Минусинске Надежда Константиновна Крупская. Она вспоминает: «...Заходила к Ф. Я. Кону, польскому товарищу, осужденному в 1885 г. на каторгу по делу „Пролетариата“, много перенесшему в тюрьме и ссылке; он был для меня окружен ореолом старого непримиримого революционера — ужасно он мне понравился»²⁵.

Минусинский музей и его руководитель Мартыанов сыграли важную роль в дальнейшей научной деятельности Кона. По предложению Мартыанова, он проделал большую исследовательскую работу над архивами Минусинского музея; в результате им была написана солидная монография о музее, опубликованная в 1902 г. в Казани²⁶. В вводном разделе монографии дана краткая история изучения Сибири, в особенности ее южной части. В пятнадцати главах книги обобщен огромный материал по истории создания и работы музея в течение 25 лет. В книге приведены ценнейшие сведения по истории изучения природы Минусинского округа, его археологии и этнографии.

Годы, проведенные Коном в Минусинске (1897—1904), были периодом его наиболее интенсивной этнографической деятельности. Он очень энергично взялся за пополнение своих научных знаний. В библиотеке музея было достаточно книг по интересовавшим Кона вопросам. Он внимательно изучает «Основы краниометрии» Маврикия Бенедикта, труд Людвига Крживицкого «Систематический курс антропологии»; делает выписки из этнографических и социологических исследований М. М. Ковалевского, В. Л. Серошевского, Г. Н. Потанина и других; штудировал «Материалы международного археологического и антропологического конгресса 1892 г.», ведет переписку с антропологом Эдуардом Юшкевичем. В архиве Кона сохранился набросок письма к Юшкевичу, в котором он благодарит того за ценные указания, полученные во время пребывания в Минусинской ссылке²⁷.

Кон задумывает здесь большой и интересный труд «Эволюция брака у якутов». В его архиве мною была обнаружена незавершенная рукопись этого труда. Кон писал: «Для изучения эволюции якутского брака до сих пор сделано крайне мало. Горсть фактов, сообщенных г. Серошевским, статья „Якутский род до и после прихода русских“ — в „Якутской памятной книжке на 1896 год“ и критика на нее госп[одина] В.С.Е. в „Известиях Восточно-Сибирского отдела ИРГО“, странички четыре в „Сборнике обычного права сибирских инородцев“ Д. Я. Самоквасова и „Брачное право у якутов“ Д. М. Павлинова.

Для наших целей имеет громадное значение не только форма брака в настоящем, но и в прошлом, ввиду чего мы решаемся уклониться в сто-

²² «Владимир Ильич Ленин. Биография». М., 1963, стр. 53.

²³ Ф. Я. Кон. Автобиография. «Энциклопедический словарь», Грнат, изд. 7, т. 41, ч. 1, столб. 207.

²⁴ См., например: Ф. Я. Кон. Национальный вопрос в Польше. М., 1927.

²⁵ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 25.

²⁶ Ф. Я. Кон. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902). Казань, 1902.

²⁷ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 135, оп. 1, № 40, л. 44 об.

рону от нашей непосредственной задачи и дать здесь по возможности сжатый очерк эволюции брака»²⁸.

В своей работе Кон обращает внимание на ряд пережиточных явлений — матрилинейность родства, матриликальность брака, переуступка жен и пр. Однако не все материалы одинаково ценны. В некоторых случаях Кон несколько преувеличивает значение отдельных фактов для исторических выводов. Так, на существование в прошлом гостеприимного гетеризма, по его мнению, указывает содержание одного из олонхо, записанного им в Хатын-Арынском наслеге Намского улуса под названием «Младенец-сирота»²⁹.

В набросках к этой книге Кон привел многочисленные параллели из семейно-брачных отношений у качинских татар, бурят и других народов. На основании собранных материалов Кон приходит к выводу, что «существование в прошлом матриархата у якутов кажется в высшей степени вероятным, а существование у них экзогамии бесспорно установлено»³⁰. В период пребывания в Минусинске в конце 90-х годов Кон вел также полевые этнографические исследования среди русских старожилов, качинцев и сагайцев.

Свое увлечение исследованием быта русского населения Кон объясняет не только чисто научным этнографическим интересом. Он писал: «Изучение, в особенности русского населения края со всей той тьмой, в которой оно прозябало, захватило меня еще с другой стороны. Живя своими интересами, увлекаясь народничеством, русская интеллигенция, даже сталкиваясь с народной массой, не только не знала ее, но даже не пыталась узнать»³¹.

Осенью 1900 г. Кон закончил работу «Свадебные обычаи у минусинских старожилов», предназначенную для опубликования в «Этнографическом обозрении», но так и не изданную³². В предисловии к работе Кон сообщает, что она написана на основании личных наблюдений автора и по материалам Ф. Ф. Девятова и И. И. Лыткина, хранившимся в архиве Минусинского музея³³. Первый раздел посвящен так называемым вечерам, на которых происходило сближение молодых людей. Вечерки бывали трех родов: «званные», «задолные» и «сборные». Кон указывает, что первые носят характер семейных празднеств по случаю свадеб, именин и пр., гости приходят преимущественно по приглашению; «сборные» устраиваются юношами вскладчину, а «задолные» теми, кому была оказана помощь на покосе, жнитве и т. п. Подробно описаны «вечерки»: угощение, танцы, игры, состав участников. Приведены десятки песен, которые пели участники вечеров³⁴.

Во втором разделе Кон показывает, как начали разрушаться патриархальные семейно-брачные обычаи русского старожильского населения. С одной стороны, родители, подыскивая жениха или невесту для своих детей, руководствовались преимущественно экономическими соображениями: чувства дочери принимались в расчет только тогда, когда они не шли вразрез с этими материальными соображениями. С другой стороны, молодые все чаще нарушали традицию, вступая в брак по своей воле, вопреки жела-

²⁸ Там же, л. 26 об.

²⁹ Там же, л. 25 об.

³⁰ Там же, л. 24.

³¹ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. II, стр. 281.

³² Рукопись хранится в Архиве ИЭ (Института этнографии Академии наук СССР, Москва), ф. ОЛЕАЭ (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии), № 69, л. 1—27 об., всего 54 страницы (Кон писал на обеих сторонах листа).

³³ Там же, л. 2.

³⁴ Там же, л. 4 об.—8.

нию родителей. Ф. Я. Кон большое место отводит описанию любовной магии, которая была распространена у русских старожилов в конце XIX в. В работе подробно описаны разнообразные приемы любовной магии — «присушки» и «отсушки», — представляющие большой этнографический интерес»³⁵.

Третий раздел работы посвящен свадьбе; в нем описано сватовство, отдельные этапы свадебного обряда, приведены многочисленные свадебные песни»³⁶.

Находясь в Минусинске, Ф. Я. Кон систематически собирал также песенный фольклор русских старожилов. В 1903 г. в «Этнографическом обозрении» были опубликованы сорок девять игровых, хороводных и свадебных песен, записанных им³⁷.

Этнографические материалы о быте русских старожилов легли в основу многих рассказов Кона. В одном из них — «На всю жизнь» — он очень убедительно сумел показать нелепость и жестокость обычая общественного осуждения молодой женщины, не сохранившей до брака девственности. Приведем окончание этого рассказа.

Утром, после первой брачной ночи молодых, вновь собрались гости. Митюха — дружок мужа — узнал, что вышедшая замуж Матрена не была девушкой (ее, росшую без матери, обольстил сын местного богача).

«— Выней, теть! — преподнес Митюха Матренину отцу стакан вина на блюде.

Тот привстал, перекрестился, взялся за стакан, и вдруг, при страшном душераздирающем крике Матрены, все содержимое стакана, оказавшегося без дна, вылилось на блюдо и на пол.

Все поняли...

Гости стихли и молча, ни с кем не прощаясь, крадучись, выбирались из избы...

В комнате остались только двое молодых, на всю жизнь связанных друг с другом»³⁸.

В другом рассказе, «В потемках», также посвященном русским старожилам Сибири, обрисована роль промысловой магии в жизни охотника Егора Лукьянова, цепкая сила сковавших его темных суеверий³⁹. В этих и других рассказах Кон выступает и как наблюдательный художник, и как ученый-этнограф, и как гражданин, которого глубоко волнует современная ему действительность.

Кон уделял также серьезное внимание изучению культуры и быта различных групп хакасов, в особенности качинцев и сагайцев. В 1900 г. он опубликовал в «Русском антропологическом журнале» небольшую, но ценную статью «Беременность, роды и уход за ребенком у качинок»⁴⁰.

Наибольшее значение в этнографических исследованиях Кона имела его экспедиция в Туву (в Сойотию, как тогда Тува именовалась)⁴¹, совершенная в 1902—1903 гг. по поручению Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.

До экспедиции Кона Тува была очень слабо изучена в этнографическом отношении, хотя первые отрывочные сведения о тувинцах были собраны русскими людьми еще в XVII в. Никто не вел систематических этнографических наблюдений, и сведения касались в основном тувинцев, населявших

³⁵ АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, № 69, л. 10 об.—13.

³⁶ Там же, № 69, л. 19—23.

³⁷ Ф. Кон. Из песен Западной Сибири. ЭО, 1903, № 4, стр. 99—114.

³⁸ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. II, стр. 270.

³⁹ Там же, стр. 271—281.

⁴⁰ Ф. Кон. Беременность, роды и уход за ребенком у качинок. РАЖ, 1900, № 4, стр. 58—61.

⁴¹ Русские и монголы в дореволюционное время именовали тувинцев сойотами.

пограничные с Россией территории. В конце XIX в. исследованиями занимались тюркологи В. В. Радлов и Н. Ф. Катанов, но Радлову удалось собрать очень мало этнографических сведений, а дневники Н. Ф. Катанова, включавшие обширные материалы по этнографии тувинцев, остались неопубликованными. В экспедиции Г. Н. Потанина в 70-х годах XIX в. велось исследование лишь тувинцев пограничных с Монголией районов, а в экспедиции П. Е. Островских (1897 г.) — скотоводов северо-восточной Тувы. Накануне поездки Кона значительная часть Тувы оставалась «белым пятном» на этнографической карте Азии.

В результате экспедиции Кону удалось собрать большой и чрезвычайно ценный материал. И несмотря на то, что лишь сравнительно небольшая часть этого материала была опубликована в форме кратких отчетов и полубеллетристических очерков⁴², они остаются первым наиболее полным описанием культуры и быта тувинцев. Нельзя не согласиться с известным сибиреведом В. И. Дуловым, писавшим, что «этнографические исследования Тувы, которые проводились до Кона, были лишь более или менее серьезными разведками в данной области. Это относится и к экспедициям Потанина и Катанова... (Кону.—С. В.) удалось обследовать все основные районы Тувы, чего до него не сделал ни один исследователь»⁴³.

Нужно сказать, что до последнего времени были известны, хотя и никем не описаны, лишь этнографические коллекции, собранные Коном о Туве; что касается его этнографических дневников, то они считались безвозвратно утерянными. Характерно в этом отношении мнение, высказанное Дуловым: «К сожалению, Ф. Я. Кон смог напечатать лишь предварительный отчет о результатах этой экспедиции. Впоследствии, в годы мировой войны, часть полевых записей и дневников, особенно за первый год путешествия, была потеряна, а выпедшая в полном собрании сочинений Ф. Я. Кона „Экспедиция в Сойотию“ не могла компенсировать утрату этих ценных материалов»⁴⁴.

После длительных розысков в различных архивах и музеях мне в конце 1964 г. удалось ознакомиться с большей частью экспедиционных дневников Кона в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁴⁵. Дневники эти интересны не только тем, что они позволяют значительно полнее представить ход экспедиционных исследований Кона, но и содержат наряду с изданными ряд ценных этнографических материалов о тувинцах, ранее нигде не публиковавшихся.

В ходе дальнейших розысков этнографических материалов Кона в архиве семьи его дочери Е. Ф. Усиевич нами были обнаружены бумаги, включавшие записи Кона в период подготовки экспедиции в Туву. Среди них находились ценнейшие обширные выписки из различных архивных документов 1861—1901 гг., касающихся Тувы, а также неизвестная ранее «Летопись священника Путинцева», посвященная главным образом истории заселения Тувы русскими во второй половине XIX в.⁴⁶

Ф. Я. Кон, получив в 1901 г. через Н. М. Мартыанова приглашение Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества провести эт-

⁴² «Исследования Ф. Кона в земле урянхов», РАЖ, 1902, № 4, стр. 116—120; Ф. Я. Кон. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю. «Изв. ВСОРГО», 1904, № 1, стр. 19—68; Ф. Кон. Экспедиция в Сойотию. «За пятьдесят лет», т. III, М., 1934.

⁴³ В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы XIX — начала XX в. М., 1956, стр. 11.

⁴⁴ Там же, стр. 12.

⁴⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42 (дневники), № 157 (фотографии).

⁴⁶ АИЭ, ф. Ф. Я. Кона, № 1 и 2. Приношу глубокую благодарность Е. Ф. Усиевич за содействие в розыске и передаче этих материалов.

нографические исследования в Туве, почти сразу же дает на него положительный ответ:

«В Распорядительный комитет Восточно-Сибирского отд. ИРГО

А. В. Адрианов и А. М. Станиловский сообщили мне о чести, оказанной мне В.Сиб.Отд.И.Р.Г.О.,— возложением на меня экспедиции для изучения сойот. Выражая искреннюю признательность Отделу, считаю [нужным.— С. В.] уведомить его, что все, от меня зависящее, будет сделано для оправдания оказанного мне доверия.

По получению первого сообщения о намечающейся экспедиции я вступил в переговоры с лучшим знатоком быта сойот, членом В.С.Отдела Г. П. Сафьяновым, который вполне сочувствует желанию стационарного исследования сойот, согласился разделить со мной труды по исследованию, взять на себя расходы по разъездам и со своей стороны оказать посильную материальную помощь экспедиции. Благодаря этому обстоятельству, экспедиция на первый год материально более или менее обеспечена, хотя само собою разумеется, о приобретении коллекций для Отдела из ассигнованных Отделом средств не может быть и речи. Ввиду важности, какую представляет подробное изучение каждого отдельного предмета, я просил бы Отдел разрешить мне вступление в переговоры с учеными Обществами относительно приобретения для них коллекций, если ими будут ассигнованы средства, что значительно облегчит изучение материальной стороны быта.

В октябре мною будет представлена в Отдел выработанная совместно с Г. П. Сафьяновым подробная программа на основании данных, заключающихся в хранящихся в Минусинском местном музее рукописях священника Путинцева и Г. П. Сафьянова, которые любезно предоставлены мне для использования Н. М. Мартыновым; ныне же в общих чертах намеченная программа представляется следующим образом:

I. Историко-географические данные

1. Исторические сведения о «хошунах», «сумо» и «родах»
2. Описание территорий «хошунов», «сумо» и «родов»
3. Предания каждого «хошуна», «сумо» и «рода» о своем происхождении

II. Антропологические данные

Изучение предполагается производить по приложенным при сем карточкам, выработанным антропологической группой Якутской экспедиции

III. Этнографические данные

A. Веражения

B. Материальная культура:

1. Жилище и его принадлежности
2. Одежда и наряды
3. Пища и питье.

C. Семейный быт

1. Рождение ребенка; уход за ним; детство, отрочество
2. Семейные отн[ошения]⁴⁷.

В 1901 г. Ф. Я. Кон совместно с Г. П. Сафьяновым составил детальную (на 24 страницах) рукописную «Программу исследований в Урянхайской земле» (Урянхай — официальное название Тувы в русских документах до Октябрьской революции.— С. В.)⁴⁸. Она, как это и намечалось Коном, состояла из трех разделов: географические и исторические сведения; антро-

⁴⁷ АИЭ, ф. Ф. Я. Кона, № 1, л. 1, 2. Г. П. Сафьянов — русский купец, живший в Туве. Он был образованным человеком прогрессивных взглядов. Его сын, коммунист И. Г. Сафьянов был активным участником гражданской войны в Туве.

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42. См. также: Ф. Я. Кон и Г. П. Сафьянов. Программа экспедиции в Урянхайскую землю. «Изв. ВСОРГО», № 1, 1904, стр. 72—91.

пологические сведения; этнографические сведения. Третий, наиболее обширный раздел включал собирание материалов по верованиям, материальной культуре и семейным отношениям. Большое внимание было уделено в программе выяснению вопросов национального самосознания. Она включала, например, такие вопросы: «Как называют сойоты себя, свою страну и соседей? Есть ли разница между названием «соян» и «тува», «тува-кижиса»? Есть ли общее название для всей территории, заселенной сойотами, или же они дают название лишь каждой отдельной местности — от гор, рек, памятников старины? Названия, даваемые сойотами ближайшим соседям... В чем видят сойоты главное отличие их от других народов (в виде подданства, языка, обычаях, территории?)»⁴⁹. Были включены в программу и вопросы социальных отношений — «разделение хозяйств на классы»⁵⁰.

Когда уже Кон выехал в экспедицию, обнаружилось препятствие, чуть не сорвавшее поездку.

Кон был политическим ссыльным, а для выезда за пределы России был необходим заграничный паспорт. Но могла ли местная администрация выдать его ссыльному, хотя и возглавлявшему, как значилось в «высоких» официальных бумагах, этнографическую Засаянскую экспедицию?

В своих воспоминаниях он очень ярко описывает беседу с пограничным окружным начальником Харченко по этому поводу. На просьбу Кона выдать заграничный паспорт, тот ответил:

«... — Паспорт? Заграничный? Невозможно.

— Как так?

— Да я же знаю, господин Кон, что вы политический ссыльный и при том поднадзорный. Как же я вам выдам паспорт?

Я сослался на свои мандаты и указал, что он обязан сделать все, от него зависящее, для успеха экспедиции.

— Я и сделаю все, что прикажете, но насчет заграничного паспорта у меня нет никаких распоряжений.

— Позвольте. Я командирован для изучения сойотов. В этом вы обязаны мне оказать содействие, а вы меня к ним не пускаете...

— Не могу. Не могу...»⁵¹

Кону пришлось возвратиться в Минусинск и сообщить обо всем Д. А. Клеменцу — одному из организаторов экспедиции, жившему в то время в Петербурге. «Телеграмма вызвала переполох во многих ученых учреждениях, — вспоминает Кон. — Известия о Засаянской экспедиции уже проникли за границу. Программа предстоящих исследований была напечатана в целом ряде научных изданий. И вдруг... такой крах»⁵². Благодаря энергичным стараниям Клеменца разрешение на выдачу заграничного паспорта было все же получено, и Кон смог выехать в экспедицию. Экспедиция продолжалась с весны 1902 г. до осени 1903 г.

Вначале Ф. Я. Кон изучал быт русских села Усинского и этнографию западных групп тувинцев, населявших преимущественно бассейн Хемчика. Он проводил здесь антропологические измерения, собирал краниологические материалы, отмечал встречающиеся археологические памятники, но главное внимание уделял этнографическим исследованиям.

В 1902 г. Кон в этой экспедиции совершил несколько поездок по Туве, о результатах которых сообщил Клеменцу осенью того же года⁵³. Он писал: «...только на-днях я переехал на Чакуль (Чаа-Холь. — С. В.) — местность, менее разобщенную с миром культуры, чем те, по которым скитался до

⁴⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42, л. 2.

⁵⁰ Там же, л. 11.

⁵¹ Ф. К о н. За пятьдесят лет, т. III, стр. 19, 20.

⁵² Там же, стр. 20.

⁵³ Письмо датировано 14 сентября 1902 г.

сих пор, и немедленно принимаюсь за отчет, который давно уже следовало представить, но которого, находясь в глухих местностях Урянхайской земли и занимаясь всецело исследованием, я более своевременно представить не мог.

Первая моя поездка, продолжавшаяся не более месяца (с 22 февраля по 23 марта), была всецело посвящена изучению русских с. Усинского и условий охоты у сойот. Результаты этой поездки превзошли мои ожидания. Мне удалось подробно изучить условия земледельческого хозяйства в с. Усинском, историю заселения края, историю мараловодства, записать слишком пятьдесят песен, снять карточки с селения и многих его обитателей, а охоту на марала иллюстрировать целым рядом снимков. Об охоте у сойот мною собраны сведения — как о самой охоте на медведя, волка, лисицу, соболя, белку, зайца, марала, оленя и т. д., так и о приемах выделки шкур и сбыта их... Для Русского музея... мною тогда же (т. е. в первую поездку. — С. В.) приобретены самострелы, мерка для настораживания их, стрелы, из которых заслуживают особого внимания стрелы с двумя наконечниками и стрелы на выдру, так наз. „человеческие подковы“ — „кыжи дага“, одеваемые во время охоты на джимма (дикого козла), когда приходится гнаться за ним по скалам, лыжи и охотничий прибор — „садак“». Далее Кон пишет, что он весной прервал свои исследования и выезжал в Минусинск. В начале июня он возобновил прерванную работу. 6 июля он приехал на Салдам, откуда отправился по р. Улуг-Хему на плоту до Чаа-Холя, а затем на лошадях по р. Хемчику, где находился первый из пунктов стационарного исследования тувинцев⁵⁴.

Кон пишет, что многие тувинцы приходили к нему лечиться и он их снабжал лекарствами, что тувинцы приносили ему своих детей для прививок⁵⁵. И если вначале тувинцы относились к нему подозрительно, то позднее он заслужил их полное доверие⁵⁶. «Оказываемая мною медицинская помощь, — подчеркивает Кон, — позволила мне изучить вопросы до сих пор исследователями не затронутые»⁵⁷. Он разъясняет далее, что в круг этих вопросов входили беременность, роды, уход за ребенком и за роженицей⁵⁸.

Он пишет, что им были собраны сведения о жилище, о происхождении некоторых родов, предания о памятниках старины, сделаны фотоснимки этих памятников, проведены антропологические исследования, собрано 15 черепов, сделаны записи о верованиях, борьбе шаманизма и ламаизма.

Особое внимание в письме Кон уделяет своей работе по приобретению для музея предметов, характеризующих культуру и быт тувинцев⁵⁹. «О жилище и его принадлежностях собраны очень подробные сведения. Для музея уже изготовлена модель юрты в $1\frac{1}{2}$ натуральной величины, и все предметы, находящиеся в юрте, начиная со шкафчиков для бурханов (ширэ) и кончая седлом, сделаны в таком же масштабе. Все изготовлено лучшим мастером на Кемчике — Эрексин-Кышки. Столь же полны сведения о костюме, пище и питании, курении. Для Музея собираются по каждому отделу материалы в сыром виде, инструменты для изготовления предметов и самые предметы, причем принимается во внимание зажиточность»⁶⁰.

Кон отмечает далее, что обширные материалы собраны им также по

⁵⁴ Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, № 341, л. 1, 1 об.

⁵⁵ Там же, л. 2. Следует отметить, что Ф. Я. Кон, как это явствует из его дневника, всюду, где находился, делал тувинцам прививки против оспы, выполнив очень важную миссию, так как в Туве в то время не было ни одного врача.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, л. 2 об.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, л. 2, 3.

⁶⁰ Там же, л. 4.

семейному быту, но «об охоте, рыболовстве, земледелии, скотоводстве и ремеслах собран далеко не полный материал»⁶¹.

Кон пишет: «Особенное внимание мною обращено на живопись и скульптуру. По моему заказу один художник написал красками 5 картин, иллюстрирующих быт сойот, а вырезанные предметы из агальматолита и дерева по тонкости и изяществу могут смело конкурировать с лучшими европейскими изделиями этого рода. При случае упомяну, что агальматолит — не единственный камень, служащий для такого рода поделок. Мною приобретен верблюд из черного камня. При собирании коллекций принята система, которую, по справедливости, следовало бы назвать Мартыановской, так как Николай Михайлович первый неуклонно проводил ее в своем музее. По каждому отделу собирают сырые материалы, орудия и инструменты, служащие для изготовления предмета, а затем и самый предмет»⁶².

Далее Кон просит Клеменца разрешить отправку коллекций в конце декабря, так как «собирая коллекции, я немедленно снабжаю каждый предмет этикеткой, в которой отмечаю сойотское название и назначение предмета и место его приобретения; на группировку предметов по отделам и на точное и подробное описание у меня во время экспедиции нет времени. При отправке коллекций зимой, они пересылались бы в Петербург научно-сгруппированными и снабженными описаниями»⁶³.

В конце 1902 г. Кон опубликовал краткий отчет, в котором приведены сведения по родоплеменному делению тувинцев, взаимоотношениям их с русскими, по их жилищу, одежде, верованиям, погребальному обряду и пр.⁶⁴

Маршруты второго периода экспедиции (1903 г.) охватили центральные и восточные районы Тувы, населенные родоплеменными группами ойнаров, салджаков, маады, тоджинцев. Кон изучал также быт русских старожилов, живших на территории Усинского пограничного округа и в Туве. Отчет о втором периоде экспедиции был опубликован в 1904 г. в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества». Отчет включал материалы о жилище, утвари, пище, охотничьему и рыболовному промыслу, ремеслам, развлечениям, верованиям и фольклору⁶⁵.

Представляют большой интерес сведения, приведенные Коном в посланной Клеменцу копии отчета, предназначенного для Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества⁶⁶. В нем он, в частности, писал: «Деление сойот на хошуны — является искусственным и имеет лишь административное значение; сами сойоты, как в старину, так и теперь, делятся на кости — сююки или, употребляя современную терминологию, позамышлованную от монголов, на сумо. Каждое сумо дробится на более мелкие деления, но кемчикские сойоты сами сильно путаются в этих делениях и часто отождествляют их с арбанами, опять-таки чисто административным делением. О происхождении отдельных сумо сохранились кое-какие предания, которые мною записаны...

Страна, заселенная кемчикскими сойотами, представляет громадный интерес для археологии, как сплошь усеянная памятниками старины — курганами (корум), каменными бабами (куже-таш), писанницами. Ввиду того, что археологические исследования выходили за пределы моей программы, я ограничился лишь тем, что со всех встречавшихся мне на пути

⁶¹ Там же, л. 4 об.

⁶² Там же, л. 4 об. 5.

⁶³ Там же, л. 5.

⁶⁴ РАИ, 1902, № 4, стр. 116—120.

⁶⁵ Ф. Я. Кон. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю. «Изв. ВСОРО», 1904, № 1, стр. 19—68.

⁶⁶ О посылке этой копии отчета Кон сообщил Клеменцу в письме от 10 марта 1903 г. (Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, № 341, л. 80).

следования памятников старины снимал фотографические карточки. Ку-же-таш — на р. Барлык, на р. Шилке (?), на р. Джедак и на р. Шаганар, тигр (пар) — недалеко от г. Хайракан — утеса на р. Енисее, древнее кладбище в местности Садак-Терек по р. Барлыку. А камень с надписью, найденный вблизи м. Джарджарик, удалось отправить в Минусинский музей, а оттиск с него отправить академику Радлову. На пути на Салдам... мною найдены тут же, возле статуи тигра, обломки писанницы...»⁶⁷

Кон отмечает в отчете, что вверх по Хемчику «народ здоровее», а по мере приближения к Чаа-Холю люди более слабые и больные. «В верховьях Хемчика мною отмечены заболевания дыхательных путей и ревматизм...»⁶⁸ Таковы были результаты полного отсутствия медицинской помощи населению.

Кон приводит в отчете интересные сведения о влиянии ламаизма на шаманство и отмечает, что в качестве амулетов громадную роль играют тэр-эды, — вещи, упавшие с неба, — бронзовые курганные стрелки, зеркала, что эрени (идолы, монг. — онгоны) поражают своим разнообразием; «есть эрени-разведчики, отправляемые шаманом на разведки пути, который им надо пройти; есть такие, которые остаются в юрте для охраны шамана, есть, наконец, эрени от всевозможных болезней и приключений».

Как ламы, так и шаманы занимаются лечением, «но и тут царит трогательное согласие. Ламы нередко обращаются за помощью к шаманам, шаманы — к ламам»⁶⁹.

В августе 1903 г., после завершения экспедиции, Кон сделал в Иркутске отчетный доклад о ней на закрытом заседании комитета Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (открытое заседание было запрещено генерал-губернатором, так как Кон был политическим ссыльным). В протоколе этого заседания отмечено: «Ф. Я. Кон познакомил присутствующих с результатом исследований среди сойотов («тува», как они себя называют). При организации исследований он держался следующей системы. Сначала расспрашивалось соседнее русское население. Такие предварительные расспросы дают грубое, часто неточное представление, но указывают как вести дальнейшее исследование среди изучаемой народности. При работах среди сойотов Ф. Я. Кон в первую экспедицию (т. е. в первый период, — С. В.) применил стационарную систему, а во вторую — разъездную. Первый способ позволял внимательно изучать типические стороны быта, завязать близкие сношения и заручиться широким содействием местного населения. Результатом таких связей было то, что впоследствии г. Кон едва успевал пользоваться приглашениями на разные празднества или поездками в интересные местности. Вторая половина была посвящена изучению вариаций. Последние имеют большое значение. Хотя сойоты представляют одну народность и административно подчинены одному «амбану», но в то время как восточные (по Енисеям)⁷⁰ сохранили массу первобытных черт, западные подверглись сильному влиянию монголов и ламаизма»⁷¹. За проведенную экспедицию Кон получил благодарность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, а Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, по предложению его президента Д. Н. Анучина,

⁶⁷ Письмо Клеменцу от 10 марта 1903 г., л. 10, 10 об.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Имеются в виду притоки, составляющие Енисей: Малый Енисей (Каа-Хем), протекающий по юго-восточной Туве и Большой Енисей (Бий-Хем), протекающий по северо-восточной Туве.

⁷¹ «Изв. ВСОРГО», 1903, № 2.

присудило Феликсу Яковлевичу Кону золотую медаль и премию имени Расцветова.

В экспедиции Кон вел дневник ежедневно. Сохранившаяся часть дневника включает более 50 авторских листов (624 страницы убористого текста) и охватывает почти все время работы экспедиции. Небольшая часть дневника, содержащая первые дорожные впечатления на пути из Минусинска до р. Хемчик, погибла в 1914 г., в начале первой мировой войны, в г. Львов⁷². Записи в дневнике свидетельствуют об огромной трудоспособности Кона, о том, что несмотря на большие трудности, он вел работу с предельным напряжением, просыпался «но обыкновенно в 4»⁷³, не прекращал работу даже в те дни, когда чувствовал себя больным. О болезни Кона в экспедиции известно из его письма Клеменцу от 12 сентября 1903 г. Кон писал: «За время поездки нажил такой ревматизм, что до сих пор мне трудно сидеть не то что на коне, а на стуле»⁷⁴. Несмотря ни на что, Кон старался как можно меньше рабочего времени тратить на переезды. В обычный день 25 сентября Кон записывает в дневнике: «Было еще темно. Запрягли лошадей и мы до рассвета хлестко поддались вперед, на рассвете мы погнали лошадей так, что только держись»⁷⁵.

Наряду с текстом в дневнике помещены рисунки, поясняющие некоторые этнографические записи. Дневник включает выписки (копии) из различных документов, обнаруженных в Усинском архиве и представляющих интерес для истории русско-тувинских связей, в том числе касающихся торговли, пограничных вопросов и пр.⁷⁶

В дневнике дана также очень ценная сводка замечаний на книгу Е. К. Яковлева «Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея» (на ту ее часть, где описаны тувинцы). Книга Яковлева — одна из первых, в которой приведены систематические этнографические сведения о Туве, но написанная в Минусинске главным образом по материалам, полученным автором там же из вторых рук, она содержала отдельные неточности, которые Ф. Я. Кон хотел устранить. 5 ноября 1902 г. Кон отмечает: «Начал записывать заметки по поводу Яковлева 28/X и лишь сегодня кончил. За это время успел похворать... Приобрел опять грудку новых предметов для коллекций и довольно много фотографировал»⁷⁷. Книга Яковлева не утратила значения до настоящего времени, поэтому приведем, как пример, некоторые из неопубликованных замечаний Кона.

К стр. 46 книги Яковлева: «Все, что говорится о частной собственности женщины — чистейший вздор. Даже [ее] юрта описывается за долги мужа, а дочь Ортун-Мерина, овдовев, вернулась к отцу, не получив обратно ни юрты, ни скота. Все это осталось у родных мужа, а при желании владеть этим она должна была не выходить из рода мужа, т. е. остаться вдовой»⁷⁸.

К стр. 69: «За ссужение вола и семян богач берет $\frac{1}{2}$ урожая, а не $\frac{3}{4}$, за лошадь, корову, винтовку и запас на весь сезон охоты (предоставленные охотнику. — С. В.) — $\frac{1}{2}$ добычи сезона, а не все. За лошадь на весь сезон охоты на белку берет соболя или 40 белок»⁷⁹.

Этнографические материалы, содержащиеся в дневнике, очень разнообразны. Большое место в нем занимает фольклор — песни, сказки, преда-

⁷² Ф. К он. За пятьдесят лет, т. III, стр. 220.

⁷³ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42, л. 100.

⁷⁴ Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, № 341, л. 76.

⁷⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42, л. 201.

⁷⁶ Там же, л. 4—43.

⁷⁷ Там же, л. 272. Книга Яковлева была издана в Минусинске в 1900 г.

⁷⁸ Там же, л. 265.

⁷⁹ Там же, л. 267. Следует отметить, что ошибочное сообщение Яковлева вошло в современную литературу (см.: В. И. Дулов. Указ. соч., стр. 243).

ния, записанные по-тувински. Как правило, на левой стороне листа тувинский текст, на правой — русский перевод⁸⁰. Лишь сказки «Про черного шамана и его сына», «О большой медведице»⁸¹ и «Хуванек Мерген»⁸² не имеют в дневнике перевода. Эти сказки Коном не опубликованы; не изда- на также сказка «О Чингиз-Хане»⁸³. Сказка «О царе черни»⁸⁴ и «О молод- це Хайтыкаре»⁸⁵, а также часть записанных Коном песен опубликованы в русском переводе⁸⁶.

Собранные Коном и приведенные в дневнике интересные материалы по терминологии родства⁸⁷, народной медицине⁸⁸, часть материалов по шаманству⁸⁹ и некоторые другие не были изданы. Находясь в экспедиции, Кон неустанно приобретал этнографические коллекции для Этнографиче- ского отдела Русского музея, Дашковского этнографического музея и Ми- нусинского музея. Кон стремился к тому, чтобы собранные им коллекции как можно полнее отражали культуру тувинского народа. В связи с этим он пишет Клеменцу: «...собранные коллекции должны обрисовать культур- ный уровень племени; описание должно помочь посетителю музея уяснение себе этого...»⁹⁰. Следуя методике, разработанной сибирским музееведом Н. М. Мартьяновым, Кон собирал для коллекции не только бытовавшие тогда предметы, но и эти же предметы на разных этапах их изготовления, что позволяло значительно полнее представить производственные процес- сы. Коллекции, собранные Коном в Туве и насчитывающие около тысячи предметов, хранятся в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде⁹¹, а также в Минусинском музее им. Н. М. Мартянова.

Из писем Клеменцу становится ясным, что Кон надеялся сам обрабо- тать коллекции в Петербурге после возвращения из ссылки⁹², но ему это- го сделать не удалось. Регистрацию коллекций в музее провел без участия Кона в 1904—1905 гг. Ц. Жамцаранов.

Весной 1904 г., после 20-летнего пребывания в тюрьмах и ссылке, Кон выехал из Минусинска и получил разрешение поселиться в Варшаве под строгим надзором полиции.

⁸⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42, л. 169—174, 177, 178 и др. Поскольку этногра- фические дневники Кона не были известны, существовало ошибочное мнение, что записи тувинских фольклорных произведений, опубликованные им, были сделаны на русском языке. См.: Н. В. Гребнев. Тувинский героический эпос (опыт исто- рико-этнографического анализа). М., 1956, стр. 5.

⁸¹ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42, л. 191—193, 213—220.

⁸² Там же, л. 222—225 об.

⁸³ Там же, л. 206—213.

⁸⁴ Там же, л. 169—174.

⁸⁵ Там же, л. 177 об.—188.

⁸⁶ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. III, стр. 253—263.

⁸⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42, л. 253—263.

⁸⁸ Там же, л. 139—141, 142, 143, 167.

⁸⁹ Там же, л. 64—66, 74, 150—153.

⁹⁰ Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, № 341, л. 82.

⁹¹ По описи, составленной Ц. Жамцарановым, в ГМЭ были переданы Коном: колл. № 439 — костюмы и принадлежности к ним (125 предметов); колл. № 454 — ко- стюмы и украшения тувинцев-тоджинцев (86); колл. № 463 — предметы, связанные с табакокурением (52); колл. № 466 — преимущественно предметы, связанные с пи- танием, образцы нищи (34); колл. № 469 — посуда и прочая утварь (112); колл. № 472 — жилище и его убранство (81); колл. № 483 — орудия пытки и наказания (9); колл. № 486 — сельскохозяйственные орудия (9); колл. № 623 — орудия пере- движения и их принадлежности (77); колл. № 624 — предметы ухода за скотом и мо- лочного хозяйства (45); колл. № 626 — домашние ремесла (113); колл. № 630 — предметы, связанные с воспитанием детей и их игрушки (154); колл. № 633 — игры взрослых (17); колл. № 634 — предметы искусства (45); колл. № 635 — предметы, связанные со звероводством (50); колл. № 636 — предметы рыболовства (11); колл. № 637 — предметы дарения и др. (37); колл. № 638 — ламанизм, медицина и гигиена (134); колл. № 650 — шаманизм (79).

⁹² Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, № 341, л. 88.

В 1906 г. Кон был вновь арестован в Варшаве за революционную деятельность, но ему удалось бежать за границу. Он поселился в Галиции. Здесь он глубоко изучал марксизм, работал над историей революционного движения в России. В то же время он не оставлял занятий этнографией. В газете «Львовский курьер» был опубликован его рассказ «В якутской юрте». В рабочих клубах Дрогобыча он читал курс лекций о первобытном обществе, широко используя свои этнографические познания⁹³. Тогда же ему удалось обработать часть материалов, собранных в Засаянской экспедиции. «Не до обработки материала тогда было! — вспоминает он. — Очутившись в 1907 году в эмиграции без копейки денег, я должен был много работать, чтобы просуществовать, для обработки материала оставалось времени немного, и я успел обработать лишь часть материала об Усинском пограничном округе, которая так в неоконченном виде и была напечатана»⁹⁴. Ее опубликовал в 1914 г. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества⁹⁵. В предисловии к книге известный сибиревед Н. Н. Козьмин отмечает, что из материалов, собранных Коном, многое осталось неразработанным; тем не менее, учитывая большую ценность подготовленной их части и в надежде получить от Кона позднее остальное, работу было решено напечатать⁹⁶.

Книга открывается естественноисторическим очерком. В нем даны сведения по географии Усинского округа, занимавшего южную часть Енисейской губернии и граничащего на севере и северо-западе с Минусинским уездом, а на востоке, юге и юго-западе — с Урянхайской землей (Тувой).

В книге подробно рассмотрена история взаимоотношений России с Тувой. Кон пишет о русских посольствах к алтын-ханам, владевшим Тувой в XVII в., приводит важные выдержки из документов того времени, характеризующих деятельность этих посольств, в частности документ о присяге алтын-хана в 1634 г. в подданстве России.

Большое внимание в книге уделено истории заселения долины р. Усы русскими старообрядцами и путям сообщения между Тувой и Минусинском. Кон описывает хозяйство и быт русского населения двух сел Верхне-Усинского и Нижне-Усинского, рассматривает состояние там земледелия, скотоводства, звероловства, рыболовства, пчеловодства, торговли и извоза⁹⁷.

Выводы Кона в очерке «Усинский край» основывались главным образом на полевом материале и большом количестве архивных источников, изученных им в Усинском пограничном управлении.

Осенью 1914 г. Кон переехал в Швейцарию, в Цюрих, где встречался с В. И. Лениным и Н. К. Крупской (Кон руководил Бюро эмигрантских касс, Н. К. Крупская была секретарем Бюро)⁹⁸. В мае 1917 г. Кон возвратился в Россию. Мы не касаемся в нашей статье партийной, государственной и литературной деятельности Ф. Я. Кона в 20-е и 30-е годы.

Рассмотрим лишь вышедшую в 1934 г. работу «Экспедиция в Сойотию», составляющую третий том сочинений Кона, объединенных общим названием «За пятьдесят лет»⁹⁹. Книга включает следующие основные разделы: «„Суд и наказание у сойотов“, „Верования сойотов“, „Шаманизм“, „Охота

⁹³ Устное сообщение автору дочери Ф. Я. Кона — Лидии Феликсовны Кон. Автор пользуется случаем принести ей глубокую благодарность.

⁹⁴ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. III, стр. 220.

⁹⁵ Ф. Кон. Усинский край. Записки Красноярского подотдела ВСОРГО. Записки по географии, т. II, вып. II. Красноярск, 1914. См. также рецензию на эту книгу В. А. Ватина. «Сибирский архив», 1915, № 10, стр. 483—488.

⁹⁶ Там же, стр. 12.

⁹⁷ Там же, стр. 101, 111.

⁹⁸ Н. К. Крупская. Указ. соч., стр. 25.

⁹⁹ Книга иллюстрирована фотографиями, выполненными Ф. Я. Коном.

и рыболовство“, „Скотоводство“, „Земледелие“, „Ремесла“, „Игры и развлечения“, „Народные празднества“, „Отношение к женщине, брак и семья“, „Беременность, роды и уход за ребенком“, „Род (клан)“, „Административное управление“, „Подати и поборы“, „Жилище и его принадлежности“, „Одежда и наряды“, „Пища и питье“, „Народное творчество“.

Книга эта явилась обобщением материалов экспедиции в Туву, но написанная в очерковой форме и рассчитанная на массового читателя, она не содержит некоторых весьма ценных специальных этнографических сведений, имеющихся в дневнике и в описаниях к этнографическим коллекциям.

Прежде всего нужно отметить, что вся книга Кона проникнута глубоким уважением к тувинскому народу, сочувствием к его тяжелому положению в дореволюционное время¹⁰⁰.

Большое место в книге отведено верованиям. Кон пишет о развращенности и паразитизме ламаистской верхушки. О высшем духовном чине Тувы — «гегене» он пишет: «Несмотря на то, что этот „геген“, парень лет 30-ти, был пьяницей, развратником, самодуром, ему воздавались божеские почести»¹⁰¹. Большое место занимает в книге описание взаимоотношений буддизма и шаманизма. Приведены интересные примеры приспособления буддизма к шаманизму. Хотя буддизм считался официальной религией, шаманизм во многих районах Тувы сохранял свою силу. Кон подробно рассказывает о встречах с шаманами и приводит описание камлания¹⁰².

В дневнике сохранилась очень любопытная неопубликованная запись, дополняющая сведения, приведенные в книге: «Зашел шаман. Слов камлания не помнит. Перечислил только духов, к которым обращается. Он, по его словам, из плохоньких шаманов, но все же надеется, что дар камлания лет через 7 перейдет на одну из двух его дочерей. У хорошего шамана этот дар передается через 3 года. Если хам (шаман. — С. В.) бездетный, то подвластные ему духи переходят только через 3 или 7 лет на другого шамана. Хороший шаман может еще при жизни передать дар камлания другому. Он так и перегоняет к нему своих духов... У тоджинцев мужчина шаман носит название джаран, женщина утуган. Первыми шаманами в Тоджинской земле были Сарых-хам и Сэвэн-хам. Сделались они шаманами на 15—16 году жизни... Первоначально шаманили при помощи даяка (жезл. — С. В.), потом завели и бубен»¹⁰³. Эта запись в какой-то мере отражает действительный исторический процесс развития шаманства в Сибири, где жеzl как атрибут камлания, по всей вероятности, предшествовал бубну. В XIX — начале XX в. шаман обычно начинал свою деятельность, имея только жеzl и лишь позднее получал бубен.

Несомненный интерес представляет и вывод Кона о том, что «есть среди шаманов вполне сознательные обманщики, пользующиеся темнотой и невежеством населения, но в большинстве случаев, по моим наблюдениям, шаманы — это люди больные, нервные, страдающие галлюцинациями, приводящие себя в сомнамбулическое состояние»¹⁰⁴.

Как известно, в Сибири широко распространены легенды о сверхъестественных способностях шаманов, о их «чудесах». Кон правильно подметил, что подобные рассказы — обычно плод фантазии темных людей¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. III, стр. 49.

¹⁰¹ Там же, стр. 53. Небезынтересно отметить, что до революции в Туве было 22 монастыря (хурэ), насчитывавших около 4 тыс. лам.

¹⁰² Там же, стр. 67—87.

¹⁰³ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42, л. 74.

¹⁰⁴ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. III, стр. 68.

¹⁰⁵ Там же, стр. 70.

Кон первым из исследователей обратил внимание на различия в шаманстве у западных и восточных тувинцев. «Кемчикские шаманы охотятся за духами, бегают и прыгают по юрте; тоджинские, повернувшись спиной к очагу, не шевелятся с места и сзывают духов громкими отрывочными ударами в бубен, сопровождая эти удары зазывным пением¹⁰⁶. Последующими исследованиями, опиравшимися на эти указания Кона, было установлено, что тувинское шаманство делится на два типа — западное и восточное и что это в свою очередь вызвано историческими особенностями в этногенезе тувинцев¹⁰⁷. Различия между шаманством западных и восточных тувинцев проявляются не только в характере камланий, но и в атрибутах культа, в частности в ритуальной одежде, устройстве бубна, колотушки и др.

Материалы по шаманству, содержащиеся в книге Кона, явились крупным вкладом не только в изучение верований тувинцев, но и шаманства вообще. Кон собрал ценную коллекцию предметов шаманского ритуала, хранящуюся в настоящее время в ГМЭ. Пополняя эту коллекцию, Кон стремился отразить в ней особенности шаманства тувинцев различных районов.

Так, собирая головные уборы шаманов, он приобрел в Тодже характерный для восточных тувинцев шаманский головной убор, состоящий из налобной повязки с перьями по ее верхнему краю, причем на повязке аппликациями из ткани схематично изображено лицо человека¹⁰⁸. В долине р. Хемчика Кону удалось приобрести два увенчанных перьями шаманских головных убора, характерных для Западной Тувы. На одном из них, на налобной повязке пришиты деревянные изображения человеческих лиц, на другом — повязка обшита раковинами каури и монетами¹⁰⁹. Есть в коллекции Кона и такие уникальные вещи, как священная стрела со свистулькой, применявшаяся в ритуальных целях при особом обряде «долга»¹¹⁰, и изображение шаманского духа «амырга-эрен» — владыки змей — в виде пятиголовой змеи из ткани¹¹¹. К редчайшим старинным шаманским принадлежностям относится и привезенный Коном из восточной Тувы «джулан-эрен» (точнее — чылан-эрен) в виде матерчатой ленты, по которой вышиты подшейным оленьим волосом изображения оленей, собак, лошадей, птиц и орнаментальные фигуры¹¹².

В меньшей мере охарактеризована в книге хозяйственная деятельность тувинцев. Кон кратко описывает охоту, рыболовство, скотоводство, земледелие, ремесла. Мало говорит автор и об одежде, жилище, пище. Крайне сжатое и местами весьма фрагментарное изложение вопросов, столь важных для характеристики тувинского хозяйства и культуры, трудно объяснить, так как материалы, которыми располагал автор, позволяли осветить эти вопросы с гораздо большей полнотой. Но и те сведения по хозяйству и материальной культуре, которые привел Кон в своей книге, имеют исключительно большую ценность.

¹⁰⁶ Там же, стр. 78.

¹⁰⁷ См.: С. И. Вайнштейн. Тувинское шаманство. М., 1964, стр. 2—5. Характеристика шаманства в Западной Туве на основе полевых исследований дана в статье: Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя. «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции». М.—Л., 1960, стр. 221—234.

¹⁰⁸ ГМЭ, колл. 650—16. Наряду с изображением такого рода, шаманы у оленеводов имели изображения, вышитые подшейным оленьим волосом.

¹⁰⁹ Там же, колл. 650—14 и 650—15.

¹¹⁰ Там же, колл. 638—63.

¹¹¹ Там же, колл. 650—34.

¹¹² Там же, колл. 650—42.

Кон обратил внимание на процессы положительного влияния русской культуры на хозяйственное развитие Тувы. Он пишет, что в «стене, отделявшей тувинцев от России и родственных им качинцев, сагайцев и других народов, была пробита брешь, и это обстоятельство оказало влияние на культуру тувинцев и их быт»¹¹³. Кон был свидетелем заимствования тувинцами у русских более прогрессивных форм материальной культуры, хозяйства, причем процесс заимствования принимал иногда весьма своеобразные формы. Касаясь транспортных средств, Кон писал: «Ездят обыкновенно только верхом, но у ойнарских сойотов в последнее время стали уже появляться таратайки русского образца, употребляемые во время перекочевков, возки хлеба, соли и пр. Упряжь — у одних заимствованная у русских, у большинства же оглобли привязываются к вьючному седлу, причем на грудь лошади надевают широкий нагрудник. Запряженную таким образом лошадь ведет за повод едущий верхом»¹¹⁴.

Очень любопытно приводимое в книге свидетельство о том, что Россия одевает своими товарами по преимуществу тувинскую бедноту¹¹⁵. Отмечая прогрессивное влияние русской культуры, Кон вместе с тем с возмущением пишет о грабительском характере долговой торговли купцов, о том, что взимавшиеся проценты «могли возрастать до бесконечности. Если в уплату следует корова, то к следующему году она уже возвращается с приплодом. Если долг затягивается на несколько лет, то с должника взыскивается не только весь могущий явиться приплод одной коровы, но и приплод ее потомства. Повышение процента измеряется ростом и размножением скота»¹¹⁶.

Рассматривая роль охоты в жизни тувинцев, Кон приходит к выводу, что она имеет второстепенное значение у всех групп, кроме оленеводов, у которых охотничий промысел составляет основу хозяйственной деятельности¹¹⁷. Кон описывает приемы охоты на различных животных — зайца, белку, соболя, марала, лисицу, волка, медведя¹¹⁸. К сожалению, остались не упомянутыми сохранявшиеся у тувинцев, в особенности у восточных, облавные охоты на копытных, представляющие большой этнографический интерес¹¹⁹. Из орудий охоты и рыболовства в книге дано лишь краткое описание самострела и стрел к нему. Коллекция Кона содержит также стрелы к луку, которые во время экспедиции уже вышли из употребления¹²⁰. Интересные наблюдения о промысловом культе¹²¹, приведенные в разделе об охоте и рыболовстве, значительно дополняют сведения Кона о верованиях тувинцев. Большую ценность имеют сведения, приводимые об обычаях коллективного раздела охотничьей добычи¹²².

Характеризуя приемы рыбной ловли, Кон отмечает влияние русской культуры: «По Енисею же заметны и следы русского влияния: выделывают лодки, лучат по образцу русских, ловят неводами, ставят сети, запирают реки, раскладывают огонь на косах»¹²³.

¹¹³ Ф. К о н. За пятьдесят лет, т. III, стр. 167.

¹¹⁴ Там же, стр. 168.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же, стр. 219.

¹¹⁷ Там же, стр. 88.

¹¹⁸ Там же, стр. 88—97.

¹¹⁹ См.: С. И. В а й н ш т е й н. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961, стр. 46—47.

¹²⁰ ГМЗ, колл. 635—16, 635—17, 635—18. В. И. Дулов писал (Указ. соч., стр. 100): «Луки (тувинцев.— С. В.) делались различных размеров из лиственного дерева, стрелы имели железные наконечники, но не имели оперенья». Стрелы в коллекции Кона свидетельствуют об ошибке Дулова — все стрелы имеют оперение. К тому же наконечники были не только железными, но и деревянными и роговыми.

¹²¹ Ф. К о н. За пятьдесят лет, т. III, стр. 89, 96.

¹²² Там же, стр. 97—98.

¹²³ Там же, стр. 99.

К сожалению, глава о скотоводстве, которое для большинства тувинцев составляло основу хозяйственной деятельности, одна из наиболее кратких. Относительно подробные сведения приведены лишь о коневодстве¹²⁴. Следующая глава, в которой автор рисует картину состояния земледелия, свидетельствует об отсталости этого вида хозяйства в Туве, хотя и здесь начинало сказываться положительное влияние русской культуры. «В последнее время жнут по преимуществу русскими серпами («хадыр»). Ранее жали либо обыкновенными ножами, насаженными перпендикулярно на палку, либо, наконец, серпами, по форме напоминающими русские, но более короткими и менее изогнутыми. Местами хлеба не жнут, а выдергивают с корнем»¹²⁵.

Глава о ремеслах небольшая, но насыщенная материалом. Характеризуя кузнечество, которое считалось «самым почетным ремеслом», Кон отмечает, что когда кузнец работал, а в юрту входил чиновник, мастер не должен был отрываться для его приветствия — «работа кузнеца старше»¹²⁶. Кон пишет о тонком художественном вкусе и большом мастерстве кузнецов. Ему пришлось видеть конские удила с псалями в форме конских голов, таганы, украшенные бараньими головами, и другие образцы художественной обработки металла тувинскими мастерами. Кон первый из этнографов описал сохранившийся у тувинцев долины Хемчика древний способ литья по выжигаемой деревянной модели. Подробно описывает Кон кузнечные принадлежности, отмечая среди них заимствованные у русских. Кон указывает также, что один из двух типов мехов, употребляемых тувинскими кузнецами, очень сходен с якутским¹²⁷.

Кратко характеризуя народное искусство тувинцев, Кон допускает ошибку, полагая, что тувинский орнамент «заимствован у монголов и китайцев»¹²⁸. В действительности наряду с заимствованными формами узоров у тувинцев имеется самобытный орнамент, особенно хорошо сохранившийся на изделиях из войлока и кожи, а также в резьбе на деревянной утвари. Более или менее сильное влияние монгольского искусства сказалось главным образом в росписи на сундуках. Непосредственное влияние китайского искусства значительно слабее монгольского¹²⁹. К сожалению, в книге оказался совершенно не упомянутым такой интересный и своеобразный вид народного прикладного искусства, как вырезывание силуэтных фигурок из бересты, распространенный у восточных тувинцев. Впрочем, в коллекции Кона этот вид искусства представлен многочисленными образцами, собранными им у тоджинцев¹³⁰.

В своих экспедиционных исследованиях Кон стремился не только фиксировать этнографические явления, которые он имел возможность наблюдать, но и по возможности устанавливать их происхождение и развитие. В книге имеются многочисленные примеры исторического подхода к этнографическим фактам.

Характеризуя одежду тувинцев, Кон указывает, что костюм тувинцев претерпевает те же изменения, какие претерпели все другие стороны их быта. Он пишет, что за 40—50 лет до его экспедиции зимнюю одежду делали не из овчин (овчинные шубы во время экспедиции были во всеобщем

¹²⁴ Там же, стр. 103—105.

¹²⁵ Там же, стр. 107.

¹²⁶ Там же, стр. 109.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же, стр. 111.

¹²⁹ См.: С. И. Вайнштейн. Прикладное искусство тувинцев. «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. XI. Кызыл, 1964, стр. 257—270.

¹³⁰ ГМЭ, колл. 630—114, 630—122 и др. Коллекция включает реалистически выполненные изображения оленей, лошадей, косули, всадника, едущего на олене и др.

употреблении у скотоводов), а из козлиных шкур¹³¹. Кон отмечает, что «покрой женской шубы еще недавно был тождественен с покроем шубы качинок, подол шубы изнутри стягивался в сборки протянутыми жилами; теперь об этом знали лишь дряхлые старухи. Такие шубы исчезли, и их сменили шубы монголо-бурятского покроя»¹³². Этот вывод Кона имеет существенное значение для изучения культурной истории Тувы, свидетельствуя о том, что проникновение сюда монгольского влияния особенно усилилось в XIX в. и что до этого одежда тувинцев заметно отличалась от монгольской.

В «Экспедиции в Сойотию» кратко описан покрой одежды скотоводов, чиновников и лам. Автор отмечает существование социальных различий в одежде тувинцев, указывая, что в костюме отражается зажиточность, что в то время как богатые носят одежду из дорогих тканей, беднякам недоступно даже ношение бязевой рубахи¹³³.

Характеристика одежды, данная Коном в книге, может быть значительно расширена по материалам его этнографических коллекций. Позволю себе на примере главы об одежде показать, в какой степени коллекции Кона более широко и детально отражают материальную культуру тувинцев.

Касаясь головных уборов, автор ограничивается сообщением, что ими служила «мерлушечья шапка, крытая сверху бязью»¹³⁴. В коллекциях же Кона есть различные типы головных уборов тувинцев, в том числе «халбак-торт» (калбак пёрт. — *С. В.*): «Шапка из черной мерлушки, околыш скроен с наушниками, спускающимися до подбородка (длина 24 см), полукруглым налобником и прикрывающим шею позатыльником (ширина 17 см). Налобник и наушники в теплую погоду заворачиваются кверху и образуют отдельный околыш. В этом случае концы наушников завязываются на верху шапки, если околыш спущен, наушники в случае надобности завязываются под подбородком, а налобник закрывает лоб. Околыш подшит коричневой бязью, круглый куполообразный верх — красной бязью. На макушке четырехугольная заплаточка (зеленая), к середине которой пришита пищечка. К позатыльнику пришиты два красных лоскутка с заостренными концами (длина 18 см)»¹³⁵. В коллекции представлены также другие варианты шапок этого типа — мужские и женские¹³⁶, в том числе шапка богатых скотоводов «кыш пёрт», обшитая цветным шелком, с большим околышем и двумя красными чесучевыми лентами (длина 43 см)¹³⁷. В числе ламских головных уборов имеется своеобразный беличий капор¹³⁸. Коллекция включает несколько головных уборов восточных таежных тувинцев. Среди них «элик-бажы пёрт» — шапка из шкуры с головы косули мехом наружу¹³⁹; сходная с ней по покрою «пур-бажы пёрт» из шкуры с головы лося¹⁴⁰ и «аннай-кудер пёрт»¹⁴¹ из шкур с голов двух косуль — взрослой и детеныша. В коллекции Кона имеются также уникальные, вышедшие из употребления еще в конце XIX в., своеобразные женские свадебные головные уборы — накидки «баштанга»¹⁴² и «тума-

¹³¹ Ф. К о н. За пятьдесят лет, т. III, стр. 167.

¹³² Там же.

¹³³ Там же, стр. 168.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ ГМЭ, колл. 439—5.

¹³⁶ Там же, колл. 439—16, 439—58, 439—80 и др.

¹³⁷ Там же, колл. 439—75.

¹³⁸ Там же, колл. 439—35.

¹³⁹ Там же, колл. 454—5, 454—7.

¹⁴⁰ Там же, колл. 454—6.

¹⁴¹ Там же, колл. 454—8.

¹⁴² Там же, колл. 439—69. «Баштанга — женский головной убор из светло-малинового полутельца. Сшит из двух продольных половин, имеющих форму непра-

лай», причем последние два экземпляра — один из западных, другой из восточных районов¹⁴³. Баштанга и тумалай, украшенные драгоценностями, хранили в семье как признак богатства. Кон записал в дневнике о своем впечатлении от посещения юрты чиновника: «Юрта прекрасно меблирована... Хозяйка показала свою баштанга и тумалай. Оба этих головных убора убраны такими крупными кораллами, что сотни рублей стоят. Затем мне показали пару серег серебряных с такими крупными кораллами, каких мне не приходилось видеть»¹⁴⁴.

Материалы Кона о головных уборах тувинцев тем более ценны, что последующие исследователи Тувы не имели уже возможности изучить традиционные головные уборы. Так, участница Тувинской экспедиции Института этнографии АН СССР В. П. Дьяконова пишет: «О головных уборах тувинцев можно сказать очень мало. Национальные головные уборы полностью исчезли из обихода»¹⁴⁵.

Характеристика верхней одежды дана в книге на примере краткого описания овчинной шубы «ойтон» (ой-тон.— С. В.)¹⁴⁶. В коллекциях Кона представлены различные виды верхней одежды тувинцев, как, например, упомянутый выше «ой-тон», который носили только весной и осенью¹⁴⁷, «терлик-тон» — матерчатый летний мужской халат¹⁴⁸ и «джирик-тон» (чирик-тон.— С. В.) — мужской матерчатый халат своеобразного покроя с разрезами по бокам в подоле, о котором говорится как о «летнем костюме тоджинца, вышедшем из употребления»¹⁴⁹.

В коллекциях представлены также такие виды верхней одежды, как «чолдак-тон»¹⁵⁰, «чагы»¹⁵¹, «хурмэ»¹⁵² и др.

Весьма краткие сведения даны в рассматриваемой главе и об обуви: «„Идик“ — обувь, с поднятым носком, обыкновенно на кошемной подкладке, на толстой подошве, снизу кошемной, внутри камышевой»¹⁵³. Коллекции дают также гораздо более полное представление об обуви. В них имеются «бышкак идик» — сапоги, сшитые из камысов косули¹⁵⁴, оленя¹⁵⁵, лося¹⁵⁶, а также иные виды обуви¹⁵⁷ и войлочные чулки¹⁵⁸, штаны из шкур¹⁵⁹.

Отмечая в числе необходимых принадлежностей костюма нож, огниво, трубку, табакерку, щипчики для выдергивания бороды и игольник (у женщин)¹⁶⁰, Кон ничего не говорит в книге о поясной пряжке «терги», входящей еще к древнетюркскому времени, образцы которой имеются в

вильных полуovalов. На темени оставлено отверстие, обшитое двумя рядами красных бус... Верхний край покрывала обшит двумя рядами красных бус и ниже их — выпуклыми оловянными пластинками с шариками внизу».

¹⁴³ Там же, coll. 439—68 (приобретен в Западной Туве) и 454—22.

¹⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42, л. 93.

¹⁴⁵ В. П. Дьяконова. Материалы по одежде тувинцев. «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. I. М.—Л., 1960, стр. 263.

¹⁴⁶ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. III, стр. 168.

¹⁴⁷ ГМЭ, coll. 439—1.

¹⁴⁸ Там же, coll. 454—19.

¹⁴⁹ Там же, coll. 454—20.

¹⁵⁰ Там же, coll. 454—2.

¹⁵¹ Там же, coll. 454—1.

¹⁵² Там же, coll. 454—3.

¹⁵³ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. III, стр. 168.

¹⁵⁴ ГМЭ, 454—10, 10 об.

¹⁵⁵ Там же, 454—11.

¹⁵⁶ Там же, 454—13.

¹⁵⁷ Там же, 439—6, 439—28 и др.

¹⁵⁸ Там же, 439—7, 439—75.

¹⁵⁹ Там же, 454—15, 454—16.

¹⁶⁰ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. III, стр. 169. Эти вещи имеются в коллекции (454—43, 439—40, 439—10, 454—61, 439—8 и др.).

коллекциях¹⁶¹. К давно исчезнувшим интересным принадлежностям костюма тувинского охотника, имеющимся в коллекциях, относится пояс из шкуры косули, который выкраивали и носили вместе с копытами¹⁶².

В сравнительно небольшой главе о жилище и его принадлежностях большую ценность имеют отмеченные Коном социальные различия в аале тувинцев. Не останавливаясь на описании юрты, которая, по мнению автора, аналогична монгольской, он подчеркивает, что в «убранстве юрты огромную роль играет зажиточность юртохозяина»¹⁶³.

В главе «Пища и питье» Кон пишет главным образом об особенностях приготовления молочных блюд, которые имели очень важное значение в питании тувинцев. Нельзя не отметить при этом одну неточность автора. Он считает, что простокваша тувинцам не известна¹⁶⁴. В действительности своеобразная простокваша «тарак», приготовляемая из коровьего и овечьего молока, — один из любимых напитков тувинцев. Ничего не сказано в главе и о другом распространенном в Туве молочнокислом напитке «хойтпак», а также о молочном вине «арага»¹⁶⁵.

Более подробно и очень живо описаны Коном игры и развлечения, народные празднества, народное творчество. Специальная глава посвящена отношению к женщине, браку и семье. О положении женщины в семье Кон пишет, что оно находилось в «строгой зависимости от зажиточности и положения, занимаемого мужем. В богатых семьях жена ничего не делает, если не считать делом покрикивание на разбаловавшихся детей или мелкой работы по дому; в бедных семьях женщина была завалена работой до усталости, до изнеможения»¹⁶⁶. Представляет интерес описание некоторых обрядов тувинской свадьбы¹⁶⁷.

Кон был первым ученым, пытавшимся на основе полевых этнографических материалов решить вопрос о характере социальных отношений у тувинцев в начале XX в. В позднейших работах, посвященных социальным отношениям тувинцев, в особенности в книге Дулова, Кону приписывалось мнение, что тувинское общество в начале XX в. было доклассовым¹⁶⁸. При этом Дулов высказывает предположение, что на Кона оказали значительное влияние сообщения Яковлева и других исследователей о родовых отношениях у тувинцев¹⁶⁹.

Однако внимательное изучение книги Кона и его дневников показывает, что с такой оценкой взглядов Кона нельзя согласиться.

Кон действительно придавал важное значение изучению пережитков родовых отношений. Он писал: «Целый ряд сбивчивых сведений о роде у сойотов, появившийся в печати до моей экспедиции, заставил меня с особенной тщательностью заняться этим вопросом»¹⁷⁰. В результате своих исследований Кон пришел к выводу, что основные атрибуты родового

¹⁶¹ ГМЭ, 439—42. (Терги — медная пряжка, состоящая из двух половинок, соединенных на шарнирах. Лицевая сторона орнаментирована. Нижняя половина шире верхней. К верхней половине прикреплен ременная петля, через которую продевается пояс).

¹⁶² Там же, 439—98.

¹⁶³ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. III, стр. 165.

¹⁶⁴ Там же, стр. 172.

¹⁶⁵ Пища тувинцев, в том числе молочная, подробно описана в литературе позднейшими исследователями. См.: Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя. «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции». М.—Л., 1960, стр. 176—195; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы, стр. 104—106.

¹⁶⁶ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. III, стр. 137.

¹⁶⁷ Там же, стр. 130—133.

¹⁶⁸ В. И. Дулов. Указ. соч., стр. 13.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Ф. Кон. За пятьдесят лет, т. III, стр. 143.

стройка у тувинцев не сохранились, что можно говорить лишь о больших или меньших его пережитках. Кон пишет: «В старину род («сумо»¹⁷¹) в лице патриарха решал судьбу всех членов рода, а члены рода отвечали друг за друга. Существовала и кровная месть. Во время моей экспедиции все это сохранилось лишь как легенда»¹⁷². Касаясь родовых делений, Кон отмечал, что во время его экспедиции «административное деление настолько переплеталось с родовым, что одно от другого было весьма трудно отделить»¹⁷³.

Вместе с тем Кону удалось выявить и описать ряд остаточных явлений родовых отношений у тувинцев. Например, сохранение родовых названий у некоторых групп, пережитки экзогамии («брак в пределах клана допускался лишь при условии, что родство со стороны отца не ближе восьмого колена»), обычай коллективного раздела некоторых видов охотничьей добычи, добрая половая свобода девушек. Особенно сильны были, по мнению Кона, пережитки родовых отношений у восточных тувинцев-оленов, где в обычае «уджа» (ужа.— *С. В.*) при распределении охотничьей добычи сохранялись «остатки первобытной коммуны»¹⁷⁴. Однако тут же Кон подчеркивает, что «это пережиток старины»¹⁷⁵.

Но наряду с описанием пережитков родовых отношений Кон, на что мы уже указывали выше, обращал пристальное внимание на факты социального расслоения в тувинской среде, на резкое имущественное неравенство тувинцев и в жилище, и в одежде, и в пище. Характеризуя тувинский улус, Кон пишет: «При въезде в улус сразу бросается в глаза одна юрта больше и как бы прочнее остальных. Это юрта богача, от имени которого улус получил название. Возле такой юрты ютятся три, четыре, редко больше, юрты бедняков, пользующихся лошадьми и рогатым скотом богача по мере нужды и являющихся (по мере потребности в них) пастухами табунов „бай кизи“ (богача) или его „эджим“ — товарищами-слугами»¹⁷⁶. В своем дневнике Кон высказал мнение, что такие отношения основаны на «взаимопомощи»¹⁷⁷. Этим, видимо, Кон хотел подчеркнуть ту сторону отношений в улусе, при которой эксплуатация, в собственном смысле слова, тщательно прикрыта патриархально-родовыми формами взаимопомощи.

Было бы ошибкой думать, что Кон мог считать общество, где одновременно существовали непомерное богатство и роскошь одних и ужасающая бедность других людей — доклассовым обществом с родовым строем.

Кон фиксировал не только социальное расслоение в тувинской среде, но и отмечал социальные противоречия, свойственные классовому обществу. Так, в дневнике Кона сохранилась запись о том, что по правому притоку Енисея, ниже Чаа-Холя, живут тувинцы различных сумонов, образовавшие там «нечто вроде Запорожской сечи. Это удалые добрые молодцы, бежавшие от преследования своих властей и скрывающиеся там в горах. Ни один чиновник не решается туда приехать, и они благодаря этому не вносят никакого албана»¹⁷⁸.

В целом же, характеристика общественного строя в Туве, данная Коном, близка к той, которая в позднейших трудах советских ученых получила название патриархально-феодальных отношений¹⁷⁹.

¹⁷¹ Род у тувинцев назывался сёёк. Здесь Кон допускает неточность.

¹⁷² К. О. н. За пятьдесят лет, т. III, стр. 146.

¹⁷³ Там же, стр. 143.

¹⁷⁴ Там же, стр. 97. Этот обычай был мною специально рассмотрен в статье «Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX — нач. XX в.). СЭ, 1959, № 6.

¹⁷⁵ Там же, стр. 98.

¹⁷⁶ Там же, стр. 165.

¹⁷⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 135, оп. 1, № 42, л. 267.

¹⁷⁸ Там же, л. 275.

¹⁷⁹ Л. П. Потапов. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников. КСИЭ, 1947, III, стр. 66—69; В. И. Д у л о в. Указ. соч.

Революционный опыт и знания Кона после победы Октябрьской революции оказались необходимыми для большой партийной и государственной работы, и он не смог продолжить свои этнографические научные изыскания. Но до последних дней жизни Кон сохранял глубокий, возникший еще в юные годы интерес к этнографии и национальным проблемам.

В заключение хотелось бы отметить, что нельзя до конца понять деятельность Кона-этнографа в отрыве от всей его жизни революционера-борца, нашедшего силу в тяжелейших условиях политической ссылки заниматься научными исследованиями. Это был не только гражданский подвиг, но и высокий подвиг ученого. Стойкость пролетарского революционера Ф. Я. Кона, которого не смогли сломить двадцатилетняя каторга и ссылка, служит примером для многих поколений революционеров во всем мире. В связи с этим нельзя не вспомнить слова Георгия Димитрова, который писал: «Пример необычайной стойкости, большевистской выдержки и беспредельной верности революционному делу, которые товарищ Феликс Кон — этот ветеран пролетарской революции, и множество других старых русских политкаторжан показали, вдохновляя и окрыляя меня в фашистской тюрьме и перед Лейпцигским судом., вдохновляет тысячи и тысячи революционных борцов в капиталистических странах»¹⁸⁰

В историю отечественной этнографии Кон вошел как ученый-революционер, как крупный исследователь народов Сибири.

¹⁸⁰ В. С. Неволлина. Феликс Яковлевич Кон (к 100-летию со дня рождения). «Вопросы истории КПСС», 1964, № 5, стр. 77.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АЖ — Антропологический журнал
АИЭ — Архив Института этнографии АН СССР
АН — Академия наук (для дореволюционного времени)
АН СССР — Академия наук СССР
ВГО — Всесоюзное географическое общество, или Географическое общество Союза ССР.
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЛМ — Государственный Литературный музей
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГПБ АН УССР — Государственная Публичная библиотека АН Украинской ССР.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЖС — Живая старина
ИА — Институт антропологии
ИНА — Институт народов Азии АН СССР
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОЕ — Общество естествоиспытателей при Казанском университете
ОЛЕ — Общество любителей естествознания при Московском университете.
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук.
РАЖ — Русский антропологический журнал
РАО — Русское антропологическое общество
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская антропология
СЭ — Советская этнография
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЭО — Этнографическое обозрение.
ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив Украинской ССР
ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
<i>М. К. Азадовский.</i> Значение Географического общества в истории русской фольклористики	5
<i>В. Ф. Горленко.</i> Комиссия для описания губерний Киевского учебного округа	18
<i>Р. С. Липец, Т. С. Макашина.</i> Роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации русской этнографической науки	39
<i>И. М. Колесницкая.</i> Народное поэтическое творчество как исторический источник в исследованиях 50—60-х годов XIX в.	61
<i>В. Е. Гусев.</i> «Историческая школа» в русской дореволюционной фольклористике (проблематика и методология)	82
<i>В. П. Алексеев.</i> История краниологии народов Восточной Европы и Кавказа	106
<i>А. Д. Соймонов.</i> К истории собрания П. В. Киреевского (роль братьев Языковых в его создании)	124
<i>Э. В. Померанцева.</i> Новые страницы воспоминаний Ф. И. Буслаева	145
<i>М. Я. Мельц, П. К. Симони</i> — собиратель и издатель русского фольклора	162
<i>Е. И. Коротин.</i> Сборник «Сказки и песни Белозерского края» братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых	182
<i>С. И. Вайнштейн.</i> Феликс Яковлевич Кюн как этнограф	196
Список принятых сокращений	221

